

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

**Редакционная коллегия серии
«История и политические науки»**

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Багдасарян В.Э. — д.и.н., проф., МГОУ;

Воронин С.А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В.В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В.В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В.Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т.В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В.А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф.А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С.А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Сулакшин С.С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А.Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2018. — № 4. — 332 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

———— Issued 5 times a year ————

Series editorial board
«History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S.A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V.V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T.V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V.A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S.A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

S.S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2018. – № 4. – 332 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26139

Index of the series «History and Political Sciences» according to the Union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ КАРЛА МАРКСА

МАРКСИЗМ – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: PRO ET CONTRA. К 200-ЛЕТИЮ КАРЛА МАРКСА	8
Багдасарян В.Э. АКЦИОЛОГИЯ МАРКСИЗМА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ.....	9
Ананченко А.Б. МАРКС И ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ.....	24
Телицын В.Л. О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ МАРКСИЗМА И ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ	36

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Смоленский Н.И., Фукс А.Н. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА ИСТОРИКА В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ	45
Жидкова О.В., Шпаковская М.А. ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАНЦЛЕРА А.М. ГОРЧАКОВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.М. ГОРЧАКОВА)... ..	55
Семенова В.К. НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АВСТРОВЕДЕНИЯ: УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ АВСТРИИ В НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА И.Г. ЖИРЯКОВА (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	70

Всеобщая история

Удодова А.Д. О НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СКИФОВ ЦАРСКИХ.....	83
Николаева Н.А. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ.....	92
Сеничев В.Е. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДАРЕНИЯ МЕЧА В ИСЛАНДСКИХ КОРОЛЕВСКИХ САГАХ	102
Сапунцов А.Л. ГОЛЛАНДСКАЯ ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ	112
Курков Н.В., Вититнев С.Ф. ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ, СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И АМЕРИКАНСКИЕ ТРЕД-ЮНИОНЫ, 1917–1922 ГГ.....	124
Шелудченко Н.П. К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ В 1945–1947 ГГ.....	133
Бабкова И.В. КУБИНСКИЙ РАКЕТНЫЙ КРИЗИС И КОНГРЕСС США.....	145
Печищева Л.А. РОССИЯ – ИНДИЯ: НОВЫЙ «АТОМНЫЙ СОЮЗ».....	151

Отечественная история

Аксютин Ю.В., Соловьев Я.В. А БЫЛ ЛИ ЗАГОВОР? К ПРЕДЫСТОРИИ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	157
Соколов А.С. БОРЬБА ОРГАНОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ	173

Ларионов А.Э., Дворковая М.В. СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	182
Чемоданов А.Н. СОВЕТСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА ПРОТИВ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ЛИТВЕ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	195
Аксютин Ю.В. ВЕНГЕРСКИЙ ПОРОГ ХРУЩЁВА В ГЛАЗАХ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ..	199
Горлов В.Н. ОПЫТ ФРАНЦИИ В РЕШЕНИИ ЖИЛИЩНОГО КРИЗИСА В СССР	213
Суханова Н.И. ОПЫТ РУКОВОДСТВА РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ В СССР В 1970–1980 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬСКОГО И КРАСНОДАРСКОГО КРАЕВ).....	219

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Бышок С.О. ОБРАЗ РОССИИ В РИТОРИКЕ ЕВРОСКЕПТИКОВ СКАНДИНАВИИ.....	229
Долидзе В.М., Туквадзе А.А. ФЕНОМЕН РОССИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ	244
Егоров В.Г. СОВРЕМЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	257
Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С. ЭКОСОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ДЕСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ И ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ИДЕОЛОГИИ «ЗЕЛЕННОГО» ДВИЖЕНИЯ В ФРГ	272
Колесов М.Г. МЕСТО И РОЛЬ НКО КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ	285
Рудаков А.В., Миронов А.Н. ЦЕННОСТИ, ТРАДИЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ	293
Анашкина А.Г. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ БАЛКАН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	303
Мартынова М.Ю., Никипорец-Такигава Г.Ю. ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ-КИТАЙ-ЯПОНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	313

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Панов А.И. НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПОЛИТОЛОГИИ В РОССИИ: ЗАМЕТКИ О III-М СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ	327
---	-----

CONTENTS

ON KARL MARX'S 200TH ANNIVERSARY

MARXISM – YESTERDAY, TODAY, TOMORROW: PRO ET CONTRA. ON 200TH ANNIVERSARY OF KARL MARX	8
V. Bagdasaryan MARXISM AXIOLOGY IN THE CONTEXT OF WORLD HISTORICAL TRENDS.....	9
A. Ananchenko MARX AND THE WORLD HISTORY	24
V. Telitsyn ON THE CONTRADICTIONS OF MARXISM AND THE PECULIARITIES OF MODERN SOCIAL DEMOCRACY	36

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

N. Smolensky, A. Fuks THE PROBLEMS OF THE HISTORIAN'S LANGUAGE IN POSTMODERNISM. ...	45
O. Zhidkova, M. Shpakovskaya THE EVALUATION OF THE CHANCELLOR A.M. GORCHAKOV'S ACTIVITIES BY NATIONAL HISTORIOGRAPHY (TO 220 TH ANNIVERSARY OF A.M. GORCHAKOV'S BIRTH).....	55
V. Semenova AT THE SERVICE OF DOMESTIC AUSTRO-SCIENCE: KEY PROBLEMS OF THE MODERN HISTORY OF AUSTRIA IN THE SCIENTIFIC PUBLICATION OF I.G. ZHIRIAKOV, DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES, PROFESSOR (ON THE OCCASION OF HIS 70 TH BIRTHDAY) ...	70

General History

A. Udodova ON THE EARLY SCYTHIAN HISTORY	83
N. Nikolaeva SOME COMMENTS ON THE INITIAL HISTORY OF CIMMERIANS AND SCYTHIANS ...	92
V. Senichev SYMBOLIC MEANING OF SWORD PRESENTATION IN ICELANDIC KING'S SAGA	102
A. Sapuntsov DUTCH EAST INDIA COMPANY AS A SUBJECT OF THE PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN COLONIAL EXPANSION	112
N. Kurkov, S. Vititnev THE GREAT OCTOBER, SOVIET RUSSIA AND THE AMERICAN TRADE UNIONS, 1917–1922.....	124
N. Sheludchenko ON THE ACTIVITIES OF THE SOVIET MILITARY ADMINISTRATION IN GERMANY IN 1945–1947	133
I. Babkova THE CUBAN MISSILE CRISIS AND THE US CONGRESS	145
L. Pechishcheva RUSSIA – INDIA: A NEW “NUCLEAR ALLIANCE”	151

Native History

Yu. Aksyutin, Y. Soloviev WAS THERE A PLOT? ON THE PREHISTORY OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION	157
A. Sokolov THE STRUGGLE OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION BODIES AGAINST PROFITEERING.....	173

A. Larionov, M. Dvorcovaya SOCIAL COMMUNICATION AND MASS ATTITUDES OF THE WARTIME (ON ARCHIVAL MATERIALS OF NOVGOROD REGION)	182
A. Chemodanov SOVIET COUNTERINTELLIGENCE AGAINST NATIONALIST UNDERGROUND IN LITHUANIA AT THE FINAL STAGE OF THE SECOND WORLD WAR	195
Yu. Aksyutin KHRUSHCHEV'S HUNGARIAN THRESHOLD IN THE EYES OF THE SOVIET PUBLIC ...	199
V. Gorlov THE FRENCH EXPERIENCE IN SOLVING THE HOUSING CRISIS IN THE USSR	213
N. Sukhanova EXPERIENCE OF GUIDING THE AGRICULTURAL SCIENCE DEVELOPMENT IN THE USSR IN 1970–1980 (ON THE MATERIALS OF STAVROPOL AND KRASNODAR REGIONS) ..	219

SECTION II POLITOLOGY

S. Byshok ON THE IMAGE OF RUSSIA IN THE RHETORIC OF SCANDINAVIAN EUROSCEPTICS	229
V. Dolidze, A. Tukvadze THE PHENOMENON OF RUSSIA IN THE WORLD POLITICS.	244
V. Egorov THE MODERN FINANCIAL CRISIS AND ITS CONSEQUENCES	257
S. Vititnev, N. Kozyakova ECO-SOCIAL RISKS AND DESTRUCTION OF MODERNITY AND COMPREHENSION OF THE PROSPECTS OF HUMAN AND NATURE RELATIONS HARMONIZATION IN THE IDEOLOGY OF THE GREEN MOVEMENT IN GERMANY	272
M. Kolesov NGO'S ROLE AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE CIVIL SOCIETY IN THE REALIZATION OF ANTI-CORRUPTION POLICIES IN THE MODERN STATE	285
A. Rudakov, A. Mironov VALUES, TRADITIONS AND IDENTITY AS A CONCEPTUAL BASIS OF THE POLICY OF RUSSIA.	293
A. Anashkina PROBLEMS OF FOREIGN POLITICAL ORIENTATION OF THE BALKANS IN THE CONTEXT OF MODERN INTEGRATION PROCESSES	303
M. Martynova, G. Nikiporets-Takigawa RUSSIA-CHINA-JAPAN TRIANGLE: PROBLEMS AND PROSPECTS	313

SCIENTIFIC LIFE

A. Panov A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SCIENCE IN RUSSIA: NOTES ON THE III CONGRESS OF THE RUSSIAN SOCIETY OF POLITICAL SCIENTISTS	327
---	-----

К 200-ЛЕТИЮ КАРЛА МАРКСА

МАРКСИЗМ – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: PRO ET CONTRA. К 200-ЛЕТИЮ КАРЛА МАРКСА

В 2018 году исполнилось двести лет со дня рождения Карла Маркса. При любом отношении к марксизму, нельзя не признать Маркса одним из самых величайших мыслителей в истории человечества. Отношение к учению Маркса в советский период было, безусловно, апологетическое, что привело на определенном этапе к догматизации марксизма. В постсоветское время оно сменилось категорическим отрицанием правоты марксизма, высмеиванием и демонизацией Маркса и его последователей. Настало время посмотреть на историческую фигуру Маркса, взвешивая как позитивные, так и негативные составляющие марксистского учения для перспектив развития человечества. Именно в проекции глобальных исторических проекций и предпринимается попытка посмотреть на марксизм, выявить его когнитивные потенциалы через призму вызовов современности.

В условиях кризисных процессов в современном мире все очевиднее проявляется запрос в обращении к творческому наследию Маркса. На марксистской платформе формируются новые общественно-политические движения и направления общественного дискурса. Марксизм предстает в различных обликах, адаптируемых под национальный контекст. В рассмотрении марксизма в проекции его современной актуализации в мире видится важнейшая задача обществоведческих наук на современном этапе. Для России переосмысление феномена марксизма имеет еще и значение как идеологического фактора, связываемого с семидесятилетним советским периодом истории.

Представленные публикации мотивируют на новые дискуссии в отношении Маркса и марксистского учения. Поставленные проблемы ориентируют на формирование широкой научной и общественной повестки осмысления марксизма с учетом накопленных знаний и актуальных вызовов, стоящих перед человечеством в третьем тысячелетии.

УДК 32

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-9-23

АКСИОЛОГИЯ МАРКСИЗМА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ

Багдасарян В.Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается феномен марксизма в проекции макроисторических процессов, связи вызовов и проблем девятнадцатого столетия с актуальной повесткой современности. Делается вывод о возрастании запроса в современном обществе на переосмысление творческого наследия К. Маркса. Представляется дискурсивное пространство марксистских школ, показывается различие в их интерпретации марксизма. Акцентирующе рассматриваются в статье вопросы об отношении марксизма к религии и национальному вопросу. Автором прослеживаются ценностные истоки марксизма в христианской аксиологии. Приводится объяснение через реконструкцию исторического контекста ряда русофобских оценок Марксом российской истории. Основные положения аксиологии марксизма дифференцируются с точки зрения их приемлемости и неприемлемости для проектов будущего в развитии России и мира.

Ключевые слова: Маркс, марксизм, идеология, ценности, развитие, история, общество.

MARXISM AXIOLOGY IN THE CONTEXT OF WORLD HISTORICAL TRENDS

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article examines the phenomenon of Marxism in the projection of macrohistorical processes, the connection of challenges and problems of the nineteenth century with the actual agenda of the present. The conclusion about the increase of request in modern society for reconsideration of K. Marx's creative heritage is drawn. The discursive space of Marxist schools is represented, and the difference in their interpretation of Marxism is shown. The article focuses on the question of Marxism's attitude to religion and the national question. The author traces the value origins of Marxism in Christian axiology. The explanation is given through the reconstruction of the historical context of several Russophobic assessments of Marx's Russian history. The basic provisions of Marxism axiology are differentiated from the point of view of their acceptability and unacceptability for projects of the future in the development of Russia and the world.

Key words: Marx, Marxism, ideology, values, development, history, society.

Современный запрос на марксизм

Крушение СССР преподносилось противниками советской идеологии одновременно и как исторический крах марксизма. Утверждаемая главным образом в либеральном дискурсе неправота К. Маркса, снятие марксистской альтернативы, рассматривалось в рамках общих концептуальных положениях «конца истории» [30]. Особенно активно в антимарксистский дискурс включилась новая российская элита, интеллектуально вышедшая, казалось бы, из того же марксизма [7].

Однако обостряющиеся социальные противоречия в странах мира на фоне разразившегося в 2008 г. экономического кризиса вернули марксизм в мировую дискурсивную повестку. Новый запрос на учение Карла Маркса наглядно продемонстрировала акция «оккупируй Уолл-Стрит», прошедшая под марксистскими лозунгами и с марксистской символикой. С портретами Маркса выходят левые антиглобалисты и альтерглобалисты в странах мира, позиционируемых в качестве развитого капитализма и оплота либеральных ценностей – США, Великобритании, Франции, Германии, Италии [21, с. 4; 34].

При этом марксизм сегодня – не только идеология андеграунда. Коммунистическая партия мало того, что сохранила правящие позиции в Китае, но и вывела его на уровень первой экономической державы мира. По состоянию на начало 2018 г. в 28 странах мира у власти находились политические силы, так или иначе саморепрезентирующиеся в соотнесение с марксистским учением.

Марксизм на современном этапе получил небывалую популярность

в американском обществе, превосходящую его популярность в послевоенный период, когда сенатор Дж. Маккарти объявил об угрозе в США коммунистической революции. Особенно сильны марксистские симпатии среди американской молодежи. Согласно данным опроса Фонда памяти жертв коммунизма, 44% молодых американцев определило себя в качестве приверженцев идей социализма, а еще 7% – коммунизма, что дает в совокупности более половины всех респондентов. При этом сторонники капитализма составили среди американской молодежи – 44%, что крайне мало в соотношении с доминирующими ценностными ориентирами всех предыдущих поколений американцев. Для сравнения, в целом в американском обществе предпочтения распределяются следующим образом: 59% – за капитализм, 34% – социализм, 3% – коммунизм. Существует еще и фашистский сегмент: среди молодежи – 7%, в обществе в целом – 4%. Даже в данных для американского общества в целом показатель, превышающий треть приверженцев левых идеологий, является для США свидетельством происходящей ценностной инверсии [5; 6; 25]. Директор Фонда Мэрион Смит прокомментировала результаты опроса следующим образом: «Среди американцев, рожденных на рубеже столетий, увеличивается количество тех, кто отворачивается от капитализма и склоняется к социализму и даже коммунизму как жизненной альтернативе» [8].

Отражением инверсионных тенденций в политическом процессе внутри США явился феномен Берни Сандерса, боровшегося в 2016 г. за кресло

Президента на праймериз Демократической партии. Он, как известно, хотя и сошел с президентской гонки, но имел все шансы обыграть Хиллари Клинтон. В паре же Трамп – Сандерс шансы кандидата от демократов выглядели бы гораздо более предпочтительными, нежели в паре Трамп – Клинтон. Между тем идейно Сандерс диссонирует со всей предыдущей идеологической обоймой американского президентства. Его воззрения формировались под влиянием трудов К. Маркса и интерпретаций марксизма Э. Фроммом. Сандерс был членом американской партии «Союз свобод», чьим идейным кредо являлись идеологемы социализм, антикапитализм, антиимпериализм. Для иллюстрации приведем идеологически характерные фрагменты выступлений Сандерса:

«По-моему, в нашей стране нет справедливости, когда безработица среди молодежи держится на таких трагически высоких уровнях. Каждый пятый ребенок живет в бедности, а в тюрьмах Соединенных Штатов больше народа, чем в любой другой стране. Экономика подтасована самыми богатыми так, чтобы самые богатые наживались за счет остальных. С 2009 по 2014 год 58% прироста доходов доставались 1% самых богатых» [4].

«Функция правительства – в том, чтобы защищать интересы рабочего класса, людей со средним доходом и уже только потом богатых и обладающих властью. Мы стали слишком фанатичными в превозношении жадности. На обложки журналов мы помещаем миллионеров и забываем полицейских, пожарных, учителей, нянечек... Пора изменить нашу систему ценностей» [22].

«Наш средний класс рушится. Сейчас неравенство в богатстве и доходах сильнее, чем в 1920-х годах... Все, что могут сделать денежные тузы, — это вкладывать невероятные суммы в теле- и радиорекламу, чтобы отвлечь внимание от настоящих проблем, которые стоят перед американцами» [8].

Итак, во главе США мог потенциально оказаться марксист и социалист. Учитывая роль, которую Соединенные Штаты Америки играют в мире, последствия этого для мироустройства способны были оказаться революционными. Все переворачивалось с ног на голову, и США из главного противника социализма периода «холодной войны» превращались бы в этой сценарной проекции в свою противоположность.

Дискредитация К. Маркса на постсоветском пространстве, высмеивание марксистского учения оказалось в разительном противоречии с отношением к этой фигуре в мире в целом. Согласно опросу Би-би-си, – агентство, которое трудно заподозрить в симпатиях к марксизму, – Маркс занял абсолютное первое место при определении величайшего мыслителя второго тысячелетия. На последующих местах расположились: Эйнштейн, Ньютон, Дарвин, Фома Аквинский, Хокинг, Кант, Декарт, Максвелл, Ницше. Первая позиция Маркса как минимум обязывает к изучению его творческого наследия, блокируемого в современном российском образовании [15].

Марксизм недогматизированный: вариации марксистского учения

Советская линия интерпретация марксизма являлась только одним из направлений, производных от идей

К. Маркса и апеллирующих к его учению. Пространство марксистской, немарксистской и постмарксистской мысли может быть классифицировано по следующим составляющим: бернштейнианство; австромарксизм (К. Каутский, О. Бауэр, К. Ренер); легальный марксизм (П.Б. Струве); люксембургизм; меньшевизм; большевизм, ленинизм; марксистское богостроительство (А.А. Богданов); национал-большевизм, сталинизм; троцкизм; маоизм; идеология «чучхэ» (Ким Ир Сен); будапештская школа (Д. Лукач); франкфуртская школа (Т. Адорно, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер); фрейдомарксизм (В. Райх, Г. Маркузе, Э. Фромм); экзистенциальный марксизм (Ж. П. Сартр, К. Лефер); феноменологический марксизм (Э. Пачи); структуралистский марксизм (Л. Альтюссер); грамшианство; школа «Праксис» (Г. Петрович); философия надежды (Э. Блох); аналитический марксизм (Дж. Коэн); мир-системный анализ (И. Валлерстайн); теология освобождения (К. Торрес); геварризм (Г. Дебре); боливарианство (У. Чавес); постмарксизм (З. Бауман, Ж. Бодрийар, М. Кастельс) [1; 10; 12; 29].

То, что исторически потерпел неудачу один из проектов, основывающихся на теории К. Маркса, не может означать провала всего марксизма. В рамках самого советского проекта были различные подходы в интерпретации К. Маркса, и, очевидно, марксизм горбачевского периода существенно отличался, в частности, от марксизма сталинского периода. Соответственно, если мы говорим о крахе марксистского проекта советского исторического эксперимента, следует уточнить, что речь идет о позднесоветской горбачевской версии марксизма.

Многообразие интерпретаций марксистского учения указывает на заложенный в нем значительный творческий потенциал. Наличие такого потенциала позволяло давать ответы на новые исторические вызовы развития мира и отдельных государств. В первые десятилетия реализации советского проекта марксизм получил, действительно, творческое развитие, выразившись в создание новых направлений марксистского дискурса. Соединение марксизма с задачами государство-строительства, геополитического противоборства капиталистическому миру, цивилизационного российского преломления привело к появлению особой версии марксистской идеологии, обеспечившей на определенном этапе модернизационный прорыв Советского Союза.

Однако далее происходит догматизация марксистского учения. Возник феномен учебного марксизма-ленинизма, новой квазирелигиозной схоластики. Эта догматизация блокировала возможности реагирования на объективно происходящие изменения в мире. Методологическая инверсия установления системы учебного марксизма заключалась в двух основных составляющих по отношению собственно к пафосам учения К. Маркса. Во-первых, это выхолащивание идеи преодоления отчуждения человека, «прыжка в царство свободы». Во-вторых, акцентировка на факторе материальных интересов, положение истмата – «бытие определяет сознание». Устранены оказались, таким образом, идеальные ценностные ориентиры, мотивирующие прежние поколения марксистов-революционеров на великие свершения. Превращение опре-

деляющей роли материальных интересов привело на этапе эпигонов к буржуазному перерождению марксизма. Основной фактически довод противников советской системы на этапе позднего существования СССР как раз и заключался в материальных преимуществах и комфортности для человека западной модели жизнеустройства. Марксизм как антикапиталистическое учение превращается в итоге в свою противоположность, и следующим шагом происходит реставрация капитализма [14].

Марксизм и религия

В действительности экономическое учение К. Маркса, его теория капитала не может быть отделена от общей мировоззренческой модели марксизма. Главным в марксизме являлся вопрос о человеке. Будучи убежденным антихристианином, Маркс идейно развивал христианскую аксиологию и сотерологию. Марксистский антагонизм между трудом и паразитизмом, выражающимся в присвоении результатов труда, являлся частным случаем антагонизма человека подлинного и античеловека, а он, в свою очередь, дихотомии добра и зла. В этом измерении вопросов о добре и зле и целесообразно посмотреть на теорию Маркса и марксистскую социальную практику [11].

Философия раннего Маркса была сосредоточена вокруг темы отчуждения человека. Все прочие разработки – экономические, социальные, социокультурные, являлись преломлением сформулированных в рамках разработки теории отчуждения. Сущность человека, согласно марксистскому учению, исторически оказалась деформирована в результате установления

социальных систем, основываемых на эксплуатации. Происходит отчуждение по четырем онтологическим аспектам: отчуждение человека от процесса труда; отчуждение человека от продукта труда; отчуждение человека от других людей; отчуждение человека от человеческого в себе. В совокупности происходит то, о чем сегодня говорят как о расчеловечивании человека [9].

Маркс абсолютно точно спроецировал происходящий процесс антропологической деградации в будущее, предсказав, живя еще в девятнадцатом столетии, реалии постмодерна. Отчуждение человека от процесса труда выражается сегодня в восприятии труда как принуждения, распространения антитрудовой этики, появлении новых поколений, принципиально не желающих трудиться. Следствием отчуждения от продукта труда является деформированное восприятие создаваемых в результате трудовой деятельности объектов, распространения на этой основе вещиизма, консюмеристской морали и нового антропологического типа – человека-потребителя. Отчуждение от других людей проявляется с усиливающейся очевидностью в социальном распаде, фрагментаризации общества и атомизации человеческого бытия. Наконец, отчуждение от человеческого в себе раскрывается сегодня в личностном распаде, утрате целостности «я», деструкции его на декомпозированные элементы «nickname» [28].

Маркс, как известно, стоял на воинствующих антихристианских позициях. Антихристианство Маркса является одним из узловых положений неприятия его учения со стороны приверженцев традиционных ценностей. Подвергать ревизии взгляды

создателя марксизма на религию бессмысленно, но целесообразно вместе с тем проследить генезис этой позиции. Официальная Церковь в девятнадцатом столетии пребывала в состоянии кризиса. Кризис состоял в усугубляющемся отдалении церковных структур и клира от ценностей и идеалов самого христианства. Религиозная доктрина, собственно евангельское учение вступало в противоречие с актуальной социальной позицией Церкви, фактической легитимизацией мира неравенства. Церковь оказалась инкорпорирована в систему и не выдвигала в отношении нее альтернативы иного жизнеустройства. Она не отвечала на новые вызовы развития человечества, в значительной степени самоустранилась от общественного дискурса. Все это объективно подталкивало к генерированию новых альтернативных форм религиозности.

Этот поиск мог даже в наиболее радикальных проявлениях приобретать различные формы святотатственно-го кощунства и даже сатанизма. Бунт Люцифера против Бога воспевался многими поэтами девятнадцатого века во главе с Джорджем Байроном [35, р. 213.]. Не прошел увлечения темой богоборчества и молодой Карл Маркс. Эпатирующей для христианского сознания являлась его пьеса «Оуланем», прославляющая бунт против Бога [33]. Вычеркнуть это из творческой биографии Маркса означало бы блокировать понимание исходных основ его мировоззренческой рефлексии, связанной с реакцией на вопросы религиозной веры. Идеинный контекст альтернативной религиозности, из сплава которого вышел ранний марксизм, включал следующие компоненты:

- хилиастическое движение, с его установками в духе коммунистического эгалитаризма;

- новую религию, сфокусированную на культе Высшего Разума, официально провозглашенного в период Великой Французской революции;

- различные оккультные сообщества нового времени (масоны, иллюминаты, мартинисты), чье квазирелигиозное учение также подразумевало практику социального преобразования [23].

Маркс, вступая на путь революционной оппозиционности, как минимум не мог быть совершенно дистанцирован от этого контекста. Не исключено, что и свой внешний облик, в соответствии с архетипами новой религиозности, Маркс формировал под образ античного Зевса [3]. Марксистская семиотика обнаруживает вместе с тем перифраз основных компонентов христианской религиозной системы:

- грядущее Царствие Божье – коммунизм;

- утраченный Эдем первозданный – первобытный (пещерный) коммунизм;

- грехопадение – появление института частной собственности;

- падший человек – учение об отчуждении;

- религиозный мессианизм – пролетарский мессианизм;

- Армагеддон – мировая революция;

- мировое зло – буржуазия, буржуазный мир;

- пять мировых царств – пять формаций;

- Церковь – Интернационал.

За внешним воинствующим антихристианизмом марксизма в нем обнаруживалось внутреннее развитие христианской аксиологии. Особенно

наглядно эта преемственность обнаруживалось по фундаментальному для марксизма вопросу распределения общественных благ. Сообразно с марксистской теорией выделялись две стадии развития справедливой распределительной системы, которые в последующей формационной классификации соотносились с формациями социализма и коммунизма. Капиталистическая модель характеризовалась нетрудовым принципом распределения, эксплуатацией человека человеком, присвоением прибавочного продукта. Социалистический принцип был сформулирован словами Ж. Прудона – «от каждого по способностям, каждому по труду», коммунистический – раскрыт Марксом в «Критике Готской программы» – «от каждого по способностям, каждому – по потребностям» [17]. Оба принципа находят соотнесение со словами Нового Завета. «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – слова Второго послания к фессалоникийцам апостола Павла стали девизом социалистической модели распределения. Их провозглашал В.И. Ленин в «Государстве и революции», ссылаясь при этом не на христианские тексты, а на работы К. Маркса [16, с. 5–125.]. Коммунистическая распределительная модель обнаруживает соответствие в апостольском образе жизни. В «Деяниях апостолов» приводится следующая характеристика апостольского общинного устройства жизни: «И великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов: и каждому давалось, в чем кто имел нуж-

ду». Таким образом, по совокупности ценностно-смысловых ориентиров марксизма, он, с одной стороны, оказывался отрицанием христианской традиции, с другой, – развитием идущего от христианства преемственного направления в истории мысли.

Марксизм и развитие

Марксизм привнес свою важную лепту в философию развития, заложив основания одной из альтернатив исторического модерна. Ко времени Маркса сложилось противопоставление идеи развития и духовных ценностей человека. Духовные ценности и солидарность связывались с прошлым, потерянном «золотым веком». Жозеф де Местр и его последователи связывали имманентно прогресс материальный и регресс нравственный, как две стороны одной медали [20]. Хилясты, определяемые в изложении истории марксизма как коммунисты-утописты, различные традиционалисты, руссоисты связывали идеалы духовности и общинности с прошлым. Будущее виделось всем им, либо как окончательная деградация, либо как реставрация прошлого. Марксизм, в противоречие с этими представлениями, устанавливал ориентир духовности и солидаризации не как отрицание, а в качестве финалистской цели общественного развития. Оппонируя либеральной версии модерна, основанной на принципах конкуренции, марксистская версия утверждала возможность соединить высокий уровень развития и солидаризацию. Именно с платформой солидаризационного развития связывался исторический прорыв Советского Союза, и на той стадии эта модель обнаружила преимущества перед конкурентоориентированной

моделью капиталистической версии модерна. Сегодня в ситуации системного кризиса существующей модели мироустройства запрос на альтернативную версию развития, связанную с духовными ценностями и солидаризацией человечества, находится вновь в актуальной повестке. Актуализируется, соответственно, и запрос на переосмысление К. Маркса [24].

Прямой перенос марксистских положений из девятнадцатого в двадцать первый век было бы, безусловно, абсурдом. Маркс оперировал тем материалом, который предоставляла ему современная эпоха. Он многое предвидел в отношении будущего, но не мог объективно предвидеть все. Вне возможности анализа Маркса объективно оказались такие феномены глобальных трансформаций, как:

- ядерное оружие и выход в космос;
- появление политических технологий управления массовым сознанием, в том числе и в глобальном масштабе;
- акционерный капитал, институционализация новых форм собственности, нарушавших классическую марксистскую схему;
- учреждение ФРС, складывание мирового банковского бенефициариата, изменение природы денег, перестающих быть эквивалентом стоимости;
- Интернет, новые сборки социальных сетей;
- робототехника, «умная машина», замещающая человека;
- утрата революционной роли пролетариата, обуржуазивание постпролетарских страт;
- включение ряда национальных сообществ в систему мировой эксплуатации, замещение классовых противоречий стратовыми.

Все эти вызовы нуждаются в адекватном реагировании XXI в. объяснении. Соответственно речь должна идти не о марксистской ортодоксии, а именно о творческом переосмыслении Маркса, с отсеиванием одного и акцентировкой на другом.

Марксизм и национальный вопрос, Маркс и русофобия

Одной из таких компонент исходного марксистского учения, который следует купировать в перспективе будущего общественного развития, следует признать отношение Маркса к национальному вопросу. Время показало, что нации являются более устойчивыми общностями, чем это казалось Марксу. В СССР осознание пробуксовки левомарксистской идеологии с акцентировкой на стирание национальных различий привело к идеологическому повороту середины 1930-х гг. Первым проявлением этого диагноза явилась поддержка немецким пролетариатом в своем большинстве германского нацизма. Обнаружилось, что для немецкого рабочего принцип единства крови важнее принципа пролетарской солидарности. Вторым диагнозом стал «испанский полигон», продемонстрировавший недостаточную функциональность в борьбе с новым врагом левой идеологии. Начало войны убедило окончательно в необходимости обращения к российским цивилизационным ценностям, образам национальных героев русского народа, его традиционной вере. Возвращение к парадигмальным основаниям российской цивилизации и составило содержание правого сталинского идеологического поворота [2].

Провозглашенная в самый критический период военного противостояния фраза «убей немца» звучала уже совершенно в разрыве с марксистской методологией. Чтобы эта фраза нашла, например, отражение на плакате от лица босоногого мальчика, избитого на фоне горящей деревни и убитой фашистами матери – «Папа, убей немца!», – требовалось, очевидно, решение на самом высоком уровне [26].

Разрыв с классическим марксизмом в национальном вопросе вместе с тем не означал полного разрыва с Марксом. Для определения содержания внутренних идеологических реверсов советской истории целесообразно использовать в качестве аналоговой модели диаграмму Дэвида Нолана. Вместо нолановских – ценностных – шкал политической свободы и экономической свободы, были взяты ориентиры ценностных дихотомий – национальная идентичность – космополитизм, равенство – неравенство. Если либерализм соотносился с полюсом фактического неравенства и космополитизма, то фашизм – неравенства и национальной идентичности. Ленинизм (как идеология первой послереволюционной фазы развития советского проекта) связывался с полюсами космополитизма, категориально обозначаемого в качестве пролетарского интернационализма, и равенства. Сталинизм совершал реверс в сторону национальной идентичности, притом что равенство сохранялось в качестве базового ценностного идеала. Таким образом, ленинизм и сталинизм расходились по вопросу о национальной идентичности, имея общность в аксиологии антропологического равенства

человека. Именно в вопросе о равенстве и ленинизм, и сталинизм выступали в качестве альтернативы по отношению к идеологиям либерализма и фашизма с позиции единой для них коммунистической платформы. Таким образом, ценностно-смысловую установку фундаментального антропологического равенства человечества и следует признать ядром марксистского учения, его константой, при возможности вариаций в отношении переменных.

Маркс, как и любой из великих мыслителей, выступал в двух качествах – гения, перешагнувшего свою эпоху, и представителя определенного временного и странового контекста. В этом втором качестве и следует рассматривать феномен русофобии Маркса [27]. Здесь он противоречил себе, отступая от интернационализма, не допускающего, казалось бы, фобий к какому-либо народу. Время Крымской войны, развертывающейся в прямом геополитическом и цивилизационном противостоянии Россия – Запад, заставляло Маркса включиться на стороне «своих» в поток антирусской пропаганды. Именно на этот период и приходится его наиболее радикальные характеристики в отношении России. Типичные матричные положения антирусской исторической мифологии – тезис об имманентном русском рабстве, тезис о врожденном русском империализме обнаруживаются в марксовых сочинениях вполне определенно. Это и есть так называемый «замолчанный Маркс». Именно наличие русофобской компоненты определило решение о приостановке в 1935 г. издания Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Парадоксально,

что в государстве, руководствовавшемся теорией марксизма, труды Маркса никогда не были опубликованы в общем объеме, и часть из них оказалась фактически под цензурным запретом. Одна из наиболее системных работ, излагающих позицию Маркса в отношении исторического опыта России, «Разоблачение дипломатической истории XVIII века» увидела свет на русском языке только в 1989 г. в журнале «Вопросы истории». Приведем некоторые характерные рассуждения автора. Тезис об имманентном русском рабстве иллюстрируется, в частности, следующими теоретическими выкладками: «Колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов. А современная Россия есть не что иное, как преображенная Московия... Между политикой Ивана III и политикой современной России существует не сходство, а тождество – это докажет простая замена имен и дат... Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира» [18]. Представления Маркса о врожденном русском империализме могут быть раскрыты через следующий фрагмент «Разоблачения»: «Для системы местных захватов достаточно было суши, для системы мировой агрессии

стала необходима вода. Только в результате превращения Московии из полностью континентальной страны в империю с морскими границами московитская политика могла выйти из своих традиционных пределов и найти свое воплощение в том смелом синтезе, который, сочетая захватнические методы монгольского раба и всемирно-завоевательные тенденции монгола-властелина, составляет жизненный источник современной русской дипломатии» [18].

Ведутся споры, отошел ли Маркс с течением времени от своих русофобских воззрений, но в любом случае его русофобия является фиксируемым историческим фактом.

Эту сторону воззрений Маркса также следует иметь в виду, рассматривая применимость марксизма для перспектив будущего общественного строительства. Марксизм исторически аккумулировал вокруг себя различные силы, в том числе и определенный сегмент сил русофобии. На рубеже XIX – начала XX вв. русофобия получила основание в следующих положениях марксистского дискурса: Россия в силу своей исторической отсталости не обладает необходимыми условиями для революции; русский народ, крестьянский и мелкобуржуазный в своей основе, не способен построить социалистическое общество; российское государство выступает в качестве одного из главных препятствий мировой социалистической революции [32]. Проходит сто лет, и с позиций ортодоксального марксизма вновь выдвигаются обвинения в адрес России. Теперь уже Россия обвиняется в том, что дезавуировала своим социальным экспериментом, подвергнутым под цивили-

зационные реалии Российского бытия, сущность марксистского учения [13].

Что из марксизма взять в будущее?

Следует провести дифференциацию положений марксистской теории в перспективе формирования мирового проекта для грядущего одухотворенного человечества. Вероятно, должен быть поставлен минус на следующих сторонах ортодоксального марксизма: воинствующий атеизм; классовая диктатура; негативизация традиции; апология революционного насилия; рассмотрение семьи как буржуазного института; нивелирование цивилизационной вариативности; негибкость в установке на ликвидацию любых видов частной собственности, включая крестьянскую собственность; отрицание национального государства; негативизация патриотизма (формула «рабочие не имеют Отечества»); доминанта материального в отношении

идеального; русофобия. Плюс в этой перспективе целесообразно поставить на следующих аксиологических положениях марксизма: труд; неприятие паразитизма и эксплуатации человека человеком; коллективизм; прогресс; равенство; человеческое достоинство; социальность; личностное развитие; нестяжательство; справедливость; свобода духа; научность [19].

Двести лет прошло с рождения Маркса. Этот юбилей является не только основанием отдать дань памяти великому мыслителю и связываемым с его именем проекциям в истории России и человечества. Современная эпоха, с ее глобальными проблемами и кризисами, актуализирует запрос на генерирование новых обществоведческих учений по фундаментальным вопросам общественного бытия, «нового Маркса».

Статья поступила в редакцию 25.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Интер-Версо, 1991. 271 с.
2. Багдасарян В.Э. Октябрь 1917-го. Русский проект. М.: Алгоритм, 2017. 230 с.
3. Басовская Н. Карл Маркс // Эхо Москвы [сайт]. – URL: <https://echo.msk.ru/programs/vsetak/54463/> (дата обращения: 12.07.2018).
4. Берни Сандерс как персонаж Ильи Ильфа // Еврейский мир: газета русскоязычной Америки [сайт]. – URL: <https://evreimir.com/106359/berni-sanders-kak-personazh-ili-ilfa/> (дата обращения: 12.07.2018).
5. Бовдунов А. Новая американская мечта: почему молодёжь США выбирает социализм // RT на русском [сайт]. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/446305-molodyozh-shha-socializm> (дата обращения: 12.07.2018).
6. Большинство молодых американцев выступило за социализм, показал опрос // РИА новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/world/20171104/1508194576.html> (дата обращения: 12.07.2018).
7. Бубнов В.А. Антимарксизм (Критика трудовой теории стоимости К. Маркса или о том, как пролетариат эксплуатирует капиталистов). СПб.: ДЕАН, 2000. 168 с.
8. Герои молодёжи США – Сталин, Ленин, Че Гевара // Фонд стратегической культуры [сайт]. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/12/08/geroi-molodezhi-us-stalin-lenin-che-gevara-45219.html> (дата обращения: 12.07.2018).
9. Горозия В.Е. Проблема отчуждения человека в учении Карла Маркса // Человек. Госу-

- дарство. Глобализация [Выпуск 3]. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 98–117.
10. Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2004. 528 с.
 11. К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1986. 669 с.
 12. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 1622 с.
 13. Кагарлицкий Б.Ю. Реставрация в России. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 376 с.
 14. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать её наука. М.: Алгоритм; Эксмо, 2002. 256 с.
 15. Карл Маркс признан величайшим мыслителем тысячелетия // Факты [сайт]. – URL: <http://fakty.ua/115980-karl-marks-priznan-velichajshim-myslitem-tysyacheletiya> (дата обращения: 12.07.2018).
 16. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Госполитиздат, 1969.
 17. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 9–32.
 18. Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // https://sceptsis.net/library/id_878.html (дата обращения: 12.07.2018).
 19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1–39. Издание второе М.: Издательство политической литературы, 1955–1974.
 20. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 216 с.
 21. Мягков П.А. Теоретические основы трудовой экономии. М.: ИПЦ “Маска”, 2015. 368 с.
 22. На Сандерса не надейся // Рабкор: интернет-журнал [сайт]. – URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2016/02/04/how-the-sanders-campaign-undermines-revolution/> (дата обращения: 12.07.2018).
 23. Обичкина Е.О. Евангелие от Робеспьера // Наука и религия. 1989. № 8. С. 11–16.
 24. Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И. Нравственное государство. От теории к проекту. М.: Наука и политика, 2015. 424 с.
 25. США в ужасе – поколению миллениума по душе социалисты и даже коммунисты // RT на русском [сайт]. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-10-25/Fox-SSHA-v-uzhase> (дата обращения: 12.07.2018).
 26. «Убей немца» в советской пропаганде // История пропаганды [сайт]. – URL: <http://propagandahistory.ru/648/Ubey-nemtsa-v-sovetskoy-propagande/> (дата обращения: 12.07.2018).
 27. Ульянов Н.И. Замолчанный Маркс. Франкфурт-на-Майне: Посёв, 1969. 43 с.
 28. Федюлин А.А., Багдасарян В.Э. Сервис и ценности: вызов консьюмеризма. Москва: Собрание, 2012. 264 с.
 29. Фромм Э. Марксова концепция человека // Научно-просветительский журнал «Скепсис» [сайт]. – URL: https://sceptsis.net/library/id_642.html (дата обращения: 12.07.2018).
 30. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
 31. Чем известен Берни Сандерс // РИА новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/world/20160219/1377153967.html> (дата обращения: 12.07.2018).
 32. Baron S. Plekhanov in Russian history and soviet historiography. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995. 274 p.

33. Early Works of Karl Marx: Book of Verse. Scenes from Oulanem // Marxists Internet Archive [website]. – URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1837-pre/verse/verse21.htm> (дата обращения: 12.07.2018).
34. Gould-Wartofsky M. A. The Occupiers: The Making of the 99 Percent Movement. New York: Oxford University Press, 2015. 272 p.
35. Peter A. Schock, Romantic Satanism: Myth and the Historical Moment in Blake, Shelley and Byron. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2003. 224 p.

REFERENCES

1. Anderson P. Razmyshleniya o zapadnom marksizme. Na putyakh istoricheskogo materializma [Reflections on Western Marxism. On the tracks of historical materialism]. Moscow, Inter-Verso Publ., 1991. 271 p.
2. Bagdasaryan V.E. Oktyabr' 1917-go. Russkii proekt [October 1917. Russian project]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 230 p.
3. Basovskaya N. Karl Marks [Karl Marx] Ekho Moskvyy [sait]. [Echo of Moscow [website]]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/vsetak/54463> (accessed: 12.07.2018).
4. Berni Sanders kak personazh Il'i Il'fa [Bernie Sanders as the character of Ilya Ilf] Evreiskii mir: gazeta russkoyazychnoi Ameriki [sait]. [The Jewish world: newspaper the Russian-speaking America [website]]. Available at: <https://evreimir.com/106359/berni-sanders-kak-personazh-ili-ilfa> (accessed: 12.07.2018)
5. Bovdunov A. Novaya amerikanskaya mechta: pochemu molodezh' SSHA vybiraet sotsializm [The new American dream: why the youth of the United States chooses socialism] RT na russkom [sait]. [RT in Russian [website]]. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/446305-molodyozh-ssha-socializm> (accessed: 12.07.2018).
6. Bol'shinstvo molodykh amerikantsev vystupilo za sotsializm, pokazal opros [The majority of young Americans advocated socialism, the survey showed] RIA novosti [sait]. [News [website]]. Available at: <https://ria.ru/world/20171104/1508194576.html> (accessed: 12.07.2018).
7. Bubnov V. A. Antimarksizm (Kritika trudovoi teorii stoimosti K. Marksa ili o tom, kak proletariat ekspluatiruet kapitalistov) [Anti-Marxism (Criticism of Marx's labor theory of value or about how the proletariat exploits capitalists)]. SPb., DEAN Publ., 2000. 168 p.
8. Geroi molodezhi SShA – Stalin, Lenin, Che Gevara [Heroes are young, U.S. – Stalin, Lenin, Che Guevara] Fond strategicheskoi kul'tury [sait]. [Strategic Culture Foundation [website]]. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2017/12/08/geroi-molodezhi-us-stalin-lenin-che-gevara-45219.html> (accessed: 12.07.2018).
9. Goroziya V.E. Problema otchuzhdeniya cheloveka v uchenii Karla Marksa [The problem of the alienation of a man in the teachings of Karl Marx] Chelovek. Gosudarstvo. Globalizatsiya [Vypusk 3] [People. State. Globalization [Issue 3]]. SPb., Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2005, pp. 98–117.
10. Dmitriev A.N. Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannyya Frankfurtskaya shkola (1920–1930-e gg.) [Marxism without proletariat: Georg lukács and early Frankfurt school (1920s–1930s)]. SPb., Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Letnii sad Publ., 2004. 528 p.
11. Marks i F. Engel's ob ateizme, religii i tserkvi [Marx and Engels on atheism, religion and Church]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 669 p.
12. Kagarlitskii B.Yu. Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya [Marxism: not recommended for learning]. Moscow, Algoritm, Eksmo Publ., 2006. 1622 p.
13. Kagarlitskii B.Yu. Restavratsiya v Rossii [Restoration in Russia]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 376 p.

14. Kara-Murza S.G. Ideologiya i mat' ee nauka [Ideology and science, her mother]. Moscow, Algoritm; Eksmo Publ., 2002. 256 p.
15. Karl Marks priznan velichajshim myslitelem tysyacheletiya [Karl Marx is recognized to be the greatest thinker of the Millennium] Fakty [sait]. [Facts [website]]. Available at: <http://fakty.ua/115980-karl-marks-priznan-velichajshim-myslitem-tysyacheletiya> (accessed: 12.07.2018).
16. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [The state and revolution. The Marxist theory of the state and the tasks of proletariat in the revolution] Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 33 [Lenin V. I. Complete works. Vol. 33]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1969.
17. Marks K. Kritika gotskoi programmy [Critique of the Gotha program] Marks K., Engel's F. Sochineniya. T. 19 [Marx K., Engels F. Compositions. Vol. 19]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, pp. 9–32.
18. Marks K. Razoblachenie diplomaticheskoi istorii XVIII veka // [https](https://sceptsis.net/library/id_878.html) [Exposing the diplomatic history of the XVIII century // [https](https://sceptsis.net/library/id_878.html)] sceptsis.net/library/id_878.html (data obrashcheniya: 12.07.2018). [sceptsis.net/library/id_878.html (date accessed: 12.07.2018)].
19. Marks K., Engel's F., Sochineniya T. 1–39 [1–39]. Second edition Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955–1974.
20. Mestr Zh. de. Rassuzhdeniya o Frantsii [Reasonings about France]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 1997. 216 p.
21. Myagkov P.A. Teoreticheskie osnovy trudovoi ekonomii [Theoretical foundations of labor economy]. Moscow, IPTS "Maska" Publ., 2015. 368 p.
22. Na Sandersa ne nadeisya [There is no hope on Sanders] Rabkor: internet-zhurnal [sait]. [Rabkor: online magazine [website]]. Available at: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2016/02/04/how-the-sanders-campaign-undermines-revolution/> (accessed: 12.07.2018).
23. Obichkina E.O. [The gospel of Robespierre]. In: *Nauka i religiya*, 1989, no. 8, pp. 11–16.
24. Nravstvennoe gosudarstvo. Ot teorii k projektu [Moral state. From theory to project]. Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Vilisov M.V., Netesova M.S., Ponomareva E.G., Sazonova E.S., Spiridonova V.I. Moscow, Nauka i politika Publ., 2015. 424 p.
25. SSHa v uzhase – pokoleniyu milleniuma po dushe sotsialisty i dazhe kommunisty [The US in terror – the millennial generation likes the socialists and even the Communists] RT na russkom [sait]. [RT in Russian [website]]. Available at: <https://russian.rt.com/inotv/2016-10-25/Fox-SSHA-v-uzhase> (accessed: 12.07.2018).
26. «Ubei nemtsa» v sovetskoi propagande [“Kill the Germans” in Soviet propaganda] Istoriya propagandy [sait]. [The history of propaganda [website]]. Available at: <http://propaganda-history.ru/648/Ubey-nemtsa-v-sovetskoy-propagande/> (accessed: 12.07.2018).
27. Ul'yanov N.I. Zamolchannyi Marks [Silenced Marx]. Frankfurt am main, Posëv" Publ., 1969. 43 p.
28. Fedulin A.A., Bagdasaryan V.E. Servis i tsennosti: vyzov kons'yumerizma [Service and values: the challenge of consumerism]. Moscow, Sobranie Publ., 2012. 264 p.
29. Fromm E. Marksova kontseptsiya cheloveka [Marx's concept of a man] Nauchno-prosvetitel'skii zhurnal «Skepsis» [sait]. [Scientific and educational magazine "Skepticism" [website]]. Available at: https://sceptsis.net/library/id_642.html (accessed: 12.07.2018).
30. Fukuyama F. [The end of history?]. In: *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3, pp. 84–118.
31. Chem izvesten Berni Sanders [What is Bernie Sanders known for?] RIA novosti [sait]. [News [website]]. Available at: <https://ria.ru/world/20160219/1377153967.html> (accessed: 12.07.2018).
32. Baron S. Plekhanov in Russian history and soviet historiography. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995. 274 p.

33. Early Works of Karl Marx: Book of Verse. Scenes from Oulanem. In: *Marxists Internet Archive* [website]. Available at: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1837-pre/verse/verse21.htm> (accessed: 12.07.2018).
 34. Gould-Wartofsky M. A. *The Occupiers: The Making of the 99 Percent Movement*. New York, Oxford University Press, 2015. 272 p.
 35. Peter A. Schock, *Romantic Satanism: Myth and the Historical Moment in Blake, Shelley and Byron*. Basingstoke and New York, Palgrave Macmillan, 2003. 224 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan B. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Istria, Political Science and Law of Moscow Region State University;

e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В.Э. Аксиология марксизма в контексте мировых исторических трендов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 9–23.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-9-23

FOR CITATION

Bagdasaryan V. Marxism axiology in the context of world historical trends. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 9–23.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-9-23

УДК 930.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-24-35

МАРКС И ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Ананченко А.Б.*Московский педагогический государственный университет**119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы создания теории исторического процесса на основе марксизма, ее воздействие на появление социально-политических технологий управления историческим развитием. Автором проведен обзор распространенных в социально-исторических исследованиях метаконцепций истории; гносеологических и мировоззренческих проблем, социально-практической необходимости создания современной теории истории и разработки социальных технологий. Анализ практики социальных технологий показал возможность как разрушительного, так и созидательного потенциала их использования. По итогам исследования автором сделан вывод о необходимости соединения теоретического, нравственного и исторического опыта решения проблем формирования человеческого проекта для справедливого гуманистического будущего.

Ключевые слова: Карл Маркс, марксизм, теория истории, экспериментальная история, историческая наука, социальные технологии, управляемое развитие обществом.

MARX AND THE WORLD HISTORY

A. Ananchenko*Moscow State Pedagogical University**88, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problems of historical experience of creating the theory of historical process on the basis of Marxism, its impact on the appearance of socio-political technologies of historical development management. The author has carried out a review analysis of metaconcepts of history that nowadays are widespread in socio-historical studies, epistemological and ideological problems of the creation of modern theory of history, the social and practical need to create a theory of history and the development of social technologies. The analysis of the historical use of social technologies has shown the possibility of both destructive and creative sides of use. The author concludes that it is necessary to combine theoretical, moral and historical experience of solving problems for forming a humane project of a fair humanistic future.

Key words: Karl Marx, Marxism, theory of history, experimental history, historical science, social technologies, the managed development of society.

В этом году отмечался юбилей Маркса, но у нас это событие прошло почти незаметно. Хотя, как бы не относиться к этому событию, к этому мировоззрению и этому человеку, для нашей страны понимание феномена марксизма особенно

© CC BY Ананченко А.Б., 2018.

значимо, ведь оно существенно связано с важной частью нашей истории.

Что бы ни говорилось о масштабах этого юбилея, можно сказать, что для нашей страны он прошел так, будто это юбилей замечательного физика Нильса Бора, а не Карла Маркса, т.е. юбилей прошел так, что его отметили только профессионалы в своей узкой сфере деятельности, но это не коснулось всего общества. Юбилей экономиста Карла Маркса, как в анекдоте, заметили только экономисты старшего возраста. Для любой другой страны это могло бы быть объяснимо и понятно, но именно там, во многих странах, этот юбилей заметили, и он стал поводом для обсуждения самых важных проблем общественного развития. Для нашей страны такое равнодушие означает отсутствие ясных и открытых объяснений для общества всего, что и почему связано с этим феноменом. И не только с идеями Маркса, но и с нашим историческим опытом, который имеет мировое значение. И с теми ценностями, которые были открыто провозглашены как индивидуальные, так и как общественные нравственные идеалы, принципы и убеждения.

Марксизм – это направление общественной, политической и научной мысли, философское и социальное мировоззрение, которое выступало одним из ориентиров развития человечества во второй половине XIX–XX вв. Идеи Маркса были важны для нашей страны не только в советский период, но и сейчас, ведь марксизм был теорией описания не только капитализма, но и общества, рождающегося из него и после него. Того общества, которое получило название «коммунизм». Если реальный посткапитализм оказался

или оказывается (процесс формирования не завершился) другим, чем представлял себе Маркс, это не значит, что вопросы понимания и прогнозирования посткапиталистической истории уже сняты как с научной, так и политической повестки дня. В том числе и поэтому научный, политический и социально-технологический опыт основателей и последователей марксизма представляет сегодня важный и необходимый элемент для позитивного движения в будущее, для познания того, как мы можем понимать и влиять на настоящее и будущее.

Больше чем сто лет назад, к другой годовщине, к 30-летию со дня смерти Карла Маркса, в 1913 г. В.И. Ленин написал статью *«Три источника и три составных части марксизма»*, где прозвучал его знаменитый, как сейчас бы сказали, мем: *Учение Маркса всесильно, потому что оно верно* [2, с. 43]. Вопрос в том, что у нас в 2018 г., в 200-летний юбилей со дня рождения Карла Маркса, есть сегодня из «всесильного» и «верного»? Или только память, да и то не очень хорошая?

Марксизм важен во многих аспектах с точки зрения его идеальных форм существования и с точки зрения социальной практики. Это явление многогранное. Проблем, которые можно обсуждать в связи с марксизмом, множество, мы же коснемся только некоторых. Мой анализ можно свести к двум проблемам:

- марксизм и создание теории исторического процесса,
- марксизм и воздействие на исторический процесс.

Марксизм попытался сформулировать для понимания истории, как и для изучения других сложных систем,

например, физических, химических или космических, объективные критерии. Вместо субъективной истории событий, субъективных устремлений и желаний марксизм попытался задать для понимания истории в качестве базовых объективно фиксируемые и порождаемые социальные процессы, и прежде всего – экономические. Экономическая сфера общества стала одной из таких, которая позволила выделить исторические эпохи, которая имеет объективную логику развития и, как представлялось, в конечном итоге определяет развитие всего общества.

За эти годы, после появления марксизма и существования так называемого реального социализма, в мире утвердилось представление об определяющей роли экономических отношений, экономики в жизни общества. Даже сегодня, отказавшись от марксизма, наши представления о главном в обществе опираются именно на такое превращенное марксистское представление об экономике, как определяющем элементе общественного развития. Именно поэтому считаются наиболее важными для развития темпы роста ВВП, объем ВВП, да и сам этот показатель. Иногда ещё привлекаются дополнительные те или иные экономические признаки и показатели.

Кроме того, что экономические факторы рассматриваются главными в развитии общества, ещё невольно предполагается, что их достаточно, ими можно обойтись, ограничиться – без стратегических целей, ориентиров в развитии, без национальной идеи, без образа социального будущего всего общества.

Надо помнить, что экономика – всего лишь одна из сфер общества, со-

циального организма. Надо помнить, что экономика является очень важной сферой жизни общества, является условием его существования, но не является смыслом жизни общества и не может заменить смыслы и ценности жизни общества и человека, не может заменить то общее устремление, что иногда называется «национальной идеей». Необходимость есть каждый день, необходимость труда, необходимость воспроизводства условий своей жизнедеятельности – являются необходимыми условиями жизни человека и общества. Но физическое воспроизводство себя и своей жизни не являются смыслом жизни ни человека, ни общества.

Собственно говоря, с марксизмом и с его экономическим мировоззрением случилось то же самое, что в начале его существования случилось с коммунизмом и сохраняется до сегодняшнего времени.

Многие, или не очень многие, но те, кто застал ещё Советский Союз, помнят «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, где говорилось, что *«Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма»*. Большинство наших людей всегда думали, что именно Маркс и Энгельс причастны к этому самому «призраку» или провозгласили его присутствие. Или второй смысл, который в это часто вкладывался: что существовавшая когда-то буржуазная жизнь была больна коммунизмом и его призрак был признаком зарождения новой жизни, которое и провозгласили основатели марксизма.

Но когда-то в «Манифесте коммунистической партии» именно К. Марксу и Ф. Энгельсу пришлось специально

указывать прямо противоположное: *«Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии»* [5, с. 423]. Кто же говорил и пугал друг друга этим призраком, по мысли Маркса и Энгельса? Это *«папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские»* [5, с. 423]. Этот простой пример служит нам для иллюстрации того, как часто явление и память о нём могут существенно различаться.

Для сегодняшней исторической науки в постмарксистском и постсоветском состоянии существуют принципиальные проблемы и выборы, перед которыми она стоит. Например, разрушение и исчезновение национальных историй в рамках политики глобализации. История превращается из национального самосознания и исторического понимания в набор региональных или повседневных житейских историй из разных времен, обществ и территорий. При всей важности многообразия исторического знания, эти подходы, вытесняя теоретическое, логическое и мировоззренческое понимание истории, становятся способами разрушения понимания именно истории. Регионоведение и повседневность вытесняют и заменяют понимание на развлечение и любопытствующий интерес пустоты.

Использование марксизма в советский период как исторического мировоззрения демонстрирует важность теории истории для формирования целостного образа истории как на уровне всего общества, так и отдельного человека. В этих условиях даже незнание

подробностей отдельных периодов и событий не лишает человека целостного восприятия всей человеческой истории, понимания сущности истории и смыслов человеческой жизни.

Сегодня существует ограниченное количество концепций исторического развития человечества. Они, как правило, достаточно поверхностны, неполны, не развиты, находятся на уровне частных концепций. Среди них содержательно выделяется несколько метаконцепций истории, часто используемых в наших исследованиях: формационная, цивилизационная, модернизационная и геополитическая. Есть и ряд других, но они не получили широкого распространения.

Эти концепции различаются в главном – рассматриваемой ими основе исторического развития, наличии логики истории, направленности истории, характере и границах процесса.

Формационная концепция (основателем которой был К. Маркс) описывает исторический процесс как развитие качественно определенных социальных организмов, сменяющих друг друга в процессе поступательного прогрессивного развития. Предполагается объективная направленность исторического процесса. Определяющим элементом в развитии общества считается совокупность экономических отношений людей на основе производства вещей, способ производства.

Цивилизационная концепция. Рассматривает историю как бесконечный круговорот рождения, развития и смерти культурно-исторических общностей людей – цивилизаций. Определяющим фактором развития цивилизаций считается «цивилизационное ядро» – совокупность духовных цен-

ностей, на основе которых возникла и существует та или иная цивилизация.

Модернизационная концепция. Рассматривает историю как поступательный процесс развития и смены нескольких типов технологического развития общества. Определяющим фактором истории поэтому здесь признается не человек, а технологии. История меряется вокруг одного этапа – модернизационного, как перехода к современности, развивающемуся индустриальному обществу, по отношению к которому все и определяется как «до», или «после».

Геополитическая концепция. Рассматривает человеческую историю как борьбу двух начал, двух типов цивилизаций: сухопутных и морских, промышленных и торговых, коллективистских и индивидуалистических. Географический, пространственный фактор условий существования является в этой концепции определяющим развитие общества [См.: 1, с. 36.].

Сегодня часто другие, не формационные концепции истории рассматриваются как альтернативы формационной теории, способные её заменить, поскольку они иначе рассматривают историю. Проблема в том, что эти концепции – о незаменяемом разном. Если продемонстрировать их разницу на образах развития отдельного человека, то можно было бы сказать, что формационная концепция описывает обязательные этапы социального и физического развития любого человека. Цивилизационная концепция описывает, чем конкретно-исторический Иван Иванов отличается в своих желаниях, ценностях и смыслах от Адама Смита. Модернизационная концепция показывает способы социализации

любого человека при переходе от детства к взрослой жизни. А геополитика объясняет, как поведение и действия человека зависят от того, на каком этаже, в каком подъезде, на какой улице, в каком городе, на берегу моря или в лесу он живет. Понятно, что это *о разном* и один анализ не решает тех проблем, которые изучаются, анализируются в другом концептуальном подходе.

Можно констатировать, что марксизм больше всех приблизился к созданию теории единого исторического процесса, к развитой форме теоретического знания о человеческой истории. Здесь не важно, насколько сейчас содержание этого знания может удовлетворить наши современные запросы, вопросы и проблемы понимания истории.

Кстати, снижение уровня понимания исторических, социальных, политических, экономических процессов наблюдается хотя бы в том, что исчезла саморефлексия простейших исходных понятий научного знания, например, таких, как теория, теоретическое знание. Сегодня любое утверждение, и даже не утверждение, а предположение такого утверждения, как правило, сразу называется теорией. Это говорит о том, что разрушились сложные формы отражения человеческой, исторической реальности. Они вытесняются и подменяются нерелексивными образами, эмоциями и оценками.

К. Маркс, опираясь на достижения европейской философской, социологической и исторической мысли второй половины XVIII – первой половины XIX вв., и в первую очередь – осуществленный переход в понимании от кругооборота истории к ее линейному развитию (древняя история,

средневековье, новое время), выработал формационную теорию. В основе теории формаций лежит понимание исторического развития общества как закономерной, объективно обусловленной смены исторически входящих общественно-экономических формаций, то есть таких типов общества, которые отличаются друг от друга, прежде всего, типом или способом экономического функционирования: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной и предполагаемой коммунистической формации. Важным для понимания исторической практики последующего является положение К. Маркса о том, что *«общество, если даже оно пало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»* [7, с. 10].

Такое понимание прямо вытекало из признания общества «организмом», только особым, – «социальным» [3, с. 712, 728; 4, с. 20; 8, с. 11, 20–21, 89, 91; 9, с. 228–230].

В то же время выделение некоторых процессов или факторов буржуазного общества как главных при формировании будущего коммунистического общества, порождало два возможных подхода к формированию, рождению этого будущего постбуржуазного общества. Два подхода, которые в российской социал-демократии стали известны под именами политических направлений меньшевизма и большевизма. Меньшевики исходили из естественно-исторического рождения коммунизма из капитализма, как было и до этого в истории. Большевики исходили из того, что рождение нового

общества можно ускорить, а процессами его формирования можно сознательно управлять.

Важно, что исторический опыт большевизма показал, что историческими процессами действительно можно управлять. Больше того, как только начинается управление этими процессами, попытки такого управления, как начинают создаваться субъекты такого управления, так сразу резко сокращается возможность естественно-исторического развития, начинают сужаться его границы. Но такие технологии социального управления могут быть направлены не только на прогресс, не только на развитие человека и общества, но могут быть направлены и на их регресс, на разрушение, на архаизацию. Примером такого разрушительного использования социальных технологий, сознательно направленных на запуск регрессивных технологий развития в обществах, стали так называемые «цветные революции».

Марксизм же исходил из безусловного прогрессивного понимания истории, из гуманистического её понимания, из всеобщности истории человечества и его судьбы. Так же рассматривалась и постбуржуазная эра истории, которая именовалась в этой традиции коммунизмом.

Плохо ли использовать эти социальные технологии вместо естественно-исторических процессов? Надо ли выступать против их использования? Надо ли и можно ли вернуться к естественно-историческому процессу? Ставить такие вопросы можно, но обойтись без социально-политических технологий уже нельзя. Это все равно, как поставить сейчас вопрос об оценке использования ядерных технологий.

Вспомним, как мы узнали про ядерные технологии в 1945 г. из разрушения американскими ядерными бомбами японских городов Хиросима и Нагасаки. Как удалось ограничить возможность использования разрушительных ядерных технологий? Только противопоставив им такие же ядерные технологии разрушения. Но это не остановило нас никак в использовании ядерных технологий в мирных целях. И мы тут же запустили их как для создания ядерной электростанции, так и атомного ледокола «Ленин». А это в свою очередь показывает огромную важность в новую историческую эру, наряду с техническим прогрессом, нравственных ценностей человека и общества. Именно ценности начинают играть определяющую роль как в использовании технологий, так и в траектории социального развития, кем и чем становятся человек и общество.

Можно утверждать, что экспериментальная физика и история приблизились друг к другу как по разрушительным масштабам своего воздействия на социальные организмы, так и по общим математическим количественным и качественным методам моделирования процессов развития сложных систем.

XX век показал возможную созидательную и разрушительную общественную силу и реальные границы социального действия общественных теорий. И Октябрьская революция 1917 года в России, и политическая революция середины 1980-1990-х гг. в России показали, что социальные технологии, основанные на общесоциологических теориях, для общества могут иметь такие же последствия, как физические теории для создания и ис-

пользования ядерного оружия. Применение ядерного оружия (результата деятельности физиков-теоретиков и экспериментаторов) разрушает общество (материально-вещественные его элементы) и приводит к их физическому уничтожению; применение социальных технологий (результат деятельности историков, философов и других гуманитариев) разрушает социальную систему как целое, уничтожает её идеальный элемент системообразования, приводит к исчезновению определенного типа социального организма.

Физика и историка как социальный тип «чистых» ученых сменили сегодня ученые-инженеры, ученые-технологи, ученые-аналитики. Социальные катастрофы из естественно-исторических катаклизмов превратились в сознательно подготавливаемые и осуществляемые «сценарии», «модели» и «эксперименты». «Социальные инженеры» конца XX в. заговорили о «конце истории», о появлении в мировой истории вместо «игры Бога» или естественно-исторической закономерности (кому что ближе) нового субъекта исторического целеполагания и управления.

Элементы управления «историей» стали использоваться не только для увеличения эффективности управления, но и для дезорганизации или изменения направленности движения других государств, т.е. как средство ведения войны.

В XX в. родилось новое направление социальных исследований и практики, которое можно было бы условно назвать «экспериментальной историей». Это направление, представленное многообразием теоретических, практических дисциплин и организаций особенно бурно стало развиваться

после Второй мировой войны в связи с формированием глобальной двухполюсной модели мироустройства. Она предполагала, в свою очередь, сознательные социальные трансформации со стороны сверхдержав на подконтрольных им политически и экономически территориях.

Центры разработки теоретических и прикладных проблем экспериментальной истории возникли, прежде всего, в научных и политических институтах двух сверхцивилизаций – в США и в СССР. В США, например, три лауреата Нобелевской премии создали в Санта-Фе, расположенном неподалеку от ядерного центра в Лос-Аламосе, институт исследования сложных систем, куда ушли многие ведущие физики и математики из центра ядерных исследований, чтобы специально заниматься социальными проблемами. Подобные институты есть и в других развитых странах. Возникли такие научные организации и в СССР, есть они и в России, например, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН; Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ РАН) и др.

Не случайно одними из первых сотрудников таких «специальных» центров по изучению общества стали физики, математики и другие представители «точных» наук, традиционно не считавших возможным для себя заниматься социальными проблемами. Это связано, не в последнюю очередь, с тем, что роль социального знания качественно изменилась в этот период, но изменились и возможности изучения социальных систем, использования при этом негуманитарных методов исследования [См.: 1, с. 36–37].

Марксизм в своем историческом опыте создания советского общества впервые начал массово использовать социальные технологии для управления историческими процессами, для управления траекторией и скоростью социальных процессов, для управляемой модернизации общества. Важным элементом большевистского использования социальных технологий было то, что они исходили из гуманистических ценностей, целей истории и советского государства.

Историческими особенностями большевистской попытки перехода к постбуржуазному обществу было то, что они его осуществляли в условиях ещё не появившегося в России, не победившего капиталистического общества. Практика исторического эксперимента большевиков состояла в том, что они пытались выйти в коммунизм из доиндустриального общества. Какие средства могли быть использованы для этого, какие могли быть созданы? Какие средства мотивации труда могли быть использованы из экономических, внеэкономических и духовных?

Марксизм был концептуальной (теоретической) основой понимания развития для советского государства. Проблема именно не в идеологии, а в понимании содержания и направленности исторического развития. Есть ли сегодня понимание исторического процесса, которое пусть иначе, но даёт видение или понимание содержания этапа, эпохи, направления развития исторического процесса?

Когда-то К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Немецкой идеологии»:

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразо-

ваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние*» [6, с. 34].

Для них коммунизм – это посткапиталистическое общество, приходящее на смену капитализму, на его основе и из него. Именно поэтому коммунизмом они называли не общество, состоящее с некими принципами, а общество, возникающее из и после капитализма. Таким образом, теоретики постиндустриального общества не являются по сути противниками марксизма. И те, и другие в разные исторические эпохи пытались его понять и описать, по-разному называя, но не ставя под сомнение саму неизбежность его появления и победы.

Отсутствие развитой концепции истории – проблема не только понимания истории, но и проблема государственной политики России. Но и этого мало. Это проблема не только понимания целей политики, самосознания общества, но и возможности самого исторического существования России уже в исторически обозримом настоящем, проблема выбора исторического пути развития.

Если бы вопрос о всемирной истории был чисто научным вопросом, как и оценка марксистской концепции всемирной истории, то мы рассматривали и обсуждали бы это с точки зрения «старших экономистов» по отношению к экономисту Марксу. Это имело бы частный и прежде всего профессиональный характер и интерес. А мы бы имели преимущество проживших дольше и переживших некие исторические процессы и этапы, которые не видел сам Маркс (как статуэтка обезьяны с черепом человека в руках на

столе Ленина, *демонстрирующая эволюционную теорию и тезис о том, что развитый этап – ключ к пониманию всех предшествующих*).

Сегодня есть целый набор научных теоретических проблем, которые должны быть в той или иной форме решены для создания современной теории истории, позволяющей не только с пониманием изучать прошлое, но и понимать настоящее, осознать нашу возможную траекторию восхождения к будущему.

Один из главных гносеологических вопросов создания теории истории состоит в том: *возможно ли создание законченной теории незаконченного и «уникального» (для его участников и исследователей) процесса.*

Некоторые **мировоззренческие проблемы** создания теории истории:

- является ли социальная форма движения материи **высшей** формой развития материи;

- является ли социальная форма движения материи **конечной** и преходящей;

- является ли социальная форма движения материи **ступенью** к сверхсоциальной форме движения материи;

- является ли социальная форма движения материи **уникальной** или это закономерная всеобщая форма развития живого;

- появится и сохранится ли **единство** человечества.

Прогнозирование социального развития мира и государства становятся важнейшими элементами национальной безопасности в начавшийся период управляемого исторического развития. Такое *прогнозирование невозможно ни на какой самой точной эмпирической базе при отсутствии*

глобальной теории (концепции) истории. Такая же теория не может быть результатом только эмпирических обобщений любого уровня [См.: 1, с. 36.]

В журнале «Коммунист» № 3 за 1983 г. была опубликована статья генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Статья была посвящена 100-летней годовщине смерти Карла Маркса и начиналась она такими словами:

«Минуло сто лет со дня, когда ушел из жизни человек по имени Карл Маркс. Целый век. Век драматических потрясений, революционных бурь, коренных перемен в судьбах человечества. Век, опрокинувший, разметававший множество философских концепций, социальных теорий, политических доктрин. И век следующих одна за другой побед марксизма, его возрастающего воздействия на общественное развитие.

Чем дальше движется время, тем яснее становятся смысл и масштабы жизненного подвига Маркса» [1, с. 231].

Годовщина смерти Маркса отмечалась статьей руководителя советского государства и коммунистической партии. Это говорит и о масштабе события, и о его важности как для коммунистического движения, так и для

советского государства, его идеологии, для социальных наук, для мировоззрения людей. 200-летие со дня рождения Карла Маркса, спустя всего 35 лет от мировой годовщины его смерти, поражает принципиально изменившимся отношением к юбилею, моментально наступившим беспамятством. Такое впечатление, что вместо традиционных социально-культурных механизмов исторической памяти в обществе за это время сложились другие технологии управления содержанием общественного сознания.

Может быть, в этом есть определённая символика и определённый смысл, что годовщину смерти Маркса заметили во всём мире, а годовщину рождения – только специалисты. Может быть, сейчас, как и при рождении вообще, есть надежда. Есть надежда, что это незаметное событие может стать началом другого пути, соединяющего опыт, исторический путь, достижения и проблемы классического марксизма, его теоретического, нравственного и исторического опыта и решения проблем новой эпохи, эпохи формирования альтернативного несвободе и эксплуатации человеческого проекта справедливого гуманистического будущего.

Статья поступила в редакцию 01.08.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананченко А.Б. История как проблема // Информационные войны. 2009. №1 (9). С. 34–42.
2. Андропов Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 231–249.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23. С. 40–48.
4. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 12. С. 709–738.

5. Маркс К. К критике политической экономии, 1859 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 13. С. 1–167.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 419–459.
7. Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7–544.
8. Маркс К. Предисловие к первому изданию, 1867 г. // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М., 1983. С. 5–11.
9. Маркс К. Капитал. Т. 1, 1867 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. С. 45–784.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права, 1843 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 219–368.

REFERENCES

1. Ananchenko A.B. [History as a problem]. In: *Informatsionnye voyny*, 2009, no. 1 (9), pp. 34–42.
2. Andropov Yu.V. Uchenie Karla Marksa i nekotorye voprosy sotsialisticheskogo stroitel'stva v SSSR [Karl Marx's doctrine and some issues of socialist construction in the USSR]. In: *Andropov Yu. V. Izbrannye rechi i stat'i* [Y.V. Andropov, Selected speeches and articles, 2nd ed.]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, pp. 231–249.
3. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [Complete works. 5-th ed.]. Vol. 23, pp. 40–48.
4. Marks K. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisei 1857–1858 godov) [Introduction (From the economic manuscripts of 1857–1858)]. In: *Marks K., Engel's F. Sobra. soch.* 2-e izd. [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 12, pp. 709–738.
5. Marks K. K kritike politicheskoi ekonomii, 1859 g. [Critique of political economy, 1859]. In: *Marks K., Engel's F. Sobra. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 13, pp. 1–167.
6. Marks K., Engel's F. Manifest kommunisticheskoi partii [The Communist Manifesto] In: *Marks K., Engel's F. Sobra. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 4, pp. 419–459.
7. Marks K. Nemetskaya ideologiya [The German ideology]. In: *Marks K., Engel's F. Sobra. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 3, pp. 7–544.
8. Marks K. Predislovie k pervomu izdaniyu, 1867 g. [The Preface to the first edition, 1867]. In: *Marks K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1. Kn. 1. Protsess proizvodstva kapitala* [Marx K. Capital. Critique of political economy. Vol. 1. Book 1. The process of production of the capital]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, pp. 5–11.
9. Marks K., Kapital. T. 1, 1867 g. Marks K., Engel's F. Sobra. soch. 2-e izd. In: *Marks K., Engel's F. Sobra. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 23, pp. 45–784.
10. Marks K. K kritike gegelevskoi filosofii prava, 1843 g. [On the critique of Hegel's philosophy of law]. In: *Marks K., Engel's F. Sobra. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 1, pp. 219–368.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета;
e-mail: ab.ananchenko@mpgu.edu

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey B. Ananchenko – Candidate of Historical Sciences, head of the Department of Modern National History, Director of the Institute of History and politics of Moscow State Pedagogical University;
e-mail: ab.ananchenko@mpgu.edu

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ананченко А.Б. Маркс и всемирная история // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 24–35.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-24-35

FOR CITATION

Ananchenko A. Marx and world history. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 24–35.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-24-35

УДК 316.26:329.14(100)"20/21"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-36-44

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ МАРКСИЗМА И ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Телицын В.Л.*Институт всеобщей истории Российской академии наук**119334. г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить различия между отношением классического марксизма к социал-демократическому движению в конце XIX в. и отношением современного социал-демократизма к марксистскому учению, а также сформулировать причины противоречивости, разделившие эти два общественных феномена, чьи теоретические базы во многом схожи. Автором произведен анализ основных работ классиков марксизма, посвященных критике социал-демократического движения (Германия, конец XIX в.), и работ современных политологов и историков, в которых обоснованы как точки соприкосновения, так и основные причины конфликта между социал-демократизмом и марксизмом в конце XX – начале XXI вв. Эмпирически проверено утверждение, что марксизм имеет возможности к возрождению, если, как и социал-демократическое учение, сможет реформироваться, исходя из требований современной социал-экономической и политической ситуации в мире. Теоретическая и практическая значимость постановки проблемы заключается в обобщении теоретических наработок и результатов практической деятельности социал-демократического движения в России, странах СНГ и Западной Европе, в формулировке положений, способствующих дальнейшему развитию как социал-демократизма, так и марксизма в будущем с учетом предложенных векторов развития и действия. Статья адресована историкам и политологам, занимающимся как изучением истории общественных движений, так и политической практикой.

Ключевые слова: марксизм, мировое социал-демократическое движение, XX век, русская революция, XXI век.

ON THE CONTRADICTIONS OF MARXISM AND THE PECULIARITIES OF MODERN SOCIAL DEMOCRACY

V. Telitsyn*Institute of Universal History RAS**32 A, Leninsky prospect, Moscow, 119334, the Russian Federation*

Abstract. The article presents an attempt to single out the differences between the attitudes of the classical Marxism to the social-democratic movement of the XIX century and the attitudes of the modern social-democratism to the Marxist doctrine. Besides, the reasons for the contradiction, that separated these two phenomena with rather similar theoretical bases, are formulated. The author analysed the basic works of Marxism's classics that mainly criticize the social-

democratic movement (Germany, end of XIX c.), as well as the works of modern politologists and historians where the main reasons for both the points of contact and the conflict between social-democratism and Marxism on the edge of XXI century were substantiated. The statement that there are some possibilities for Marxism to revive was empirically proved. But it can be revived only if it reforms itself according to the demands of modern social-economic and political situation in the world like the social-democratic doctrine could have done it. Theoretical and practical importance of the problem is that theoretical conclusions and the results of the practical activities of the social-democratic movement in Russia, CIS countries and Western Europe are being summarized, as well as the theses, contributing to further development of both social-democratism and Marxism with the offered vectors of development, are being formulated. The article is addressed to historians and politologists who are engaged into the study of political movements' history and into the political practicing.

Key words: Marxism, world social-democratic movement, twentieth century, the Russian revolution, the twenty-first century.

Марксизм как философское, социально-политическое и экономическое учение и движение предстает в различных, связанных с разнообразными направлениями общественной мысли, вариантах и моделях. Основные принципы марксизма заключаются в диалектической двойственности противоположностей: идеальное в материальном; все единство мира – в триадности: диалектика – политэкономия – коммунизм (последовательно переходящие друг в друга); в восприятии классовой борьбы и отрицании частной собственности как основополагающих постулатов доктрины.

Социал-демократия как одно из направлений социалистической идеологии возникла в последней трети XIX в. в недрах марксизма. Исторически социал-демократизм был порожден марксизмом [5, с. 42], поскольку считал своими приоритетами социальный мир и общество, выстроенное на принципах свободы. Но изначально расходился с марксизмом в том, что эволюция общества базировалась на отказе от классовой борьбы и от ликвидации частной собственности. От-

стаиваемая социал-демократией концепция «социального партнёрства» (способная заменить классовую борьбу), представлялась оптимальной идеей для этого движения и идеологии [13, с. 217–235].

Социал-демократическое движение, кроме того, поддерживало общеизвестные гражданские ценности – свободу, равенство, братство, принципы справедливости и равных возможностей, права человека в современном ему мире, общественный плюрализм и возможность его изъяснения, рыночную экономику (но – социально ориентированную), ограничение вмешательства государства в экономические процессы и, в тоже время, выработку таких механизмов и рычагов, которые при необходимости поддерживали малое и среднее предпринимательство, создание государственного сектора национальной экономики, равноправное развитие и защиту всех существующих форм собственности, разумную конкуренцию, создание независимых профессиональных союзов, сокращение материального «разрыва» между представителями различных страт

общества, государственные меры поддержки той части населения, которая в силу различных причин не способна обеспечивать себя материально, создание условий для борьбы с безработицей, оптимальное регулирование уровня налогообложения, охрану природы, разумное отношение к миграции, демилитаризацию и неучастие в военных союзах.

Для основоположников и классиков марксистского учения подобные «точки» для эволюции политических партий «марксистского толка» были не приемлемы, о чем К. Маркс высказался еще в «Критике Готской программы» (1875 г.), программы, принятой при создании единой германской социал-демократической партии, (куда вошли Всеобщий германский рабочий союз и социал-демократическая рабочая партия). В частности, Маркс считал, что, рассчитывая выдвинуть свои идеи по решению социального вопроса, немецкие социалисты решают пойти на компромисс с властью, дабы посредством кооперации с последней (якобы под контролем самого общества), а не революционных преобразований, изменить существующий порядок взаимоотношений власти и общества.

Взамен революционного процесса социал-демократы предлагают эволюцию, воздействие на самые отрицательные стороны социального развития посредством поиска взаимовыгодных для всех общественных страт условий существования, – все это шло вразрез с идеями марксистского учения о классовой борьбе как движущей силе общечеловеческого развития. Маркс был критичен: если немецкие социал-демократы примут эту программу, то сразу станет ясным,

что они далеки от понимания и реализации социалистических идей, что они рассматривают существующие общество и власть не как ступеньку (или основу) к будущему обществу и власти, а как самостоятельный объект, который наделен собственными основами в области нравственности и хозяйствования.

По мнению Маркса, в период перехода от капиталистического общества к коммунистическому, в период смены капитализма на коммунизм, будет существовать переходный (политический) период, а государство, действующее в это время, будет ничем иным, как диктатурой пролетариата, и места социал-демократической модели правления здесь нет. Представленные пункты программы, однако, не должны отвечать ни за создание диктатуры пролетариата, ни за создание коммунистического общества: программа этих моделей государственного устройства будет подсказана дальнейшим развитием марксизма и практикой. Тогда как готская программа социал-демократов содержала, как отмечал Маркс, только так называемые «демократические перепевы» – гражданские права (о которых много кто говорит, но осуществление которых никто не наблюдал на практике).

Если социал-демократы Германии заговорили о необходимости демократической республики, то требовать гражданских прав от существующего «недемократического» государства невозможно. Существующий буржуазный диктат, удерживающий власть, сохраняющий остатки феодальной системы и прикрывающийся идеями парламентаризма, никогда не пойдет на проведение честных и бескомпро-

миссных всеобщих выборов, так как прекрасно понимает, что результатом последних будет его проигрыш. Говорить о выборах и парламенте можно, но в реальности это никогда не будет реализовано, а единственный путь – революция (естественно, это «средство вне закона»). Вообще, – подытоживал Карл Маркс, – говорить о Готской программе можно долго, но все ее пункты никуда не годятся, поскольку они канонизируют то, что можно воспринимать как «веру», а не план к действию [10, с. 12–25].

Современные последователи марксизма также считают, что социал-демократия – очень противоречие явление – и как идея, и как движение [5, с. 39]. Но марксизму (непротиворечивая идея и движение) в России глобально не повезло [14, с. 110]. Быть может, больше возможностей было бы у социал-демократии? Справедливости ради, надо сказать, что только за последние пару десятков лет в России было предложено несколько проектов переустройства общества по социал-демократически, но ни один из них не был успешным [7, с. 5].

Как это ни покажется парадоксальным, но и социал-демократическая парадигма общественного развития основывалась на наблюдении, которое сделал К. Маркс (может быть, эта «парадоксальность» есть результат диалектичности марксизма?). В «Учредительном манифесте международного товарищества рабочих» (1864 г.), он, анализируя ситуацию, сложившуюся в Англии вокруг закона о десятичасовом рабочем дне, обобщал: поскольку речь шла о дискуссии закона спроса и предложения – основного закона экономического развития, а также о наци-

ональном производстве, то и вопрос о временных рамках рабочего дня – политически ангажирован. Но в нем, согласно убеждению Маркса, заключена политическая экономия пролетариата. Поэтому принятие закона о десятичасовом рабочем дне – это и практический успех, и победа принципа: политическая экономия пролетариата взяла вверх над капитализмом [9, с. 9]. Но ведь все эти рассуждения о борьбе за «незначительный» закон противоречили марксизму, который настаивал на революционных методах борьбы, а не о постепенности?

Современные исследователи считают, что «в этой констатации Маркса важным, прежде всего, кажется то обстоятельство, что рабочий класс уже во второй половине прошлого века [то есть, XIX столетия. – В.Т.] получил возможность оказывать давление на предпринимателей с целью сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, создания сети социального страхования за счет перераспределения в свою пользу произведенного прибавочного продукта. А раз так, то процесс обнищания пролетариата, процесс нарастающей пролетаризации населения не оказывался неизбежным, на чем строилась марксистская стратегия. Все последующие десятилетия вплоть до сегодняшнего дня наемные работники и представляющие их организации – профсоюзы – тем и занимались, что обкатывали, уточняли, улучшали механизм взаимоотношений с предпринимателями, все больше и больше добиваясь уступок в свою пользу». Эта констатация К. Маркса, по сути, предопределила «создание своеобразной модели согласования интересов между представи-

телями профсоюзов, предпринимателями и государством» (как, например, модель «социального партнерства» в современной Австрии) [12, с. 47].

Еще один пример «стратегического» развития идей Маркса в социал-демократической практике. О том, какие возможности открываются перед рабочими в условиях парламентаризма, писал Ф. Энгельс в своем введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». Энгельс предложил ряд оригинальных идей, которые впоследствии постарались «не заметить» российские марксисты, т.к. они кардинальным образом меняют представление о мировоззрении Энгельса, который в конце жизни сам практически по многим вопросам перешел на позиции социал-демократизма [5, с. 42]. В частности, Энгельс пересмотрел марксистский подход к революции как к способу социальных преобразований. Общественная практика продемонстрировала неправоту марксизма, показала, что ряд точек зрения классиков марксизма – обыкновенная иллюзия. Практика рассеяла марксистские заблуждения, но она также и определила те условия, в которых пролетариату предстояло вести борьбу за свои права, и условия эти, и эта борьба кардинально отличались от тех, что существовали в середине XIX столетия [11, с. 533].

Анализируя успехи германских социал-демократов на выборах в конце XIX в., Энгельс писал, что германский канцлер (Бисмарк) пошел на одобрение всеобщего избирательного права, так как рассчитывал, что благодаря этому его идеи будут поддержаны очень широкими слоями населения. И германские социалисты отнеслись

к этой идее очень серьезно, выдвинув в учредительный парламент (рейхстаг) Августа Бебеля. С того времени использование и избирательного права, и права выступать в парламенте было очень продуктивно использовано германскими социалистами. И это должно служить примером для других стран и других социал-демократических партий [11, с. 539]. По сути, Энгельса можно было бы считать «ревизионистом» учения Маркса, но этот «ревизионизм», по сути, явился оправданной точкой для развития идей социал-демократии спустя почти сто лет после появления этой работы [2].

Крах парадигмы советского социализма, его «исчезновение» с политической арены очень серьезно отразилось на марксизме. Начался массовый (другого слова не подобрать) отход от его идей. Одни – вчерашние адепты марксистского учения – «трансформировались» в его яростных низвергателей. Вторые, не считаясь с общественными переменами, продолжали с маниакальной обреченностью отстаивать марксизм. Третьи предпочитали воздерживаться от дискуссий, не поддерживая ни ту, ни иную сторону [6, с. 8–9], но ища парадигму общественного развития в религии, конспирологии или в паранормальных явлениях.

Однако марксизм смог выжить, и в условиях перманентного социального кризиса демонстрирует способность к эволюции [4, с. 20; 6, с. 9]. Бесспорно, ряд базовых положений и выводов марксизма нуждаются в глобальном переосмыслении: за 150 лет, прошедших со смерти К. Маркса, радикально изменился облик социума. А потому сугубо риторическое отстаивание того или иного тезиса Маркса есть эле-

ментарное игнорирование принципа: «практика – критерий истины». Как считают современные российские (и не только) обществоведы и экономисты, сохранить и дать возможность марксизму развиваться возможно только при условии мимикрии его к реалиям настоящего времени, к эволюции социальной, политической и экономической мысли [6, с. 9]. Но и мир капитализма не статичен, и он эволюционировал и эволюционирует, и этот процесс бесконечен. Остановись он, и общество переживет стагнацию, революцию и гражданскую войну.

Каким же образом сегодня сочетаются – как в Западной Европе, так и в ряде постсоветских республик – идеи марксизма, социал-демократии и принципы рыночной экономики, стремление к социальной справедливости и сохранения незыблемости базовых основ капиталистического/буржуазного общества? Начать стоит с осмысления перемен, происшедших в социал-демократии в самое последнее время, а также тех проблем, с которыми она сталкивается сегодня, и тех, которые возникнут завтра [8]. Причем все должно рассматриваться единым блоком.

Вот что по этому поводу думают отечественные исследователи, и мы, дополняя их размышления, склонны во многом согласиться.

Современные (в первую очередь западноевропейские) социал-демократы отошли от представления о том, что обобществление – это обязательный аспект и диктатуры пролетариата, и социализма. Социал-демократов многому научил негативный опыт обобществления в СССР и в странах социалистического блока [12, с. 23].

В отношениях к рынку социал-демократы признали последний безо всяких оговорок и внутреннего стеснения признали рынок. Рынок незаменим как принцип регулирования и как движущая сила. Другой эффективной экономической системы человеком пока не создано, однако рынком как сложнейшей системой надо научиться руководить. Это большая наука, требующая умения, знаний и таланта. Социал-демократам Западной Европы удалось соединить механизм рыночной экономики с принципами социального государства. Социал-демократы Швеции, Норвегии и Германии доказали, что социальное государство – это не только оказание государственной поддержки, но еще и создание здорового социального климата, развитие без революций и гражданских войн. В настоящее время социальное государство, о котором так много говорили западноевропейские социал-демократы, в той или иной степени есть во всех развитых странах [12, с. 47, 197].

Новые явления в эволюции государства и общества отразились на теоретических разработках социал-демократов последней четверти XX в. Ценностные установки в них остались прежними, но поменялись местами по приоритетности. Если в начале XX в. акцент делался на социальной справедливости, то в конце того же века – на свободе, увязываемой с другими ценностями личности: социал-демократическое движение видит главную цель своего развития – создание такого общества, где каждый имеет все возможности собственного развития в условиях свободного существования [12, с. 27–28].

Современные западноевропейские социал-демократы отказались от ори-

ентации только на марксизм, провозглашен был плюрализм убеждений и мнений, точек зрения и гипотез [12, с. 197]. Сила современной европейской социал-демократии заключается еще и в том, что она базируется не только на плюрализме идей, концепций, теорий, а также на прагматизме в выработке тактики и стратегии своей деятельности. Прагматизм этот – результат углубленного анализа и осмысления недостатков марксизма как концепции, которые для западноевропейских социал-демократов очевидны.

Марксизм исходит из неизбежности революции, социал-демократы – из реформизма и социальной кооперации (партнерства).

У марксистов в основе всей идеологии, всего их, казалось бы, безупречного, учения лежит государственная собственность на средства производства; на этом базируется власть одной партии, одной диктатуры, одной идеологии; у социал-демократов – сочетание рынка и принципов социального государства.

Марксизм – это опора исключительно на рабочий класс. В этом отношении марксизм – это концепция «социального расизма», социал-демократия опирается на весь социальный спектр общества, не подразделяя его на «наших» и «не наших».

Марксистской теории «обнищания при капитализме» противопоставлена социал-демократическая концепция о повышении жизненного уровня на базе научно-технического прогресса.

Составная часть марксизма – теория «загнивания капитализма»; но ей противопоставлена социал-демократическая теория совершенствования капитализма.

Марксизм исходил из неизбежности мировой революции, без которой построение социализма (в «отдельно взятой стране») невозможно. Современная мировая глобализация тоже представляет собой «революцию», но – на базе научно-технической эволюции [5, с. 42–43].

Социал-демократия, выступая сегодня как политическое движение, участвует в обсуждении и разработке проблем глобализации и ее социальных и экономических последствий. Принимая участие в деятельности Европейского Союза, представители социал-демократических партий Западной Европы пришли к выводу: социально ориентированный порядок в мировом развитии необходим и возможен, возможно и создание модели социально ориентированной рыночной экономики, причем также в мировом масштабе. Последнее западноевропейские социал-демократы определяют, как «международный социальный акт» [12, с. 31].

Современные западноевропейские социал-демократы больше всего уделяют внимание основным общественным ценностям, характеризуя свое место в политике как «третий путь» [1, с. 88–105]. Социал-демократы ориентируются не только на проблемы наемных работников, они ставят вопрос о формировании таких общественных отношений, где решались бы базовые требования человека – быть свободным и жить в условиях социальной справедливости [3, с. 132]. Эти проблемы были важнейшими для представителей социал-демократии в момент ее зарождения и продолжают оставаться в центре внимания и сегодня. Если рассматривать только одну сторону

деятельности социал-демократии – конкретную политику социального реформирования, и не замечать стремлений увязать решение повседневных задач с усилиями, направленными на улучшение нравственного климата об-

щества, на расширение пространства гуманизма, то невозможно понять всей сложности природы современной социал-демократии [12, с. 63].

Статья поступила в редакцию 01.08.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Блэр Т., Шредер Г. Европа: Третий путь – середина // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: проблемно-тематический сборник. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 88–105.
2. Брандт В. Демократический социализм. Статьи и речи. М.: Республика, 1992. 447 с.
3. Бушуев В.В., Голубев В.С., Орлов И.Б. Введение в системную теорию капитала. М.: URSS, 2013. 176 с.
4. Воейков М.И. Сегодня марксизм «не моден»? // Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения). М.: ИЭ РАН, 2018. С. 20–22.
5. Выступления участников «круглого стола» «Современная социал-демократия в Европе: вызовы и массы». Москва, Институт Европы РАН, 12 июля 2000 г. М.: Институт Европы РАН, 2000. 56 с.
6. Гринберг Р.С. Марксизм – это научный протест против инфантильного либерального варварства // Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения). М.: ИЭ РАН, 2018. С. 8–11.
7. Зубов В.М., Макаркин А.В., Петров С.А., Чепя А.В. Социал-демократическая альтернатива. М.: ПЕРО, 2014. 144 с.
8. Майер Т. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в 21-е столетие. М.: ГИМ, 2000. 285 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. М.: Политиздат, 1960. 839 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. 670 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. М.: Политиздат, 1962. 805 с.
12. Орлов Б.С. На перекрестках судьбы. Избранное. Т. 1. М.: ИНИОН РАН, 2000. 332 с.
13. Социал-демократы Европы в начале XXI века: время перемен. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 217–235.
14. Социализм после социализма: новый интеллектуальный вектор. СПб.: Алетейя, 2011. 440 с.

REFERENCES

1. Bler T., Shreder G. Evropa: Tretii put' – sredina [Europe: the third way is the middle]. Sotsial-demokratiya pered litsom global'nykh problem: problemno-tematicheskii sbornik [Social democracy in the face of global problems: the problem-thematic collection]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 88–105.
2. Brandt V. Demokraticeskii sotsializm. Stat'i i rechi [Democratic socialism. Articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 447 p.
3. Bushuev V.V., Golubev V.S., Orlov I.B. Vvedenie v sistemnyu teoriyu kapitala [Introduction to a systemic theory of capital]. Moscow, URSS Publ., 2013. 176 p.
4. Voeikov M.I. Segodnya marksizm «ne moden»? [Is Marxism “out of fashion” today?]. Karl Marks: klassika i sovremennost' (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Karl Marx: tradition and modernity (the 200th anniversary of his birth)]. Moscow, IE RAN Publ., 2018, pp. 20–22.

5. Vystupleniya uchastnikov «kruglogo stola» «Sovremennaya sotsial-demokratiya v Evrope: vyzovy i massy». Moskva, Institut Evropy RAN, 12 iyulya 2000 g [The speeches of the participants of the "round table" "Modern social democracy in Europe: the challenges and the masses." Moscow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, July 12, 2000]. Moscow, Institut Evropy RAN Publ., 2000. 56 p.
6. Grinberg R.S. Marksizm eto nauchnyi protest protiv infantil'nogo liberal'nogo varvarstva [Marxism is a scientific protest against infantile liberal barbarism] Karl Marks: klassika i sovremennost' (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya). [Karl Marx: tradition and modernity (the 200th anniversary of the birth).]. Moscow, IE RAN Publ., 2018, pp. 8–11.
7. Sotsial-demokraticheskaya al'ternativa [Social-democratic alternative]. Zubov V.M., Makarkin A.V., Petrov S.A., Chepa A.V. Moscow, PERO Publ., 2014. 144 p.
8. Maier T. Transformatsiya sotsial-demokratii. Partiya na puti v 21-e stoletie [The transformation of social democracy. Party on the way to the 21st century]. Moscow, GIM Publ., 2000. 285 p.
9. Marks K., Engel's F., Sochineniya. T. 16 [Works. Vol.16]. Moscow, Politizdat Publ., 1960. 839 p.
10. Marks K., Engel's F., Sochineniya. T. 19 [Works. Vol. 19]. Moscow, Politizdat Publ., 1961. 670 p.
11. Marks K., Engel's F., Sochineniya. T. 22 [Works. Vol. 22]. Moscow, Politizdat Publ., 1962. 805 p.
12. Orlov B.S. Na perekrestkakh sud'by. Izbrannoe. T. 1 [At the crossroads of fate. Favorites. Vol. 1]. Moscow, INION RAN Publ., 2000. 332 p.
13. Sotsial-demokraty Evropy v nachale XXI veka: vremya peremen [The social democrats of Europe at the beginning of the XXI century: time for a change]. Moscow, INION RAN Publ., 2006, pp. 217–235.
14. Sotsializm posle sotsializma: novyi intellektual'nyi vektor [Socialism after socialism: a new intellectual vector]. SPb., Aleteiya Publ., 2011. 440 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук;
e-mail: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim L. Telitsyn – doctor of historical sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Universal History of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Телицын В.Л. О противоречивости марксизма и особенностях современной социал-демократии // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 36–44.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-36-44

FOR CITATION

Telitsyn V. On the contradictions of marxism and the peculiarities of modern social democracy. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 36–44.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-36-44

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 8:7,038.6; 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-45-54

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА ИСТОРИКА В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Смоленский Н.И., Фукс А.Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится краткий анализ проблемы соотношения исторического и художественного постижения действительности. Исследуемый аспект проблемы – место и роль языка в историческом исследовании на материале взглядов представителей постмодернизма в историографии США и стран Западной Европы XX – начала XXI вв. Теоретической основой анализа является тезис об истории как науке, а не синтезе научного и художественного начал, причем с решающей ролью последнего. Другой основой анализа является принцип объективности познания, несовместимый с тезисом о плюрализме истин как норме результатов познания. В работе кратко анализируются взгляды отдельных представителей постмодернизма, в том числе самого известного из них, Х. Уайта. Анализ данной проблемы имеет теоретическое и конкретно-историческое значение, в том числе и в области обучения по университетскому курсу «Теория и методология истории».

Ключевые слова: постмодернизм, герменевтика, объективность, язык, лингвистика.

THE PROBLEMS OF THE HISTORIAN'S LANGUAGE IN POSTMODERNISM

N. Smolensky, A. Fuks

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article briefly analyzes the problem of correlation between historical and artistic comprehension of reality. The investigated aspect of the problem is the place and role of the lan-

guage in historical research on the basis of the views of postmodernism representatives in the United States and Western European countries historiography of the twentieth and early twenty-first centuries. The theoretical basis for the analysis is the thesis of history as a science, and not a synthesis of scientific and artistic principles, and with the decisive role of the latter. Another basis for the analysis is the principle of objective knowledge, incompatible with the thesis of the pluralism of truths, as the norm of the results of cognition. The work briefly analyzes the views of individual postmodernism representatives, including H. White, the most famous of them. The analysis of this problem has a creative and specific historical significance, including the field of teaching the university course "Theory and Methodology of History."

Key words: postmodernism, hermeneutics, objectivity, language, linguistics.

Середина XX в. отмечена в историческом познании появлением на Западе нового направления – постмодернизма. У данной доктрины есть свои предшественники, даже если они не значатся в качестве таковых у ее авторов. Истоки доктрины в соответствии с ее сутью уходят в область филологической критики языковых памятников, текстов, сохранившихся от прошлого. Первоначальным вариантом такого подхода к использованию письменных источников была герменевтика, в основе которой лежало толкование и реконструкция церковных текстов. Для понимания текста того или иного языкового памятника необходима, с точки зрения А. Бека, знаменитого немецкого филолога, отталкивавшегося от герменевтики, грамматическая и историческая интерпретация, а также толкование документа в связи с личностью автора. Общий смысл этих требований состоит в том, чтобы выяснить, что из окружающих данный документ условий оказывало влияние на его язык – историческая обстановка, характер и особенности личности автора документа, цели его составления и т.д. «Филолог, – писал Бек, – имеет дело или с остатками прошлого или с сообщениями о нем, которые по своей форме отличаются от самых явлений

прошлого. Первый вид – остатки – представляет собой в известной мере иероглифы, которые нужно разгадать, заключая об их значении или об идеях, ими выражаемых. Второе – это знаки (Zeichen), письменные знаки, музыкальные ноты и т.д., не имеющие сходства с обозначаемыми явлениями». «Задача филолога состоит в том, чтобы на основе данных знаков, символов проникнуть в сознание того, кто их начертал, – писал Бек, – задача герменевтики. Речь идет о реконструкции, для чего необходима сопричастность исследователя личности автора текста, интуитивное проникновение и в его духовный мир» [8, S. 124–125, 77–78].

В изложенных взглядах А. Бека высказаны с опорой на герменевтику два требования к анализу текста источников: необходимость выяснения влияния на язык источника окружающих его условий, в том числе личности автора и учета несходства письменных знаков (текста) с тем, что этим обозначается. Следует отметить: реальность того и другого очевидна, что стало в некоторой степени одной из опор постмодернизма, но выводы, сделанные отсюда им, ничего общего с ней не имеют.

Однако у постмодернизма в этом плане также есть предшественник –

Фердинанд де Соссюр (1857–1913) с его теорией языка оказавшей огромное влияние на языкознание XX в. Согласно этой теории язык является не пассивным средством выражения, но структурой, определяющей наше представление о мире реальностей. Опираясь на разницу соотношения слов и предметов в разных языках, на зависимость этого соотношения от времени, Соссюр делал вывод об условности содержания языка, без всякой привязки его к реальности [6, с. 81, 119]. Это открывает путь к неограниченному спектру прочтений текста: ничто не способно предотвратить субъективное прочтение текстов и находить в них любые смыслы.

Это лингвистическое истолкование текстов перенесено постмодернизмом на понимание природы исторических источников и исторического мышления. Оно несовместимо с тем, ставшим обычным с развитием исторического познания в XIX в. представлением, согласно которому историческая реальность первична по отношению к содержанию источника и мышления историка и определяет его содержание в том и другом случае. Вместо этого постмодернизм вводит соотношение между текстами; понятие причинности по отношению к реальным событиям ставится вне рамок историка и исторического исследования. Текст открыт, согласно этому, для множества прочтений, прошлое может быть изображено во множестве вариантов. Каково их соотношение? Это множество выглядит на равных, т.е. в равной мере обоснованных (или ошибочных) утверждений, что определяется и происхождением, природой текста источника, и укорененностью историка в

современном ему мире и вытекающим отсюда многообразным влиянием на него последнего. Понятие объекта как некоего синонима исторической реальности выводится из логики исторического мышления, вследствие чего также теряет всякий смысл то, что является истиной. «Историю как совокупность свидетельств прошлого можно изложить весьма изрядным числом равно состоятельных способов» [9, р. 283].

Таков не только конкретный вывод, но и общий смысл гносеологии постмодернизма, что уже является не проблемой лингвистики, а фундаментальной теоретической проблемой исторического познания. Лингвистический аспект в качестве изначального является составной частью этой проблемы: научное понятие есть прежде всего слово. Соотношение слова и реальности, языка и действительности, жизни имеет прямое отношение и к языку историка, в том числе и к той его структуре, которая является продуктом научного мышления и его средством одновременно – научными историческими понятиями. Постмодернизм в области проблем лингвистики имеет определенную основу: слово, язык не являются слепком действительности, по крайней мере, по следующим причинам и признакам: в словах, хотя и не во всем разговорном языке, выражено в известной мере отношение говорящего к реальности в оценочно-эмоциональной форме, что относится и к языку историка: плебей, аристократия, эксплуатация, справедливость и т.д. Смысл этого не является чем-то общезначимым для всех и в разное время. Далее, слово, что в равной мере относится и ко всем структурам языка историка, не является исчерпывающим

способом выражения смысла отображаемой реальности, что вполне выражено в известном изречении: «мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев). Затем, следует отметить многозначность слов и терминов или вопрос о применении различных слоев для обозначения одного и того же. Наконец, распространенным свойством словаря языка является некоторая степень его неопределенности и неточности: слепая случайность, по случаю плохой погоды, на всякий случай, ни в коем случае, в противном случае, случайная встреча, по счастливой случайности и т.д. Из подобных языковых ситуаций невозможно сделать вывод о том, что же такое случайность в отражении ее структурой обыденного языка.

Перечень того, что свидетельствует о невозможности рассматривать язык в различных его формах – обыденная речь, литературный язык, понятия научного исторического мышления, термины источников и т.д. – в качестве копии, слепка действительности тем не менее не дает оснований считать, что связь между словом и реальностью является произвольной. Но именно таков гносеологический смысл постмодернизма, являющегося крайним выражением отрыва языка от реальности. Язык же во всех его формах – более или менее адекватное отображение действительности. Он включает в себя эмоции его носителей в устной или письменной форме; язык – это смыслы, окрашенные в той или иной мере эмоциями времени, хотя эмоция не сопровождает смысл в любом случае. Богатство языка, выражающегося в обилии слов, выражений, оборотов и т.д., не способно тем не менее вобрать все богатство и многообразие дей-

ствительности, которая неисчерпаема; язык научных исторических понятий не способен вобрать в себя все богатство изучаемых явлений точно так же, как это недостижимо с помощью обыденного или литературного языков в соответствующих областях их применения. Развитие научного познания обогащает, уточняет содержание и смысл научных представлений и понятий: человек – животное политическое (Аристотель), человек – животное общественное (Сен-Симон), но неисчерпаемость действительности властвует и здесь – этот процесс бесконечен.

Неоднозначность содержания слов и терминов, неточность (отнюдь не в математическом смысле точности, который здесь неприменим) является свойством языка. В обыденной жизни это свойство может стать проблемой поведения: я не так вас понял. Однако это свойство обыденного языка не переходит автоматически в область научных исторических понятий: историк не только не может, но и не должен руководствоваться тем или иным смыслом понятия «случайность» в обыденном языке, но обязан выяснить приемлемый научный смысл этого понятия. Для этого необходим научный анализ, в частности, в связи с выяснением соотношения понятий «необходимость» и «случайность», соотношения случайности и намерений действующего лица или лиц и т.д.

Одним словом, те свойства языка в целом, независимо от того, о каком пласте языка идет речь, которые могут быть оценены как его минусы – многозначность, неопределенность и т.д. смыслов и значений, не являются доказательством того, что язык – самостоятельная по отношению к реальности

сфера. Но именно таков смысл известного афоризма не менее известного представителя постмодернизма Дерриды: вне текста не существует ничего. Можно добавить: значит, не существовало и Дерриды. Однако несокрушимая жизненная реальность, а не только здравый смысл, состоит в том, что если бы язык не был отражением действительности по содержанию своих слов, терминов и понятий, и это содержание было бы подвержено произвольному формированию, то человеческое общение было бы невозможно.

Однако пафос постмодернизма по отношению к историческому познанию состоит в стремлении доказать равноценность любых подходов к прошлому по сути представлений о нем. Если при этом понятие истины и не исключается из исторического познания, тем не менее места для нее не остается. Конечный смысл этой гносеологии таков: сколько историков, столько и истин. К тому, что называется наукой, это уже отношения не имеет. Лингвистический поворот, как составляющая эволюции постмодернизма, представлен прежде всего работами американского историка Х. Уайта, появившимися в основном в 70-е – 90-е гг. XX в. В них, прежде всего в метаистории, изложены взгляды, авторская оценка которых выражена в виде теории тропов. В чем ее суть и каков тот способ мышления, который приводил к ее выдвижению? Центральный тезис лингвистического поворота – произвольное соотношение означаемого (реальности) и означающего (образа). Обусловленность этого усматривалась в природе исторического факта, который объявлялся не более, чем конструкцией мышления: «Когда дело доходит до

исторических явлений, здесь все – от начала до конца – конструкция», «...я всегда рассматривал «факт», как конструкцию» [7, с. 13]. Причиной этого является то, что исторические события относятся к прошлому и не поддаются верификации на основе наблюдения [7, с. 12]. Это то, с чем нельзя не согласиться, с той, однако, оговоркой, что, во-первых, историки изучают не только прошлое, но и современность, хотя это не меняет природу исторического познания, и, во-вторых, что в том и другом случае, с опорой историка на источники прошлого и на свои позиции в современном ему мире, речь не идет не об образе изучаемого как копии событий, а о том или ином сочетании достоверного и ошибочного в этом образе. Следовательно, факт в источнике или в мышлении историка – не результат конструкции, ошибочной или намеренной, а результат отображения действительности с элементами истины и заблуждения или намеренного искажения. Тезис же о событии как конструкции в мышлении историка приводит Уайта к выводу о том, что историческое знание «...основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с «литературой», чем с какой-либо наукой». Здесь же дается расшифровка того, что такое воображение: это – «...род мышления образами и фигуративными типами ассоциаций, свойственный поэтической речи, литературному письму и, конечно, мифологическому мышлению» [7, с. 12]. В связи с этим выводом Уайт подчеркивал, что его задачей является не выяснять, в какой мере историо

можно рассматривать как вид науки, а уделять внимание прежде всего выяснению художественных компонентов истории, через раскрытие «лингвистической почвы... определить неизбежно поэтическую природу исторического сочинения...» [7, с. 19]. Дальше – главный вывод о художественной природе исторического познания – теория тропов, включающая четыре основных тропа – метафору, метонимию синекдоху и иронию; эти тропы лежат в основе исторических исследований, что, однако, является не завершением решения данной проблемы, а началом ее постановки: как именно это исследование осуществляется? Ответ на этот вопрос можно получить, анализируя текст метаистории, для чего мы обратимся к анализу одного из сюжетов текста, посвященного характеристике исторических взглядов Ранке, одного из самых известных – и не только в Германии – историков XIX в. Какие реальные особенности этих взглядов отражены в данном тексте, в какой мере это связано с опорой на теорию тропов и есть ли отклонения от их точного смысла в интерпретации Уайта?

Х. Уайт затрагивает одну из главных проблем исторических исследований Ранке – его требование «...писать историю таким образом, чтобы речь шла только о том что действительно происходило в прошлом» [7, с. 195]. При всей важности этой проблемы никакой расшифровки ее точного смысла и результатов её решения в исследованиях Ранке Уайт не дает, кроме признания того, что за этим стоит требование Ранке опираться на документальные свидетельства. На самом деле речь идет о проблеме объективности, как главном требовании Ранке

к работе историка. Смысл требования объективности был у него всегда один – соответствие излагаемого (образ) объекту изложения (ход событий); истина – в соответствии образа излагаемой реальности, следовательно, истина только одна. Тезис о равноценности различных образов одному и тому объекту Ранке был неведом и чужд. Однако Ранке не ушел и от постановки неизбежного в этой ситуации мышления вопроса: как этого результата познания достичь? Его устойчивая позиция заключалась в необходимости отказаться от любой личностной позиции в оценке излагаемого, то есть историк не должен быть ни правым, ни левым, ни демократом, ни консерватором и т.д., быть в исследовании, а не в реальной действительности.

Не ставя данную проблему по отношению к взглядам Ранке, Уайт уходит и от постановки и решения другой – удалось ли это Ранке? В исследованиях самого Ранке нет постановки данной проблемы, что может означать только одно – его уверенность в достижении объективности и истины в его собственных исследованиях. На самом же деле все богатое по объему наследие Ранке как историка говорит о наличии у него вполне определенной основы его исследований – это был историк весьма консервативных по меркам того времени социально-политических взглядов – дворянской идеологии, выраженных идеалистических позиций в понимании истории. Уверенность Ранке в его объективности была его заблуждением; грубой ошибкой Уайта является ничего об этом не писать, характеризуя взгляды Ранке. Следы теории тропов в качестве источника понимания этого у Уайта не

прослеживаются, что не умаляет ошибочности изложенных его представлений о Ранке.

Однако это не исчерпывает перечня их ошибочности. Определенное значение имеет в этой связи проблема предмета исторических исследований Ранке. Лишь один вывод Уайта, высказанный в самой общей форме, обоснован: экономические отношения и факты не были включены Ранке в предмет его исследований [7, с. 204; 2; 3]; что же касается оценки этого и внятного представления о предмете исторических исследований Ранке, то ни того, ни другого у Уайта нет. Более того, он отделяет взгляды Ранке от идеализма и, по существу, игнорирует то, что для Ранке в центре истории стояло государство, являясь ее движущей силой, а предметом истории была соответственно политическая история. Доказательство этому – все тома его исследований. Определенная модернизация взглядов Ранке содержится в утверждении о том, что «...создание системы самоуправляемых наций-государств» было для Ранке целью развития истории [7, с. 205]. Напротив, понятие национального государства не было категорией его мышления, о чем говорит и то, что к объединению Германии он относился отрицательно вплоть до победы Бисмарка в борьбе за это. Далее, не модернизацией, а искажением точного смысла взглядов Ранке является вывод Уайта о том, что «...история (как наука. – Н.С.) есть в конечном счете художественная форма...» [7, с. 222] изображения действительности. Напротив, Ранке, не превращая, впрочем, эту проблему в предмет теоретического анализа, рассматривал историческую науку в каче-

стве самостоятельной дисциплины по отношению к естественным наукам и видам искусства.

Таковы основные черты исторических взглядов Ранке в интерпретации Уайта. Что является ее основой? Прослеживается весьма очевидная связь между идейно-методологическими позициями Уайта и содержанием и оценкой исторических взглядов Ранке. Тем не менее, какова роль в этом теории тропов Уайта? Бросается в глаза, что подавляющая часть рассуждений и выводов Уайта обходится без обращения к данной теории, и все же: в какой степени она является основой исследования исторических взглядов Ранке, выводов и оценок Уайта по этому поводу? Вывод общего характера сделать в данной связи трудно, скорее, невозможно. В частных случаях Уайтом применялся следующий прием. Ранке присуще убеждение в индивидуальности и неповторимости исторических событий, которые фигурируют не в разобщенности, а во взаимосвязи и в единстве, что обоснованно не только по взглядам Ранке. А вот изложение этой позиции с точки зрения тропологии: «...Ранке префигурировал историческое поле в модуле метафоры, утверждающем преимущественный интерес к событиям в их особенности и уникальности..., а затем предлагал синекдохическое их понимание как формальной связности, предельное и окончательное единство которой можно было представить по аналогии с природой частей [7, с.199]. Другой пример. Прочитав рассуждение Ранке об отсутствии хаоса в истории, Уайт заключает: «Утверждаемая здесь метафора органицистская; акцент делается на самом процессе,

но означенный процесс – это не просто возникновение и исчезновение вещей, в отведенное им время, в урочный час. Само время наделяется ценностью благодаря ощущению движения к цели, пусть даже она и остается не обозначенной...» [7, с. 200]. Такие приемы мышления Уайта являются его нормой, а не исключением, следовательно, это не способ получения нового, более обоснованного знания об изучаемом. Перевод смысла в одежду иной терминологии без изменения содержания смысла говорит о бессмысленности этого перевода. Этот вывод правомерен не только в данном случае, но и применительно к теории тропов Уайта в целом.

Полемика с постмодернизмом не может сводиться только к лингвистическому аспекту проблемы; последний является начальной фазой представлений историка о природе его языка независимо от того, о каком из его пластов идет речь – литературном языке эпохи, терминологии источников, научных исторических понятиях и т.д. В зависимости от лингвистического смысла трактовки соотношения языка и реальности находится и решение главной проблемы гносеологии исторической науки – соотношения познавательного образа и исторической действительности.

Основным языковым средством решения этой проблемы являются научные исторические понятия. Происхождение, природа исторических понятий не отличается от происхождения разговорного языка: во всех случаях язык – отображение жизни, реальности. Фундаментальным отличием научных исторических понятий является то, что они по содержанию,

хотя не всегда терминологически, – продукт научного мышления. Данное отличие не преодолевает того принципиального сходства научных понятий и разговорного языка, которое во всех случаях по отношению к любой разновидности языка заключается в невозможности преодолеть неисчерпаемость действительности. Научные понятия так же не способны вобрать все её богатство и многообразие, как и любой другой языковой пласт. Эта неисчерпаемость связана прежде всего с качественным многообразием явлений общественной среды – в отличие от явлений физической мира и природной среды, количественные показатели и признаки которых доступны измерению. Теоретический анализ и обобщение признаков исторической действительности вследствие этого не могут закончиться ни выявлением и группировкой в содержании понятия всех признаков, ни их обогащением на равных ввиду их качественной разницы, ни формированием такого содержания понятия, которое бы в равной мере отражало различные варианты однопорядковых явлений. Одним из результатов этого в истолковании происхождения и природы исторических понятий стала теория идеальных типов М. Вебера, согласно которой понятие является конструкцией мышления, лишенной какого-либо прообраза в исторической действительности [1, с. 390]. Противоположный взгляд на проблему заключается в обосновании опоры содержания исторических понятий на самый развитый, зрелый вариант однопорядковых явлений [4, с. 35–57; 5, с. 183].

Статья поступила в редакцию 24.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Смоленский Н.И. О некоторых теоретико-методологических принципах исторической концепции Леопольда фон Ранке // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 1. Томск: Томский ун-т, 1963. С. 137–167.
3. Смоленский Н.И. Категория объективности познания в немецкой буржуазной историографии XIX в. и теория «понимания» И.Г. Дройзена // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 15. Томск: Томский ун-т, 1982. С. 58–77.
4. Смоленский Н.И. Политические категории немецкой буржуазной историографии (1848–1871 гг.). Томск: Томский ун-т, 1982. 214 с.
5. Смоленский Н.И. История и логика. Проблемы общеисторической теории и природы исторических понятий. М.: МГОУ, 2013. 184 с.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Уральский ун-т, 1999. 432 с. С. 278.
7. Уайт Х. Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века). Екатеринбург: Уральский ун-т, 2002. 528 с.
8. Boeckh A. Enzyklopadie und Methodologie der philosophischen Wissenschaften. Zpz.: Hrsgs. v. Bratuschek, 1877. 839 S.
9. White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteen-Century Europe. Baltimore, 1973. 448 p.

REFERENCES

1. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
2. Smolenskii N.I. [On some theoretical and methodological principles of Leopold von Ranke's historical concept]. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki*, iss. 1. Tomsk, Tomskii univ. Publ., 1963, pp. 137–167.
3. Smolenskii N.I. [The category of objective knowledge in German bourgeois historiography of the XIX century and J. G. Droysen's theory of "understanding"]. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki*, iss. 15. Tomsk, Tomskii univ. Publ., 1982, pp. 58–77.
4. Smolenskii N.I. Politicheskie kategorii nemetskoi burzhuanoi istoriografii (1848–1871 gg.) [The political categories in German bourgeois historiography (1848–1871)]. Tomsk, Tomskii univ. Publ., 1982. 214 p.
5. Smolenskii N.I. Istoriya i logika. Problemy obshcheistoricheskoi teorii i prirody istoricheskikh ponyatii [History and logics. The problems of global theory and the nature of historical concepts]. Moscow, MGOU Publ., 2013. 184 p.
6. Saussure F. Kurs obshchei lingvistiki [Course in General linguistics] Ekaterinburg, Ural'skii un-t Publ., 1999, pp. 278.
7. White H. Metaistoriya (Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka) [Metahistory (the Historical imagination in nineteenth century Europe)]. Ekaterinburg, Ural'skii un-t Publ., 2002. 528 p.
8. Boeckh A. Enzyklopadie und Methodologie der philosophischen Wissenschaften. Zpz., Hrsgs. v. Bratuschek, 1877. 839 S.
9. White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteen-Century Europe. Baltimore, 1973. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Фукус Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: an.fuks@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the New and Contemporary History and Metodology, Moscow Region State University;

e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Alexander N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: an.fuks@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смоленский Н.И., Фукус А.Н. Проблемы языка историка в постмодернизме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 45–54.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-45-54

FOR CITATION

Smolensky N., Fuks A. The problems of the historian's language in postmodernism. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 45–54.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-45-54

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-55-69

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАНЦЛЕРА А.М. ГОРЧАКОВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.М. ГОРЧАКОВА)

Жидкова О.В.¹, Шпаковская М.А.²

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России Одинцовский филиал
143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3,
Российская Федерация*

² *Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10/2, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье авторами анализируются исследования, посвященные личности и профессиональной деятельности министра иностранных дел Российской империи XIX в., канцлера А.М. Горчакова. На основе проблемно-хронологического метода в статье сопоставляются взгляды и оценки деятельности А.М. Горчакова в отечественной историографии XX и начала XXI вв. Авторы статьи приходят к выводу, что, несмотря на изменение политических парадигм, повлиявших на интерпретацию событий прошлого, оценка деятельности А.М. Горчакова советскими и российскими историками, тем не менее, имеет много общего. Главным образом, они подчеркивают многолетнюю плодотворную деятельность канцлера как крупного государственного деятеля, его неизменную верность служения Отечеству на посту главы российского внешнеполитического ведомства в весьма непростое для России время, после поражения в Крымской войне.

Ключевые слова: историография, дипломатия, канцлер А.М. Горчаков, внешняя политика, Российская империя, Крымская война.

THE EVALUATION OF THE CHANCELLOR A.M. GORCHAKOV'S ACTIVITIES BY NATIONAL HISTORIOGRAPHY (TO 220TH ANNIVERSARY OF A.M. GORCHAKOV'S BIRTH)

O. Zhidkova¹, M. Shpakovskaya²

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia Odintsovo branch
3, Novo-Sportivnaya ul., Odintsovo, Moscow region, 143007, Russian Federation*

² *Peoples Friendship University of Russia
10/2, Miklukho-Maklaya ul., Moscow, 117198, Russian Federation*

Abstract. In this article the authors analyze the studies devoted to the personality and the professional activities of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Empire of the XIX century, chancellor A. M. Gorchakov. On the basis of the problem-chronological method the article compares the views and researchers' assessments of A. M. Gorchakov's activities in the domestic

© СС ВУ Жидкова О.В., Шпаковская М.А., 2018.

historiography of XX and early XXI centuries. The authors conclude that, despite the change in political paradigms that influenced the interpretation of the past events, the assessment of A.M. Gorchakov's activities by Soviet and Russian historians, however, has much in common. Mainly, they emphasize the long-term fruitful activities of the Chancellor as a major statesman, his constant devotion to serving his Fatherland as the head of the Russian Foreign Ministry in a very difficult time for Russia, after the defeat in the Crimean war.

Key words: historiography, A.M. Gorchakov, foreign policy of the Russian Empire, chancellor, Crimean war, Eastern question.

*Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом, —*

*Кто, полный бодрого терпенья,
Расчёт с отвагой совмещал —
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.*

Ф.И. Тютчев «Князю А.М. Горчакову», 1870 г.

К 200-летию со дня рождения светлейшего князя, главы русского внешнеполитического ведомства при Александре II, последнему канцлеру Российской империи (с 1867 г.) в Москве на здании Дипломатической академии в 1998 г. была установлена мемориальная доска со следующей надписью: «Александр Михайлович Горчаков, видный российский дипломат и государственный деятель (1798-1883), к 200-летию со дня рождения. Будущность России огромна, но путь её нелегок». Именно А.М. Горчакову, который стоял у руля внешнеполитического ведомства 25 лет, а не его предшественнику Карлу Васильевичу Нессельроде, более 30 лет возглавлявшему Министерство иностранных дел Российской империи, был установлена данная мемориальная доска.

Одновременно, в апреле 1998 г. в МГИМО(У) МИД РФ был дан старт

проведению Горчаковских чтений, на которых обсуждались исторические аспекты внешней политики Российской империи, а также актуальные проблемы международных отношений и внешней политики современной России – проблемы глобализации, соотношения права и силы в международных отношениях, тенденций развития мировой экономики, а также определение концептуальных и политических параметров места и роли России в современном мире. В юбилейных чтениях приняли участие бывший в то время министром иностранных дел России академик Е.М. Примаков, академик А.А. Фурсенко, ряд известных российских ученых, а также потомки А.М. Горчакова, проживающие в России и за рубежом.

Кроме того, Горчаковские чтения начали проводиться в различных учебных заведениях России – РАНХиГС, МПГУ и других вузах.

В феврале 2010 г. был создан Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, миссия которого состоит в поощрении развития сферы публичной дипломатии, а также в содействии формированию благоприятного для России общественного, политического и делового климата за рубежом [20].

В 2016 г. состоялось заседание Дипломатического клуба, посвященное деятельности канцлера Александра Михайловича Горчакова – выдающегося политика и дипломата России. Выступая на его открытии, министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул: «Символично, что эта встреча, призванная рассмотреть вопросы дипломатии, искусства и искусства дипломатии в их взаимосвязи, посвящена выдающемуся отечественному государственному деятелю, канцлеру Александру Михайловичу Горчакову. Канцлер последовательно исходил из того, что внешняя политика России должна быть в первую очередь нацелена на создание благоприятных условий для поступательного внутреннего развития» [16].

В июне 2018 г. исполняется 220 лет со дня рождения выдающегося государственного деятеля России, дипломата, министра иностранных дел и канцлера Российской империи Александра Михайловича Горчакова. Масштаб личности, многолетняя дипломатическая работа, 25-летний опыт на посту главы внешнеполитического ведомства, его мудрая внешнеполитическая стратегия, продуманность и выверенность каждого шага дали ему право занять особое место в ряду не только министров иностранных дел Российской империи, но и диплома-

тов и политиков Российской империи. Чрезвычайно высоким был его авторитет и среди ведущих западноевропейских дипломатов.

О личности и деятельности этого выдающегося деятеля России на внешнеполитическом поприще написано достаточное количество книг и статей. Авторы данной статьи хотели бы обратить внимание читателей на работы, вышедшие в XX и начале XXI вв., и обобщить оценки, данные исследователями более чем полувековой деятельности А.М. Горчакова.

Известный советский дипломат Георгий Васильевич Чичерин в начале XX в. работал над рукописью «Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова». Этот незавершенный труд, который насчитывает более 700 страниц, является первой исследовательской работой о жизни и дипломатической деятельности министра иностранных дел Российской империи Горчакова. Текст этого исследования был расшифрован и подготовлен к изданию доктором исторических наук Вадимом Леонидовичем Телицыным только в начале XXI в.

Начало работы над рукописью «Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова» относится к 1900-м гг., когда Г.В. Чичерин участвовал в коллективной работе над сборником, посвященном 100-летию со дня образования Министерства иностранных дел Российской империи «Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-1902», вышедшем в свет в 1902 г. В то время Г.В. Чичерин служил в Санкт-Петербургском Главном архиве Министерства иностранных дел Российской

империи. Становление А.М. Горчакова как дипломата Г.В. Чичерин начинает проследить со времени его учебы в Царскосельском лицее, в котором закладывались основы его образования и воспитания.

Тщательное изучение частной и официальной переписки Горчакова, отчетов МИД того времени, эпистолярного наследия российских послов, материалов зарубежной печати тех времен и других документов «позволило воссоздать Чичерину емкую «картину» ... внешнеполитического курса России второй половины 1850 – начала 1870-х годов» [10, с. 101].

В своем предисловии к «Историческим очеркам дипломатической деятельности А.М. Горчакова» министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров отметил, что данное «исследование во всех отношениях неординарное» [21, с. 5]. Очерк вызывает интерес, потому что он представлен «глазами не просто историка, но и – дипломата, оценивающего шаги министра и канцлера с позиций интересов России как государства-империи, существовавшей и во времена самого Чичерина» [10, с. 102]. Данный очерк представляет интерес еще и с точки зрения изменения политических взглядов Г.В. Чичерина в годы работы над этим исследованием. Сам Чичерин, будучи представителем старинного дворянского рода, получил блестящее образование в императорской России в Петербургском университете, в дальнейшем, в начале XX в., вступил в ряды РСДРП, был членом европейских социалистических партий. При этом в проведенном им исследовании он делает акцент и на княжеское происхождение Горчакова, и на его «бла-

городную политику», основанием которой являются «его представления о присущих государству нравственных началах» [21, с. 276]. Порой автор идеализирует и образ Горчакова, и ту дипломатическую школу, учеником которой был будущий министр: «Кн. Горчаков был воспитанником нравственной среды европейских политиков начала столетия, когда господствовали представления о европейской семье» [21, с. 277]. Столь возвышенный подход не лишен и ряда выводов Чичерина, которые были также сделаны и современными российскими исследователями внешнеполитической деятельности Горчакова, считавшими его сторонником исключительно мирных, дипломатических методов решения межгосударственных вопросов: «Политика кн. Горчакова – середина между двух крайностей» [21, с. 280]. Знание исторических событий помогло Чичерину увидеть в работе Горчакова предпринятые им новые подходы и методы реализации внешнеполитических планов России второй половины 1850 – начала 1880-х гг.: «Кн. Горчаков внес в политику новую систему, не составляющую ни слишком резкого перелома после прежней, ни бесплодного коснения в старине» [21, с. 280]. При этом, по мнению автора, «главным предметом забот кн. Горчакова был Восточный вопрос» [21, с. 333].

Появление первых исследований о А.М. Горчакове в Советском Союзе относится к 1944 и 1961 гг. Эти исследования, конечно, не лишены идеологических установок советской исторической школы, оценивающей с негативных позиций внешнеполитическую деятельность царской России, делающей акцент на классовой огра-

ниченности существовавшей системы управления. «Российская империя вступила в такую полосу развития, когда наиболее рельефно обнажились гнилость и непригодность старого строя» [2, с. 77]. При этом автор этих работ, советский ученый С.К. Бушуев, изучая дипломатическую карьеру Горчакова, дал ему высокую оценку как государственному деятелю, преисполненному патриотических чувств и желания всегда защищать интересы своей страны, особенно после поражения в Крымской войне. «Россия, по мнению Горчакова, никогда не могла примириться с трактатом, унижавшим национальное достоинство» [2, с. 71].

В 1962 г. в серии «Выдающиеся дипломаты» вышла работа С.Н. Семанова о А.М. Горчакове, в которой автор, в целом положительно оценивая деятельность министра иностранных дел, при этом подвергает критике социально-политическое устройство императорской России. Автор противопоставляет «дальновидность и гибкость политических действий Горчакова» большинству «косных и инертных царских сановников» [17, с. 6]. При этом для автора «классовый характер деятельности Горчакова совершенно очевиден: глава Министерства иностранных дел ревностно отстаивал интересы дворянско-буржуазной России на мировой арене» [17, с. 111]. Исключительно классовым подходом объясняет автор как успехи, так и неудачи русского дипломата. Главным в данной работе видится вывод автора о том, что для выхода России из «дипломатической изоляции» [17, с. 109] «вряд ли можно было найти лучшего руководителя внешней политики России, чем Горчаков» [17, с. 110].

Распад СССР, новое переосмысление как оценок событий прошлого, так и деятельности выдающихся деятелей Российской империи, а также упрощение доступа к архивным материалам дали толчок к появлению новых работ о А.М. Горчакове: в конце XX – начале XXI вв. проявился активный интерес российских исследователей к государственной и дипломатической деятельности канцлера А.М. Горчакова.

В 1997 г. выходит в свет монография доктора исторических наук О.В. Серовой «Горчаков, Кавур и объединение Италии». В своей монографии, посвященной процессу объединения Италии на рубеже 1850–1860-х гг. и участию Российской империи в этом процессе, автор подробно отобразила дипломатическую деятельность А.М. Горчакова, используя широкий круг опубликованных источников, архивных материалов, а также личную переписку. Высказывая свое мнение о личности министра, Серова дает ему высокую оценку как человеку, наделенному «истинным талантом» [18, с. 37], который «придерживался умеренно-либеральных убеждений, был человеком твердого характера» [18, с. 34], занимавшим «гораздо более независимое положение, чем его предшественник» [18, с. 342]. Активное дипломатическое участие России и ее министра иностранных дел в судьбе единого итальянского государства объясняется автором тем, что «... появление сильного государства на южной границе Франции рассматривалось как вполне отвечающее интересам России» [18, с. 274].

При этом автор подчеркивает, что канцлер уделял в своей работе большое внимание не только восстано-

лению мирных отношений с Францией, но и выстраиванию союзнических отношений именно с ней, считая этот союз наиболее выгодным для России после поражения в Крымской войне. Эта позиция нашла отражение не только в данной работе, но и в другом исследовании Серовой («Русско-французские отношения в оценке князя А.М. Горчакова»), в котором она рассматривает развитие русско-французских отношений второй половины 1850 – начала 1880-х гг. сквозь призму оценок Горчакова. «Видя геополитическое обоснование франко-русского союза в объединении двух государств, находившихся на двух концах континента, Горчаков считал, что, как только они оказались разъединены, в условиях отсутствия всякого противовеса хозяином положения стал центр» [19, с. 142]. Однако канцлеру так и не удалось реализовать эту идею. По мнению Горчакова, «Россия не заинтересована в дальнейшем ослаблении Франции, она рассчитывает на возможность союза с ней в будущем, в частности, для того, чтобы противостоять установлению гегемонии Германии в Европе» [19, с. 147]. Как известно, его «предсказание» и умение мыслить стратегически реализовались в конце XIX в. (в 1891 г.) созданием русско-французского союза.

По итогам проходивших в 1998 г. в Московском государственном институте международных отношений МИД РФ юбилейных чтений, приуроченных к 200-летию со дня рождения А.М. Горчакова, вышел в свет коллективный труд «Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения». По сути, на сегодняшний день, материалы, опубликованные в сборнике, представляют

самое крупное научное издание, посвященное жизни и деятельности этого выдающегося политика. Кроме того, в этом сборнике опубликовано 49 документов из Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, часть из которых увидела свет впервые.

В своей «Горчаковской лекции» Евгений Максимович Примаков, находясь тогда на посту министра иностранных дел Российской Федерации, провел многочисленные параллели между деятельностью канцлера и современной международной обстановкой. Е.М. Примаков обратил внимание на необходимость извлечения уроков, преподанных канцлером Горчаковым. При этом Е.М. Примаков отмечал, что «часть применяемого им арсенала внешнеполитических средств, которая была хороша для его времени, ... явно не соответствует сегодняшнему» [11, с. 12]. Так, «маневрирование А.М. Горчакова между великими европейскими державами в поисках оптимальных решений для защиты интересов России отжило свой век» [11, с. 14]. При этом главное, что объединяет взгляды канцлера Горчакова и руководства современной России, по мнению Примакова, это уверенность в том, что «России с учетом ее масштабов, мощи, потенциала, истории, традиций **объективно** (подчеркнуто Е.М. Примаковым) принадлежала и принадлежит одна из ведущих ролей в межгосударственных отношениях» [11, с. 14].

Говоря о феномене Горчакова, Е.М. Примаков отмечает, что за годы своего руководства российским МИДом канцлер «сумел сделать на внешнеполитическом поприще для России XIX века больше, чем кто бы то ни было» [11, с. 9]. После поражения в Крымской

войне Россия была не просто разбита и унижена, «против нее объединились практически все значительные в то время империи» [11, с. 10]. Оценивая путь, выбранный канцлером в то время, Е.М. Примаков обращает внимание на два возможных пути, по которым могла пойти Российская империя. Первый – признать себя побежденной и «принять те правила игры, которые победители навязывают побежденным, по сути превратиться в вассала» [11, с. 10].

Е.М. Примаков обращает внимание, что А.М. Горчаков в этой крайне сложной и неблагоприятной внешнеполитической ситуации выступает за второй путь – он является сторонником проведения внутренних преобразований, «без которых у России нет будущего» и вся «внешняя политика должна быть подчинена этой главной задаче» [11, с. 10].

Хочется обратить внимание на эти мысли Е.М. Примакова, который в весьма неблагоприятное для России время, уже в конце XX в., после распада Советского Союза, ряда неудачных экономических реформ, безынициативной внешней политики правительства 1990-х гг. возглавил с 1996 по 1998 гг. Министерство иностранных дел России и взял курс на возвращение внешней политики страны с прежнего курса атлантизма на рельсы многовекторной внешней политики.

В данном юбилейном историко-документальном издании крупнейшими специалистами по истории России и международным отношениям второй половины XIX в. освещены все направления внешнеполитической деятельности Горчакова. В статьях сборника рассмотрены как в целом дипломати-

ческая деятельность канцлера, так и его работа на европейском направлении, включая важные для страны события на Балканах, а также влияние Горчакова на развитие российско-латиноамериканских отношений, сама личность министра, черты его характера. Все авторы высоко оценили и личные, и профессиональные качества Горчакова, его преданность России. Приводятся следующие оценки и качества главного и единственного героя юбилейного издания: «дипломат Божьей милостью, ..., человек чести» [11, с. 27], «великий стратег и тактик» [11, с. 29], «умение определить и руководствоваться национальными интересами России» [11, с. 30], «откровенный приверженец монархии» [11, с. 59], «концерт держав» – главный инструмент мира в глазах Горчакова» [11, с. 166], «дипломат-создатель, дипломат-творец» [11, с. 189], «продуманность и расчет в действиях, отказ от неловких движений, «реактивных» и поспешных действий» [11, с. 194].

Исследованием деятельности А.М. Горчакова занимаются не только профессиональные историки, но и известные государственные деятели и дипломаты современной России. Высокую оценку получил Горчаков в статьях российского министра иностранных дел И.С. Иванова, занимавшего этот пост с 1998 по 2004 гг. Будучи коллегой Горчакова, только уже спустя почти два века, Иванов рассматривает деятельность канцлера с профессиональной точки зрения. Именно поэтому автору видится особенно важным свидетельство современников Горчакова, считавших, что «до конца своей жизни А.М. Горчаков ... знал только одно подлинное увлечение – дипломатию,

руководствуясь идеей служения Отечеству» [7, с. 4]. Оценил Иванов и многовекторность деятельности Горчакова, для которого не было «неглавных» внешнеполитических направлений и государств. Учитывая особенность государственного строя России во второй половине XIX в., Иванов отметил и такие качества канцлера, как «независимость мышления, чувство собственного достоинства, относительное равнодушие к авторитетам, самостоятельное решение в интересах России многих вопросов» [7, с. 5]. «Как ... никто другой ранее он сумел создать себе как министру иностранных дел совершенно особое положение, сочетая служение царю со значительно более независимым, чем у Нессельроде, руководством вверенным ему министерством» [7, с. 9–10]. При этом автор упомянул, что и у Горчакова были «отдельные просчеты и ошибки» [7, с. 11], правда, не указал какие.

Другой российский дипломат К.Н. Кулматов¹ рассмотрел значение и, главное, актуальность наследия Горчакова для современной России. В заслугу Горчакову автор причисляет то, что он «стоял у истоков государственного единства Италии, ... возникновения нового государства на Балканах – Болгарии» [13, с. 19]. Актуальными можно считать оценки автора о подходе Горчакова к своей государственной и дипломатической работе, который, «даже став канцлером, предпочитал практическую деятельность дворцовым интригам» [13, с. 17]. «Горчаковское умение найти точки соприкосновения,

прийти к консенсусу с любой из стран – бесценное достояние всей мировой дипломатической мысли» [13, с. 22].

Актуальность изучения опыта Горчакова на посту главы внешнеполитического ведомства более двух веков назад подчеркнул и И.С. Иванов, подводя итоги серии мероприятий, посвященных 200-летию со дня рождения Горчакова. «Два века, казалось бы, срок немалый. Однако внимательный анализ произошедших с того времени и происходящих уже в наши дни событий показывает, что аналогий в международной жизни встречается намного больше, чем можно было ожидать, а успехи или неудачи во внешней политике часто зависят именно от умения учитывать историю, закономерность объективных процессов» [8, с. 142].

Такую же точку зрения высказал и действующий министр иностранных дел России С.В. Лавров в своем выступлении на первом заседании Дипломатического клуба, посвященном деятельности канцлера А.М. Горчакова, состоявшемся в сентябре 2016 г. Министр отметил тесную взаимосвязь между многогранным наследием канцлера А.М. Горчакова и теми опорами, на которых зиждется нынешняя внешнеполитическая концепция России. «Базовые принципы, на которые он опирался в своей деятельности, разумеется, творчески осмысленные, применительно к нынешним международным реалиям, по праву составляют фундамент внешней политики современной России. Наша страна проводит взвешенный, ориентированный на защиту национальных интересов внешнеполитический курс и одновременно продвигает объединительную повестку дня для поиска солидарных ответов

¹ Кулматов Кенеш Нурматович – советский и российский дипломат, доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД России.

на общие для всех вызовы». Именно поэтому наследие А.М. Горчакова и его «дипломатическая философия» сохраняют актуальность в наши дни» [16].

Российский историк и писатель А.Р. Андреев посвятил жизни и дипломатической деятельности А.М. Горчакова свою работу, приуроченную к 200-летию со дня его рождения. Сам автор обозначил свое исследование как «Документальное жизнеописание», что в целом соответствует содержанию, в котором изложенные факты из жизни князя дополнены мнениями как его современников, так и исследователей разных периодов. Например, Андреев приводит кажушиеся интересными факты антипатий к молодому дипломату Горчакову со стороны Нессельроде «за излишне самостоятельные мнения» [1, с. 30], Бенкендорфа – за его «чувство собственного достоинства» [1, с. 29], Меттерниха, который «начал его побаиваться и ... усматривал в нем главного своего врага» [1, с. 29]. Плюсом данного издания стоит выделить наличие объемного приложения, в которое включены и переписка Горчакова разных лет, и тексты официальных договоров, конвенций и соглашений, в подготовке и подписании которых Горчаков принимал непосредственное участие.

Доктор исторических наук А.В. Игнатьев, специалист по истории внешней политики России и международных отношений конца XIX – начала XX вв., обратил свой научный интерес к деятельности А.М. Горчакова в статье «А.М. Горчаков – министр иностранных дел (1856–1882 гг.)», вышедшей в журнале «Отечественная история» в 2000 г. Опираясь на работы предшествующих лет, автор дает положительную оценку деятельности Горчакова

по всем направлениям внешней политики России, подчеркивая её прагматический характер. «Горчаков ... следовал рациональной и прагматичной политике баланса сил. При этом он стремился дополнить старую схему новым существенным элементом – балансом интересов» [9, с. 9]. В качестве подтверждения Игнатьев приводит избранный Горчаковым курс на сближение России с Францией в начале 1860-х гг., называя его «естественным», когда «достигаемый путем сближения баланс сил дополняется, таким образом, балансом интересов» [9, с. 10]. В статье автор называет Горчакова «европоцентристом» [9, с. 5], отмечая при этом расширение в годы управления им МИДом активных международных связей России с Японией, Китаем, признание независимости ряда латиноамериканских государств, присоединение к России Средней Азии [9, с. 6–7]. На западноевропейском направлении, по мнению Игнатьева, главной задачей министра было «сохранение целостности территории России» и «стабильность европейских границ» [9, с. 8]. Ради решения этой задачи Горчаков умел проявлять терпение и выдержку [9, с. 10], готов был пойти и на русско-германский альянс, рассматривая его как «вынужденную необходимость» [9, с. 12]. Подводя итоги деятельности Горчакова-министра, автор по достоинству оценил его политику, которая «отвечала бы интересам не одной России, но Европы в целом» [9, с. 13] и указал на его «конструктивную роль» в международных отношениях 1850–1870-х гг. [9, с. 13].

Необходимо остановиться на работах Владилена Николаевича Виноградова, специалиста по международным

отношениям XVIII – первой трети XX вв. на Балканах. В своих исследованиях автор сделал акцент на вкладе канцлера в урегулирование Восточного кризиса в 70-е гг. XIX в., а также посвятил одну из своих монографий («Балканская эпопея князя А.М. Горчакова») изучению балканской политики России при Горчакове. Давая оценку деятельности князя Горчакова, он отмечает, что если его предшественники и преемники только «управляли аппаратом министров», то великий князь «руководил внешней политикой России» [6, с. 172], поэтому «его самостоятельность на фоне господствовавшего у трона низкопоклонства одних поражала, других восхищала» [6, с. 183]. Виноградов детально рассмотрел балканское направление внешнеполитического курса Горчакова, куда «Александр Михайлович погрузился ... не только умом политика, но и человеческой душой» [6, с. 184–185], при этом «сугубый прагматизм в подходе к Восточному вопросу отличал Горчакова, никаких фантазий и чрезмерных увлечений» [6, с. 185]. Опираясь в своих работах на многочисленные архивные документы, автор исследует «балканскую эпопею» канцлера Горчакова на фоне сложных международных взаимоотношений того времени, а оценивая те или иные шаги А.М. Горчакова, пытается посмотреть «на события глазами Горчакова, понять и оценить его действия» [5, с. 143]. В исследованиях Виноградова не раз повторяется мысль о том, что «А.М. Горчаков не был бы собой, если бы не исчерпал всех возможностей разрешить возникший в 1875 г. на Балканах кризис мирным путем» [4, с. 17]. Автор высоко и по достоинству оценил деятельность Горчакова

на посту министра иностранных дел, подчеркивая его многоопытность, осмотрительность и осторожность, называя его «апостолом мира», который «пытался гасить конфликты, избегая всякого рода дерганья в международных делах» [5, с. 150]. А.М. Горчаков, будучи сам недовольный итогами Берлинского конгресса 1878 г., по мнению историка, «проявлял себя как мэтр дипломатической тактики, всегда и везде отстаивая интересы христианского населения в той степени, которую считал разумной и не чреватой взрывоопасными последствиями» [3, с. 288].

Также внимания заслуживает книга В.А. Лопатникова «Горчаков. Время и служение» [15], вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», выдержавшая несколько изданий, что, несомненно, свидетельствует об интересе широкого круга читателей к личности и профессиональному пути первого и последнего канцлера Российской империи.

Внимание исследователей привлекает не только внешнеполитическая деятельность А.М. Горчакова. Так, в статье В.О. Короткова («Внутриполитическая деятельность канцлера А.М. Горчакова») рассмотрено участие канцлера в решении внутриполитических задач. «Горчаков находился в самой гуще внутриполитических событий: от их обсуждения до принятия решения» [12, с. 89]. Многогранность его натуры и способностей проявилась и в неравнодушии к большому числу внутрисословных проблем. В работе рассмотрена составленная Горчаковым в конце 1856 – начале 1857 гг. «Записка о шести способах к достижению освобождения крестьян от крепостного состояния», участие канцлера в подготовке проекта

устава о воинской повинности, заботы о железнодорожном строительстве в стране. Перечисленных в работе примеров достаточно, чтобы согласиться с выводом автора, что «спектр вопросов внутренней политики, интересовавший А.М. Горчакова, был достаточно широким» [12, с. 92].

В 2015 г. в Южно-Сахалинске вышла в свет книга В.М. Латышева и Г.И. Дударец «Государственный канцлер А.М. Горчаков и решение сахалинского вопроса», в которой авторы подробно рассматривают проблему разграничения территорий между Россией и Японией на Дальнем Востоке. В решении этого вопроса В.М. Латышев и Г.И. Дударец прослеживают активное участие канцлера А.М. Горчакова. Авторы поставили перед собой цель опровергнуть существующее мнение о недооценке Горчаковым среднеазиатского и дальневосточного направлений внешней политики государства [14, с. 11]. Они совершенно справедливо делают вывод о позиции А.М. Горчакова по дальневосточному направлению: «Достаточно посмотреть хронологический перечень международных актов и административных распоряжений МИДа (на русском языке) за 1856–1881 гг., чтобы стало понятно внимание Горчакова к дальневосточному направлению. Из более пятисот актов и распоряжений, почти 17 процентов посвящены Дальнему Востоку. Это никак не походит на недооценку роли Дальнего Востока во внешней политике России» [14, с. 11].

Латышев и Дударец попытались «проследить ведущую роль министра иностранных дел, выдающегося дипломата А.М. Горчакова в решении сахалинского вопроса, стратегической

задачи, от которой во многом зависела безопасность дальневосточных рубежей» [14, с. 14]. Опираясь в своей работе на многочисленные документы из центральных российских архивов, большая часть из которых впервые введена в научный оборот, авторы подробно рассмотрели вопрос разграничения территорий между Россией и Японией, включавший судьбу Сахалина и Курильских островов. Ставя перед собой задачу «персонифицировать исторический процесс» [14, с. 14], исследователи показали активное участие и А.М. Горчакова, и других дипломатических деятелей в решении межгосударственного территориального конфликта, а также использование ими исключительно дипломатических средств в переговорах с Японией. Таким образом, изучение в работе малоисследованного сахалинского вопроса показало масштаб личности канцлера, понимание им важности усиления позиций России не только на западном направлении, но и на восточном.

Современная историография о Горчакове носит, по мнению ряда исследователей, исключительно комплементарный характер. В большинстве рассмотренных работ дана характеристика личности А.М. Горчакова, рассмотрены основные этапы его службы, проведен анализ его деятельности на посту главы Министерства иностранных дел Российской империи, выявлены особенности его профессиональной тактики и стратегии, а также его роль в выработке и проведении внешнеполитического курса России в 1850 – начале 1880-х гг., в истории российской дипломатии в целом и значение его деятельности для современного внешнеполитического курса России.

При этом в работах о А.М. Горчакове пока еще недостаточно освещены документы из архива самого князя, частные архивы его родственников, а также малоизученными остаются материалы о канцлере, хранящиеся в архивах тех европейских государств, где проходила его дипломатическая деятельность. Исследовательская деятельность по изучению и анализу дипломатического наследия Александра Михайловича Горчакова не должна

прекращаться, на что обратил внимание ныне действующий министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, предваряя исследование наркома по иностранным делам РСФСР и СССР в 1918–1930 гг. Г.В. Чичерина важными в современных сложных внешнеполитических реалиях словами: «Внешняя политика – всегда сочетание преемственности и обновления» [21, с. 7].

Статья поступила в редакцию 17.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Р. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков. Документальное жизнеописание. М.: Белый волк, 1999. 249 с.
2. Бушуев С.К. А.М. Горчаков. М.: Институт международных отношений, 1961. 109 с.
3. Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М.: Наука, 2005. 302 с.
4. Виноградов В.Н. Канцлер А.М. Горчаков в водовороте восточного кризиса 70-х годов XIX века // Славяноведение. 2003. № 5. С. 16–24.
5. Виноградов В.Н. Канцлер А.М. Горчаков: триумф в Лондоне и черные дни в Берлине // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 123–151.
6. Виноградов В.Н. Князь А.М. Горчаков – министр и вице-канцлер // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 172–196.
7. Иванов И.С. А.М. Горчаков. Дипломат служит не тому или иному режиму, а своей Родине // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 3–11.
8. Иванов И.С. «А.М. Горчаков являл собой целую эпоху в российской дипломатии» // Международная жизнь. 1998. № 11–12. С. 142–145.
9. Игнатьев А.В. А.М. Горчаков – министр иностранных дел (1856–1882 гг.) // Отечественная история. 2000. № 2. С. 3–15.
10. Из рукописи Г.В. Чичерина о взглядах А.М. Горчакова как дипломата // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 101–115.
11. Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М.: Международные отношения, 1998. 406 с.
12. Коротков В.О. Внутриполитическая деятельность канцлера А.М. Горчакова // Актуальные проблемы истории дореволюционной России: межвузовский сборник. СПб.: СПбГУ, 1992. С. 86–93.
13. Кулматов К.Н. Актуальность наследия А.М. Горчакова // Кулматов К.Н. Приоритеты внешней политики России и современные международные отношения. М.: Научная книга, 2002, С. 13–22.
14. Латышев В.М., Дударец Г.И. Государственный канцлер А.М. Горчаков и решение сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2015. 313 с.
15. Лопатников В.А. Горчаков. Время и служение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2015. 396 с.
16. Под знаком А.М. Горчакова / Международная жизнь [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15970> (дата обращения 10.05.2018).

17. Семанов С.Н. А.М. Горчаков – русский дипломат XIX в. М.: Соцэкгиз, 1962. 115 с.
18. Серова О.В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М.: Наука, 1997. 351 с.
19. Серова О.В. Русско-французские отношения в оценке князя А.М. Горчакова // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 3. М.: Наука, 2000. С. 132–148.
20. Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова [сайт]. URL: <https://gorchakovfund.ru/about/> (дата обращения 10.05.2018).
21. Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М.: Любимая Россия, 2009. 551 с.

REFERENCES

1. Andreev A.R. Poslednij kancler Rossijskoj imperii Aleksandr Mihajlovich Gorchakov. Dokumental'noe zhizneopisanie. [A.M. Gorchakov, the last Chancellor of the Russian Empire. Documentary life story]. Moscow, 1999. 249 p.
2. Bushuev S.K. A.M. Gorchakov. Moscow, Iz-vo Instituta mezhdunarodnyh otnoshenij [A.M. Gorchakov], 1961. 109 p.
3. Vinogradov V.N. Balkanskaya ehpopeya knyazya A.M. Gorchakova. [Prince A.M. Gorchakov's Balkan epopee]. Moscow, Nauka, 2005. 302 p.
4. Vinogradov V.N. Kancler A.M. Gorchakov v vodovorote vostochnogo krizisa 70-h godov XIX veka [Chancellor A.M. Gorchakov inside the whirlpool of the eastern crisis of the 70s of the XIXth century]. In: *Slavyanovedenie*, 2003, no. 5, pp. 16–24.
5. Vinogradov V.N. Kancler A.M. Gorchakov: triumf v Londone i chernye dni v Berline [Chancellor A.M. Gorchakov: triumph in London and dark days in Berlin]. In: *Novaya i novejschaya istoriya* [New and contemporary history], 2003, no. 3, pp. 123–151.
6. Vinogradov V.N. Knyaz' A.M. Gorchakov – ministr i vice-kancler [Prince A.M. Gorchakov – minister and vice-chancellor]. In: *Novaya i novejschaya istoriya* [New and contemporary history], 2003, no. 2, pp. 172–196.
7. Ivanov I.S. A.M. Gorchakov. Diplomat sluzhit ne tomu ili inomu rezhimu, a svoej Rodine [A.M. Gorchakov. The diplomat serves not the regime but his Motherland]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Life], 1996, no. 4, pp. 3–11.
8. Ivanov I.S. «A.M. Gorchakov yavlyal soboj celuyu ehpopu v rmatii» [A.M. Gorchakov was the whole epoch in the Russian diplomacy]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Life], 1998, no. 11–12, pp. 142–145.
9. Ignat'ev A.V. A.M. Gorchakov – ministr inostrannyh del (1856–1882 gg.) [A.M. Gorchakov – the Minister of Foreign Affairs (1856–1882)]. In: *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 2000, no. 2, pp. 3–15.
10. Iz rukopisi G.V. Chicherina o vzglyadah A.M. Gorchakova kak diplomata [About A.M. Gorchakov's views as a diplomat from G.V. Chicherin's manuscript]. In: *Novaya i novejschaya istoriya* [New and contemporary history], 2006, no. 6, pp. 101–115.
11. Kancler A.M. Gorchakov. 200 let so dnya rozhdeniya / redkol.: E.M. Primakov i dr. [A.M. Gorchakov. 200 th anniversary / edit. board: E.M. Primakov and others]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, [International relations] 1998. 406 p.
12. Korotkov V.O. Vnutripoliticheskaya deyatel'nost' kanclera A.M. Gorchakova [Home political activities of Chancellor A. M. Gorchakov]. In: *Aktual'nye problemy istorii dorevolucionnoj Rossii* [Actual problems of the history of pre-revolutionary Russia]: mezhvuz. sb. SPb., 1992, pp. 86–93.
13. Kulmatov K.N. Aktual'nost' naslediya A.M. Gorchakova [Topicality of A.M. Gorchakov's heritage]. In: Kulmatov K.N. *Prioritety vneshnej politiki Rossii i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Priorities of the foreign policy of Russia and modern international relations]. Moscow, Nauchnaya kniga, 2002, P. 13–22.

14. Latyshev V.M., Dudarec G.I. Gosudarstvennyj kancler A.M. Gorchakov i reshenie sahalinskogo voprosa [State Chancellor A.M. Gorchakov and the solution of the Sakhalin Question] Yuzhno-Sahalinsk: Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury «Sahalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej», 2015. 313 p.
15. Lopatnikov V.A. Gorchakov. Vremya i sluzhenie. 4-e izd., ispr. i dop. [A.M. Gorchakov. Time and service. 4th ed. corr. and suppl.]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2015. 396 p.
16. Pod znakom A.M. Gorchakova [Under the sign of A.M. Gorchakov] / Mezhdunarodnaya zhizn'. [International Life] [sajt]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/15970> (accessed: 10.05.2018).
17. Semanov S.N. A.M. Gorchakov – russkij diplomat XIX v. [A. M. Gorchakov – Russian diplomat of the XIX century]. Moscow, Socehgiz, 1962. 115 p.
18. Serova O.V. Gorchakov, Kavur i ob"edinenie Italii [Gorchakov, Kavur and the unification of Italy]. Moscow, Nauka, 1997. 351 p.
19. Serova O.V. Russko-francuzskie otnosheniya v ocenke knyazya A.M. Gorchakova [A.M. Gorchakov's assessment of the Russian-French relations]. In: *Rossiya i Franciya XVIII–XX veka*. Vyp. 3. [Russia and France of the XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka, 2000, pp. 132–148.
20. Fond podderzhki publichnoj diplomatii imeni A.M. Gorchakova [Fund of public diplomacy support named after A.M. Gorchakov] [sajt]. Available at: <https://gorchakovfund.ru/about> (accessed: 10.05.2018).
21. Chicherin G.V. Istoricheskij ocherk diplomaticheskoy deyatel'nosti A.M. Gorchakova. [Historical essay on A.M. Gorchakov's diplomatic activities]. Moscow, Lyubimaya Rossiya, 2009. 551 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жидкова Оксана Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики МГИМО МИД России, Одинцовский филиал; e-mail: jidkova.ov@mail.ru

Шпаковская Марина Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; e-mail: m.shpakovskaya@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oxana V. Zhidkova – PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of regional management and national policy, Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia, Odintsovo branch; e-mail: jidkova.ov@mail.ru

Marina A. Shpakovskaya – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of the Theory and the History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: m.shpakovskaya@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жидкова О.В., Шпаковская М.А. Оценка деятельности канцлера А.М. Горчакова в отечественной историографии (к 220-летию со дня рождения А.М. Горчакова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 55-69.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-55-69

FOR CITATION

Zhidkova O., Shpakovskaya M. The evaluation of the chancellor A.M. Gorchakov's activities by national historiography (to 220th anniversary of A.M. Gorchakov's birth). In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 55-69.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-55-69

УДК 94 (436)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-70-82

**НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АВСТРОВЕДЕНИЯ:
УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ АВСТРИИ
В НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА И.Г. ЖИРЯКОВА (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Семенова В.К.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье дается краткий историографический анализ монографических работ и иных научных публикаций доктора исторических наук, профессора И.Г. Жирякова, в которых рассматриваются узловые проблемы новейшей истории Первой и Второй австрийских республик. В статье делается вывод о том, что его вклад в развитие отечественной исторической науки указанного направления является весомым и значимым; научная деятельность И.Г. Жирякова на кафедре новой, новейшей истории и методологии МГОУ делает эту кафедру, без преувеличения, одним из ведущих научных центров российского австроведения.

Ключевые слова: австроведение, новейшая история, историографический анализ, Первая Австрийская Республика, Вторая Австрийская Республика.

**AT THE SERVICE OF DOMESTIC AUSTRO-SCIENCE: KEY PROBLEMS
OF THE MODERN HISTORY OF AUSTRIA IN THE SCIENTIFIC PUBLICATION
OF I.G. ZHIRIAKOV, DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES, PROFESSOR
(ON THE OCCASION OF HIS 70TH BIRTHDAY)**

V. Semenova*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article provides a brief historical overview of monographs and other scientific works of I.G. Zhiriakov, PhD in History, where chief issues of the newest history of the first and the second Austrian Republics are scrutinized. The author concludes that Jiryakov's impact into the development of the mentioned historical science flow is truly significant. Scientific activity of I.G.Zhiriakov at the Department of New, Contemporary History and Methodology of MGOU without exaggeration makes this department one of the leading scientific centers of the Russian Austria-studying science.

Key words: Austria-studying, contemporary history, historiographic analysis, First Austrian Republic, Second Austrian Republic.

Педагогическая и научная деятельность доктора исторических наук, профессора И.Г. Жирякова связана с несколькими вузами нашей страны. Он окончил с отличием историко-филологический факультет (отделение истории) Тульского государственного педагогического института им. Л.Н. Толстого; будучи студентом второго курса, стал обладателем Первой премии Всесоюзного конкурса студенческих работ; первая его публикация вышла 1968 г.

В 1973–1976 гг. И.Г. Жиряков – аспирант кафедры новой и новейшей истории МОПИ им. Н.К. Крупской, где успешно защитил под руководством своего учителя Э.А. Кургиняна кандидатскую диссертацию по теме «Австро-советские отношения после заключения Государственного договора (1945–1955 гг.)». На защите диссертации оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор, бывший Первый секретарь Посольства СССР в Австрии Г.Л. Розанов и старейший советский австровед, доктор исторических наук, профессор М.А. Полтавский.

И.Г. Жиряков начал свою профессиональную педагогическую работу как старший преподаватель в 1976 г. в своем «родном» вузе – ТГПИ им. Л.Н. Толстого, став вскоре в 29 лет заведующим кафедрой истории. Затем – работа в престижных вузах Москвы: МГПИ им. В.И. Ленина, Московская Высшая партийная школа, Российский социально-политический университет. В 1987 г. И.Г. Жиряков успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Австрийско-советские отношения и проблема безопасности и сотрудничества в Европе, 1945–1986 гг.» в диссертаци-

онном совете Академии общественных наук при ЦК КПСС, на заседании которого присутствовали такие видные ученые нашей страны, члены совета, как академики А.Л. Нарочницкий, И.И. Минц, М.П. Ким, профессора Ю.Н. Афанасьев, Л.С. Гопоненко и др. И.Г. Жиряков стал одним из пяти самых молодых (до 40 лет) докторов наук и профессоров среди историков, работавших в вузах СССР.

С 1991 г. почти 25 лет И.Г. Жиряков возглавлял кафедру всеобщей истории и исторический факультет Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, одновременно все эти годы сотрудничая на условиях внешнего совместительства с кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГПУ-МГОУ. В 2015 г. И.Г. Жиряков окончательно переходит на работу профессором по кафедре новой, новейшей истории и методологии МГОУ.

Область научных интересов И.Г. Жирякова весьма обширна – он автор публикаций по новой и новейшей истории стран Европы, США и Востока. Перу И.Г. Жирякова принадлежат индивидуальные монографические исследования, а также книги, написанные в соавторстве, статьи в журналах «Вопросы истории», «Российская история», «Федерализм» «Социально-гуманитарные знания», «История государства и права», «Право и политика», «Современное право», «Право и жизнь» и др. Однако научной общественности известен И.Г. Жиряков, прежде всего как австровед.

Первые его научные статьи по новейшей истории Австрии, её внешней политике и отношениям с СССР появились в годы обучения в аспиран-

туре; первая монографическая работа И.Г. Жирякова под названием «СССР и Австрия в 1945–1975 годы» была опубликована в 1982 г.; через три года выходит в издательстве «Международные отношения» его монография «СССР и Австрия: итоги и перспективы сотрудничества». В целом новой и новейшей истории Австрии И.Г. Жиряков посвятил восемь индивидуальных монографий; шесть монографических исследований, написанных в соавторстве; около 80 статей, опубликованных в различных отечественных и зарубежных изданиях.

Новейшая история Австрии богата яркими событиями, к которым не иссякает до сих пор интерес у профессиональных историков. К таким событиям относится, естественно, появление Первой Австрийской Республики в 1918 г. Свою лепту в воссоздании исторической картины, связанной с рождением этой республики и функционированием её государственных институтов, внёс И.Г. Жиряков. В своей монографии «Австрийское государство в 1918–1933 гг.» им рассматривались политические и правовые аспекты образования Первой Австрийской Республики, установление парламентской формы правления, территориально-государственное устройство, развитие федерализма, освещались также обстоятельства отхода Австрии от парламентаризма и федерализма к корпоративному государству, и, наконец, были выявлены причины аншлюса, приведшего к исчезновению австрийского суверенного государства [5].

Ко многим обозначенным важным историческим событиям в жизни австрийского народа И.Г. Жиряков воз-

вращается и после издания указанной монографии. Для историков и юристов представляют несомненный интерес его рассуждения о том, как происходило становление новой Австрии после распада империи Габсбургов. В начале, как известно, появляется «Немецкая Австрия», включившая в себя районы бывшего австро-венгерского дуалистического государства с преимущественно этнически немецким населением. Для формирования новых органов власти, создания стройной системы управления необходимо было принять Основной закон – Конституцию. А это требовало, в свою очередь, проведения выборов в Учредительное национальное собрание «Немецкой Австрии». И.Г. Жиряков, считая, что новая система выборов гарантировала процентное соотношение депутатов, примерно соответствовавшее доле полученных партиями голосов, утверждает, что подготовка и проведение выборов в Учредительное собрание, несмотря на некоторые изъяны, стало первым шагом на пути к демократическому волеизъявлению жителей новой страны [29, с. 53–59].

В других публикациях И.Г. Жиряков показывает движение от «Немецкой Австрии» к «Австрийской Республике» [31, с. 74–86], закончившееся принятием конституции в 1920 г. Его предшественники в нашем отечественном австроведении довольно скептически относились в своих оценках к конституции 1920 г., а поправки к ней, принятые в 1929 г., считали чуть ли не выхолащиванием всего демократического содержания Основного закона страны. И.Г. Жиряков полагает, что конституция Австрийской Республики 1920 г. с поправками 1929 г. заслу-

живает высокой исторической оценки; она устанавливала демократическую республиканскую форму правления, предусматривала введение поста президента с представительными функциями, двухпалатного законодательного органа, нижняя палата которого должна была избираться всем взрослым населением страны. Правительство во главе с канцлером несло ответственность перед парламентом [5, с. 47–52; 31, с. 43–44].

И.Г. Жиряков особо останавливается на деятельности высшего законодательного и представительного органа власти в Австрии – парламента страны [5, с. 59–61; 17, с. 53–58]. По мнению автора, общепринятая в Европе высокая положительная оценка правотворческой и политической деятельности парламента нынешней Второй Австрийской Республики не могла, наверное, иметь место, если бы он не учитывал и не вбирал в себя весь лучший опыт австрийского парламентаризма 20-х гг. XX в. [17, с. 53].

Ещё одним бесспорным «заованием» Австрии является успешное функционирование её федерального устройства: население города Вены и восьми земель избирали земельные собрания (ландтаги), пользовавшиеся широкими правами самоуправления. И.Г. Жиряков рассматривает историю формирования австрийского федерализма в нескольких своих публикациях [5, с. 96–114; 38, с. 33–41; 22, с. 145–154; 19, с. 32–34].

История Первой Австрийской Республики – это не только история демократического обновления и успехов на пути создания демократического австрийского государства; это годы борьбы с навязанной австрийскому

народу австрофашистской диктатурой, и это время поражений и трагедий. Термины «австрофашизм», и «австрофашистская диктатура» в научной литературе связывают с установлением и функционированием авторитарного политического режима канцлера Э. Дольфуса, который с марта 1933 г. стал управлять страной на основании чрезвычайного закона 1917 г.; это был конец демократии, утверждает И.Г. Жиряков [28, с. 111].

К сожалению, в некоторых сегодняшних австрийских публикациях предпринимаются попытки обелить деятельность этого режима; для обозначения австрофашистской системы управления используются такие термины, как «сословное государство», «авторитарное правление»; утверждается, что режим Дольфуса был «мягче национал-социализма» и т.д. Не обошли эти «новые веяния» и российскую политическую и историческую литературу, пишет И.Г. Жиряков. В учебном пособии, изданном в 2006 г. для студентов вузов, признается «наличие тенденции к установлению в Австрии фашистского режима с национальной спецификой», которая, по утверждению автора, «не нашла своего полного завершения» [2, с. 96].

И.Г. Жиряков, признавая специфические особенности режима Дольфуса, тем не менее считает, что все эти особенности не меняют фашистскую сущность его режима, даже несмотря на то, что этот режим якобы «боролся» против «коричневой чумы», исходящей от фашистской Германии [28, с. 111]. В подтверждении своего вывода И.Г. Жиряков подробно анализировал конституцию 1934 г., утвердившую диктатуру австрофашизма и лишив-

шую австрийцев главного – свободы и демократии [38, с. 126–138].

Одни австрийцы в силу ряда причин оказались в плену обещаний лидеров австрофашизма и не возражали против новых порядков; другие активно выступили за восстановление утраченной демократии. Речь идет о событиях в феврале 1934 г. в Австрии, которые в изложении советских авторов являлись проявлением самоотверженной, но проигранной борьбы австрийского рабочего класса против набравшей силу фашистской реакции в стране [39, с. 87]. И.Г. Жиряков предлагает рассматривать февральские события 1934 г. шире – как последнюю попытку всех прогрессивных сил в стране (а не только рабочего класса) защитить, или, точнее, восстановить (поскольку государственный переворот состоялся в марте 1933 г.) демократическую форму правления [30, с. 42–49].

Но самым трагическим событием «межвоенной» истории Австрии является её насильственное присоединение (аншлюс) к гитлеровской Германии. Об аншлюсе, его причинах и последствиях в зарубежной и отечественной литературе идет длительное время острая дискуссия. И.Г. Жиряков принял участие в этой дискуссии [18, с. 59–63; 33, с. 60–67; 34, с. 103–116]. Он поддерживает мнение известного российского историка А.А. Ахтамзяна, сравнивавшего аншлюс с аннексией [1, с. 84]. Но при этом И.Г. Жиряков замечает, что термин «аннексия», раскрывая сущность конкретной агрессивной акции германского фашизма, «уводит исследователя от оценки деятельности властей, элиты, населения Австрии в рассматриваемое время» [18, с.60]. Названным обстоятельствам

уделяет большое внимание И.Г. Жиряков; он пишет, что именно тогдашняя австрийская власть, тогдашняя элита и «подавляющее большинство австрийцев без всякого нажима принесло свою страну в жертву нацистскому рейху», и заключает: «для значительной части австрийского населения аншлюс с Германией был «желательным аншлюсом» [18, с. 62–63].

СССР, осудив насильственное присоединение Австрии [40, S. 459–460], принял активное участие в освобождении Австрии и содействовал возрождению новой Австрии; начинается история Второй Австрийской Республики, все заметные страницы которой так или иначе нашли отражение в индивидуальных и написанных в соавторстве монографиях И.Г. Жирякова, а также в его статьях в научных изданиях. Назовем и обозначим лишь концептивно основные проблемы исследования послевоенной австрийской истории, ставшие предметом изучения И.Г. Жирякова.

Первая проблема связана с формированием и деятельностью Временного правительства Австрии, направленной на денацификацию аппарата управления [21, с. 29–35; 36, с. 8–22], решение территориальных вопросов [38, с. 54–64], сложных экономических и финансовых проблем страны в период оккупации [24, с. 125–130; 20, с. 125–130; 35, с. 23–39].

Вторая проблема, острота которой в силу ряда причин стала запредельной в последние два десятилетия, – это деятельность советских оккупационных властей в Австрии. В австрийской литературе появилось немало число публикаций, обличающих советские оккупационные власти.

И.Г. Жиряков пытается дать объективный анализ деятельности советской военной администрации [25, с. 97–99; 26, с. 294–304; 37, с. 226–247]. Признавая, что в любой стране, живущей в условиях оккупационного режима, её жители переживают страдания, И.Г. Жиряков тем не менее считает нужным отметить, что при всех издержках, которыми сопровождалось пребывание советских войск в стране, оккупационный режим в советской зоне не был столь жестоким и репрессивным, как зачастую он воспринимался и ещё воспринимается частью австрийской общественности. Массовых арестов австрийцев по политическим и идеологическим причинам, не связанным с процессом денацификации или преследованием военных и уголовных преступников, а также лиц, уличенных в саботаже или нарушении распоряжений советских оккупационных властей, не было, утверждает историк [26, с. 297–298].

Третья проблема является, конечно, самой востребованной в австрийском историческом сообществе – это изучение всех обстоятельств и перипетий, связанных с заключением Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии.

Не вдаваясь в подробности сложного переговорного процесса, связанного с заключением затянувшегося почти на десятилетие Государственного договора, можно утверждать, как считает И.Г. Жиряков, посвятивший этой проблеме немало своих публикаций [7; 8; 12; 13], что советское руководство преследовало цель не «советизации» Австрии, а создание австрийского государства, дружественного настроен-

ного к СССР и не входившего в западные военно-политические союзы. Эту цель удалось реализовать с помощью самого австрийского народа и его правительства, выступившего в поддержку идеи «постоянного нейтралитета».

Четвертая проблема связана с формированием и проведением Австрией нового внешнеполитического курса, базирующегося на принципах постоянного нейтралитета. Изучению указанной проблемы в работах И.Г. Жирякова уделяется большое внимание [9; 11; 27]. Он неустанно утверждал, что внешняя политика нейтральной Австрии принесла ей громадные политические, экономические, международные выгоды [23, с. 38–40]. По мнению исследователя, позитивная роль Австрии как нейтрального государства в международных отношениях в период биполярного мироустройства в деле поддержания мира, разрядки напряженности, налаживания взаимовыгодного сотрудничества была общепризнанной и бесспорной [9, с. 3–4].

Пятая проблема обусловлена важностью и значимостью для Австрии развития отношений с СССР и его правопреемником Российской Федерацией. СССР занимал действительно большое место во внешней политике Второй Австрийской Республики. Этим объясняется особый интерес к проблемам австрийско-советских отношений в научных публикациях И.Г. Жирякова [11; 12; 13]. Он не раз подчеркивал, что сама история возникновения Второй Австрийской Республики и дальнейшее её послевоенное развитие теснейшим образом связано с Советским Союзом [6, с. 4].

Отношения между Австрией и СССР после заключения Государ-

ственного договора 1955 г. благодаря, с одной стороны, усилиям правящих политических партий и государственных деятелей Австрии, а с другой, – советского руководства [10; 11; 13; 32; 41], И.Г. Жиряков считал образцом отношений двух стран, имеющих разный экономический и политический вес в мире, принадлежащих к противостоящим по идеологическим причинам общественно-политическим системам, но сумевшим наладить широкое и взаимовыгодное двустороннее сотрудничество в политической, экономической и культурной областях [41, S. 52–59.]. После развала СССР отношения новой России с Австрией строились не на пустом месте; всё лучшее в этих отношениях бережно сохранялось обеими сторонами.

Шестая проблема – история «австрийского пути» в Европейский союз. Австрия стала, как известно, членом Евросоюза в 1995 г., получив, с одной стороны, немалые политические и экономические дивиденды, а с другой, утратив в некоторой степени своё внешнеполитическое самовыражение в силу принципов деятельности ЕС [14, с. 84–92]. История австрийской евроинтеграции была и остается важнейшей темой исследований австрийских специалистов. Не обошел вниманием эту тему и И.Г. Жиряков [15, с. 92–99; 16, с. 87–92]. Итогом изучения указанной проблемы стала его монография, написанная в соавторстве со своим учеником – М.В. Макаренковым, под названием «Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад-Восток», в которой воссоздается движение Австрийской Республики по пути европейской экономической интеграции на

фоне противоборства и одновременно, – попыток сотрудничества Запада и Востока [4].

Седьмая проблема – состояние и перспективы современных австрийско-российских отношений, которые с начала 90-х гг. XX в. наполнились новым содержанием, связанным с изменением политического вектора развития нашей страны и вступлением Австрии в Европейский союз. И.Г. Жиряков издал в соавторстве монографическое исследование «Экономическое сотрудничество Австрии и России в контексте отношений ЕС – РФ», в котором рассказывается об экономическом сотрудничестве Австрийской Республики и Российской Федерации в контексте становления и развития партнерских отношений между ЕС и РФ в 1992–2006 гг.; рассматривается также взаимодействие в экономической сфере Австрийской Республики как члена Евросоюза и Российской Федерации в наступивших позднее условиях осложнившихся отношений между ЕС и нашей страной, проявления кризисных явлений в европейском интеграционном процессе. И.Г. Жиряков и его соавтор, не скрывая сложности в австрийско-российском экономическом сотрудничестве, представляют своё видение их устранения и выражают надежду на более благоприятные перспективы содействия и сотрудничества двух стран в контексте отношений России – ЕС [3, с. 237–243].

В завершение следует отметить, что в развитие отечественного австроведения вклад доктора исторических наук, профессора И.Г. Жирякова является, бесспорно, весомым и значимым; приведенный краткий историографиче-

ский анализ его работ по австрийской проблематике убедительно, на наш взгляд, это подтверждает. Научная деятельность И.Г. Жирякова на кафедре новой, новейшей истории и методологии МГОУ делает эту кафедру, без преувеличения, одним из ведущих научных центров российского австроведения.

Поздравляя Ивана Георгиевича Жирякова с 70-летием, хочется пожелать ему от имени его бывших студентов, аспирантов и сегодняшних учеников крепкого здоровья и реализации всех намеченных творческих планов.

Статья поступила в редакцию 29.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтамзян А.А. Аннексия Австрии рейхом // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 72–84.
2. Ватлин А.Ю. Австрия в XX веке: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2006. 196 с.
3. Жиряков И.Г. Макаренков М.В. Экономическое сотрудничество Австрии и России в контексте отношений ЕС–РФ. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2017. 244 с.
4. Жиряков И.Г. Макаренков М.В. Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад–Восток. М.: МГОУ, 2016. 220 с.
5. Жиряков И.Г. Австрийское государство в 1918–1938 гг.: историко-правовое исследование. М.: МГГУ им. М.А.Шолохова, 2010. 160 с.
6. Жиряков И.Г., Барбашина О.И., Максимова О.В. Экономические отношения Австрии с Советским Союзом и Россией: опыт, новые формы и тенденции. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 165 с.
7. Жиряков И.Г. Восстановление государственного суверенитета Австрийской Республики после Второй мировой войны: историко-правовое исследование. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, МАЭП. 2008. 166 с.
8. Жиряков И.Г. Воссоздание австрийского государства в 1945–1955 гг.: историко-правовое исследование. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, МАЭП. 2007. 246 с.
9. Жиряков И.Г., Михасюк О.Н. Внешняя политика нейтральной Австрии в «эру» Крайского. М., МГОПУ им.М.А. Шолохова, 2002. 211 с.
10. Жиряков И.Г. Швейцер В.Я. Бруно Крайский. Политик и время. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2001. 310 с.
11. Жиряков И.Г. Советский Союз – Австрия: на пути к созданию общеевропейского дома. М.: АОН ЦК КПСС, 1991. 218 с.
12. Жиряков И.Г. СССР–Австрия: итоги и перспективы сотрудничества. М.: Международные отношения, 1985. 176 с.
13. Жиряков И.Г. СССР и Австрия в 1945–1975 годы. Деятельность КПСС, правительства СССР, общественных организаций страны по развитию советско-австрийских отношений. М.: Молодая гвардия, 1982. 184 с.
14. Жиряков И.Г. К истории «санкционных войн» Евросоюза; конфликт ЕС с Австрией в 2000 году // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 4 (20). С. 84–91.
15. Жиряков И.Г. Макаренков М.В. Завершение «австрийского пути» в ЕС; сторонники и противники евроинтеграции // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (16). С. 92–99.
16. Жиряков И.Г., Макаренков М.В. Австрия в Европейском Союзе во второй половине 90-х годов XX века; экономические выгоды и проблемы // ЭПОС. 2013. № 4. С. 87–92.
17. Жиряков И.Г. Конституционно-правовой статус, структура и компетенция парламента в Первой Австрийской Республике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 4. С. 53–58.

18. Жиряков И.Г. Из истории аншлюса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 4. С. 59–63.
19. Жиряков И.Г. Австрийский федерализм в 1918–1933 годах; основные правовые положения // История государства и права. 2008. № 4. С. 32–34.
20. Жиряков И.Г. Некоторые направления финансовой политики австрийского правительства во второй половине 40-х – начале 50-х годов XX века // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2008. № 3(31). С. 125–130.
21. Жиряков И.Г. Образование Временного правительства в Австрии: историко-правовые аспекты // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2007. № 3. С. 29–35.
22. Жиряков И.Г. Из истории формирования основ современного австрийского федерализма // Федерализм. 2007. № 4 (48). С. 145–154.
23. Жиряков И.Г. Роль и место идей о постоянном нейтралитете в восстановлении полного суверенитета австрийского государства // История государства и права. 2007. № 22. С. 38–40.
24. Жиряков И.Г. Экономические претензии СССР к Австрии после Второй мировой войны и их разрешение: политико-правовые аспекты // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2007. № 3 (31). С. 125–130.
25. Жиряков И.Г. Советская оккупационная власть в Австрии: некоторые политико-правовые выводы и обобщения её деятельности // Современное право. 2007. № 8 (1). С. 97–99.
26. Жиряков И.Г. Советская оккупация Австрии: некоторые политико-правовые выводы и обобщения // Право и жизнь. Независимый научно-правовой журнал. 2007. № 112 (7). С. 294–304.
27. Жиряков И.Г. Из истории австрийского государства; вступление Австрии в ООН и Совет Европы как проявление подлинного государственного суверенитета страны // История государства и права. 2007. № 24. С. 31–33.
28. Жиряков И.Г. Риски и угрозы конституционного процесса в условиях диктатуры: размышления об особенностях австрофашизма // Россия и современный мир – цивилизационные вызовы в условиях глобализации. Новосибирск: АНС «СибАК», 2015. С. 110–118.
29. Жиряков И.Г. Подготовка и проведение выборов в Учредительное национальное собрание «Немецкой Австрии» // Вестник Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова. 2011. № 4. С. 53–59.
30. Жиряков И.Г. Февральские события 1934 года в Австрии: последняя попытка восстановить демократическую форму правления в Первой Австрийской Республике // Вестник Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова. 2010. № 2. С. 42–49.
31. Жиряков И.Г. Становление нового австрийского государства после Первой мировой войны: от «Немецкой Австрии» до «Австрийской Республики» (1918–1920) // Вестник Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова. 2010. № 1. С. 74–86.
32. Жиряков И.Г., Максимова О.В. Основные этапы австрийско-советских отношений после заключения Государственного договора: позиции правящих политических партий // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2010. № 2. С. 50–64.
33. Жиряков И.Г. К вопросу о терминологии событий марта-апреля 1938 года в истории Австрийского государства // Вестник Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова. 2010. № 1 (3). С. 237–243.

34. Жиряков И.Г. Аншлюс и уничтожение австрийского государства // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. 2009. № 1. С. 103–116.
35. Жиряков И.Г. Законодательная и нормативно-распорядительная деятельность парламента и правительства Австрии в экономической и социальной сферах в конце 40-х – начале 50-х гг. XX века // Научные труды Московской академии экономики и права. 2009. № 24. С. 23–39.
36. Жиряков И.Г. Денацификация государственного аппарата Австрии после освобождения страны от фашизма (конец 40-х начало 50-х гг. XX века // Научные труды Московской академии экономики и права. 2009. № 24. С. 8–22.
37. Жиряков И.Г. Основные политико-правовые направления деятельности союзных оккупационных властей по возрождению австрийской государственности и развитию её демократических начал (апрель–ноябрь 1945 года) // Научные труды Московской академии экономики и права. 2008. № 20. С. 226–247.
38. Жиряков И.Г. Из истории австрийского государства в новое и новейшее время: сборник научных трудов. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А.Шолохова, 2006. 169 с.
39. Костман Е. Некоторые уроки борьбы австрийских рабочих против фашизма (февраль 1934 г.) // Вопросы истории. 1959. № 4. С. 87–97.
40. Shirjakow I. Moskauer Erklärung über Österreich // Weg und Ziel. 1988. № 11. S. 459–460.
41. Shirjakow I. Sowjetische österreichische Beziehungen als Beispiel der friedlichen Koexistenz // 70 Jahre Friedenspolitik und die österreichisch-Sowjetischen Beziehungen. Wien. Österreichisch-Sowjetisch-Gesellschaft, 1989. S. 52–59.

REFERENCES

1. Akhtamzyan A.A. [The annexation of Austria by Reich]. In: *Voprosy istorii*, 1988, no. 9, pp. 72–84.
2. Vatlin A.Yu. *Avstriya v XX veke: ucheb. posobie dlya vuzov* [Austria in the twentieth century]. Moscow, Drofa Publ., 2006. 196 p.
3. Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V. *Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Avstrii i Rossii v kontekste otnoshenii ES – RF* [Economic cooperation between Austria and Russia in the context of the EU – Russian Federation]. Moscow, Izdatel'skii dom «Nauchnaya Biblioteka» Publ., 2017. 244 p.
4. Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V. *Avstriya i evropeiskaya ekonomicheskaya integratsiya v kontekste otnoshenii Zapad-Vostok* [Austria and European economic integration in the context of West-East relations]. Moscow, MGOU Publ., 2016. 220 p.
5. Zhiryakov I.G. *Avstriiskoe gosudarstvo v 1918–1938 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie* [Austrian state 1918–1938: historic-legal research]. Moscow, MGGU im. M.A. Sholokhov, 2010. 160 p.
6. Zhiryakov I.G., Barbashina O.I., Maksimova O.V. *Ekonomicheskie otnosheniya Avstrii s Sovetskim Soyuzom i Rossiei: opyt, novye formy i tendentsii* [The economic relations of Austria with the Soviet Union and Russia: experience, new forms and trends]. Moscow: MGGU im. M.A. Sholokhov, 2009. 165 p.
7. Zhiryakov I.G. *Vosstanovlenie gosudarstvennogo suvereniteta Avstriiskoi respubliki posle vtoroi mirovoi voiny: istoriko-pravovoe issledovanie* [The restoration of the state sovereignty of Austria after the Second World War: historical and legal research]. Moscow: MGGU im. M.A. Sholokhov, MAEP, 2008. 166 p.
8. Zhiryakov I.G. *Vossozdanie avstriiskogo gosudarstva v 1945–1955 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie* [The reconstruction of the Austrian state in 1945–1955: historical and legal research]. Moscow: MGGU im. M.A. Sholokhov, MAEP, 2007. 246 p.

9. Zhiryakov I.G. Mikhasyuk O.N. Vneshnyaya politika neutral'noi Avstrii v «eru» Kraiskogo [Foreign policy of neutral Austria in "the age" of Kreisky]. Moscow, the Moscow state pedagogical University im. M. Sholokhov, 2002. 211 p.
10. Zhiryakov I.G., Shveitser V.Ya. Bruno Kraiskii. Politik i vremya [Bruno Kreisky. Politician for all times]. Moscow, Moscow State Pedagogical University n. by M.A. Sholokhov, 2001. 310 p.
11. Zhiryakov I.G. [Soviet Union and Austria: towards the creation of a common European home]. Moscow, AON TSK KPSS Publ., 1991. 218 p.
12. Zhiryakov I.G. SSSR-Avstriya: itogi i perspektivy sotrudnichestva [USSR-Austria: results and perspectives of cooperation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1985. 176 p.
13. Zhiryakov I.G. SSSR i Avstriya v 1945–1975 gody. Deyatel'nost' KPSS, pravitel'stva SSSR, obshchestvennykh organizatsii strany po razvitiyu sovetsko-avstriiskikh otnoshenii [USSR and Austria in the years of 1945–1975. The activities of the CPSU, the Soviet government, the public organizations for the development of the Soviet-Austrian relations]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1982. 184 p.
14. Zhiryakov I.G. [The history of the "sanction wars" of the European Union; conflict of the EU with Austria in 2000]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2015, no. 4 (20), pp. 84–91.
15. Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V. [The completion of the "Austrian way" in the EU; supporters and opponents of European integration]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2014, no. 4 (16), pp. 92–99.
16. Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V. [Austria in the European Union in the second half of 90s of the XX century; economic benefits and problems]. In: *EPOS*, 2013, no. 4, pp. 87–92.
17. Zhiryakov I.G. [Constitutional and legal status, structure and competences of the Parliament in the First Austrian Republic]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2012, no. 4, pp. 53–58.
18. [Zhiryakov I. G From the history of the Anschluss]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2012, no. 4, pp. 59–63.
19. Zhiryakov I.G. [Austrian federalism in the years of 1918–1933; the main legal provisions]. In: *Istoriya gosudarstva i prava*, 2008, no. 4, pp. 32–34.
20. Zhiryakov I.G. [Some directions of financial policy of the Austrian government in the second half of 40]. In: *Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya sreda*, 2008, no. 3 (31), pp. 125–130.
21. Zhiryakov I.G. [The formation of the Provisional government in Austria: historical and legal aspects]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2007, no. 3, pp. 29–35.
22. Zhiryakov I.G. [The history of the foundations of modern Austrian federalism]. In: *Federalizm*, 2007, no. 4 (48), pp. 145–154.
23. Zhiryakov I.G. [The role and place of the ideas on permanent neutrality in the restoration of full sovereignty of the Austrian state]. In: *Istoriya gosudarstva i prava*, 2007, no. 22, pp. 38–40.
24. Zhiryakov I.G. [Economic claims of the USSR to Austria after the Second World War and their resolution: political and legal aspects]. In: *Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya sreda*, 2007, no. 3 (31), pp. 125–130.
25. Zhiryakov I.G. [The Soviet occupation authorities in Austria: some political and legal conclusions and generalizations of their activities]. In: *Sovremennoe pravo*, 2007, no. 8 (1), pp. 97–99.
26. Zhiryakov I.G. [The Soviet occupation of Austria: some political and legal conclusions and generalizations]. In: *Pravo i zhizn'*. Nezavisimyi nauchno-pravovoi zhurnal, 2007, no. 112 (7), pp. 294–304.

27. Zhiryakov I.G. [From the history of the Austrian state; the accession of Austria to the UN and the Council of Europe as a manifestation of genuine state sovereignty of the country]. In: *Istoriya gosudarstva i prava*, 2007, no. 24, pp. 31–33.
28. Zhiryakov I.G. Riski i ugrozy konstitutsionnogo protsessa v usloviyakh diktatury: razmysleniya ob osobennostyakh avstrofashizma [Risks and threats to the constitutional process in the conditions of a dictatorship: reflections on the peculiarities of austrofascism]. In: *Rossiya i sovremennyyi mir - tsivilizatsionnye vyzovy v usloviyakh globalizatsii* [Russia and the modern world - civilizational challenges in the context of globalization]. Novosibirsk, ANS «SibAK» Publ., 2015, pp. 110–118.
29. Zhiryakov I.G. [The preparation and conduct of elections to the Constituent National Assembly "German Austria"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo pedagogicheskogo universiteta im. M.A. Sholokhova*, 2011, no. 4, pp. 53–59.
30. Zhirakov I.G. [The events of February 1934 in Austria: the last attempt to restore the democratic form of government in the First Austrian Republic]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo pedagogicheskogo universiteta im. M.A. Sholokhova*, 2010, no. 2, pp. 42–49.
31. Zhiryakov I.G. [The formation of the new Austrian state after the First World War: from "German Austria" to "Austria" (1918–1920)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo pedagogicheskogo universiteta im. M.A. Sholokhova*, 2010, no. 1, pp. 74–86.
32. Zhiryakov I.G., Maksimova O.V. [The main stages of the Soviet-Austrian relations after the conclusion of the State Treaty: the position of the ruling political parties]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Seriya: Istoriya i politologiya*, 2010, no. 2, pp. 50–64.
33. Zhiryakov I.G. [On the question of terminology of the events of March–April 1938 in the history of the Austrian state]. In: *Vestnik Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova*, 2010, no. 1 (3), pp. 237–243.
34. Zhiryakov I.G. [The Anschluss and the destruction of the Austrian States]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova*, 2009, no. 1, pp. 103–116.
35. Zhiryakov I.G. [Legal and normative activities of the Parliament and the government of Austria in the economic and social spheres in the late 40th]. In: *Nauchnye trudy Moskovskoi akademii ekonomiki i prava*, 2009, no. 24, pp. 23–39.
36. Zhiryakov I.G. [Denazification of the state apparatus of Austria after liberating the country from fascism]. In: *Nauchnye trudy Moskovskoi akademii ekonomiki i prava*, 2009, no. 24, pp. 8–22.
37. Zhiryakov I.G. [The main legal and political directions of the allied occupation authorities to revival of the Austrian state and the development of democratic principles (April–November 1945)]. In: *Nauchnye trudy Moskovskoi akademii ekonomiki i prava*, 2008, no. 20, pp. 226–247.
38. Zhiryakov I.G. Iz istorii avstriiskogo gosudarstva v novoe i noveishee vremya: sbornik nauchnykh trudov [From the history of the Austrian state in the modern times: collection of scientific works]. Moscow, RITS «Al'fa» MGOPU im. M.A. Sholokhov, 2006. 169 p.
39. Kostman E. [Some lessons of the Austrian workers' struggle against fascism (February 1934)]. In: *Voprosy istorii*, 1959, no. 4, pp. 87–97.
40. Shirjakow I. Moskauer Erklärung über Österreich. In: *Weg und Ziel*, 1988, no 11, S. 459–460.
41. Shirjakow I. Sowjetische österreichische Beziehungen als Beispiel der friedlichen Koexistenz. In: *70 Jahre Friedenspolitik und die österreichisch-Sowjetischen Beziehungen*. Wien, Österreichisch-Sowjetisch Gesellschaft, 1989, S. 52–59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Вера Константиновна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ya.vegas93@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera K. Semenova – post-graduate student of the Department of New, Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: ya.vegas93@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенова В.К. На службе отечественного австроведения: узловые проблемы новейшей истории Австрии в научных публикациях доктора исторических наук, профессора И.Г. Жирякова (к 70-летию со дня рождения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 70–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-70-82

FOR CITATION

Semenova V. At the Service of Domestic Austro-Science: Key Problems of the Modern History of Austria in the Scientific Publication of I.G. Zhiriakov, Doctor of Historical Sciences, Professor (on the Occasion of His 70TH Birthday). In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 70–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-70-82

Всеобщая история

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-83-91

О НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СКИФОВ ЦАРСКИХ

Удодова А.Д.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В исторической науке сосуществует несколько гипотез о происхождении скифов. Начало истории скифов достаточно условно определено в рамках VII в. до н.э., по данным ассииро-вавилонских источников. Появление ираноязычных народов (скифов в том числе) в Евразии связано с распадом праиранской общности. Это событие датируется по-разному, в пределах XX–XIII вв. до н.э. В статье принята гипотеза о начале скифской истории с XIII века до н.э. По мнению автора, наиболее согласуется с данными археологии и письменных источников гипотеза о происхождении скифов царских из-за Аракса (русла Аму-Дарьи – Узбоя) и путях и миграции в Северное Причерноморье через Урал и Кавказ.

Ключевые слова: позднебронзовый век, предскифский период, скифы, этногенез, Аракс=Узбой/Аму-Дарья.

ON THE EARLY SCYTHIAN HISTORY

A. Udodova

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. Among the scholars there coexist several hypotheses about the origin of the Scythians. According to Assyro-Babylonian written sources the beginning of the Scythian history is rather conditionally defined within the framework of the VII BC. The emergence of Iranian-speaking peoples (including Scythians) in Eurasia is associated with the disintegration of the proto-Iranian community. This event is dated differently within the limits of 20–13th BC. The author follows the hypothesis that links the beginning of Scythian history with the 13th BC. In author's opinion, the facts that the ancestors of the Scythians Tsars' lived beyond the Araks River (=the Uzboy, the channel of the Amu-Darya, flowed in ancient time into the Caspian Sea) most consistent with the data of archeology and written sources.

Key words: Late Bronze Age, pre-Scythian period, Scythians Royal, paleoethnogenesis, the Araks = the Uzboy /the Amu-Darya.

© СС ВУ Удодова А.Д., 2018.

В своей статье мы рассматриваем гипотезы, связанные только с одной группой скифов – скифов царских и их миграции до скифо-киммерийского конфликта. В соответствии с «исторической» легендой Геродота, скифы были вытеснены массагетами из-за реки Аракс [Hdt. IV.11], которую мы вслед за рядом исследователей идентифицируем с руслом Аму-Дарьи – Узбо-ем [16, с. 180].

Археологическую культуру по Узбою (XIV–X вв. до н.э.) смешанного срубно-андроновского типа, именуемую *тазабагъябской*, правомерно соотнести с *праскифами*, поскольку скифы, согласно общему мнению, появляются на Древнем Востоке только в VII в. до н.э. [16]. Обоснование дат, позволяющих назвать тазабагъябскую культуру пракультурой скифов царских, приводится в работе [8; 11; 16].

Археологический эквивалент «массагетам Геродота», казалось бы, можно установить по культуре, сменившей тазабагъябскую в X/IX вв. до н.э. (мавзолеи Северного Тагискена с чернолощенной керамикой – в виде кубков с разными орнаментами, заполненными белой пастой), которая рассматривается всеми исследователями как продолжение дандыбай-бегазинской культуры Центрального Кавказа. Однако эта культура неоднородна. В ней видят и черты замараевской культуры, и карасукской, и андроновской и разных «гибридных» культур юга Западной Сибири X – начала VIII вв. до н.э. [4].

Геродот в V в. до н.э. фиксирует скифов в Приуралье среди семи нескифских народов [Hdt. IV.21–27], то правомерно искать их присутствие в ананьинской культуре Приуралья IX–III вв. до н.э. Однако встает вопрос:

какая часть ананьинских комплексов скифская и какая из них древнейшая, праскифская.

Мостик между тазабагъябской и ананьинской культурой в Приуралье образует черкаскульская культура, один из компонентов, подготовивших сложение ананьинской культуры [10, с. 373]. Она на последнем этапе контактировала с «гибридными» культурами Зауралья, сузгунской, межовской и ирменской, которые испытали сильное воздействие карасукской культуры [10, с. 371]. Межовская культура (X–VIII вв. до н.э.) следует по периодизации за черкаскульской [10]. Отмечено сходство черкаскульской, межовской с замараевской культурой [14, с. 82–86], которая является компонентом в дандыбай-бегазинской культуре.

Памятники ирменского типа были включены М.П. Грязновым в круг карасукских. Большинство исследователей считает, что карасукские черты в ирменской образовались за счет притока населения, а не внутреннего преобразования ирменской культуры [4, рис. 114:31, 20, 23] и связаны также с карасукской культурой. Стратиграфия указывает на положение ирменских памятников как промежуточного звена между памятниками андроновской эпохи и последующих культур скифотатарского времени, в рамках X–VIII вв. до н.э.

Все эти замечания разных археологов говорят, что черкаскульская культура в Зауралье доживает до начала межовской культуры, а потом уходит в Приуралье. Носители черкаскульской культуры приносят на Каму и керамику межовского типа (Луговская стоянка I, р. Елабуга). Происхождение черкаскульской культуры связано, скорее

всего с приходом тазабагъябской культуры, что объясняет маршрут праскифов от Приаралья до Приуралья.

Межовские приуральские памятники, с одной стороны, частично синхронны поздним сабастиновским памятникам Правобережья Днепра, поскольку включают кинжалы со сновомазинского типа, кельты, серпы с крюком, прорезные копья, а с другой стороны, синхронны ирменской культуре Среднего Прииртышья и карасукской культуре Минусинской котловины [4, с. 291], и это объясняет происхождение сабастиновского металлокомплекса и присутствие карасукского металлокомплекса в ананьинской культуре.

В совокупности эти материалы иллюстрируют картину продвижения в лесостепь Обь-Иртышья северных андроновидных культур типа сузгунской и еловской, синхронных межовской, и причины миграции черкасульской культуры. «Этнокультурный сдвиг, начавшийся в эпоху поздней бронзы, был явлением фронтальным, захватившим огромную территорию от Урала до Обь-Иртышья» [4, с. 295].

Исторический процесс на территории пограничья лесостепи и тайги, а также в степных регионах Евразии в X–VIII вв. до н.э. представляется нам следующим образом. Разные андроновские культуры: алакульская (XIII–XII вв. до н.э.), федоровская (XII–X вв. до н.э.), тазабагъябская (XIV–X вв. до н.э.), начинают испытывать давление сначала с востока в связи с движением племен карасукской культуры, вызвавших образование «гибридных» культур типа черкасульской (X в. до н.э. в Зауралье), межовской (X–IX вв. до н.э.), сузгунской (XII–IX вв. до

н.э.) и ирменской (X–VIII вв. до н.э.). В степной полосе этот процесс проходит в виде полиэтнической дандыбай-бегазинской культуры, которая в Приаралье представлена памятниками Северного Тагискена (IX–VIII вв.) [13, табл. 3].

Некоторые исследователи [1, с. 503] видят в этом соответствие межэтническим контактам военного характера, описанных Аристеем [Hdt. IV.13].

Воздействие карасукской культуры прослеживается даже до Дона [12, с. 151; табл. 66, 68]. По нашему мнению, свидетельством тому являются чернолощенные кубки белозерской культуры с орнаментом, инкрустированным белой пастой, кубки жаботинского типа, являющиеся яркой характеристикой предскифского горизонта в Причерноморье и предсавроматского горизонта в Волго-Донье [12, с. 148–153].

В Восточной Европе идут сходные процессы: возникают островки кобьяковской культуры на Нижнем Дону, кизил-кобинской в Крыму, в Северном Причерноморье погребения с керамикой, инкустированной белой пастой (IX в. до н.э.), и карасукскими кинжалами, однолезвийными ножами, бляхами, лапчатыми подвесками карасукского типа в культурах Закавказья.

Согласно версии Диодора [Diod. II.43], должно бы быть, это скифы. Однако следует отметить, что в Северном Причерноморье такие погребения с подобной керамикой рассматриваются в кругу киммерийских памятников.

Однако эта «инкрустированная» керамика не встречается с тем комплексом, который называют предскифским киммерийским с определенным типом удил и псалий, а также кинжалов [15, рис. 68, 86].

Таким образом, можно предположить, что это самое первое появление праскифов в Северном Причерноморье, приведшее к прекращению белозерских памятников и ознаменовавшее наступление периода, отмеченного совместным присутствием в степях и праскифов, и киммерийцев, характеризующегося воинскими захоронениями, столкновениями, появлением конницы и конской бронзовой упряжи (удила и псалии). Время этого движения – X–IX вв. до н.э. Мы не улавливаем начало раскола скифской орды, обозначенное у Геродота. Может быть, их как раз и «разрезала надвое» [7, с. 35; 16, с. 18] карасукская волна [8, с. 61].

Материальные свидетельства собственно скифского присутствия в Приуралье мы видим несколько позже, в VIII в. до н.э. Но кроме чисто скифского комплекса с акинаками, стрелами скифского типа [18], в Приуралье, где, по Геродоту, жили скифы-отщепенцы [Hdt, IV.21–27], в могильниках ананьинской культуры присутствуют и комплексы, которые аналогичны кабардино-пятигорским комплексам IX в. до н.э. и Новочеркасскому кладу, которые считаются киммерийскими на Северном Кавказе. В свою очередь, в ананьинских могильниках есть кобанские топоры, которые совстречаются с кабардино-пятигорскими памятниками IX/VIII вв. до н.э., что говорит о контактах между Кавказом и Приуральем, соответствующих сообщению Геродота об отложившихся скифах.

Этническая атрибуция разных комплексов воинских захоронений в ананьинских могильниках, следовательно, упирается в атрибуцию, датировку и происхождение конской узды (удил и псалиев), которые характеризуют так

называемый «предскифский» и раннескифский период в Северном Причерноморье и Предкавказье.

А.И. Тереножкин [15, с. 205] памятники с удилами и псалиями черноморского и новочеркасского типа отнес к киммерийским и датировал 850–650 гг. до н.э. А.М. Лесков [3] постулировал одновременность двукольчатых удил и стремечковидных и сопровождающих их вещей; скифскую атрибуцию двукольчатых удил и трехпетельчатых псалиев; дату в пределах VIII в. до н.э. А.А. Иессен [6, с. 117] считал стремечковидные удила скифскими, а двукольчатые удила – киммерийскими, хотя допускал, что они могут быть как скифскими, так и киммерийскими. О. Р. Дубовская [2] развела эти два типа памятников, относила к киммерийцам двукольчатые удила, полагая возможным их удревнение до IX в. до н.э.

Вместе с тем никто из исследователей пока не нашел того места, откуда появилась конская металлическая упряжь. Сомнения в скифской атрибуции комплексов с двукольчатыми удилами поддерживаются тем, что собственно в скифских комплексах VII в. до н.э. таких удил нет. Нельзя назвать киммерийскими и стремечковидные удила, так как в Аржане, послужившем исходным центром для миграции протоскифов, по мнению ряда авторов, есть и такие удила, и псалии всех типов, но там киммерийцев нет. Существует два центра, откуда могли появиться металлические удила и псалии. Это – Трансильвания и Кавказ, а оба центра получили образцы новой упряжи из стран Древнего Востока [6, с. 75–124].

Историческая ситуация в Трансильвании меняется в конце IX в. до н.э. В

жизни населения к востоку от Дуная наступают сильные изменения: поселения заброшены, ценности прячут, меняется обряд погребения (скорченное или вытянутое труположение вместо трупосожжения). Распространилась упряжь так называемого фрако-киммерийского типа. Но материальная культура не изменилась вплоть до VI в. до н.э. Венгерские исследователи не считают, что конская упряжь – наследие скифов и не приводят доказательств их фракийского происхождения. Важно подчеркнуть, что хронологические системы памятников этой эпохи в Центральной Европе не позволяют предскифский период удревять до IX в. до н.э., таким образом, прав А.Н. Лесков, помещая и черногоровские и новочеркасские памятники в VIII в. до н.э.

О связях Кавказа с циркумпонтийской зоной говорят находки кобанских топоров и «амазонских» секир в Орду, Карсе, Сачачкале, где встречены удила с псалиями, отлитыми вместе [5]. Указанные памятники зафиксированы там, где обозначены Геродотом исторические киммерийцы, около Синопы, где жили и легендарные амазонки.

Что касается Кавказа как возможного исходного центра конского снаряжения, то А.А. Мартиросян [5, с. 125] отличает закавказские удила от ассирийско-урартского времени (IX – середина VII в.), Он приводит удила из Димаца, которые датируются XI–X вв. до н.э. [5, табл. XIII], а также бронзовые удила месопотамского типа из Кировокана [5, табл. XXI]. Удила однокольчатые, а псалии – слегка изогнутые с шишечками на конце и кольцевидными креплениями. Колокольчики датируют комплекс временем Аргишти (786–764 гг. до н.э.) [5, с. 216].

Следует упомянуть близкие по времени погребения «Редкина лагеря», где есть резные навершия с прорезями в виде треугольников; есть навершия с птицами, аналогии которым встречены в предскифских памятниках Причерноморья. Черешковые стрелы, как в Кировокане, датируются от XIII до VIII вв. до н.э. Прямых и точных аналогий стремечковидным удилам нет, как нет и двукольчатых удил [5].

Это позволяет считать конскую упряжь признаком предскифского периода в Северном Причерноморье, несущим этническую специфику, по которой можно восстановить материальный комплекс праскифов и киммерийцев. Трудность заключается в том, что между предскифским праскифскими комплексами и скифским комплексом VII–VI вв. до н.э. почти нет точек соприкосновения, кроме удил. Но по удилам надо признать скифскими комплексы типа Черногоровка-Камышеваха. С другой стороны, если скифы жили не одно поколение на Кавказе, прежде чем отправиться в походы и занять Северное Причерноморье, то такой ситуации больше отвечают кабардино-пятигорские памятники, которые показывают симбиоз металлокомплекса с кобанской культурой. Но в кобанских комплексах находят не стремечковидные, а двукольчатые удила. Значит, у киммерийцев был более надежный плацдарм на Кавказе и прочные связи с кобанцами, и те пользовались их удилами.

Трудно оценить с позиции этничности и ананьинские могильники [18, с. 257–258, рис. 59–82], в которых есть все три пласта материальной культуры: праскифский «предскифский комплекс», киммерийский «предскифский

комплекс» и собственно скифский с акинаком, стрелами, секирами.

Несмотря на то, что мы в данном конкретном случае признали этнической специфику конской упряжи, удила и псалии остаются транзитным комплексом, с которым обычно не связывают этничность, поскольку они могут перемещаться на большие расстояния, тем более, когда идет речь о жизненно важных вещах – не отстать от прогресса в вооружении. Та керамика, которая встречена с предскифскими комплексами в европейской части, она различна по принадлежности и относится к разным культурам.

Более надежно искать культуру праскифов в Азии, у Арала в период до X в. до н.э., пока она не осложнена внешними влияниями. Верно отмечено многими, что карасукская экспансия имела огромные последствия в трансформации культур андроновского мира; территориально карасукские влияния достигали Северного Причерноморья (вплоть до Одессы). Это могло стать причиной раскола скифов и откочевки большей части из них на Кавказ. Однако на Кавказе нет большого числа памятников скифского «предскифского» периода. Обнаружение двукольчатых удили с трехпетельчатыми псалиями в чернолесских памятниках и в кобанских погребениях склоняет к мысли, что кобанцы связаны с киммерийцами, а последние были союзниками фракийцев, близких по ряду проявлений с кобанской культурой.

Картографирование [2] показало, что стремечковидные удила распространены в степной зоне, а двукольчатые по обеим сторонам от этой полосы – в лесостепи и в предгорьях Кавказа, Крыма, Болгарии. В любом случае, оправданно говорить о **четырёх** прародинах скифов до начала переднеазиатских походов [1; 8; 9; 11]. Напомним.

Первая прародина – Южное Приаралье – до начала I тыс. до н.э., археологический эквивалент – тазабагъябская культура [8; 16].

Вторая прародина – бассейн р. Белой, Камы. Археологический эквивалент – черкаскульская-межовская-ирменная как основа ананьинской культуры (X–VIII в. до н.э.).

Третья прародина – Среднее Прикубанье – Николаевский могильник, и вслед за тем – появление праскифов в Северном Причерноморье (четвертая прародина), после чего киммерийцы уходят в лесостепь, в Трансильванию, Венгрию и в Северо-Западное Предкавказье, где они имеют поддержку у носителей кобанской культуры. В Закавказье они создали плацдарм (страна Гамир). Здесь их уже заметили урарты и попытались сделать их своими данниками. Скифы же оставили в Северном Причерноморье памятники типа Черногоровка-Камышеваха и предприняли походы на Древний Восток, где они в качестве наемников, сменяя сюзеренов и союзников, влияют на политическую конъюнктуру в течение 7 в. до н.э.

Статья поступила в редакцию 16.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудина Л.В., Жадобнова М.С., Николаева Н.А. Начальная история киммерийцев и скифов // Наука на благо человечества – 2017: сборник научных статей бакалавров и магистрантов по итогам Международной конференции, 17–28 апреля 2017 г., Москва. М.: МГОУ, 2017. С. 498–506.

2. Дубовская О.Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // Советская археология. 1989. № 1. С. 63–70.
3. Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии (МИА, № 177). М.: Наука, 1971. С. 75–92.
4. Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР, т. 8 (20). М.: Наука, 1987. С. 289–296.
5. Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: АН АрССР, 1964. 347 с.
6. Материалы и исследования по археологии северного Кавказа (МИА, № 23). М.: ИИМК АН СССР, 1951. 306 с.
7. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сармат в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1972. Вып. 13. С. 31–54.
8. Николаева Н.А. Некоторые замечания к гипотезам о происхождении скифов // Иранский мир II–I тыс. до н.э.: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского (Выпуск VI). М.: ИВ РАН, 2013. С. 56–63.
9. Николаева Н.А. К начальной истории киммерийцев // Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тыс.: материалы научной конференции, 27 октября 2017 г. М.: ИВ РАН, 2017. С. 80–89.
10. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
11. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Основы археологии. Введение в индоевропейскую историю. М.: МГОУ, 1999. 66 с.
12. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР, т. 11). М.: Наука, 1989. 464 с.
13. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматскую эпоху (Археология СССР, т. 10). М.: Наука, 1992. 494 с.
14. Столокос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 169 с.
15. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
16. Удодова А.Д. Тазабагьябская культура в истории праскифов // Наука на благо человечества – 2017: сборник научных статей преподавателей и аспирантов по итогам Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, 17–18 апреля 2017 г. М.: МГОУ, 2017. С. 178–183.
17. Удодова А.Д. О локализации и этнической атрибуции ираноязычных племен в контексте раннескифской истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 14–21.
18. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

REFERENCES

1. Gudina L.V., Zhadobnova M.S., Nikolaeva N.A. Nachal'naya istoriya kimmeriitsev i skifov [The initial history of the Cimmerians and Scythians] Nauka na blago chelovechestva: sbornik nauchnykh statei bakalavrov i magistrantov po itogam Mezhdunarodnoi konferentsii, 17–28 aprelya 2017 g., Moskva [Science for humanity: the collection of scientific articles undergraduates in the outcome of the International conference, from 17 to 28 April 2017, Moscow]. Moscow, MGOU Publ., 2017, pp. 498–506.

2. Dubovskaya O.R. [On the interpretation of complexes, Novocherkassk hoard]. In: *Sovetskaya Arkheologiya*, 1989, no. 1, pp. 63–70.
3. Leskov A.M. Predskifskii period v stepyakh Severnogo Prichernomor'ya [Pre-Scythian period in the steppe of the Northern black sea]. *Problemy skifskoi arkheologii (MIA, 177)* [Problems of Scythian archaeology (MIA, 177)]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 75–92.
4. Kosarev M.F. Epokha pozdnei bronzy i perekhodnoe vremya ot bronzovogo veka k zheleznomu [The late bronze age and the transitional time from the Bronze Age to the Iron Age]. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (Arkheologiya SSSR, t. 8 (20))* [The Bronze Age forest belt of SSSR (archaeology of the USSR, vol. 8 (20))]. Moscow, Nauka Publ., 1987. pp. 289–296.
5. Martirosyan A.A. Armeniya v epokhu bronzy i rannego zheleza [Armenia in the Bronze Age and early Iron Age]. Yerevan, AN ArSSR Publ., 1964. 347 p.
6. Materialy i issledovaniya po arkheologii severnogo Kavkaza (MIA, 23) [Materials and researches on archeology of the North Caucasus (MIA 23)]. Moscow, IIMK AN SSSR Publ., 306 p.
7. Machinskii D.A. [On the time of Sarmats' first active intervention of the Dnieper region according to the testimony of ancient written sources] In: *Arkheologicheskii sbornik Gos. Ermitazha*, 1972, no. 13, pp. 31–54.
8. Nikolaeva N.A. Nekotorye zamechaniya k gipotezam o proiskhozhdenii skifov [Some comments on the hypotheses about the origin of the Scythians] *Iranskii mir II–I tys. do n.e.: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati E.A. Grantovskogo i D.S. Raevskogo (Vypusk VI)* [Iranian world of II–I Millennium BC: proceedings of the international scientific conference dedicated to the memory of E. A. Grantovsky and D. S. Raevsky (Iss. VI)]. Moscow, IV RAN Publ., 2013, pp. 56–63.
9. Nikolaeva N.A. K nachal'noi istorii kimmeriitsev [To the early history of the Cimmerians] *Etnokul'turnoe razvitie Blizhnego Vostoka v IV–I tys.: materialy nauchnoi konferentsii*, 27 oktyabrya 2017 g. [Ethno-cultural development of the Middle East in the IV–I Millennium: proceedings of the conference, 27 October, 2017]. Moscow, IV RAN Publ., 2017, pp. 80–89.
10. Sal'nikov K.V. Ocherki drevnei istorii Yuzhnogo Urala [Sketches of ancient history of southern Ural]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 408 p.
11. Safronov V.A., Nikolaeva N.A. Osnovy arkheologii. Vvedenie v indoevropeiskuyu istoriyu [Fundamentals of archaeology. Introduction to Indo-European history]. Moscow, MGOU Publ., 1999. 66 p.
12. Stepi Evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Arkheologiya SSSR, t. 11) [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time (archaeology of the USSR, V. 11)]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 464 p.
13. Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskuyu epokhu (Arkheologiya SSSR, t. 10) [Prairie band of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian epoch (archaeology of the USSR, vol. 10)]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 494 p.
14. Stolokos V.S. Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya (khronologiya i periodizatsiya) [Culture of the population of the bronze age of South TRANS-Urals (chronology and periodization)]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 169 p.
15. Terenozhkin A.I. Kimmeriitsy [Cimmerians]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1976. 224 p.
16. Udodova A.D. Tazabag'yabskaya kul'tura v istorii praskifov [Tatabahasa culture in the history of paraskevs] *Nauka na blago chelovechestva* [Science for the benefit of mankind]. : collection of scientific articles of teachers and post-graduate students of the International scientific conference of young scientists, postgraduates and students, April 17–18, 2017. Moscow, MGOU Publ., 2017, pp. 178–183.

17. Udodova A.D. [On the localization and attribution of the ethnic Iranian-speaking tribes in the context of early Scythian history] In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki, 2018, no. 1, pp. 14–21.
18. Khalikov A.Kh. Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza [The Volgo-Kama region at the beginning of the early iron age] (VIII–VI centuries BC). M., Nauka Publ., 1977. 262 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Hdt – Herodotus. Histories, (Геродот «История»).

Diod – Diodori Siculi. Bibliothecae Historicae (Диодор Сицилийский «Историческая Библиотека»)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Удодова Анастасия Дмитриевна – аспирант кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета, преподаватель истории на кафедре философии, истории, теории культуры и искусства Московского государственного института музыки имени А.Г. Шнитке;
e-mail: AnanasYd@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya D. Udodova – post-graduate student of the Department of Archeology, Ancient and Medieval History, Moscow Region State University, Lecturer of history of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture and Art, Moscow State Institute of Music named after A.G. Schnittke;
e-mail: AnanasYd@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Удодова А.Д. О начальной истории скифов царских // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 83–91.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-83-91

FOR CITATION

Udodova A. On the early scythian history. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 83–91.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-83-91

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-92-101

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ

Николаева Н.А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Исторические и археологические данные свидетельствуют о том, что история киммерийцев и скифов в Восточной Европе началась с миграций XIII в. до нашей эры в ареале от Енисея до Дуная и вызвавших распад протоиранской общины, а также последующие разновекторные миграции иранских племен. Западная миграция привела к появлению киммерийского союза к западу от Днепра (бабинская культура) и к скифам-земледельцам (срубная культура) к востоку от Днепра. Киммерийцы, продолжая движение на запад, столкнулись с растущим влиянием фракийцев Среднего Дуная. Этот процесс, впервые отмеченный Бородинским кладом, привел к формированию фрако-киммерийского союза и его юго-восточной экспансии вплоть до Кавказа. В результате некоторые иранские племена были перемещены к востоку от Волги и, в конечном счете, к востоку от Урала. Их военные столкновения с местными племенами в зауральских степях завершились миграцией царских скифов из Приаралья на Кавказ и, в конечном счете, конфликтом между скифами и киммерийцами.

Ключевые слова: прото-иранская общность, Бородинский клад, киммерийцы, фракийцы, скифы.

SOME COMMENTS ON THE INITIAL HISTORY OF CIMMERIANS AND SCYTHIANS

N. Nikolaeva*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. Historical and archaeological data suggest that the history of the Cimmerians and Scythians in Eastern Europe began with the 13th century BCE migrations spanning the area from the Yenisei to the Danube and causing the disintegration of the proto-Iranian community and the ensuing variously directed migrations of filial Iranian tribes. The westward migration led to the emergence of the Cimmerian union west of the Dnieper (Babino culture) and that of Scythian Farmers (Timber-grave culture) east of the Dnieper. The Cimmerians, continuing their westward movement, were confronted with the growing influence of the Thracians on the Middle Danube. This process, first marked by the Borodino Hoard, led to the formation of the Thraco-Cimmerian union and its southeastern expansion up to the Caucasus. As a result, certain Iranian tribes were

displaced east of the Volga and eventually east of the Ural. Their military clashes with local tribes in the trans-Uralian steppes culminated in the migration of the Royal Scythians from the Aral region to the Caucasus and eventually in the conflict between Scythians and Cimmerians.

Key words: proto-Iranian community, migrations, Borodino treasure, Cimmerians, Scythians, Thracians.

В начальной истории киммерийцев и скифов остается еще много неясного, в том числе вопрос о правомерности использования исторических названий «киммерийцы и скифы» применительно к археологическим памятникам XIII–VIII вв. до н.э. Античным авторам (Гомер, Каллин, Гесиод) были известны оба этнонима и совместное их хождение в начале VIII в. до н.э. [3, с. 18; 19, с. 8]. Сами скифы относили время своего первого появления на Днепре за 1000 лет до похода Дария в 512 г. до н.э. [Hdt. IV, 5], т.е. к XV в. до н.э. Это свидетельство позволило археологам справедливо считать древности начала позднебронзового века юга России как киммерийскими, так и скифскими [1; 2; 11; 17].

История киммерийцев и скифов в Восточной Европе началась с миграций в ареале от Енисея до Дуная, вызвавших распад протоиранской общности в виде последующих разновекторных миграций иранских племен. Однако единодушия в определении времени распада индоиранской и праиранской общности, от чего зависят даты первых ираноязычных культур – эквивалентов *доисторических, не попавших еще в поле зрения истории*, киммерийцам и скифам, нет ни среди лингвистов¹, ни среди археологов. Альтернативную нашей картину истории ираноязычных

племен в системе «длинной хронологии» с опорой на калиброванные даты памятников бронзового века степей за Уралом представила в своих работах Е.Е. Кузьмина.

Первый этап – распад индоиранской общности и начало движения степных племен на юг определяется ею в интервале XX–XVII вв. до н.э. [8, с. 335 и сл.]. Второй этап миграций и арианизации Средней Азии, по Е.Е.Кузьминой, характеризуется выделением тазабагъябской культуры Приаралья из смешанной срубно-алакульской (андроновской) культур, а также миграцией смешанных с субстратом БМАК² андроновцев в Афганистан и Индию. В это время здесь присутствуют все ветви индоиранской общности: индоариев и дардо-нуристанцев (XVI–XIV вв. до н.э.), [8, с. 334–335], и это не находит объяснения. Третий этап миграций связан с культурой валиковой керамики³ и датируется XIII–IX (VIII) вв. до н.э. Лингвистически – это восточные иранцы [8, с. 340].

Концепция, которой мы следуем, изложена в ряде работ В.А. Сафронова, Н.А. Николаевой [11; 14; 15; 16]. Изначально история киммерийцев и скифов связана с разными вариантами ираноязычной срубной культуры, сформировавшейся на основе праиранской ямно-полтавкинской куль-

¹ Сторонники раннего выделения в ираноязычном населении степей Евразии скифов и киммерийцев датируют их памятники в широких пределах от XVII вв. до н.э. [19, с. 17] до XIII вв. до н.э. [11; 14; 15; 17].

² БМАК- культура оазисов Средней Азии в древности – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс

³ Другие названия этой культуры – саргаринско-алексеевская и позднеандроновская.

туры [8, с. 334]. Распад праиранской общности произошел под влиянием двух факторов: импульса в виде абашевской культуры с северо-запада и импульса в виде карасукской культуры с востока, с Центральной Азии [15 с. 34–36; 11, с. 56–57]. Абашевская культура принесла в Восточную Европу колесницы и конскую упряжь в виде костяных псалий с дунайским орнаментом, позволяющим датировать как абашевскую культуру, так и распад праиранцев не ранее XIV/XIII вв. до н.э. [17, с. 41]. Карасукская культура принесла из Центральной Азии прогрессивные виды вооружения (копья, кельты, однолезвийные кинжалы), которые были переданы в среду ираноязычных срубных племен сейминско-турбинскими металлургами [15; 17, с. 40]. Перевооружившись, раннесрубные племена «начали реконкиту» в Северном Причерноморье [15, с. 34]. Эти события определяются по китайской хронологии XIII в. до н.э. [15, с. 34–35]. Наша концепция [11; 16; 17] является альтернативой вышеупомянутой концепции Е.Е. Кузьминой [8] и в плане методологии, и в плане хронологии.

С западным вектором иранских миграций связано представление и о материальной культуре киммерийцев, и о материальной культуре скифов-земледельцев и скифов-кочевников (терминология Геродота) [Hdt. IV, 18, 19].

На первом этапе миграции срубной ираноязычной культуры из районов Поволжья на запад в результате взаимодействия ее с субстратом, позднекатакомбной культурой на территории степей Восточной Европы, появляются памятники культуры многоваликовой керамики (культура Бабино – дру-

гое название) и позднекатакомбные памятники со срубными чертами в обряде и инвентаре [15, с. 34].

Бородинский клад – наиболее выразительный символ этих миграционных процессов от Центральной Азии до Подунавья, происходивших на коротком хронологическом отрезке второй половины XIII в. до н.э. [14, с. 75–128]. Бородинский клад входит в единый горизонт с культурой многоваликовой керамики с дисковидными абашевскими псалиями, и подтверждением этому служит находка кинжала бородинского типа в курганном погребении (Молдавия, Рышканский р-н, Думяны 9/15) с двумя сосудами культуры многоваликовой керамики [16, с. 201]. Бородинские топоры типологически относятся к традиции, корни которой уходят в общеевропейский горизонт культур шнуровой керамики и боевых топоров. Ближайшие им аналогии представлены в финальной группе парадных серпентиновых топоров предкобанского этапа кубано-терской культуры [12; 14, с. 114]. Это подтверждает прохождение мигрантов через Северный Кавказ и позволяет датировать горизонт КМК (со срубно-андроновскими памятниками на Южном Урале и с Бородинским кладом) по кавказской линии синхронизации XIII в. до н.э. [14, 15, с. 23, 32].

Бородинские копья, вошедшие в арсенал ранних срубников-иранцев, являются центральноазиатской инновацией, что доказано находкой комплекса вооружения сейминско-турбинского типа в Монголии и Иньском Китае [7, с. 146, табл. 2], позволяющей датировать копья, начиная с конца XIV в. до н.э. [14, с. 127].

Кинжал [14, рис. 8: 19, 21], булавка [14, рис. 5: 1–3] и орнамент на них находят аналогии в Среднем Подунавье [14, с. 123], позволяющие датировать Бородинский клад только серединой XIII в. до н.э. [14, рис. 7: XII, XIII], а также датировать первые контакты ираноязычных мигрантов с фракийцами Подунавья второй половиной XIII в. до н.э.¹

Историческое обоснование этих контактов как отражение опосредованного участия в движении «народов моря» представил в своих работах А.В. Сафронов [18, с. 136 и сл.; с. 155 сн. 26].

На втором (сабастиновском) этапе можно наблюдать более тесный союз иранцев с фракийцами Подунавья, выразившийся в трансформации культуры многоваликовой керамики в сабастиновскую культуру, синхронную второму этапу срубной культуры в Поволжье [3; 19]. Фракийская составляющая в сабастиновской культуре отражена в керамике (двуручные «килики») и в топорах с шайбой и гребнем, датруемых периодом *Br IVa* бронзового века Венгрии. Собственно к иранской

традиции в сабастиновской культуре относятся керамические формы с расчлененным валиком с пальцевыми вдавлениями или насечками, а также клады литейных форм кельтов и копий, которые продолжают традицию производства кельтов, принесенную с Центральной Азии еще в предшествующий период. Копья и кельты стали неотъемлемой частью вооружения некоторых «народов моря» XIII в. до н.э. [18]. Ареал кладов охватывает в Центральной Европе область фракийских культур полей погребений [15, с. 13–14], и связаны с тревожными событиями перехода к новой исторической эпохе.

На третьем (белозерском) этапе трансформации степной культуры Восточной Европы XI–IX вв. до н.э. происходят еще более глубокие изменения. Это связано с расширением влияния культур фракийского галштатта на восток, вызвавшее появление степной белозерской, кобяковской от Дона до Кубани, кизил-кобинской в Крыму и «протомеотской» культур в Закубанье [19; 21]. В керамике этих культур преобладают чернолощенные кубки, амфоры типа «прото-вилланова» центральноевропейского происхождения и возникают инновации в комплексе вооружения.

О сохранении иранской составляющей в составе населения Северного Причерноморья к началу VIII в. до н.э. свидетельствует преемственность от КМК (бабинской) к сабастиновской и белозерской культуре, что доказывалось присутствием в комплексах этих культур сосудов с расчлененным валиком. Присутствие в белозерской культуре иранского и фракийского компонентов соответствует истори-

¹ До открытия в Туве кургана Аржан 1 предлагались автохтонные гипотезы этногенеза киммерийцев и скифов, согласно одной из них культуру киммерийцев и скифов выводили из срубной культуры Поволжья [2; 3, с. 18; 19]. Крайнюю позицию занимал А.И. Тереножкин, рассматривая Нижнее Поволжье прародиной исключительно киммерийцев, переселившихся в виде срубной культуры в середине II тыс. до н.э. в Северное Причерноморье. Он проводил мысль об автохтонности только киммерийцев и отсутствии скифов в Восточной Европе до VII в. до н.э. Бородинский клад исследователь считал древнейшим захоронением киммерийского вождя и датировал появление киммерийцев XVII в. до н.э., временем микенских шахтовых гробниц [19, с. 189], а к поздним киммерийцам относил воинские захоронения предскифского периода [19, с. 12, 160, 187, 211].

ческим реалиям, поскольку из имен киммерийских предводителей «Коб» – фракийское имя [Strabo. I. III. 21], а имя «Сандакшатра» – наполовину иранское [5, с. 15]. В европейской научной литературе принят термин «фрако-киммерийцы», связанный с концом поздней бронзы – началом железного века в Карпатском бассейне [9, с. 15–32]. Их культура считается местной, но отмечена сильными связями с восточноевропейской степью и Кавказом [19, с. 22]. Эта археологическая реальность и сам термин соответствуют данным письменных источников. Так, античные авторы называли фракийцев-треров либо киммерийской народностью, либо треров упоминали всегда в качестве постоянных союзников киммерийцев, предпринимавших грабительские походы в Малую Азию задолго до появления скифов на Ближнем Востоке [Strabo XII, IV; XIV, I, 8; XIV, II].

Конец белозерской культуры ознаменовал начало предскифского периода (IX–первая половина VII вв. до н.э.). Он представлен воинскими захоронениями с разными уздечными наборами, этническую атрибуцию которых археологи пытаются безуспешно связать только с киммерийцами или только со скифами, или с теми и другими [5, с. 7–24].

От того, где могли возникнуть бронзовые удила и псалии раньше, на Кавказе, в Центральной Азии или в Карпатском регионе, зависит решение об этногенезе и разделении скифо-киммерийских древностей.

Согласно гипотезе А.И. Тереножкина, оба типа конской сбруи, черноговорский и новочеркасский, относились к киммерийцам [19; 9]. По мнению В.И. Клочко [6, с. 152], черно-

горовскую культуру следует отождествлять с протоскифами, пришедшими непосредственно из Центральной Азии. На основании находки конской упряжи черноговорского типа в кургане Аржан 1 в Туве и датировки его IX/VIII в. до н.э. комплексы с конским снаряжением Центральной Европы, Северо-Западного Кавказа и Центральной Азии можно считать практически одновременными. Взрывное распространение разных типов конской упряжи с появлением конницы произошло на пространстве от Дуная до Енисея за время, не улавливаемое доступными способами датирования. Таким образом, вопрос этнической атрибуции конской упряжи, места и датировки древнейших ее центров до сих пор остается открытым.

Если суммировать наблюдения разных археологов о связи Карпато-Дунайского бассейна с Северо-Западным Кавказом, то двуколычатые удила с ложковидными псалиями находятся в большом количестве в чернолесских памятниках лесостепи Поднепровья и на Северо-Западном Кавказе. В закубанских могильниках имеются все типы псалиев, а на некоторых удилах имеются разные окончания: один конец в виде стремени, а другой – с двумя кольцами, что говорит о многолинейности процесса формирования этих деталей конской упряжи. Кроме того, последние исследования на Северо-Западном Кавказе показали, что новочеркасский и черноговорский комплексы VIII в. до н.э. синхронны и даже сосуществуют в одних памятниках [21, с. 157–159].

Ареал комплексов со стремечковидными удилами в Среднем Поднепровье и на Северо-Западном Кавказе

(«протомеотские» могильники Пишиш, Уашхиту, Хаджох, Фарс и др.) [21] как бы рассекает надвое ареал двуколычатых удил, что могло бы поддержать гипотезу В.И. Ключко о приходе протоскифов из Центральной Азии в черноморовское время IX /VIII вв. до н.э. и о рассеянии киммерийцев по окраинам степного мира.

Разновидностей удил на Кавказе больше, чем в Центральной Европе, и это может указывать на первичность прикубанского центра, но в Центральной Европе фрако-киммерийские древности (удила, псалии, биметаллические кинжалы и другие предметы «кавказского» типов) относятся к более раннему времени, X–IX вв. до н.э. [19, с. 150–151].

Появление металлических удил и псалиев в ареале от Дуная до Енисея можно считать влиянием фракийцев, исходя из атрибуции белозерской и связанной с ней черноморовской культуры и направления миграции белозерской культуры (фрако-киммерийцев) с запада на восток. Возможность заимствования деталей конской упряжи фрако-киммерийцами у лидийцев подтверждается свидетельством Страбона, что киммерийцы и треры ходили в Лидию еще до Троянской войны [Strabo XII, IV].

Существование нескольких гипотез скифского этногенеза зависят от методологического подхода: кого мы можем называть скифами. Во всех археологических концепциях происхождения скифы рассматриваются как нечто целое и неделимое, что противоречит и сообщению Геродота об азиатском происхождении скифов, и намеку на их автохтонность, поскольку родоначальница скифов – местная

речная богиня, дочь Борисфена [Hdt. IV, 5]. Если учитывать время появления первых ираноязычных этносов в Восточной Европе в XIV/XIII вв. до н.э. и скифов VIII в. до н.э., то снять противоречия в гипотезах скифского этногенеза можно, если предположить, что каждая группа геродотовых скифов – «скифы-пахари», «скифы-земледельцы», «скифы-кочевники», «скифы царские» – могла иметь собственное происхождение и последовательно заселяла пространство между Днестром и Волгой с XIII в. до н.э. Так, в соответствии с автохтонной гипотезой ираноязычные «скифы-земледельцы» и «скифы-кочевники» пришли в два этапа с территории Нижнего Поволжья в XIII и XII вв. до н.э. [15; 18, с. 41; 11, с. 56–61] и заняли территорию от Днестра до Волги. Культура многоваликовой керамики (раннесрубная Поволжья) распространилась до Подунавья и знаменует еще неразделенный этап ираноязычной общности. С другой стороны, территории к востоку от Днестра заняты памятниками срубной культуры, которая отождествляется многими со скифами-иранцами. И те, и другие обозначались античными авторами как гиппомолги. К выводу о неразделенности ираноязычного сообщества или смене доминанты в нем того или другого этноса на ранней поре приходят историки [22, с. 90–101]. Можно сделать вывод, что разделение ираноязычных племен на киммерийцев и скифов происходит на сабатиновском этапе срубной культуры или в период сабатиновской культуры (XII в. до н.э.),

Носители белозерской культуры (XI–IX вв. до н.э.) доходят до Северо-Западного Предкавказья, и здесь

возникают связи киммерийцев с автохтонами Центрального Кавказа – носителями кобанской культуры, о чем можно судить по фракийским импортam. Ареал кобанской культуры охватывает современную Северную и Южную Осетию и граничит со страной «Гамир над страной Куриани» – плацдармом киммерийцев, которые попали в поле зрения ассииро-вавилонских источников VIII–VII вв. до н.э. [5]. Таким образом, и здесь имеется соответствие археологических и письменных источников о пребывании киммерийцев в изгнании.

Появление скифов царских в Восточной Европе, видимо, произошло не в VII в. до н.э., а ещё в IX в. до н.э. [3, с.18], поскольку скифо-киммерийский конфликт, в результате которого киммерийцы ушли с Северо-Западного Кавказа в Закавказье и Малую Азию, вероятно, произошел ещё за несколько десятилетий до первого столкновения киммерийцев с Урарту в конце VIII в. до н.э. [11; 13, с. 71].

Кажется вполне вероятным, что появление в зауральских степях культуры валиковой керамики, представляющей иранскую часть в «киммерийской культуре», что, по нашему мнению,

можно рассматриваться как результат выхода какой-то части иранцев из фрако-киммерийского союза. нарушило баланс сил в степях за Уралом и вызвало сопротивление и локальные перемещения местного населения, сопровождающиеся образованием смешанных археологических культур.

В IX в. до н.э. культура валиковой керамики уже входит в состав дандыбай-бегазинской культуры. Эта культура смешанного облика включает две части: андроновидную часть и позднекарасукскую центральноазиатскую. Процессы, которые археологически выглядят как сосуществование двух керамических традиций и валиковой керамики, соответствуют историческим событиям [Hdt, IV. 11, 13, 25–27] о военных столкновениях исседонов, массагетов, аримаспов и грифов, которые привели к вытеснению скифов царских и уходу их через Уральские горы в Поволжье, а затем на Кавказ [Hdt, IV. 11] Спустя некоторое время скифы царские вытеснили киммерийцев, что вошло в историческую литературу как скифо-киммерийский конфликт [11].

Статья поступила в редакцию 19.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л.: ЛГУ, 1974. 156 с.
2. Граков Б.Н. Скифы. М.: МГУ, 1971. 200 с.
3. Граков Б.Н. Раннежелезный век. М.: МГУ, 1977. 235 с.
4. Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 61 с.
5. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001. 324 с.
6. Ключко В.И. Происхождение скифов // Эпоха раннего железа: сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. Киев-Полтава: ИА НАН Украины, 2009. С. 151–166.
7. Ковалев А.А. Новые данные о связях культур Западной Сибири, Монголии и Китая в первой половине II тыс. до н.э. // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: АлГУ, 2013. С. 140–146.

8. Кузьмина Е.Е. Арии: путь на юг. М.-СПб: Летний сад, 2008. 557 с.
9. Махортых С.Б. Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья: дис. ... докт. ист. наук. Киев, 2008. 582 с.
10. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. 134 с.
11. Николаева Н.А. Некоторые замечания к гипотезам о происхождении скифов // Иранский мир II-I тыс. М.: ИВ РАН, 2013. С. 56–63.
12. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: МГОУ, 2011. 556 с.
13. Петрухин В.Я., Раевский Д.Б. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / 2-е изд. М.: Знак, 2004. 416 с.
14. Сафронов В.А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л.: ЛГУ. С. 75–128.
15. Сафронов В. А. Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 36 с.
16. Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны. Горький: Волго-Вятское изд-во. 1989. 400 с.
17. Сафронов В.А. Николаева Н.А. Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию. М.: МГОУ, 1999. 66 с.
18. Сафронов А.В. Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV–XII вв. до н.э. М.: ИВ РАН, 2018. 174 с.
19. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
20. Удодова А.Д. О локализации и этнической атрибуции ираноязычных племен в контексте раннескифской истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 14–20.
21. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (Протомеотская группа памятников): дис. ... докт. ист. наук. М., 2005. 719 с.
22. Этнические проблемы Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981. 374 с.

REFERENCES

1. Artamonov M.I. Kimmeriitsy i skify [The Cimmerians and the Scythians]. L., LGU Publ., 1974. 156 p.
2. Grakov B.N. Skify [The Scythians]. Moscow, MGU Publ., 1971. 200 p.
3. Grakov B.N. Rannezheleznyi vek [Early iron age]. Moscow, MGU Publ., 1977. 235 p.
4. Gryaznov M.P. Arzhan [Argens]. Royal Kurgan of the early Scythian time. L., Nauka Publ., 1980. 61 p.
5. Ivanchik A.I. Kimmeriitsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeskikh stepei i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni [Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological problems of archeology of the Eastern European steppes and Caucasian pre - and early Scythian time]. Moscow, Paleograf Publ., 2001. 324 p.
6. Klochko V.I. Proiskhozhdenie skifov [The origin of the Scythians] Epokha rannego zheleza: sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu S.A. Skorogo [The early iron age: a collection of scientific papers dedicated to the 60th anniversary of S. A. Ambulance]. Kiev-Poltava, IA NAN Ukrainy Publ., 2009, pp. 151–166.
7. Kovalev A.A. Novye dannye o svyazyakh kul'tur Zapadnoi Sibiri, Mongolii i Kitaya v pervoi polovine II tys. do n.e. [New data on the relationship of the cultures of Western Siberia, Mongolia and China in the first half of the II Millennium BC.]. In: *Sovremennye resheniya*

- aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii* [Modern solutions of actual problems of Eurasian archaeology]. Barnaul, AIGU Publ., 2013, pp. 140–146.
8. Kuz'mina E.E. Arii: put' na yug [Aria: the way South]. M.-SPb, Letnii sad Publ., 2008. 557 p.
 9. Makhortykh S.B. Kul'tura i istoriya kimmeriitsev Severnogo Prichernomor'ya: dis. ... dokt. ist. nauk [Culture and history of the Cimmerians of the North black sea region: dis. ... doctor. ist. sciences]. Kiev, 2008. 582 p.
 10. Murzin V.Yu. Skifskaya arkhaika Severnogo Prichernomor'ya [Scythian archaic of the Northern black sea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984. 134 p.
 11. Nikolaeva N.A. Nekotorye zamechaniya k gipotezam o proiskhozhdenii skifov [Some comments on the hypotheses about the origin of the Scythians] Iranskii mir II–I tys. [Iranian world II–I thousand]. Moscow, IV RAN Publ., 2013, pp. 56–63.
 12. Nikolaeva N.A. Etnokul'turnye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n.e. v kontekste drevnei istorii Evropy i Blizhnego Vostoka [Ethno-cultural processes in the North Caucasus in III–II thousand BC in the context of ancient history of Europe and the Middle East]. Moscow, MGOU Publ., 2011. 556 p.
 13. Petrukhin V.Ya., Raevskii D.B. Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e, 2-e izd [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and the early middle ages, 2nd ed]. Moscow, Znak Publ., 2004. 416 p.
 14. Safronov V.A. Datirovka Borodinskogo klada [Dating Borodino treasure] Problemy arkheologii [Problems of archeology]. L., LGU Publ., pp. 75–128.
 15. Safronov V. A. Khronologiya pamyatnikov II tys. do n.e. yuga Vostochnoi Evropy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The chronology of the monuments of the II Millennium BC in South Eastern Europe: author. dis. kand. ist. sciences]. Moscow, 1970. 36 p.
 16. Safronov V.A. Indoevropeiskie prarodiny [Indo-European urheimat]. Bitter, Volgo-Vyatskoe izd-vo Publ., 1989. 400 p.
 17. Safronov V.A., Nikolaeva N.A. Osnovy arkheologii. Vvedenie v indoevropeiskuyu praistoriyu [Fundamentals of archaeology. Introduction to Indo-European prehistory]. Moscow, MGOU Publ., 1999. 66 p.
 18. Safronov A.V. Ocherki po istorii Vostochnogo Sredizemnomor'ya v XIV–XII vv. do n.e [Essays on the history of the Eastern Mediterranean region in the XIV–XII centuries BC.]. Moscow, IV RAN Publ., 2018. 174 p.
 19. Terenozhkin A. I. Kimmeriitsy [Cimmerians]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1976. 224 p.
 20. Udodova A.D. [On the localization and attribution of the ethnic Iranian-speaking tribes in the context of early Scythian history]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 14–20.
 21. Erlikh V.R. Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka (Protomeotskaya gruppa pamyatnikov): dis. ... dokt. ist. nauk [The North-Western Caucasus in the early iron age (Protomeotian group of monuments): dis. ... doctor. ist. Sciences]. Moscow, 2005. 719 p.
 22. Etnicheskie problemy Tsentral'noi Azii v drevnosti [Ethnic problems in Central Asia in ancient times]. Moscow, NaukaPubl., 1981. 374 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета;

e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda A. Nikolaeva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ancient History and History of the Middle Ages Moscow Region State University;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н.А. Несколько замечаний к вопросу о начальной истории киммерийцев и скифов // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 92–101.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-92-101

FOR CITATION

Nikolaeva N. Some comments on the initial history of Cimmerians and Scythians. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 92–101.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-92-101

УДК: 94(367): 82'04

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-102-111

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДАРЕНИЯ МЕЧА В ИСЛАНДСКИХ КОРОЛЕВСКИХ САГАХ

Сеничев В.Е.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу эпизодов дарения мечей в исландских королевских сагах, выявлению общих правил и условий, в которых происходила передача меча, и последствиям, которые это за собой влекло. В ходе исследования установлено особое ритуальное значение передачи меча и связи, формирующиеся между участвующими в процессе сторонами. Итогом проделанной работы является предположение о наличии особой формы клятвы верности, отраженной в королевских сагах и свидетельствующей о привлечении устойчивого древнего ритуала к нуждам формирования института королевской власти в раннесредневековом норвежском обществе.

Ключевые слова: раннее средневековье, исландские саги, королевские саги, эпоха викингов.

SYMBOLIC MEANING OF SWORD PRESENTATION IN ICELANDIC KING'S SAGA

V. Senichev*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the episodes of swords presentation in the Icelandic King Saga. The general rules and conditions in which the transfer of swords took place and its consequences for those involved into it are revealed. In the course of the study it was established that the procedure was of special ritual importance. It formed connections between the people involved into the process. The result of this work is the assumption that there was a special form of oath, reflected in the King Saga. It means that an ancient ritual practice was involved into the needs of the institution of royal power in the early medieval Norwegian society.

Key words: Early Middle Ages, Icelandic Sagas, King's Sagas, Viking Age.

В данной статье на материале сборника саг *Heimskringla* (сост. ок. 1230 г.)¹, составленного Снорри Стурлусоном, будет рассмотрен мотив дарения меча и свя-

© CC BY Сеничев В.Е., 2018.

¹ Оригинальный список которого погиб в Стокгольмском пожаре 1728 г., от которого сохранилось только несколько листов текста, содержащих сагу об Олафе Святом (манускрипт *Lbs fragm 82*), однако списки текста существуют в большом количестве на норвежском, шведском, датском и исландском языках.

занные с ним процессы и ритуалы, позволяющие восстановить картину общественных отношений между благородным дарителем и одариваемым, какой она описана в сборнике королевских саг. Вспомогательными источниками в данном случае выступают исландские родовые саги, герои которых часто оказываются в свитах норвежских конунгов и принимают от них подарки, таким образом, эпизод дарения, описанный в королевской саге, может быть продолжен или переосмыслен родовой сагой, описывающей возвращение исландца домой и события, происходившие с ним после принятия драгоценных подарков и условий, которые это накладывало.

Дарение оружия и иных ценностей в древнем мире зачастую несет в себе глубокий символический и, порой, ритуальный смысл, намекающий на распространенную практику и стоящие за ней общественные отношения. Мотив дарения мечей, символизирующий связь между людьми, может быть прослежен на протяжении всего комплекса древнеисландских саг, включая саги о древних временах, королевские саги и саги об исландцах. Высокая частотность повторения мотива позволяет сделать выводы о значительной символической роли меча в процессе дарения, в формировании особой связи между сторонами, участвующими в этом акте. Исследователи вопросов ритуала дарения в древнескандинавском обществе отмечают, что подарок как таковой формировал связи и обязательства между людьми, часто одариваемый оказывался в положении должника или по крайней мере обязанного по отношению к дарителю, и стремился отплатить более щедрым и дорогим

подарком, если его статус не позволял находиться в зависимом положении. Таким образом конунг, получивший дар, чувствовал необходимость отдариться более дорогим, зачастую излишне дорогим подарком, который невозможно было перекрыть, а «ценность полученного подарка измерялась не только и даже не столько его материальным “весом”, сколько личностью и общественным положением дарителя, пожалованные же конунгом предметы, как считалось, несли в себе еще и частицу королевской “удачи” (gæfa), что делало их особенно привлекательными в глазах окружающих» [11, с. 72]. При этом исследователями отмечается, что дар, полученный от конунга, оплачивается службой, нежели иным подарком [16, р. 156]. Конунг, желающий привлечь на свою сторону союзников, несомненно, прибегал и к другим подаркам, в виде иных материальных ценностей, например кораблей и колец, которые воспринимаются как признак богатства в целом, и дарениям земель, именуемых вейцла [13].

Дарение мечей, в данном случае, позволяет зафиксировать связь внутри воинского коллектива, «На объект владения переходит частица личности самого владельца, отчего самый этот предмет приобретает некоторые черты его обладателя» [11, с. 186], таким образом, одариваемый оказывался связан с дарителем не только социальным обязательством, но и в магическом понимании, как это отмечалось в нашей работе на примерах саг о древних временах [14]. Также касательно дарения мечей следует отметить, что Т. Н. Джаксон в работе «Мечи викингов», описывает мечи в скандинавских источниках как важный социальный и сакральный

элемент в культуре, притом не теряющий свои свойства при переходе в христианство и функционирующий как связующее звено между индивидами [15, с. 264]. Необходимо упомянуть и об обряде инициации в пределах воинской культуры, в котором принимают участие мечи, которые фиксируются у германских народов еще в сочинениях Тацита. Следует отметить, что подобный обряд находит свое отражение во времена становления феодализма в Западной Европе и выражается в передаче оружия, воспринимающейся как передача полномочий светской власти [10, с. 67] и наделение правами. Отношения, выстраиваемые таким образом через подарок и его принятие, можно рассмотреть как раннюю или особую скандинавскую форму клятвы верности, при этом уходящую в более раннюю традицию признания родственника или наследника [14].

Особое значение для исследования традиции принесения присяги в древнескандинавском обществе имеет такой жанр исландской литературы, как Королевские Саги, включенные в сборник Снорри Стурлуссона *Круг Земной* (также именуемая *Heimskringla*, *дошедшая в списках AM 45 fol., AM 47 fol. И AM 75a fol.*). Сборник саг о норвежских конунгах содержит структурированный и подробный рассказ о биографии правителей, при этом дает ценнейшие сведения о роли мечей не только как воинского инструмента, но и важного участника скандинавской формы клятвы верности. Саги о конунгах как отдельный жанр исландской прозы позволяют взглянуть на отношение к мечу в высшем сословии, имеющем, несомненно, свои ритуалы и паттерны поведения. Королевские саги демонстрируют

развитие власти конунгов в Норвегии на протяжении трех веков, начиная от мифологизированного описания первых правителей, происходивших из гомеровской Трои, и заканчивая историческими правителями Хаконем II и Магнусом V.

В саге о Харальде Прекрасноволосом (*Haraldar saga hárfagra*), первом конунге, объединившем Норвегию, встречается упоминание акта дарения меча, связанное с признанием превосходства конунга и подчинения ему. Конунг Англии Этельстан отправил Харальду посланца, который должен был вручить тому дорогой меч, с такими словами: «*Hér er sverð er Aðalsteinn konungur mælti að þú skyldir við taka*»¹, а в момент, когда конунг взялся за рукоять меча, тот произнес такую фразу: «*Nú tókstu svo sem vor konungur vildi og nú skaltu vera þegn hans er þú tókst við sverði hans*»². Такая формула, дополненная ритуальным действием, позволяет предположить устойчивость традиции, которая, однако, может быть повернута против принимающей стороны как оскорбление или шутка. Именно так воспринял ее Харальд и, посоветовавшись с друзьями, на следующее лето сыграл с конунгом Этельстаном похожую шутку, сперва посадив тому мальчика Хакона на колени, а затем попросив того взять его на воспитание, что вызвало гнев Этельстана. Далее сага разъясняет, что, по-видимому, в обоих ритуалах был нарушен порядок, и мальчик, уже посидевший на коленях конунга, не

¹ Снорри Стурлусон *Heimskringla Haraldar saga hárfagra*, гл. 40: «Вот меч, который Эдельстейн конунг просит тебя принять» (пер. авт.).

² Снорри Стурлусон *Heimskringla Haraldar saga hárfagra*, гл. 40: «Ты взял этот меч, как и желал наш конунг, и отныне ты его поданный, раз принял его меч» (пер. авт.).

может быть им отвергнут, так как сам акт сидения на коленях считается признанием ребенка своим. Так конунг Харальд удовлетворил свое недовольство, что сага объясняет так: «*nú vel því að það er mál manna að sá væri ótignari er öðrum fóst-raði barn*»¹. Также исследователями отмечается, что одариваемый в древнескандинавском обществе оказывался в подчиненном, обязанном положении к дарителю, что налагало обязательства, на которые далеко не каждый был готов пойти, и выход из подобной ситуации, придуманный конунгом Харальдом, показывает, насколько важно было «отыграть» свою возможность не быть обязанным дарителю [11, с. 184].

В восьмой главе саги упоминается обряд, при котором конунг Наумдала, Хроллауг, вручает Харальду свое владение, предварительно объявив, что он более не конунг, а ярл и готов быть человеком Харальда. Тот оставляет его ярлом и опоясывает мечом и щитом, а затем сажает на покинутый им до этого трон: «*Pá tók Haraldur konungur sverð og festi á linda honum og hann hengdi skjöld á háls honum og gerði hann jarl sinn og leiddi hann í hásaeti*»². Здесь наблюдается ритуал, при котором более знатный одаривает «своего человека» мечом и сам сажает на трон, таким образом показывая, что полномочия и привилегии того теперь происходят от вручившего их ему. Интересно заметить, что начинается эта глава саги и с

¹ Снорри Стурлусон *Heimskringla Haraldar saga hárfagra*, гл. 41: «потому как говорят, что воспитывает чужого ребенка тот, кто менее знатен». (пер. авт.).

² Снорри Стурлусон *Heimskringla Haraldar saga hárfagra*, гл. 8: «Взял конунг Харальд меч и опоясал его и повесил щит ему на шею и назвал его ярлом и посадил на трон» (пер. авт.).

того, что в Наумдале (Naumudal) было два брата-конунга, Херлауг и Хроллауг (Herlaugur og Hrollaugur), и Херлауг, по-видимому, решил остаться конунгом и сам запер себя в кургане с двенадцатью людьми, таким образом выбрав почетную посмертную участь, но не подвергнув свои земли разорению.

Также в этой саге упоминается меч *Kvernbítur* (Кусающий жернов), подаренный конунгом Адальстеном молодому Хакону, приемному сыну Харальда конунга: «*Aðalsteinn konungur gaf Hákon sverð það er hjöltin voru úr gulli og meðalkaflinn en brandurinn var þó betri. Þar hjó Hákon með kvernstein til augans. Það var síðan kallað Kvernbítur. Það sverð hefir best komið til Noregs. Það átti Hákon til dauðadags*»³, этот меч в последствии фигурирует в саге в качестве неразлучного спутника Хакона, будущего конунга Норвегии Хакона Доброго (920–961). Меч этот сопровождает конунга в его последней битве с сыновьями Эйрика Кровавая Секира, его брата, покинувшего Норвегию, описанной уже в саге о Хаконе воспитаннике Этельстана (*Hákonar saga Aðalsteinsfóstra*). В саге также говорится, что меч был положен с конунгом в курган: «*Vinir hans fluttu lík hans norður á Sæheim á Norður-Hörðaland og urpu þar haug mikinn og lögðu þar í konung með alvæpni sitt og hinn besta búnað sinn en ekki fé annað*»⁴.

³ Снорри Стурлусон *Heimskringla Haraldar saga hárfagra*, гл. 42: «Адальстейн конунг дал Хакону меч, вся рукоять которого была в золоте, но лучше всего в том мече был клинок. Этим мечом Хакон мог разрубить жернов ручной мельницы до глазка. Потому меч назывался Кусающим Жернова. Лучшего меча не бывало еще в Норвегии. Был он при Хаконе до самой смерти» (пер. авт.).

⁴ Снорри Стурлусон *Hákonar saga Aðalsteinsfóstra*, гл. 32: «Друзья его перенесли его тело на север в Сæхейм, что на севере Хордланда, где насыпали ему курган и положили конунга в

Сага об Олафе Трюггвасоне (Ólafs saga Tryggvasonar) повествует об эпизоде, в котором конунг дарит скальду по имени Халльфред меч за его хвалебные висы и делает его своим человеком. Также этот сюжет воспроизводится в саге о Халльфреде (Hallfreðar saga), дошедшей в сборнике Möðruvallabók (AM 132 fol): здесь показан обряд становления «человеком конунга» через дарение меча. Однако к этому прилагается особое условие, которое необходимо будет выполнить, чтобы вступить в право владения мечом: здесь тексты саг расходятся, и в версии Möðruvallabók Халльфред три дня и три ночи должен был носить его на виду и без ножен, но не наносить никому раны, и только по прошествии этого срока конунг дарит Халльфреду ножны: «Þetta er gott kvæði og þigg af mér sverð búið en vandgætt mun þér til þess því að engi fylgir umgerðin og haf svo þrjá daga og þrjár nætur að engum verði mein að»¹, а в версии Heimskringla конунг требует за ножны сочинить вису, в которой меч будет в каждой строке: «Yrk nú vísu um sverðið og lát sverð vera í hverju vísuorði»². Виса Халльфреда с упоминанием меча в каждой строке одинаково записана и в версиях Möðruvallabók и Heimskringla:

*Eitt er sverð það er sverða
sverðauðgan mig gerði.*

лучшем его вооружении, но без иных драгоценностей» (пер. авт.).

¹ Hallfreðar saga vandræðaskálds, гл. 6: «Это была хорошая песнь, и за нее я подарю тебе меч, но не дам ножны. Три дня и три ночи ты должен носить его на виду, но не нанести никому ни одной раны» (пер. авт.).

² Снорри Стурлусон Heimskringla Ólafs saga Tryggvasonar, гл. 83: «Теперь сочини вису, в которой меч будет в каждой строке» (пер. авт.).

*Fyrir svip-Njörðum sverða
sverðótt mun nú verða.
Muna vansverðað verða,
verðr em eg þriggja sverða,
jardarmens að yrði
umgerð að því sverði.³*

Скальд за свои висы и характер получил от конунга прозвище Vandræðaskáld, то есть Трудный скальд, и с тех считал себя связанным с конунгом особыми узами, постоянно появлялся при его дворе и исполнял его поручения. Большим ударом для него стала весть о гибели конунга, которую он сперва узнал во сне, а после она подтвердилась – здесь сага демонстрирует мистическую связь между героями, которые скрепили свои отношения подобным образом. Меч, подаренный конунгом, Халльфред передает своему сыну, при этом остальные дары конунга просит оставить с ним в гробу, так как очень дорожит ими.

Другой эпизод дарения в саге о Людях из Лососьей Долины и саге об Олафе Трюггвасоне в Heimskringla связан с конунгом Олафом и описывает Кьяртана Олафсона, внука Хоскульда и сына дочери Эгиля Скаллаgrimсона, который принимает крещение от конунга в обмен на дружбу и защиту, и в версии саги в Круге Земном оговаривается только, что конунг был милостив с ними, однако в саге о Людях из Лаксдала дается более пространное описание, указывающее на дорогой подарок от конунга и заверения в дружбе: «Þá tók konungur til orða: «Hér er sverð Kjartan er

³ Не было меча у меня, / теперь же мечом я одарён, / Ньёрд ножей / мечом моим будет теперь. / Меч бесполезный без ножен, / да ныне три меча получу / болотной земли порожденье, / ныне мечами буду окружён (пер. авт.).

*þú skalt þiggja af mér að skilnaði okkrum. Láttu þér vopn þetta fylgjusamt vera því að eg vænti þess að þú verðir eigi vopnbitinn maður ef þú berð þetta sverð».*¹ Меч описывается как большая драгоценность, и Кьяртан не расстается с ним, что несколько раз подчеркивается в дальнейшем. Также сага описывает другие подарки конунга, которые Кьяртан получил на крещение и с которыми отправляется на празднество в Лаугар: «*Kjartan gerir svo sem faðir hans beiðist og tekur hann nú upp skarlatsklæði sín þau er Ólafur konungur gaf honum að skilnaði og bjó sig við skart. Hann gyrti sig með sverðinu konungsnaut. Hann hafði á höfði hjálm gullroðinn og skjöld á hlið rauðan og dreginn á með gulli krossinn helgi. Hann hafði í hendi spjót og gullrekin falurinn á».*² Так он предстает перед исландцами человеком конунга, несущим его символы и подарки, означающие покровительство. Этот драгоценный меч впоследствии выкрадывают у героя и ради него устраивают поиски. Меч находят притопленным в болоте, и с тех пор само болото называют Мечевая Топь (Sverðskelda). Ножны меча, однако, были утрачены, и сага сообщает, что Кьяртан с тех пор ценил меч меньше, чем раньше.

Аналогичный по формуле сюжет в саге о Людях из Лососьей Долины, до-

¹ Laxdæla saga, гл. 43.: Тогда конунг сказал: «Вот меч для тебя, Кьяртан, который я даю на прощание. Пусть иное оружие будет посрамлено, куда ты носишь этот меч с собой» (пер. авт.).

² Laxdæla saga, гл.44.: Кьяртан сделал, как велел его отец, он оделся в красную тунику, которую подарил ему Олаф конунг на прощание. Также он подпоясался подаренным конунгом мечом. На голову надел позолоченный шлем и повесил на плечо щит, с красным полем и золотым крестом. Копье его было отделано золотом» (пер. авт.).

шедшей в сборнике AM 162 D 2 fol. (ок. 1250-1300 гг.), связан с именем конунга Харальда Серая Шкура (Haralds Gráfeldar), однако, он не имеет параллели в саге о конунге, где, однако, исландцы упоминаются в положительном ключе и в качестве тех, кто прозвал его Серым Плащом (Haralds saga gráfeldar гл. 7). Однако в Саге о Людях из Лососьей Долины эпизод общения с конунгом представлен в таком свете, что конунг восхищался мужеством и доблестью исландцев и одарил их подарками, среди которых было драгоценный меч: «*En er skip Ólafs var al-búið þá fylgir konungur Ólafi til skips og gaf honum spjót gullrekið og sverð búið og mikið fé annað».*³ За этим последовал эпизод, аналогичный эпизоду с Кьяртаном, где перечисляется подаренное одеяние: «*Ólafur var búinn á þá leið að hann var í skarlatsklæðum er Haraldur konungur hafði gefið honum. Hann hafði á höfði hjálm gullroðinn og sverð búið í hendi er Mýrkjartan konungur hafði gefið honum».*⁴ Еще одним отличием, конечно же, является то, что в данном случае Олаф выбрал меч, подаренный ему дедом, королем Ирландии Мюркьяртаном, а не конунгом Норвегии.

В Саге о Хельги сыне Халльварда (Helga saga Hallvarðssonar), существующей в списке конца XIX в. Lbs 2307 4to, меч достается герою в подарок от конунга Харальда за то, что тот побе-

³ Laxdæla saga, гл. 21.: «Когда корабль Олафа был готов, конунг пришел к Олафу и подарил ему копье, украшенное золотом и меч, и большую сумму денег» (пер. авт.).

⁴ Laxdæla saga, гл. 23.: «Олаф надел на себя красную тунику, которую дал ему Харальд конунг. На нем был позолоченный шлем, и в руке он держал меч, подаренный конунгом Мюркьяртаном» (пер. авт.).

дил в борьбе «черного человека»¹. Меч в данном случае не имеет имени или особых свойств, но текст саги говорит, что конунг Харальд и Хельги расстались друзьями после того, как был сделан подарок². Можно предположить, что подарок задобрил оскорбленные чувства Хельги и связал его и конунга узами дружбы, также Харальд подарил Хельги корабль, чтобы тот спокойно мог вернуться домой.

В Саге об Олафе Святом (Ólafs saga helga) человек по имени Брюньольв Старый Волк (Brynjólfr úlfaldi), бывший уважаемым бондом и поддерживавший Олафа в битве за Гауталанд, после чего получает от конунга во время Йольского пира подарки, среди которых драгоценный меч и поместье Веттланд (Vettaland), о чем сочиняет краткую вису:

*Bragningr gaf mér
brand og Vettaland*³

Далее сага говорит, что Бриньольв с тех пор остается величайшим другом конунга на все времена.

В саге о Магнусе Добром (Magnúss saga góða), сыне Олафа Святого, так же есть эпизод с ритуальным вручением меча и наречением ярлом, частично повторяющий эпизод из саги о Харальде Перкрасноволом:

«Þá stóð konungur upp og tók sverð og festi á linda Sveini. Síðan tók hann skjöld og festi á öxl honum, setti síðan hjálm á höfuð

¹ Blámanninn, вероятнее всего, имеется в виду африканец, который как-то оказался в Северной Европе, возможно был привезен ко двору конунга из Испании или Северной Африки..

² Helga saga Hallvarpssonar, гл. 5

³ Снорри Стурлусон Heimskringla Ólafs saga helga, гл. 62: Песен герой мне дал / клинок да Веттланд (пер. авт.).

*honum og gaf honum jarlsnafn og veislur slíkar í Danmörk sem þar hafði áður haft Úlfur jarl faðir hans»*⁴.

Ульфссон признает себя «человеком конунга» и обещает свою верность Магнусу, за что получает покровительство над Даней, а для закрепления договора также клянется на раке с мощами.

В саге о Харальде Сигурдсоне (Haralds saga Sigurðarsonar) сюжет с дарением мечей перерастает в символический дар небольшой тростниковой палочки (reyrteina), которую предлагает Харальду его родич конунг Магнус, сперва одарив всех его людей мечами, кольцами и иными драгоценностями, повышая их стоимость с каждым новым подарком, и в итоге подойдя к Харальду с двумя палочками, выбрав одну из которых, Харальд получает половину Норвежского королевства⁵.

* * *

Таким образом, мы можем выделить важную формулу, проходящую через королевские саги и описывающую особый раннескандинавский обряд принесения присяги, обещание дружбы и верности. Перепоясывание или передачу меча, встречающиеся в текстах Heimskringla, можно выделить как основной элемент такого действия.

Эпизоды дарения меча в королевских сагах обнаруживают черты сходства с аналогичными эпизодами из саг о древних временах, где подобные

⁴ Снорри Стурлусон Heimskringla Magnúss saga góða, гл. 23: «Встал конунг и взял меч и повесил его на пояс Свейну. Затем взял он щит и повесил ему на шею, и затем взял шлем, который надел тому на голову и дал тому титул ярла и владение в Даннии, которое ранее держал Ульф ярл, его отец» (пер. авт.).

⁵ Снорри Стурлусон Heimskringla Haralds saga Sigurðarsonar, гл. 23.

сюжеты раскрывают свою магическую природу, не просто связывая людей договором, но и передавая особую силу, дар или судьбу, которая следовала за одариваемым вместе с полученным предметом, заставляя его поступать определенным образом. Клятва, как один из важнейших элементов социальных отношений раннего средневековья, таким образом скрепляется драгоценным подарком, имеющим глубокий сакральный подтекст. Мотив

меча как символа власти, также накладывающего особые обязательства на владельца, можно проследить вплоть до античной мифологии, а воспроизведение элементов мифа в более реалистическом произведении, повествующем о когда-то живших известных людях, может свидетельствовать об устойчивых практиках внутри древнескандинавского общества.

Статья поступила в редакцию 20.04.2018

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Hallfreðar saga vandræðaskálds [электронный ресурс]. – URL: http://www.sagadb.org/hallfredar_saga_vandraedaskalds.is (дата обращения: 15.02.2018).
2. Heimskringla Hákonar saga Aðalsteinsfóstra [электронный ресурс]. – URL: <https://www.snerpa.is/net/snorri/hakon-g.htm> (дата обращения: 15.02.2018).
3. Heimskringla Haraldar saga hárfagra [электронный ресурс]. – URL: <https://www.snerpa.is/net/snorri/har-har.htm> (дата обращения: 15.02.2018).
4. Heimskringla Haralds saga Sigurðarsonar [электронный ресурс]. – URL: <https://norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/harald-hard/is.html> (дата обращения: 15.02.2018).
5. Heimskringla Helga saga Hallvarðssonar [электронный ресурс]. – URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/helgih/on.html> (дата обращения: 15.02.2018).
6. Heimskringla Magnúss saga góða [электронный ресурс]. – URL: <https://www.snerpa.is/net/snorri/magnus-g.htm> (дата обращения: 15.02.2018).
7. Heimskringla Ólafs saga helga [электронный ресурс]. – URL: <https://www.snerpa.is/net/snorri/ol-helg.htm> (дата обращения: 15.02.2018).
8. Kormaks Saga [электронный ресурс]. – URL: http://www.sagadb.org/kormaks_saga (дата обращения: 15.02.2018).
9. Laxdæla saga [электронный ресурс]. – URL: http://www.sagadb.org/laxdaela_saga (дата обращения: 15.02.2018).

Литература

10. Бартеlemi Д. Рыцарство: от древней Германии до Франции XII века. М.: Евразия, 2012. 604 с.
11. Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 180–198.
12. Гуревич А.Я. Древненорвежская вейцла (к истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 3. С. 141–150.
13. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. 284 с.
14. Сеничев В.Е. Наследование и дарение оружия как символ родства и дружбы в средневековых исландских родовых сагах // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 1 (55) [сайт]. – URL: <http://history.jes.su/s207987840001683-0-1> (дата обращения: 20.08.2018).

15. Джаксон Т.Н. Мечи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран (80-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается). Т. I. М. СПб.: Ломоносовъ, 2010. С. 262–268.
16. Bagge, S. Society and Politics in Snorri Sturluson's Heimskringla. Berkeley: University of California Press, 1991. 339 p.

REFERENCES

1. Hallfreðar saga vandræðaskálds. Available at: http://www.sagadb.org/hallfredar_saga_vandradaskalds.is (accessed: 15.02.2018).
2. Heimskringla Hákonar saga Aðalsteinsfóstra. Available at: <https://www.snerpa.is/net/snorri/hakon-g.htm> (accessed: 15.02.2018).
3. Heimskringla Haraldar saga hárfagra. Available at: <https://www.snerpa.is/net/snorri/harhar.htm> (accessed: 15.02.2018).
4. Heimskringla Haralds saga Sigurðarsonar. Available at: <https://norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/harald-hard/is.html> (accessed: 15.02.2018).
5. Heimskringla Helga saga Hallvarðssonar. Available at: <http://norse.ulver.com/src/isl/helgih/on.html> (accessed: 15.02.2018).
6. Heimskringla Magnúss saga. Available at: <https://www.snerpa.is/net/snorri/magnus-g.htm> (accessed: 15.02.2018).
7. Heimskringla Ólafs saga Helga. Available at: <https://www.snerpa.is/net/snorri/ol-helg.htm> (accessed: 15.02.2018).
8. Kormaks Saga. Available at: http://www.sagadb.org/kormaks_saga (accessed: 15.02.2018).
9. Laxdæla saga. Available at: http://www.sagadb.org/laxdaela_saga (accessed: 15.02.2018).
10. Bartelemy D. Rytsarstvo: ot drevnei Germanii do Frantsii XII veka [Chivalry: from ancient Germany to France of the XII century]. Moscow, Evraziya Publ., 2012. 604 p.
11. Gurevich A.Ya. [Wealth and giving the Scandinavians in the early middle ages]. In: *Srednie veka*, 1968, no. 31, pp. 180–198.
12. Gurevich A.Ya. [Old Norse vezla (the history of the early feudal state in Norway)]. In: *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Istoricheskie nauki*, 1958, no. 3, pp. 141–150.
13. Gurevich A.Ya. Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoi Evrope [Problems of Genesis of feudalism in Western Europe]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 284 p.
14. Senichev V.E. Nasledovanie i darenie oruzhiya kak simvol rodstva i družby v srednevekovoi islandskikh rodovykh sagakh [Inheritance and donation of arms as a symbol of kinship and friendship in medieval Icelandic family sagas]. In: *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 2017. T. 8. Vypusk 1 (55) [сайт]. [Electronic scientific and educational journal "History", 2017, vol. 8, Iss. 1 (55) [website]]. Available at: <http://history.jes.su/s207987840001683-0-1> (accessed: 20.08.2018).
15. Dzhakson T.N. Mechi vikingov [Swords of the Vikings]. In: *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (80-letiyu Anatoliya Nikolaevicha Kirpichnikova posvyashchaetsya)*. T. I. M. СПб.: Ломоносовъ, 2010. С. 262–268.
16. Bagge, S. Society and Politics in Snorri Sturluson's Heimskringla. Berkeley, University of California Press, 1991. 339 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сеничев Вадим Евгеньевич – ассистент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: heldar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim E. Senichev –assistant of the Department of Archeology, Ancient and Medieval History, Moscow Region State University;
e-mail: heldar@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сеничев В.Е. Символическое значение дарения меча в исландских королевских сагах // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 102–111.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-102-111

FOR CITATION

Senichev V. Symbolic meaning of sword presentation in Icelandic king's saga. In: *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 102–111.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-102-111

УДК 94(492+594)''1602/1799'' + 334.726(492)''17/18''

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-112-123

ГОЛЛАНДСКАЯ ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

Сапунцов А.Л.*Институт Африки Российской академии наук**123001, г. Москва, ул. Спиридоновка д. 30/1, Российская Федерация*

Аннотация. В работе проведено исследование форм и методов применения государственно-частного партнерства (ГЧП) для реализации колониальной экспансии европейских стран в отдаленные районы Азии. Основную часть исследования составляет анализ деятельности Голландской Ост-Индской компании (ОИК) на территории современной Индонезии и других стран региона. Показаны предпосылки к учреждению ОИК, особенности формирования её капитала и функционирования органов управления, а также рассмотрены закономерности деятельности военной составляющей указанного бизнеса, его влияние на социокультурную сферу принимающих территорий. Проведено сравнение колониаторских проектов XVII в. с инвестиционными интересами современных многонациональных предприятий в слаборазвитых регионах мира. В заключение сделан вывод о симбиотическом характере действия государственной и частной составляющих ОИК, которое на протяжении её «золотого века» обеспечивало решающие преимущества в конкурентной борьбе, но механизм ГЧП определил неспособность компании адаптироваться к изменившимся условиям в экономике и обществе.

Ключевые слова: Голландская Ост-Индская компания (ОИК), государственно-частное партнерство (ГЧП), колониальная экспансия, транснациональная корпорация (ТНК), многонациональное предприятие (МНП), частная армия, заморская торговля.

DUTCH EAST INDIA COMPANY AS A SUBJECT OF THE PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN COLONIAL EXPANSION

A. Sapuntsov*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences**30/1, Spiridonovka Street, Moscow, 123001, Russian Federation*

Abstract. The research covers the ways public-private partnership (PPP) mechanism was applied for the colonial expansion of European powers into the remote regions of Asia. The main part of the article contains the analysis of the activities undertaken by the Dutch East India Company – Verenigde Oost-Indische Compagnie (VOC) in the territory of modern Indonesia and other states of the region. The prerequisites to establishment of the VOC, capital formation procedures, managerial regulations, and the military component operation are explored. The VOC has influenced social and cultural sphere of host territories. The colonization projects of

the 17th century have been compared with the interests of modern multinational enterprises to invest in the least developed regions of the world. The author concludes on the symbiotic nature of VOC's state and private components, which had assured decisive competitive advantages during her golden age. But later the PPP mechanism had determined the inability of the company to adapt to the changing business and social environment.

Key words: East India Company (EIC), Verenigde Oost-Indische Compagnie (VOC), public-private partnership (PPP), colonial expansion, transnational corporation (TNC), multinational enterprise (MNE), private army, overseas trade.

Начало эпохи Великих географических открытий было обусловлено совокупностью факторов, среди которых центральное место занимали мотивы поиска новых торговых путей со странами Востока. Захват Константинополя Османской империей в 1453 г. позволил ей получить контроль над сухопутными маршрутами на Ближнем Востоке, по которым специи, ткани и прочие диковинные товары на протяжении тысячелетия импортировались в Европу из Азии [20, р. 41]. Это ещё более усугубило зависимое положение европейских предпринимателей, занимавших конечные стадии товародвижения в операциях по импорту ткани, перца и других специй, таких как гвоздика, мускатный орех и его сушеная шелуха, а также корица. Особую актуальность имела вертикальная интеграция внешнеторговых операций по ввозу перца в Европу, что было связано с применением этого ингредиента в качестве консерванта при производстве изделий из мяса.

Успешная экспедиция Васко да Гамы, высадившегося в Каликуте 20 мая 1498 г., определила доминирование португальцев в бассейне Индийского океана и позволила им занять лидирующие позиции во внешней торговле с Азиатским регионом. Антверпен был значимым североевропейским центром по дистрибуции импортных

товаров из Азии, но начавшаяся в 1568 г. Нидерландская революция и учреждение в 1591 г. португальцами международного синдиката с участием германских, испанских и итальянских фирм привели к переводу потоков региональной торговли в Гамбург [17, р. 496]. В 1580 г. был заключен родственный союз между коронами Португалии и Испании, причем с последней Нидерланды находились в состоянии войны.

Указанное обстоятельство лишило голландских купцов возможности закупать специи в Лиссабоне, что в том числе стимулировало организацию внешнеторговой деятельности по поставкам товаров из Азии без участия посредников. В ранее Новое время обострились отношения между европейскими державами, что определило их участие в мировом авангарде или арьергарде колониальной экспансии. Положение стран находилось в зависимости от их способности к разработке и внедрению технических средств и применению новаций в социальной и хозяйственной организации. Со временем характер указанных изменений в экспансионистской расстановке сил стал более многогранным и сложным, причём позже характер конфронтации принципиально только диверсифицировался, так как сейчас в условиях активизации деятельности многонацио-

нальных предприятий (МНП) «новые и старые мировые акторы оказываются вовлечёнными в ресурсные, торговые, политические, дипломатические и другие „игры с нулевой суммой“, при которых улучшение (порой минимальное) положения одной стороны неизбежно воспринимается как ухудшение положения другой» [6, с. 9–10].

При снаряжении первой голландской торговой экспедиции в Индонезию, состоявшейся в 1595–1597 гг., активно использовались картографические данные по мореходному делу и результаты геофизических наблюдений, полученные из португальских источников [13, р. 1053]. Рассматриваемый голландский проект был реализован по инициативе частных предпринимателей и финансировался ими из собственных средств, что определило повышенную способность его участников к решению поставленных перед ними коммерческих задач по заготовке и транспортировке специй. При этом слабость единоначалия в управлении, которой в меньшей мере были подвержены части военно-морского флота, негативно сказалась на поведении командиров в нештатных ситуациях. Несмотря на многочисленные жертвы среди членов экипажей, связанные с болезнями и гибелью при столкновениях с туземцами, в Нидерланды был доставлен перец, мускатный орех и его шелуха в физическом количестве меньше ожидаемого, но повысившиеся цены позволили получить ощутимую прибыль от реализации груза.

В 1598–1602 гг. разрозненные голландские компании провели 16 экспедиций, мобилизовав на них 8 млн гульденов [13, р. 1053]. Торговцы вы-

ступали конкурентами по отношению друг к другу и не могли проводить согласованную политику ценообразования при заготовке колониальных товаров. Купеческая разобщённость вызывала достаточно резкие колебания рыночной конъюнктуры и, самое главное, не позволяла голландцам сформировать военно-морской флот, столь необходимый для защиты от португальцев, применявших модель государственной экспансии в Азии и пользовавшихся покровительством военной силы короны. Голландцы вступили в достаточно жёсткую конкурентную борьбу, так как имело место «желание „старых центров силы“ при помощи институциональных рычагов использовать мировую ресурсную базу в своих интересах» [7, с. 14].

Ограниченность ресурсов, изменения во внутренней политике и неадекватность простого копирования иберских форм коронной колонизации определили принятие правительством Нидерландов 20 марта 1602 г. хартии об учреждении Голландской Ост-Индской компании (ОИК) с уставным капиталом в 6,4 млн гульденов [10]. Компания, рассматриваемая как одна из первых транснациональных корпораций (ТНК), объединила участников разрозненных экспедиций, и в соответствии с хартией ей на 21 год были предоставлены монопольные права на торговлю с Азией, включавшие в себя широкие полномочия государства – строительство фортов и военных укреплений, содержание вооружённых формирований, заключение межгосударственных договоров с азиатскими правителями, отправдение правосудия и эмиссия денег. Высокий уровень автономии компании опреде-

лялся необходимостью раскрытия финансовой отчетности о деятельности лишь в конце каждого десятилетия.

Исследуемые события произошли в условиях учреждения странами Европы ряда компаний – интеграторов предпринимателей в торговле с Ост-Индией, причём «на протяжении истории можно наблюдать множество примеров соперничества „старых“ и „новых игроков“, а потом и замены первых вторыми в качестве сначала локомотивов роста мировой экономики, а потом и доминирующих центров глобального экономического развития» [6, с. 10]. Компании образовывались в Англии (1600 г.), Дании (1616 г.), Франции (1664 г.), Швеции (1731 г.), Пруссии (1751 г.) и Австрии (1775 г.); экспансия распространилась на Вост-Индию и позже – на Африку. Следует отметить, что Португалия тоже предприняла попытку включить частно-предпринимательские механизмы в свою колониальную политику и учредила в 1628 г. собственную ОИК, которая не принесла коммерческого успеха и просуществовала несколько лет.

Нидерланды поставили перед собой задачу объединить позитивные черты португальской модели колонизации, основанной на доминировании государственных субъектов, и английской – сугубо рыночной, предполагавшей учреждение ТНК в форме акционерного общества с широким кругом инвесторов, их ограниченную ответственность и специализацию управления в руках профессиональных менеджеров. Исследователи относят первые упоминания о государственно-частном партнерстве (ГЧП) к ОИК, «учредителями которой выступили и правительство, и купцы», причём уже намного позже, только в

конце 70-х гг. XX в., такие формы отношений стали применяться при строительстве автомобильных дорог, организации медицинских учреждений и зон ускоренного развития [22, р. 1411].

Имеются значительные сходства в структуре организации ОИК и её английского конкурента. Были сформированы строгие иерархические системы администрирования с обширным аппаратом служащих, акции ОИК находились в публичной собственности, допускалась торговля ими на открытом рынке. Вместе с этим нельзя сказать о широкой диффузии владельцев акций, которые ограничивались представителями голландской элиты, и передача права владения этими ценными бумагами была сопряжена со значительными издержками. В первые годы существования ОИК появились акции на предъявителя (*in blanco*, *ducation shares*), которые оценивались в $\frac{1}{10}$ от номинала обычных ценных бумаг и позволили организовать спекуляции с участием широкого круга инвесторов [14, р. 106]. В 1610 г. правительство Нидерландов запретило торговлю акциями на предъявителя, тем самым удовлетворив прошение директоров ОИК о нежелательности искажения рыночной оценки стоимости активов компании. Несмотря на это, инвестиционная привлекательность ОИК в течение XVII в. была выше аналогичных характеристик английской компании.

Центральное место в системе управления ОИК занимал совет XVII директоров, которые назначались её шестью палатами в провинциях: Амстердам, Мидделбург, Горн, Энхёйзен, Делфт и Роттердам. В отличие от рыночных частно-предпринимательских образований, механизмы формирования

указанного совета отличались асимметрией с неравномерным распределением прав провинций и требований к кандидатам. Например, делегаты Амстердама становились бургомистрами на пожизненный срок. К директорам предъявлялось требование о владении значительным пакетом акций ОИК, однако прочие инвесторы не могли действительно управлять вложенным капиталом и формировать фирменную политику. В связи с этим, несмотря на своё военное и экономическое могущество, ОИК можно лишь частично квалифицировать как корпорацию в её современном понимании.

Корпоративная идентичность впервые была использована в деятельности ОИК. Аббревиатура компании подверглась стилизации с размещением на наклонных линиях символа “V” двух последних букв “O” и “C”. Логотип ОИК наносился не только на фасады зданий, её флаг и прочие предметы, но и на монеты. «Медный дует с гербом со львом и неизменной аббревиатурой VOC..., который чеканили для голландской компании, пытавшейся в XVIII в. унифицировать денежное обращение в своей лоскутной азиатской империи (анклавы на побережье Индии, Цейлон, Малакка и Ява» [8, с. 68]. При обустройстве интерьеров главного здания ОИК ставилась задача показать экономическое владычество компании и её исключительную роль в колониальной экспансии, для чего применялись произведения изобразительного искусства, на которых иллюстрировались «торговые посты в Азии от Кочина на побережье Малабара в Индии до Аюттахи в Таиланде, Банды Нейры в Молуккских островах и далее до Кантона в Китае» [20, р. 40].

Рычаги управления ОИК все ещё были сосредоточены в руках относительно узкой группы директоров – это обосновывалось суждением отцов-основателей компании о «необходимости найма руководителем компании лица, обладающего сильными личностными качествами и способного быть авторитетным лидером» [19, р. 49]. Только к 80-м гг. XVII в. модель товарищеского менеджмента, свойственная гильдиям купцов, постепенно замещалась иерархическими структурами, что позволяло увеличить степень участия отдельных инвесторов в принятии корпоративных решений.

Представляется достаточно ограниченным рассматривать поиск сельскохозяйственного сырья и природных ресурсов в заморских регионах в качестве центрального движущего мотива колониальной экспансии европейских держав в лице их ТНК. Необходимо отдать должное политике центральных властей по обеспечению защиты деятельности своих предпринимателей от туземцев и конкурентов, однако главная инициатива по организации морского судоходства и учреждению факторий на захваченных территориях исходит от представителей частного сектора. С методологической точки зрения результативность проводимой колониальной экспансии основывается на достижении оптимального соотношения частного и государственного вклада, результирующего в наступлении положительного синергетического эффекта и обеспечивающего обретение конкурентных преимуществ.

Исследования конкурентной борьбы колониальных держав, проводимое в контексте эпистемологии бизнеса ОИК, особенно актуальны в современ-

ных условиях смещения мировых центров экономической власти. Очевидно, что о вооружённом вторжении в другие страны речь уже больше не идет, однако инновационные формы проведения финансовых операций позволяют осуществлять закабаление и эксплуатацию зависимых территорий с существенно более высоким уровнем эффективности вложения капитала, нежели чем во времена ОИК.

Интенсивный социальный и экономический прогресс в ранее отсталых регионах, например в Африке, как никогда ранее определяет стремление главных стран мира «получить наиболее выгодные условия для выхода и закрепления на этом бурно развивающемся рынке [Африки], причём не только со своими товарами и услугами, но и с предложениями по добыче полезных ископаемых» [1, с. 3]. Как и в XVII в., самостоятельно частный бизнес оказывается не в состоянии реализовать подобные проекты и ему необходима помощь своего государства. Наблюдается «стремительная утрата авторитета и влияния США на Африканском континенте», и для улучшения условий деятельности своих МНП правительство США выделяет только в 2018 г. около 533 млн долл. гуманитарной помощи африканским странам [1, с. 9].

Выстраивание торговых отношений с колониями на долгосрочной основе потребовало от ОИК налаживания взаимовыгодного обмена с аборигенами, осуществления капиталовложений в фактории и воздействия на способ производства, а также складывающиеся общественные отношения. Частно-предпринимательский подход к организации дела показал преимущество

над прямым ограблением захваченных территорий, проводимым с использованием государственной силовой машины. В этом случае сиюминутная нажива, воплощённая в изъятых сокровищах и запасе ценного товара, оказывается значительной в абсолютном стоимостном выражении, однако упущенная выгода будущего периода времени ставит колонизаторов в невыгодное финансовое положение. До получения силовой поддержки своего правителя разрозненные голландские купцы были «брошены на произвол судьбы» в отдалённых регионах, где враждебные условия среды делали невозможным обеспечение защиты частной собственности и реализацию положений добровольно заключённых торговых сделок.

В XVII в. наступил период бурного расцвета торговых операций Нидерландов в странах Азии, чему способствовало выстраивание тесных связей предпринимателей с правительственными функционерами, увеличение разнообразия источников финансовых и трудовых ресурсов, а также гибкость их применения в бизнесе. Немаловажную роль сыграло доминирующее положение Нидерландов на рынке сопредельных стран, обеспеченное использованием голландских морских портов в качестве центров распределения широкой номенклатуры транспортируемых грузов. Повышенная эффективность инвестирования в капитал ОИК сделала её более конкурентоспособной по отношению к другим европейским фирмам и способствовала сбыту ценных бумаг среди новых вкладчиков.

К 1640 г. ОИК смогла отвоевать у португальцев значительную долю обо-

рота внешней торговли специями с Азией, занять важное место на индийском рынке тканей и диверсифицировать структуру своего присутствия в регионе, обеспечив морское судоходство и портовые операции в наиболее значимых районах. Развивались способы передачи коммерческих данных между факториями компании [11, р. 95]. Компания смогла занять важную нишу во внешней торговле с Китаем и Тайванем, ранее осуществлявшуюся через испанскую Манилу и португальский Макао соответственно. В 1633 г. ОИК «потеснила» азиатских купцов на рынке Сиам и Японии, смогла организовать их торговлю с другими странами Азии [21, р. 52].

Проводя анализ факторов, обеспечивших прогресс в бизнесе ОИК, следует, во-первых, упомянуть её способность реализовать голландские политические и экономические интересы, которые удачно дополняли друг друга и были воплощены в предоставленных компании правах национальной монополии. Важно отметить, что ОИК функционировала на основе светских правил и не была обременена церковными связями, тем более финансовыми обязательствами перед религиозными организациями [21, р. 42]. Менеджмент ОИК мог уделять первостепенное внимание коммерческой деятельности и получению прибыли, что было существенным отличием от компаний иберийского происхождения. Последние были вынуждены искать свое место в правительственной и церковной иерархии.

Во-вторых, долгосрочные цели деятельности ОИК удачно совпадали с национальными целями развития Нидерландов, где правящие круги связы-

вали достижение благосостояния в обществе с установлением монополии во внешней торговле специями со странами Азии. Посредством этого планировалось устранить монопольное положение Португалии на азиатском рынке и тем самым снизить политическое давление Испании на Нидерланды. В-третьих, формирование сети морского транспорта ОИК в Азии, способного оперативно передавать коммерческие и иные полезные сведения между отдаленными поселениями и региональной штаб-квартирой в Батавии, положительно повлияло на успех в бизнесе, что позволило обрести информационное превосходство, в том числе благодаря сбору сведений подразделениями частной военной разведки [16, р. 115].

Историки солидарны во мнении, что золотой век ОИК приходится на первую половину XVII в. [18, р. 17]. Залог её успеха во многом основан на умелом сочетании военно-политической силы и мотивов к получению прибыли за счет торговли и инвестирования, а не посредством грабежа. Однако роль последнего в политике ОИК умалать некорректно, что следует из фразы Яна Питерсзоона Куна, основателя Батавии, который в 1619 г. писал в совет директоров ОИК: «Мы не можем продолжать торговлю без ведения войны, а также не можем воевать без осуществления торговой деятельности» [20, р. 40]. Со временем ОИК стала превращаться в механизм жёсткого силового управления заморскими территориями, «ещё в 1619 г. приступила к территориальным захватам на Яве, а к 1755 г. так окрепла, что содействовала разделу султаната Матарам на два независимых княжества» [9, с. 223].

Масштабы деятельности ОИК выглядят значительными даже по сегодняшним меркам: под её управлением находилось порядка 30 торговых поселений в Ост-Индии, флот насчитывал более 100 судов, численность персонала варьировала от 20 до 30 тыс. человек [4, с. 16]. По другим данным, значение последнего показателя в части постоянных работников составляло от 1,5 до 2 млн человек [15, р. 32]. За годы существования ОИК организовала 4730 рейса из Нидерландов в Ост-Индию (из которых 104 потерпели кораблекрушение) и 3358 обратных рейса (140 кораблекрушений) [12, р. 251, 261]. Совокупный дивидендный доход на капитал, вложенный в год основания компании, составил рекордные 3600% [20, р. 39–40].

Рассмотрение ОИК в качестве первой ТНК позволяет отчетливо проследить стремление современных МНП к осуществлению прямых инвестиций за рубеж и открытию там подконтрольных предприятий. В методологическом плане хозяйственные новации ОИК актуальны и активно применяются в настоящем с использованием современных форм менеджмента, передовой технологии, финансовых инструментов и завуалированных средств защиты прав собственности. Указанная закономерность прослеживается при проведении экономической экспансии в регионы, которые были отсталыми в недалеком прошлом. Например, инвестирование за рубеж позволяет МНП «не ограничиваться лишь торговыми связями с африканскими странами, а закрепиться в Африке на перспективу, гарантировав поступление существенного объема эксклюзивных ресурсов, которыми об-

ладает континент, для собственного, в том числе инновационного развития в новых экономических условиях» [2, с. 25].

Деятельность ОИК оказала значительное влияние на формирование культурной идентичности жителей колонизируемых территорий. Например, после превращения Тайваня в колонию ОИК аборигены стали использовать европейские атрибуты власти, элементы правоотношений, ритуалы, этические нормы поведения и в целом новый культурно-идеологический код, который включал в себя ношение одежды, образование, латиницу, христианскую религию [3, с. 33–34]. Экспансия ОИК затронула не только производство и торговлю в колониях, но и положила начало тенденции к распространению в принимающих странах социально-культурного базиса государств базирования МНП. Существенный вклад был внесен в перевооружение промышленности Нидерландов, качественным образом изменив судостроение, организацию торгового мореплавания, гидротехнику, печатное дело и многое другое, однако впоследствии темпы индустриализации экономики оказались недостаточными и наблюдалось её отставание.

В последней трети XVIII в. ОИК начала уступать свое колониальное превосходство английской компании, добившейся прогресса в организации торговли и морского судоходства (ещё в 1720 г. последняя перегнала ОИК по обороту торговли), причём монопольное положение зарубежного бизнеса было утрачено в результате четвертой англо-голландской войны 1780–1784 гг. В те годы обострилось отставание Нидерландов в промыш-

ленном развитии, целям обеспечения которого бизнес ОИК способствовал слабо, так как «накопленные капиталы торговая буржуазия страны направляла главным образом в сферу посреднической торговли и ростовщичества» [5, с. 26]. Позитивный синергетический эффект ГЧП в управлении деятельностью ОИК сменился на негативный, когда консервативная позиция правящей элиты Нидерландов привела к блокированию предложений о реформировании компании и проведении её реструктуризации.

К руководству ОИК была масса претензий о злоупотреблениях и распространении коррупции. Вскрылись факты многократного превышения доходов чиновников ОИК над официальным жалованием, взималась плата за назначение на должности, информация о крупных недостатках становилась достоянием общественности. Тяжелым бременем легли непомерные расходы на частную армию, когда доля солдат в общей численности персонала ОИК достигла 70% [4, с. 16]. Накопив

долги в 134 млн гульденов, ОИК была расформирована 31 декабря 1799 г. и все её активы, имущество и владения перешли в собственность правительства Нидерландов.

Использование механизмов ГЧП при организации колониальной экспансии в форме ОИК позволило Нидерландам получить существенные преимущества по отношению к европейским державам. Достижение симбиоза правительственной поддержки и частнопредпринимательской инициативы, способной мобилизовать большой объем капитала и наладить его обращение, привело к бурному развитию сети азиатских факторий ОИК и морского флота. На заключительных этапах своего жизненного цикла ОИК не смогла адаптировать организационную структуру к изменившимся реалиям промышленного развития мирового хозяйства, что во многом было связано с консервативной позицией членов правящей элиты Нидерландов.

Статья поступила в редакцию 19.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.О. Африканское турне С.В. Лаврова: новые вызовы и перспективы российско-африканского сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2018. № 5. С. 2–10.
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Потенциал Африканского континента в стратегии развития российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 24–35.
3. Головачёв В.Ц. Политика покорения аборигенов в ранний период голландской колонизации Тайваня (1624–1636) // Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность. 2010. № 5. С. 24–34.
4. Ключко В.Н. Первые европейские акционерные компании XVI–XVIII веков: особенности становления // Менеджмент и бизнес администрирование. 2014. № 2. С. 6–27.
5. Тюрин В.А. Батавия: город и его торговля (XVII–XVIII вв.) // Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность. 2012. № 3. С. 20–27.
6. Фитуни Л.Л. Дифференциация развивающихся стран и новая архитектура мировой экономики. Вопросы теории. Статья 1: Лидеры догоняющего развития в новой модели мировой экономики // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 9–18.
7. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей миро-

- вого экономического развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 3–15.
8. Фурсов К.А. Монетная пропаганда колониальных империй в Афро-азиатском мире // *Деньги и кредит*. 2016. № 7. С. 67–73.
 9. Фурсов К.А. Ост-Индские компании и корпорации «дешевого империализма»: преемственность и различия // *История мировой экономики: сборник статей. Вып. 6: Экономика в переломные эпохи*. М: ИЭ РАН, 2017. С. 209–246.
 10. A Translation of the Charter of the Dutch East India Company (Verenigde Oostindische Compagnie or VOC) // *Australasian Hydrographic Society [website]*. – URL: http://rupertgerritsen.tripod.com/pdf/published/VOC_Charter_1602.pdf (accessed on 10.06.2018).
 11. Broomhall S. Shipwrecks, Sorrow, Shame and the Great Southland: The Use of Emotions in Seventeenth-Century Dutch East India Company Communicative Ritual // *Emotion, Ritual and Power in Europe, 1200– 1920: Family, State and Church* / M. Bailey, K. Barclay Eds. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2017. P. 83–102.
 12. Bruijn J.R. Between Batavia and the Cape: Shipping Patterns of the Dutch East India Company // *Journal of Southeast Asian Studies*. 1980. Vol. 11, I. 2. P. 251–261.
 13. Gelderblom O., De Jong A., Jonker J. The Formative Years of the Modern Corporation: The Dutch East India Company VOC, 1602–1623 // *Journal of Economic History*. 2013. Vol. 73, no. 4. P. 1050–1076.
 14. Johnson T. The Financial Revolution of the Late Seventeenth Century // *Ethics in Quantitative Finance. A Pragmatic Financial Market Theory*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 103–125.
 15. Jucassen J. A Multinational and its Labor Force: The Dutch East India Company, 1595–1795 // *International Labor and Working-Class History*. 2004. No. 66. P. 12–39.
 16. Noordam B. Military Intelligence and Early Modern Warfare: The Dutch East India Company and China 1622–1624 // *The Dynamics of Transculturality: Concepts and Institutions in Motion, Transcultural Research – Heidelberg Studies on Asia and Europe in a Global Context* / A. Flüchter, J. Schöttli Eds. Cham: Springer, 2015. P. 113–135.
 17. O'Brien P. Mercantilism and Imperialism in the Rise and Decline of the Dutch and British Economies 1585–1815 // *De Economist*. 2000. Vol. 148, I. 4. P. 469–501.
 18. Oritz C. Overseas Trade in Early Modernity and the Emergence of Embryonic Private Military Companies // *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects* / Thomas Jäger and Gerhard Kümmel Eds. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. P. 11–22.
 19. Pettigrew W.A., Brock A.L. Leadership and the Social Agendas of the Seventeenth-Century English Trading Corporation // *A History of Socially Responsible Business, c. 1600–1950* / William A. Pettigrew and David Chan Smith Eds. N.Y.: Springer Berlin Heidelberg, 2017. P. 33–63.
 20. Robbins N. The Corporation that Changed the World. How the East India Company Shaped the Modern Multinational. London; Ann Arbor, MI, 2006. 218 p.
 21. Van Dyke P.A. How and why the Dutch East India Company Became Competitive in Intra-Asian Trade in East Asia in the 1630s // *Itinerario*. 1997. Vol. 21, I. 3. P. 41–56.
 22. Woodson T.S. Public Private Partnerships and Emerging Technologies: a Look at Nanomedicine for Diseases of Poverty // *Research Policy*. 2016. Vol. 45, I. 7. P. 1410–1418.

REFERENCES

1. Abramova I.O. [S.V. Lavrov's African tour: new challenges and prospects of Russian-African cooperation]. In: *Aziya i Afrika segodnya*, 2018, no. 5, pp. 2–10.
2. Abramova I.O., Fituni L.L. [The potential of the African continent in the strategy of development of the Russian economy]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 9, pp. 24–35.
3. Golovachev V.T.S. [The policy of subjugation of natives in the early period of the Dutch colonization of Taiwan (1624–1636)]. In: *Vostok. Afro-aziatskie soobshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2010, no. 5, pp. 24–34.
4. Klyuchko V.N. [The first European joint-stock company of the XVI–XVIII centuries: peculiarities of the formation]. In: *Menedzhment i biznes admini-strirovanie*, 2014, no. 2, pp. 6–27.
5. Tyurin V.A. [Batavia: the city and its trade (XVII–XVIII)]. In: *Vostok. Afro-aziatskie soobshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2012, no. 3, pp. 20–27.
6. Fituni L.L. [Differentiation of the developing countries and the new global economic architecture. Issues of theory. Article 1: Leaders understand future development in the new model of the world economy]. In: *Aziya i Afrika segodnya*, 2012, no. 10, pp. 9–18.
7. Fituni L.L., Abramova I.O. [Regularities of formation and CME; models for global economic development]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, no. 7, pp. 3–15.
8. Fursov K.A. [Coin propaganda of the colonial empires in the Afro-Asian world]. In: *Den'gi i kredit*, 2016, no. 7, pp. 67–73.
9. Fursov K.A. [The East India company and the corporations of “cheap imp-realism”: continuity and differences]. In: *Istoriya mirovoi ekonomiki: sbornik statei, Iss. 6: Ekonomika v perelomnye epokhi*. Moscow, IE RAN Publ., 2017, pp. 209–246.
10. A Translation of the Charter of the Dutch East India Company (Verenigde Oostindische Compagnie or VOC). In: *Australasian Hydrographic Society* [website]. Available at: http://rupertgerritsen.tripod.com/pdf/published/VOC_Charter_1602.pdf (accessed: 10.06.2018).
11. Broomhall S. Shipwrecks, Sorrow, Shame and the Great Southland: The Use of Emotions in Seventeenth-Century Dutch East India Company Communicative Ritual. In: *Emotion, Ritual and Power in Europe, 1200– 1920: Family, State and Church* (M. Bailey, K. Barclay Eds.). New York, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 83–102.
12. Bruijn J.R. Between Batavia and the Cape: Shipping Patterns of the Dutch East India Company. In: *Journal of Southeast Asian Studies*, 1980, vol. 11, iss. 2, pp. 251–261.
13. Gelderblom O., De Jong A., Jonker J. The Formative Years of the Modern Corporation: The Dutch East India Company VOC, 1602–1623. In: *Journal of Economic History*, 2013, vol. 73, no. 4, pp. 1050–1076.
14. Johnson T. The Financial Revolution of the Late Seventeenth Century. In: *Ethics in Quantitative Finance. A Pragmatic Financial Market Theory*. Cham, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 103–125.
15. Jucassen J. A Multinational and its Labor Force: The Dutch East India Company, 1595–1795. In: *International Labor and Working-Class History*, 2004, no. 66, pp. 12–39.
16. Noordam B. Military Intelligence and Early Modern Warfare: The Dutch East India Company and China 1622–1624. In: *The Dynamics of Transculturality: Concepts and Institutions in Motion, Transcultural Research – Heidelberg Studies on Asia and Europe in a Global Context* (A. Flüchter, J. Schöttli Eds.). Cham, Springer, 2015, pp. 113–135.
17. O'Brien P. Mercantilism and Imperialism in the Rise and Decline of the Dutch and British Economies 1585–1815. In: *De Economist*, 2000, vol. 148, iss. 4, pp. 469–501.

18. Oritz C. Overseas Trade in Early Modernity and the Emergence of Embryonic Private Military Companies. In: *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects* (Thomas Jäger and Gerhard Kümmel Eds.). Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007, pp. 11–22.
 19. Pettigrew W.A., Brock A.L. Leadership and the Social Agendas of the Seventeenth-Century English Trading Corporation. In: *A History of Socially Responsible Business, c. 1600–1950* (William A. Pettigrew and David Chan Smith Eds.). New York, Springer Berlin Heidelberg, 2017, pp. 33–63.
 20. Robbins N. The Corporation that Changed the World. How the East India Company Shaped the Modern Multinational. London; Ann Arbor, MI, 2006, 218 p.
 21. Van Dyke P.A. How and why the Dutch East India Company Became Competitive in Intra-Asian Trade in East Asia in the 1630s. In: *Itinerario*, 1997, vol. 21, iss. 3, pp. 41–56.
 22. Woodson T.S. Public Private Partnerships and Emerging Technologies: a Look at Nanomedicine for Diseases of Poverty. In: *Research Policy*, 2016, vol. 45, iss. 7, pp. 1410–1418.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапунцов Андрей Леонидович – доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук;
e-mail: andrew@sapuntsov.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Sapuntsov – doctor of economic sciences, associate professor, senior researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
e-mail: andrew@sapuntsov.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сапунцов А.Л. Голландская Ост-Индская компания как субъект государственно-частного партнерства в колониальной экспансии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 112–123. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-112-123

FOR CITATION

Sapuntsov A. Dutch East India Company as a subject of the public-private partnership in colonial expansion. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 112–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-112-123

УДК 331.105.44:94(73)"1917/1922"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-124-132

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ, СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И АМЕРИКАНСКИЕ ТРЕД-ЮНИОНЫ, 1917–1922 гг.

Курков Н.В., Вититнев С.Ф.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Тема актуальна и представляет интерес в свете современных тенденций международных отношений, когда США развязали экономическую агрессию, наращивают масштабы политической и информационно-санкционной войны против Российской Федерации. Вполне закономерно возникают некоторые исторические ассоциации. В 1918 г., сто лет назад, США начали вооруженную интервенцию против Советской России и подвергли её экономической блокаде. Проимпериалистический антисоветский курс консервативного руководства общенационального профцентра США – Американской федерации труда (АФТ) – не соответствовал настроениям широких профсоюзных масс. Многие влиятельные тред-юнионы, аффилированные с АФТ, активно добивались нормализации межгосударственных отношений и восстановления экономических связей между двумя странами. Передовые сознательные рабочие, профсоюзные активисты приняли самое деятельное участие в борьбе против интервенции, за снятие экономической блокады и за признание Советской России. Движение солидарности под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» вошло в историю как один из ярчайших эпизодов широкого общественно-политического движения в США за демократию и всеобщий прогресс.

Ключевые слова. Советская Россия, США, интервенция, экономическая блокада, Американская федерация труда, движение солидарности, дипломатическое признание.

THE GREAT OCTOBER, SOVIET RUSSIA AND THE AMERICAN TRADE UNIONS, 1917–1922

N. Kurkov, S. Vititnev

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The topic is relevant and is of interest in the light of current trends in international relations, when the United States have unleashed economic aggression and are increasing the scale of political and information-sanctions war against the Russian Federation. Quite naturally there are some historical associations. In 1918, a hundred years ago, the United States began an armed intervention against Soviet Russia and subjected it to an economic blockade. The pro-imperialist anti-Soviet course of the conservative leadership of the national trade union center of the United States – the American Federation of Labor (AFL) did not correspond to the sentiments

of the broad trade union masses. Many influential trade unions, affiliated with the AFL, actively sought the normalization of the inter-state relations and the restoration of the economic ties between the two countries. Advanced conscious workers and trade union activists took an active part in the struggle against the intervention, for the reversal of the economic blockade and for the recognition of Soviet Russia. The movement of solidarity under the slogan "Hands off from Soviet Russia!" went down in history as one of the brightest episodes of a broad socio-political movement in the United States for democracy and universal progress.

Key words: Soviet Russia, USA, intervention, economic blockade, American Federation of Labor, solidarity movement, diplomatic recognition.

Первые годы после окончания Первой мировой войны были временем глубокого радикально-демократического брожения самых широких слоев трудящихся Соединенных Штатов. Важнейшим проявлением этой тенденции стало их участие в движении солидарности с Советской Россией, в которое так или иначе были вовлечены все рабочие и прогрессивные организации Америки. Руководство ведущего профцентра США – Американской федерации труда (АФТ) – с первых дней Советской власти оказалось в лагере ее злейших врагов, и в дальнейшем, как отмечает В.Л. Мальков, «антисоветизм и антикоммунизм стали осью всей внешнеполитической деятельности Исполнительного совета АФТ» [7, с. 22]. Однако проимпериалистический антисоветский курс Гомперса и К° не соответствовал настроениям широких профсоюзных масс – профессионально организованные рабочие в массе своей выражали чувства симпатии и солидарности с Советской Республикой. Будучи лишенными возможности ясно представить себе истинное положение в Советской России, они тем не менее чувствовали, что право на самоопределение является неотъемлемым законным правом любого народа.

Внутри АФТ возникла широкая оппозиция реакционному внешнеполити-

ческому курсу гомперсистов. Многие крупнейшие профсоюзы выступали в поддержку Советской России. «Представители американских профсоюзов, – пишет И.М. Краснов, – с трибун конференций и митингов, со страниц печати, в своих речах и резолюциях одобряли победу Советской власти в России и со всей непримиримостью осуждали политику вооруженной антисоветской интервенции» [9, с. 11]. Передовые сознательные рабочие, профсоюзные активисты приняли самое деятельное участие в борьбе против интервенции, за снятие экономической блокады и за признание Советской России. Движение под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» вошло в историю как один из ярчайших эпизодов широкого американского общественно-политического движения за демократию, мир и социальный прогресс. Г. Холл отмечает, что «растущие массовые выступления американских рабочих в защиту Советской Республики» явились одним из важных факторов, вынудивших империализм США «прекратить свою преступную агрессию». В течение 1920-х гг. более трети профсоюзных низовых организаций (локалов) приняли резолюции, требующие признания Советской России [10, с. 112].

В статье «Завоеванное и записанное» В. И. Ленин отмечал: «В Америке,

в самой сильной и самой молодой капиталистической стране, – громадное сочувствие рабочих масс к Советам» [5, с. 513].

Многие влиятельные тред-юнионы, аффилированные с АФТ, активно добивались нормализации межгосударственных отношений и восстановления экономических связей между Соединенными Штатами и Советской Россией [19, р. 45–66, 260–272]. Инициативу в этом вопросе в 1918–1920 гг. проявили профсоюзы швейников, дамских портных (совокупная численность 290 тыс. членов), горняков (600 тыс.), механиков (350 тыс. членов) [19, р. 38–40; 21; 20, р. 271–326].

В 1920 г. по инициативе профсоюзных организаций Нью-Йорка был учрежден общенациональный Американский рабочий альянс за торговые отношения с Россией. Альянс представлял 2,5 млн. членов тред-юнионов, аффилированных с АФТ, которая в целом насчитывала 4 млн. членов (независимый профсоюз швейников был единственным исключением) [19, р. 45–46]. Солидарность с Альянсом выразил через свой печатный орган – газету «Labor» – мощнейший общеамериканский блок консервативных независимых железнодорожных братств [22, р. 77]. Соответствующая резолюция с требованием возобновления торговых и коммерческих связей с Россией была представлена Конгрессу США, где её заблокировали [19, р. 46–47].

Проблема влияния Октябрьской революции на американские профсоюзы основательно исследована советскими и прогрессивными американскими историками [1; 2; 3; 4; 6; 7; 9; 19]. Представляется важным подробнее осветить один существенный аспект этой

темы, который не нашел отражения в историографии. Авторами статьи сделана попытка детально рассмотреть эту проблему сквозь призму столкновения альтернативных точек зрения по «русскому вопросу» на общеамериканских ежегодных съездах АФТ. Одна из них представлена влиятельным право-консервативным блоком, шедшим в фарватере антисоветизма; доминирующую роль здесь играло реакционное руководство АФТ и ряда крупнейших тред-юнионов, аффилированных с федерацией, – оно по существу контролировало работу съездов и принятие резолюций по кардинальным вопросам профсоюзной политики. Ему противостояла обычно немногочисленная группа прогрессивного крыла делегатов; не будучи постоянным и прочным образованием, она тем не менее нередко с большим упорством, хотя и безуспешно, добивалась принятия решений в поддержку Октябрьской революции, Советской России.

Сам факт противоборства этих сил на конвентах АФТ весьма показателен как отражение (хотя и не вполне адекватное) диалектически сложного и противоречивого процесса никогда не прекращавшейся борьбы двух неравнозначных тенденций в профсоюзном движении США – прогрессивно-демократической и консервативной, коллаборационистской.

В течение восьми послевоенных лет «русский вопрос» не сходил с повестки дня съездов АФТ. В Атлантик-Сити (июнь 1919 г.) делегаты П. Боленбетчер, Дж. А. Дункан, Ч. Стрикленд, М. Дж. Силинский от имени федерации труда Пенсильвании, центральных советов профсоюзов Ситла, Портленда, Кливленда и Акрона

представили на рассмотрение конвента резолюции, содержание которых шло вразрез с официальной позицией гомперсистского руководства федерации. Их требования можно было бы суммировать следующим образом: немедленное прекращение интервенции, снятие блокады Советской России и признание ее правительства, оказание продовольственной помощи русскому народу и проведение референдума среди членов АФТ по вопросу дипломатического признания Советского правительства Соединенными Штатами. «Мы верим, что рабочие Америки сумеют заставить капиталистов... отказать от преступных замыслов в отношении первого в мире государства трудящихся – Советской России», от их планов, «противоречащих принципам справедливости, прогресса, цивилизации и демократии», – говорилось в резолюции Сиэтлского профсовета, и эти слова были созвучны настроениям многих делегатов съезда (в основу указанной резолюции было положено решение профсоюзного локала механиков № 473 Сиэтла) [11, р. 332–333].

Требования прогрессивной фракции тред-юнионов были отклонены комитетом по резолюциям, который, однако, вынужден был поддержать предложение о выводе «в возможно короткий срок» всех американских войск из России. В обоснование своей анти-советской позиции руководство АФТ выдвинуло «аргументацию», ставшую в известном смысле «классической», стереотипной в пропагандистском арсенале реакционных профлидеров и профессиональных антисоветчиков из лагеря буржуазии. В частности, отрицалось, что Советы являются демократическими учреждениями; что, будучи

органом власти рабочего класса, они в то же время выражают интересы всех трудящихся и эксплуатируемых [11, р. 333–334].

Свое одобрение проводимой правительством США политики непризнания Советской России АФТ подтвердила на Монреальском съезде (июнь 1920 г.) вопреки протестам делегатов левого крыла. С требованием прекращения блокады, нормализации торговых и дипломатических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами выступили представители Межнационального профсоюза дамских портных и городского профсовета Сиэтла. Они обвинили правительство США в соучастии и поощрении интервенции – «этого отвратительного преступления против свободного суверенного народа... который беззаветной борьбой за право самому решать свою судьбу снискал восхищение всех демократов и борцов за свободу». Они предупреждали, что «поражение Российской Советской Федеративной Социалистической Республики означало бы крушение чаяний и надежд трудящихся всего мира» [12, р. 367].

Делегат А. Гринстайн предложил направить в Советскую Россию профсоюзную делегацию, чтобы «узнать правду о Русской революции».

Секретарь комитета по резолюциям Дж. Ф. Фрей повторил заимствованные из белогвардейских и других контрреволюционных источников стандартные обвинения в адрес Советского правительства в «узурпации» политической власти, ликвидации «свободных» тред-юнионов, «экспорте» революции в Соединенные Штаты и другие «цивилизованные стра-

ны». Эти «доводы» были подкреплены ссылками на телеграмму государственного секретаря США Б. Колби, направленную в адрес конвента АФТ в ответ на специальный запрос С. Гомперса. Резолюция, принятая Монреальским съездом, гласила: «У АФТ нет оснований для каких-либо действий, которые могли бы быть истолкованы как помощь или признание Советского правительства в России» [12, р. 368–372].

В последующие годы, как явствует из официальных отчетов руководства АФТ съездам федерации, антисоветский пропагандистский багаж Гомперса и Ке пополнился домыслами о «заговоре» Советского правительства и международного коммунистического движения с целью «подрыва» американских тред-юнионов. Однако если на Денверском конвенте ему удалось провести свое решение практически без обсуждения, то в Цинциннати (июнь 1922 г.) по «русскому вопросу» развернулись бурные дебаты [13, р. 92–102, 442; 14, р. 420–437, 457–465]. Основная резолюция с требованием признания Советского правительства и «скорейшего заключения» американо-советского торгового соглашения была внесена делегацией влиятельного тред-юниона железнодорожных служащих. Эти меры, говорилось в резолюции, «позволят увеличить занятость американских рабочих в отраслях, производящих машины, станки, одежду, продовольственные и многие другие товары, в которых нуждаются русские»; экономические выгоды от такого сотрудничества очевидны, о чем свидетельствуют существующие коммерческие связи между Советской Россией и «ведущими индустриальными державами Европы – Великобрита-

нией, Германией, Италией, Норвегией и Швецией».

Как и следовало ожидать, комитет съезда по международным вопросам, рассматривавший предложение железнодорожников, заявил о своем «несогласии» с резолюцией. Однако два члена комитета, председатель Братства рабочих-операторов стационарных котельных установок Т. Хили и делегат профсоюза типографов социалист М. С. Хейес, поддержали резолюцию. В специальном заявлении они подчеркнули, что нормализация советско-американских отношений, помимо улучшения перспектив трудоустройства «миллионов безработных в США», будет содействовать укреплению «всеобщего мира и дружбы между народами» [14, р. 421, 426].

Их мнение разделяли выступившие в прениях делегаты А. Кип, М.Дж. Си-линский (Союз портных), К.Ф. Гроу (Межнациональная ассоциация механиков). А. Кип находил, что «революция в России столь же правомерна, как и американская, в огне которой родилась североамериканская нация». Он сказал: «В библиотеке Астора, в коллекции О'Брайена в Нью-Йорке, хранятся сотни листовок, изданных как тори, так и колонистами во время нашей революции. В нашей стране определенный класс – тори также был лишен власти, привилегий и подвергнут цензуре; с ними обращались как с врагами общества. Когда их поколотили, они стали распространять листовки, где высказывали свое отношение к отцам – основателям нашей Республики, примерно в тех же выражениях, которые используют против большевиков, Ленина их враги. Замените в тексте листовок имена Вашингтон, Мэдисон,

Хэнкок и другие на имена руководителей русских большевиков, и вы не отличите эти писания от того потока брани, который изливают на них буржуа, торговые палаты, поборники „открытого цеха“ и иже с ними.

Когда завершилась наша Революция, Томас Джефферсон отправился в Старый Свет для налаживания торговли с европейскими странами и с ним обошлись точно так же, как мы сейчас обходимся с русскими. В Англии с ним согласились вести дела при условии, если он гарантирует возмещение старых долгов, за которые несли ответственность тори, вершившие суд и право в английских колониях. Он ответил отказом; долги все до единого пенса были аннулированы, и их никто никогда не платил... Я простой честный американец, поэтому я считаю, что мы должны признать русское правительство» [14, р. 427].

В ходе обсуждения «русского вопроса», продолжавшегося в течение двух дней, Т. Хили и М. Хейес подвергли аргументированной критике и разоблачению антисоветский курс стоявшей у руля АФТ гомперсистской «старой гвардии». Позицию, занятую руководством федерации, Хили назвал «реакционной». С. Гомперс, М. Уолл, Дж. Фрей отстаивали точку зрения, соответствующую официальным установкам внешнеполитического ведомства США. Для подкрепления своих доводов они апеллировали к госсекретарю Ч. Хьюзу и министру торговли Г. Гуверу [14, р. 430–436, 457–465]. Содержание ответных посланий Гувера и Хьюза было аналогично их заявлениям в марте 1921 г., когда неопровержимым условием возобновления любых контактов между США и РСФСР по государ-

ственной линии объявлялось согласие правительства Советской России восстановить в стране капиталистические порядки [8, с. 136; 14, р. 435–436].

Большинством голосов конвент принял рекомендованную Комитетом по международным вопросам пространную декларацию, в которой все предложения и выступления с требованием заключения торговых договоров, признания Советской Республики, оказания помощи голодающим в России по межгосударственным каналам квалифицировались исключительно как формы пропаганды, инспирированной «международным коммунизмом» с целью «подрыва АФТ и других демократических институтов и в конечном итоге – низвержения республиканской формы правления в Соединенных Штатах...» [14, р. 422–423, 465].

Тем не менее дискуссии вокруг вопроса о признании на съездах АФТ не прекращались. В 1923–1926 гг. в поддержку резолюций о возобновлении дипломатических и торговых отношений между двумя странами выступали делегаты Т. Хили, М.С. Хейес, М.Дж. Силинский, У.Х. Джонстон, глава Межнациональной ассоциации механиков; К.М. Мадсен (профсоюз строителей), Т. Суини (портные), Д.К. Сمارт и Д.К. Рамзей (железнодорожные телеграфисты), У. Шатлиф, Дж. Л. Инглэнд и О.Дж. Пикетт (железнодорожные служащие), Э. Э. Шварцтробер (Американская федерация учителей), Дж. Шафир (Ассоциация банковских служащих Чикаго), Д.Г. Голдберг и П. Гинзберг (профсоюз шляпников).

В резолюциях и выступлениях делегатов подчеркивались чаще всего три момента: государственная и политическая система Советской России

оказалась стабильной и устойчивой; русским принадлежит бесспорное право решать свои проблемы по собственному усмотрению; нормализация отношений между США и СССР отвечает жизненным интересам народов всего мира, создавая прочную основу для расширения международного экономического сотрудничества и развития межгосударственных отношений в духе добрососедства и взаимопонима-

ния [15, р. 296–302; 16, р. 287–293; 17, р. 334–337; 18, р. 262–280].

Руководство АФТ игнорировало эти доводы. Были заблокированы также все предложения об установлении контактов с советскими профсоюзами, обмене профсоюзными делегациями с ВЦСПС [15, р. 299; 17, р. 333–334; 18, р. 264–265, 268].

Статья поступила в редакцию 27.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. История рабочего движения США в новейшее время. Т.1: 1918–1939. М.: Наука, 1970. 590 с.
2. Краснов И.М. Великий Октябрь и прогрессивная Америка: Сб. документов и материалов. М.: Мысль, 1967. 349 с.
3. Краснов И.М. Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1919–1920 гг.). М.: Соцэкгиз, 1961. 303 с.
4. Краснов И.М. Советский Союз глазами американцев, 1917–1977: документы и материалы. М.: Мысль, 1979. 348 с.
5. Ленин В.И. Завоеванное и записанное // Полн. собр. соч. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 512–514.
6. Листиков С.В. Влияние революционных событий в России на борьбу течений в профсоюзном движении США (1917–1919 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 6. С. 48–61.
7. Мальков В.Л. Великий Октябрь и рабочее движение в США (1917–1922 гг.) // Американский ежегодник. 1978. М.: Наука, 1978. С. 5–41.
8. Мальков В.Л. США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917–1933 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 125–146.
9. Прогрессивная Америка в борьбе, 1917 – 1973: документы и материалы / Отв. ред., сост. и автор предисл. И.М. Краснов. М.: Мысль, 1974. 412 с.
10. Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. М.: Мысль, 1974. 365 с.
11. American Federation of Labor (далее: AFL). Proceedings. 1919.
12. AFL. Proceedings. 1920.
13. AFL. Proceedings. 1921.
14. AFL. Proceedings. 1922.
15. AFL. Proceedings. 1923.
16. AFL. Proceedings. 1924.
17. AFL. Proceedings. 1925.
18. AFL. Proceedings. 1926.
19. Foner Ph. S. The Bolshevik Revolution: Its Impact on American Radicals, Liberals and Labor. A Documentary Study. N.Y.: International publishers, 1967. 159 p.
20. International Association of Machinists. Proceedings of the Sixteenth Convention of the International Association of Machinists Held in Rochester, New York September 20th to October 6th, 1920. Wash., D.C. [1920].
21. New York Call. 1920. 6 Sept.

22. Wieland D.F. American Labor and Russia 1917–1925: Master's Thesis (History). University of Wisconsin [Madison], 1948.

REFERENCES

1. Istoriya rabocheho dvizheniya SSHA v noveishee vremya. T. 1: 1918 [The history of the labor movement in the USA in modern times. Vol. 1: 1918]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 590 p.
2. Krasnov I.M. Velikii Oktyabr' i progressivnaya Amerika: Sb. dokumentov i materialov [The Great October Revolution and the progressive America: Coll. documents and materials]. Moscow, Mysl' Publ., 1967. 349 p.
3. Krasnov I.M. Klassovaya bor'ba v SSHA i dvizhenie protiv antisovetskoi interventsii (1919) [The class struggle in the United States and the movement against the anti-Soviet intervention (1919)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1961. 303 p.
4. Krasnov I.M. Sovetskii Soyuz glazami amerikantsev, 1917 [The Soviet Union through the eyes of the Americans, 1917: documents and materials]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 348 p.
5. Lenin V.I. Zavoevannoe i zapisannoe [Conquered and recorded]. In: *Poln. sobr. soch.* T. 37 [Full. Coll. Op. Vol. 37]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, pp. 512–514.
6. Listikov S.V. [The influence of the revolutionary events in Russia in the struggle trends in the Trade Union movement of the United States (1917–1919)]. In: *Voprosy istorii*, 1984, no. 6, pp. 48–61.
7. Mal'kov V.L. Velikii Oktyabr' i rabochee dvizhenie v SSHA (1917) [The Great October Revolution and the labor movement in the United States (1917)]. In: *American Yearbook*, 1978. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 5–41.
8. Mal'kov V.L. [The USA: from intervention to recognition of the Soviet Union (1917–1933)]. In: *Novaya i noveishaya istoriya*, 1984, no. 1, pp. 125–146.
9. Progressivnaya Amerika v bor'be, 1917 [Progressive America in the fight, 1917: documents and materials / Ed. ed., comp. and author of the Foreword I.M. Krasnov]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 412 p.
10. Hall G. Revolyutsionnoe rabochee dvizhenie i sovremennyi imperializm [The revolutionary movement and modern imperialism]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 365 p.
11. American Federation of Labor (далее: AFL). Proceedings. 1919.
12. AFL. Proceedings. 1920.
13. AFL. Proceedings. 1921.
14. AFL. Proceedings. 1922.
15. AFL. Proceedings. 1923.
16. AFL. Proceedings. 1924.
17. AFL. Proceedings. 1925.
18. AFL. Proceedings. 1926.
19. Foner Ph. S. The Bolshevik Revolution: Its Impact on American Radicals, Liberals and Labor. A Documentary Study. New York, International publishers, 1967. 159 p.
20. International Association of Machinists. Proceedings of the Sixteenth Convention of the International Association of Machinists Held in Rochester, New York September 20th to October 6th, 1920. Wash., D.C. [1920].
21. New York Call. 1920. 6 Sept.
22. Wieland D.F. American Labor and Russia 1917–1925: Master's Thesis (History). University of Wisconsin [Madison], 1948.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курков Николай Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

e-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: svititnev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay V. Kurkov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the New and Contemporary History and Metodology, Moscow Region State University;

e-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

Sergey F. Vititnev – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: svititnev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курков Н.В., Вититнев С.Ф. Великий Октябрь, Советская Россия и американские трудюнионы, 1917–1922 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 124–132.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-124-132

FOR CITATION

Kurkov N., Vititnev S. The Great October, Soviet Russia and the American trade unions, 1917–1922. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 124–132.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-124-132

УДК 327.56(430-470) «1945/1947»

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-133-144

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ В 1945–1947 ГГ.

Шелудченко Н.П.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность советской военной администрации в Германии в 1945–1947 гг. Автор обращает внимание на то, в каких условиях, и при каких обстоятельствах проводилась эта деятельность в послевоенной поверженной Германии и чем она отличалась от деятельности союзников по Антигитлеровской коалиции. На основании анализа прежде всего архивных данных и других материалов, исследователь пришел к выводу, что, несмотря на все сложности и трудности того времени, некоторые просчеты и недоработки на первом этапе оккупации Восточной Германии, деятельность СВАГ была вполне успешной.

Ключевые слова: германская проблема, СВАГ, советская зона оккупации, верховная власть, репарации, демилитаризация, денацификация.

ON THE ACTIVITIES OF THE SOVIET MILITARY ADMINISTRATION IN GERMANY IN 1945–1947

N. Sheludchenko

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article studies the activities of the Soviet military administration in Germany in 1945-1947. The author pays attention to the circumstances these activities were performed after the military occupation. The differences from the activities of the antifascist coalition are also stressed. On the basis of archive materials and some other documents the researcher comes to the conclusion that inspite all the difficulties and hardships of that time and possible mistakes of the first stage of occupation, the activities of the Soviet military administration was quite successful.

Key words: German problem, Soviet military administration, Soviet zone, supreme power, reparations, demilitarization, denazification.

Когда в 1943 г. произошел коренной перелом в ходе всей Второй мировой войны, уже тогда встал вопрос о судьбе Германии после войны. Западные союзники предлагали, например, расчлнить поверженную Германию, и особенно жесткую позицию занимали США. Позиция американцев была обусловлена тем, что они

желали стать лидером в европейской политике, сменив на этом посту поверженную Германию [3, с. 37]. Кстати, американцы разрабатывали тогда и план уничтожения Германии как промышленного соперника («план Моргентау»). Он предусматривал фактически полное уничтожение промышленности Германии с сохранением лишь текстильной, пищевой отраслей, превращая ее в аграрную страну¹.

Позиция СССР была принципиально иной, да и его планы в отношении решения ряда важных вопросов были более гуманными, чем соответствующие предложения со стороны союзников².

С конца 1943 года сотрудники Наркоминдела СССР настойчиво предлагали начать подготовку персонала, различных руководств и справочников для политики оккупационного режима в Германии. Эти предложения не были реализованы в силу ряда причин [20, с. 570–571]. Союзники, по сути дела, уже тогда начали предпринимать определенные меры, связанные с послевоенным устройством Германии.

В Советском Союзе также не обошли вниманием этот вопрос. К примеру, в СССР существовало несколько антифашистских школ, действующих при лагерях для военнопленных, которые готовили кадры для будущего немецкого демократического правительства [12, с. 33]. Более того, на территории Советского Союза жило значительное число эмигрировавших немецких коммунистов, которые должны были стать политической опорой советского правительства в центре Европы [21, с. 84].

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 790. Л. 72.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 789. Л. 95.

Капитулировавшая в начале мая 1945 г. Германия представляла собой жалкое зрелище. Миллионы убитых и покалеченных, разрушенные города и поселки, уничтоженная инфраструктура, хозяйственная жизнь фактически была полностью парализована. В то же время в Германии находилось большое количество иностранцев: более 5,5 млн. «перемещенных лиц», а также около 2 млн. солдат и офицеров оккупационных войск. Их содержание ложилось тяжелым бременем на немецкое население [2, с. 54]. Население переживало глубочайшую депрессию и страх. Как один из результатов этого проявления в конце войны были многочисленные самоубийства немцев. Так, например, в маленьком городке Шлибен в округе Швайнитс под влиянием чрезмерной нацистской пропаганды и вступления Красной Армии 8 мая 1945 года покончили с собой 72 человека [25, s. 103]. Крайне стрессовое состояние немцев усугублялось и возникшими огромными бытовыми трудностями, одной из которых был дефицит продовольствия.

Союзные армии на правах победителей в это время полностью хозяйничали в Германии. Более конкретные жалобы на поведение союзных войск касались обычно конфискации, иногда арестов, но чаще всего отношений с немецкими женщинами [14, с. 200]. Примерно такую же картину описывает и современный немецкий историк Себастьян Рик, подчеркивая, что «красноармейцы видели разрушения собственной страны своими глазами, и были, несомненно, свидетелями многочисленных немецких преступлений». Правда, в то же время он добавляет, что «с самого начала во-

йны красноармейцы были обработаны чрезмерной антинемецкой пропагандой» [25, S. 66]. Но о какой чрезмерной пропаганде можно было говорить, когда невиданные зверства и безграничное варварство нацистов убеждало лучше всякой пропаганды. Чуть ниже С. Рик все-таки отметил, что Сталин в директиве от 20 апреля 1945 г. потребовал от красноармейцев проявлять «гуманные отношения к немцам» [25, S. 67]. Что же касается советских солдат и офицеров, то тут надо сказать особо. Колоссальные материальные потери и разрушения, которые принес на советскую землю нацизм, многомиллионные человеческие жертвы, не могли не повлиять на психологию и чувства советских воинов. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным российским историком, что «Красная Армия... желала не просто одержать победу, но и отомстить. Случаи мести, безусловно имеющие место в истории послевоенной Германии, служили пищей для ужасных слухов» [12, с. 5]. Преступными действиями в отношении немцев отличались не только советские войны, но и представители других стран [23, с. 97, 104]. В этой сложнейшей обстановке очень большую проблему представляли бытовые трудности. Например, особенно сложно было с отсутствием мыла, повлекшее за собой распространение инфекционных заболеваний. Настоящим бедствием для Германии были заболевания, передающиеся половым путем¹.

Хотелось бы коснуться еще одного важного, но щекотливого вопроса: захват союзными державами трофеев в Германии. Надо отметить, что США,

Англия и СССР заблаговременно готовились к захвату трофеев. Причем часть этих трофеев должна была изыматься вне рамок межсоюзнических договоренностей и в тайном от остальных союзников порядке [22, с. 23]. «По некоторым данным, американцы захватили и вывезли до 80% культурных ценностей из Германии. Что не успели захватить и вывезти американцы, собирали англичане» [22, с. 25]. Вывозили также офицеры и солдаты Красной Армии. Их можно понять, так как главной целью этого вывоза ценностей было не обогащение. Советское государство было одной из самых пострадавших стран Европы, сотням тысяч победителей – солдат и офицеров, некуда и не с чем было возвращаться после войны. Понимало это и руководство Советского Союза. «Взятие трофеев было узаконено приказом Сталина от 9 июня 1945 года. Солдатам разрешалось пересылать регламентированное количество посылок плюс всё, что они могут унести на себе при демобилизации. Генералам бесплатно выдавалось по автомобилю, офицерам – по мотоциклу или велосипеду. Офицерам, по низким ценам продавали ковры, меха, сервизы, фотоаппараты, а полковникам – автомобили. Из Германии везли все» [22, с. 26].

Согласно еще решениям Ялтинской международной конференции (февраль 1945 г.), Германия после войны была разделена на 4 зоны оккупации: ее западную часть оккупировали войска США, Англии и Франции, восточную – армии СССР. Указанные государства и взяли на себя верховную власть в Германии. Советское командование начинает устанавливать контроль на освобожденной территории.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7317. Оп. 2. Д. 4. Л. 42–45.

К примеру, приказ № 1 уже советского коменданта г. Берлина генерала Н. Берзарина о регулировании политической и социально-экономической жизни города последовал 30 апреля 1945 г. [14, с. 85–87]. Создаются в немецких городах и округах военные полевые комендатуры. Перед ними стояла довольно сложная задача по налаживанию гражданской жизни, установление нормальных контактов с местным населением, снабжение немцев продовольствием и т.д.

Как замечали сами немцы-очевидцы, в этой сложной ситуации оказывал Советский Союз германскому народу масштабную поддержку, чтобы преодолеть бескрайнюю нужду. Уже 9 мая 1945 г. прибыл в Берлин заместитель председателя Совета Министров А.И. Микоян. Благодаря его руководству было организовано продовольственное обеспечение Берлина и Дрездена, как наиболее пострадавших от войны городов [24, S. 80–81]. Это способствовало изменению настроению немцев и улучшению контактов между Красной Армией и немецким населением¹.

В ходе дальнейшей деятельности советских военных комендатур возникали и трудности несколько иного характера. Дело в том, что комендатуры возглавляли советские офицеры, в большинстве своем мало знающие историю, культуру, менталитет немцев. Многие из них, пострадавшие на войне и потерявшие родных и близких, испытывали сложные чувства к немцам, что не могло не отразиться на характере этих отношений. Тем не менее количество комендатур быстро росло: если на территории советской зоны оккупации их было на 1 июня

1945 г. 247, то к ноябрю их стало уже 652 [12, с. 35]. На местах устраивались встречи советских воинов с немцами, на которых рассматривались различные вопросы. Сами немцы говорили о великодушной помощи со стороны русских, которая для многих из них была большой неожиданностью [24, S. 99]. И такие встречи были довольно частыми.

Официально Советским Союзом 6 июня 1945 г. было принято «Постановление СНК СССР №1326/301 об организации Советской военной администрации в Германии» [18, с. 969]. 9 июня 1945 г. на оккупированной советскими войсками территории была создана СВАГ. Сразу хочется отметить, что деятельность СВАГ была осложнена необходимостью сочетать шаги по нормализации материального снабжения населения и изъятия промышленного оборудования, товаров потребления, транспорта и сырья в счет репараций с Германии. Советское руководство и соответственно СВАГ стремились к быстрому и эффективному выполнению задач, касающихся оккупированной Германии. Речь идет о серьезных, масштабных мероприятиях по так называемым «4-х Д»: 1) демилитаризация; 2) декартелизация; 3) денацификация; 4) демократизация. К примеру, один из первых приказов – № 3 от 15 июня 1945 г. Главноначальствующего СВАГ маршала Г.К. Жукова – был приказ о демилитаризации советской зоны оккупации (СЗО) Германии. По директиве № 22 были предусмотрены работы по двум очередям: 1-ая – работы в виде уничтожения минных полей, заграждений, фортификационных сооружений. Срок для этого вида работ был установлен в 18 месяцев. Факти-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 20.

чески все работы выполнены почти за 1 год на 99,9%. 2-ая очередь – работы по уничтожению остальных военных объектов (например, ДОТы, КП, узлы связи и т.п.) должны быть уничтожены в течение 5,5 лет. Фактически на 15 июля 1946 г. работы эти выполнены на 70% [4, с. 321].

Советский Союз старался последовательно и оперативно выполнять указанные мероприятия по «4-м Д». Подтверждением этому является соответствующий документ СВАГ: «Работы по разрушению бывших немецких вооруженных сил и ликвидация всех немецких военных учреждений и заведений закончены в 1945 г.» [4, с. 68–69].

Западные страны, уже вынашивающие агрессивные планы в отношении СССР, пошли по пути уклонения, саботирования подобных мер. Совсем в противоположность к плану Моргентау, который ранее предусматривал масштабную деиндустриализацию Германии [25, S. 325]. Например, в американской зоне оккупации на июнь 1946 г. грандиозные задачи по уничтожению немецкой военной машины еще полностью не были выполнены [4, с. 103]. Более того, западные державы, особенно США, старались преуменьшить роль СССР в этой войне и не допустить распространения его влияния в Европе, да и во всем мире. В этом плане они проводили в первые же послевоенные месяцы большую агитационную работу, обрабатывая в соответствующем ключе немецких военнопленных, находящихся в лагерях союзников. Потом значительную часть из них в силу ряда обстоятельств направляли в советскую зону оккупации. «Многие из них сообщали, что находясь в плену, они подвергались

усиленной пропаганде против СССР, у них возбуждали антисоветские настроения. И в этих лагерях были специальные агитаторы» [4, с. 75].

В указанный период отношения между союзниками осложнились: их цели и интересы все более расходились. После провокационной фултонской речи У. Черчиля (5 марта 1946 г.) – фактического начала «холодной войны», конфронтация между англосаксами и СССР еще более усилилась. Это, соответственно, отразилось и на политике бывших союзных держав в Германии.

Как, например, следует из отчета военного отдела СВАГ от 1 ноября 1946 г., в английской зоне оккупации появляются новые немецкие самолеты и их на аэродромах больше, чем в последние месяцы войны. 2/3 немецких летчиков якобы снова на службе под английским контролем. То есть, имеется ряд фактов, свидетельствующих о прямом нарушении решений, принятых на Потсдамской конференции [4, с. 104]. Как видим, демилитаризацию в своих зонах союзники проводили по сути дела формально.

Такое же наплевательское отношение у союзников было и к процессу денацификации. Денацификация имела двойную цель: наказать нацистских главарей и перевоспитать попутчиков гитлеровского режима [9, с. 44]. Её проводили в целом формально, особенно в американской и английских зонах. Например, в американской зоне было проведено анкетирование 12 млн. немцев, из которых 11 млн. человек попали под закон о денацификации, как бывшие нацисты. Часть из них была подвергнута лишь незначительным денежным штрафам [4, с. 504].

Тут еще надо обратить внимание на весьма важное обстоятельство: дело в том, что национальная ответственность немцев за жесточайшую диктатуру преуменьшалась и переадресовывалась вождям, главарям нацизма. Простые немцы отказывались нести за это ответственность [6, с. 70–88]. Да и, как отмечают сами немцы, в политику перевоспитания, проводившуюся союзниками, оказалось заложено противоречие между демократизацией, осуществляемой диктаторскими методами, и превращение коллективной вины в индивидуальную [13, с. 192].

Несколько иная ситуация в этом плане была в советской зоне. Например, «за период с 1945 года по состоянию на 1 января 1948 г. по советской зоне оккупации уволено, смещено и не допущено (вероятно, ни к какой деятельности. – Н.Ш.) 471.965 человек – бывших активных фашистов и милитаристов. Конкретно, в IV квартале 1947 года была проведена значительная работа по преследованию и наказанию нацистских преступников и преступников войны. К примеру, выявлено более 15 тысяч нацистских преступников и на более 6 тысяч возбуждено следствие.

Осуждено: к смертной казни – 1 чел.; к пожизненному заключению – 2 чел.; к тюремному заключению от 10 до 15 лет – 4 чел.; к тюремному заключению от 5 до 10 лет – 28 чел.; к тюремному заключению до 5 лет – 304 чел.; к другим мерам наказания – 221 чел. [4, с. 446]. Соответствующими советскими органами в Германии была проанализирована деятельность таких судов и сделаны следующие выводы: «анализ судебной практики показывает, что суды еще в большинстве случаев при-

меняют явно мягкие меры наказания и порой неосновательно оправдывают преступников» [4, с. 547].

СВАГ большое внимание уделяла и таким важным вопросам, как обучение, образование и перевоспитание немецкого населения. За довольно короткий срок СВАГ, провела огромную, плодотворную работу. Прежде всего произошли коренные изменения в составе учителей: к началу учебного года среди учителей было 95% фашистов, а уже в апреле 1946 года они составляли только 13% [4, с. 595–596]. Учителя-нацисты были уволены и заменены новыми учителями, которые в основном представляли демократическую часть населения. Более того, для начальных классов и частично средних с помощью СВАГ были изданы все необходимые учебники [4, с. 596].

Например, в числе изданных учебников – букварь по русскому языку в количестве 400 тыс. экземпляров и учебник русского языка – 500 тыс. Кстати, изучением русского языка было охвачено большое количество народных (начальных) школ, где русский, как иностранный язык, введен первым и обязательным [4, с. 597].

СВАГ была охвачена и система высшего образования. Соответствующий приказ был издан Г.К. Жуковым еще 4 сентября 1945 г.¹ В начале 1946 г. все 6 университетов в СЗО начали свою образовательную деятельность и приступили к процессу демократизации в открывшихся вузах. Все бывшие нацисты были удалены из вузов.

Всё-таки надо признать, что в отношении организации СВАГ повседневной жизни для немцев возникали большие сложности. Очень остро стояла и

¹ ГАРФ. Ф.Р. – 7371. Оп. 8. Д. 1. Л. 169–170.

проблема кадрового состава СВАГ, что негативно сказывалось на организации управления в СЗО. К тому же, офицеры СВАГ не имели опыта административной работы и ориентировались на жесткие методы управления. Более того, даже руководящий состав СВАГ имел низкий уровень владения немецким языком. Это отрицательно сказывалось на работе этого органа и, чтобы решить эту проблему, приказом маршала Г.К. Жукова для всех работников СВАГ ввели обязательное двухчасовое изучение немецкого языка¹. Советская сторона, по мнению некоторых российских историков, не имела и детальных планов по управлению и организации послевоенной жизни немцев [12, с. 5]. На наш взгляд, одна из главных причин этого заключалась в том, что СССР сам находился в сложнейшем, прямо-таки бедственном положении. В силу высказанных обстоятельств СССР не смог качественно и своевременно создать соответствующие органы на местах, которые бы непосредственно занимались бытовыми вопросами немцев, их переориентацией в политическом плане и перевоспитанием.

Например, только 23 октября 1945 г. было создано Управление пропаганды (УП), которое должно было в первую очередь завоевать доверие немцев, но время было упущено.

Специалисты из УП в своей работе опирались прежде всего на советский опыт, пытались насаждать советскую идеологию, а методы ее внедрения действительно порой были «топорными». Например, в немецкой прессе печатали неадаптированные статьи о СССР, в кинотеатрах демонстрировали фильмы

социалистического реализма. Всё это, конечно, было малодоступно немецкому обывателю. Поэтому УП установило обязательный порядок в области демонстрации советских фильмов. Во-первых, был специальный отбор советских фильмов с учётом специфической обстановки и задач советской политики в Германии. Во-вторых, фильм обязательно цензурировался и демонстрировался после прочтения либретто [14, с. 107–108]. Как указывалось в наших документах, в силу этих обстоятельств «у немцев складывался стереотип, который во многом и определял отношение к советскому присутствию². Тем более, пропаганда осложнялась тем обстоятельством, что у немцев был совершенно иной стиль мышления, менталитет. Наиболее слабым звеном УП были как раз инструкторы по пропаганде в районных комендатурах [19, с. 145]. Большинство инструкторов не имели соответствующих знаний, квалификации, мал был и уровень образования.

Намного лучше СВАГ и её подразделения проводили новую культурную политику среди немецкого населения. Она стремилась привлечь к сотрудничеству представителей немецкой культуры и интеллектуалов. Образованные немцы поражались, с каким знанием дела и восхищением относились к немецкой культуре советские офицеры из культотделов, часто еврейского происхождения [13, с. 432]. Большое внимание СВАГ уделялось книгам, библиотекам. В СССР вывозилось большое количество ценных книг, прежде всего за те огромные потери, которые нанесли нашей культуре нацистские варвары. По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и

¹ ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 72. Л. 2–3; Д. 91. Л. 412–414.

² ГАРФ. Ф. 7212. Оп. 1. Д. 200. Л. 11.

расследованию злодеяний фашистских захватчиков, из Советского Союза было вывезено только одних книг около 100 млн [15, с. 50]. Фашистские агрессоры за время войны натворили на территории Советского Союза множество бесчинств и в области российской, советской культуры: они проводили «тактику выжженной земли» [16]. Известный деятель культуры ФРГ проф. К.-Д. Леманн признал еще в начале 90-х гг. XX в., что «начало разрушению и вывозу культурных ценностей положили немецкие войска, являющиеся агрессорами» [7, с. 2–8]. Немцы также признают, что в Советском Союзе германские войска систематически опустошали музеи, дворцы, церкви. Оценочные данные – между 300 и 550 тысячами произведений искусства, среди них, например, ценнейшие полотна Караваджо, Джотто, Рубенса, Тициана, также русских мастеров – Репина, Шишкина, Крамского и других [11]. Всего на территории России от рук немецких оккупантов пострадало 173 музея [5, с. 58]. Нацистами было вывезено колоссальное количество материальных, художественных и духовных ценностей. Это полностью признают и известные западные специалисты [8, с. 16].

Советский Союз в качестве ответной меры вынужден был вывезти большое количество немецких культурных ценностей. В данном случае речь идёт о так называемых «перемещённых культурных ценностях»¹.

Советские специалисты не действовали варварски: немецким библиоте-

кам еще многое осталось. Более того, с помощью СВАГ было восстановлено множество немецких библиотек. Были открыты и типографии, где издавали российскую и немецкую классическую литературу. Постепенно была создана и целая серия издательств. Только в конце 1945 г. в СЗО функционировало 7 издательств и выходило 22 газеты [17, с. 216]. С целью приобщения немцев к русской литературе, культуре, началась комплектация немецких библиотек произведениями русских и советских классиков. Это привело к большому интересу немцев к русской литературе. Произведения Л.Н. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова, Н.А. Островского и других авторов пользовались большим спросом у немцев². Довольно часто советскими специалистами из СВАГ и немцами устраивались совместные культурные мероприятия. Например, в земле Тюрингия часто проводились совместные вечера русской и немецкой культуры, организовывались концерты³. Нельзя не сказать еще об одной стороне общественно-культурной жизни в СЗО – о театре и музыке. После разгрома нацизма в духовной жизни немцев образовался вакуум, и эту зияющую брешь надо было чем-то заполнить. Это понимали специалисты, и СВАГ осенью 1945 г. был открыт первый театр, а к концу 1946 г. в СЗО уже функционировало 90 театров [12, с. 120]. Так что в указанной культурной, духовной сфере проводилась СВАГ масштабная плодотворная работа.

Но время и сложившиеся после войны международные отношения внесли существенные коррективы в поли-

¹ См.: в ст. 4 Федерального закона «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» от 15.04.1998 № 64-ФЗ (последняя редакция).

² ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 19. Д. 1. Л. 189.

³ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 159. Л. 22–23.

тику СВАГ. 1947 год стал рубежным: «холодная война» полностью вступила в свои права. Например, в декабре 1946 г. было подписано между США и Англией соглашение об объединении 2-х зон (английской и американской) в Германии: была создана Бизония. Это было грубейшим нарушением международного договора. За этим антисоюзническим актом последовали и более весомые мероприятия: США были приняты «доктрина Трумэна» и «план Маршалла», имеющие явно антисоветскую направленность. Российские исследователи справедливо отметили, что «доктрина Трумэна» (март 1947 г.) означала прежде всего поворот от политики сотрудничества – партнёрства с СССР к противостоянию с ним, а «план Маршалла» (июнь 1947 г.) представлял угрозу отрыва Восточной Европы от советской экономической сферы влияния, уменьшение влияния СССР, в частности в Восточной Германии [1, с. 208].

В марте 1947 г. на заседании Совета министров иностранных дел бывших союзников также не было достигнуто никаких соглашений о будущем политическом статусе Германии [10, с. 26]. СССР в противовес антисоветским планам бывших союзников принимает

соответствующие предохранительные меры. В сентябре 1947 г. было создано Коминформбюро для усиленной связи с компартиями Западной и Восточной Европы, и упрочения их позиций в странах народной демократии. Эта организация стала определенным оплотом СССР от западной экспансии. Запад воспринимает это как воссоздание Коминтерна, а Советский Союз призывает страны народной демократии следовать советской модели развития. Таким образом, в 1947 г. разрыв между союзниками становится почти завершённым, а германский вопрос стал одной из сложнейших проблем не только европейской, но и мировой политики.

Подводя определенный итог деятельности и политике СВАГ в рассматриваемый период, нужно сказать, что, несмотря на все сложности того времени деятельность СВАГ на первом этапе оккупации Восточной Германии можно охарактеризовать в целом вполне целенаправленной и успешной, но не лишённой некоторых недостатков. Последние объясняются трудностями того времени и многоплановостью задач, которые стояли перед советской администрацией.

Статья поступила в редакцию 17.04.2018

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Батюк В.И., Евстафьев Д.Г. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М.: Российское университетское издательство, 1995. 253 с.
2. Болдырев Р.Ю. Ситуация в послевоенной Германии в оценках СВАГ // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конференции российских и немецких историков, 28–30 октября 2005 г., Москва. М.: Директ-Медиа, 2007. С. 54–63.
3. Галкин А.А., Мельников Д.Е. СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1965 гг.). М.: Наука, 1966. 263 с.
4. Деятельность советской военной администрации в Германии по демилитаризации Советской зоны оккупации Германии, 1945–1949 гг.: Сб. документов. М.: РОССПЭН, 2004. 839 с.

5. Зинич М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М.: ИРИ, 2003. 277 с.
6. Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта в СССР, 1941–1944 гг. Доклады / Под ред. Г. Горцка и К. Штанга. М.: Аиро-XX, 2005. 96 с.
7. Леманн К.Д. Диалог открытый и заинтересованный // Библиотека. 1994. № 2. С. 1–8.
8. Линн Н. Похищение Европы. Судьба европейских культурных ценностей в годы нацизма. СПб.: Логос, 2001. 639 с.
9. Ложкин А.Г. Право победителей. Правовая деятельности Советской военной администрации в Германии, 1945–1949 гг. М.: АИРО-XXI, 2006. 143 с.
10. Вайсс М. Международные отношения после 1945 года. М.: Городец, 2005. 335 с.
11. Майер Х. Вывезенные сокровища искусства // Гутен Таг. 1992. № 6.
12. Мудров С.Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945–1947 гг.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2011. 262 с.
13. Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М.: Новое издательство, 2012. 535 с.
14. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы и результаты, 1945–1949 гг.: Сб. документов / Под общей ред. Х. Мёллера и А.О. Чубарьяна. М.: РОССПЭН, 2006. 975 с.
15. Реституция библиотечных собраний и сотрудничество в Европе: российско-германский «круглый стол», 11 декабря 1992 г., Москва. М.: Рудомино, 1994. 58 с.
16. Сафонов С. Судьба трофеев // Независимая газета. 2000. 5 декабря.
17. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.
18. Советская военная администрация в Германии, 1945–1949 гг.: справочник / Под общей ред. Х. Мёллера, А.О. Чубарьяна. М.: РОССПЭН, 2009. 1031 с.
19. Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов (1945–1949 гг.): Сб. документов / Под ред. Г. Бордюгова, Б. Бонвеча и Н. Неймарка. М.: АИРО-XXI, 2006. 350 с.
20. СССР и германский вопрос, 1941–1949 гг. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 4-х т. Т. 1 (22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г.) / Сост. Г.П. Кынин и И. Лауфер. М.: Международные отношения, 1996. 784 с.
21. Тихомиров А.А. Экспорт культа личности Сталина в Восточную Германию с 1945 по 1956 гг. // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы (Материалы конференции российских и немецких историков, 28-30 октября 2005 г., Москва). М.: Директ-Медиа, 2007. С. 83–96.
22. Широкоград А.Б. Великая контрибуция: что СССР получил после войны. М.: Вече, 2013. 380 с.
23. Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948). СПб.: Владимир Даль, 2007. 365 с.
24. Doernberg S. Befreiung 1945: Ein Augenzeugenbericht. Berlin: Dietz, 1975. 159 s.
25. Rick S. Die Entwicklung der SED - Diktatur auf dem Lande. Die Landkreise Liebenwerda und Schweinitz in der Sowjetischen Besatzungszone, 1945–1949. Güttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. 586 s.

SOURCES AND REFERENCES

1. Batyuk V.I., Evstaf'ev D.G. Pervye zamorozki. Sovetsko-amerikanskije otnosheniya v 1945–1950 gg. [The first frost. The Soviet-American relations in 1945–1950]. Moscow, Rossiiskoe universi-tetskoe izdatel'stvo Publ., 1995. 253 p.

2. Boldyrev R.Yu. Situatsiya v poslevoennoi Germanii v otsenkakh SVAG [The situation in the post-war Germany in the estimates of SWAG]. In: *Poslevoennaya istoriya Germanii: rossiisko-nemetskii opyt i perspektivy: materialy konferentsii rossiiskikh i nemetskikh istorikov, 28–30 oktyabrya 2005 g., Moskva* [The post-war history of Germany: Russian-German experience and perspectives (the proceedings of the conference of the Russian and German historians, 28–30 October 2005, Moscow)]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007, pp. 54–63.
3. Galkin A.A., Mel'nikov D.E. SSSR, zapadnye derzhavy i germanskii vopros (1945–1965 gg.) [The USSR, the Western powers and the German question (1945–1965)]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 263 p.
4. Deyatel'nost' sovetskoj voennoj administratsii v Germanii po demilitarizatsii Sovetskoj zony okkupatsii Germanii, 1945–1949 gg.: Sbornik dokumentov [The activities of the Soviet military administration in Germany for the demilitarization of the Soviet zone of occupation in Germany, 1945–1949: a Collection of documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 839 p.
5. Zinich M.S. Pokhishchennyye sokrovishcha: vyvoz natsistami rossiiskikh kul'turnykh tsennostei [Stolen treasures: the removal by the Nazis of the Russian cultural values]. Moscow, IRI Publ., 2003. 277 p.
6. Istrebitel'naya voyna na Vostoke. Prestupleniya vermakhta v SSSR, 1941–1944 gg. Doklady [The war of extermination in the East. The crimes of the Wehrmacht in the Soviet Union, 1941–1944 Reports]. Moscow, Airo-XX Publ., 2005. 96 p.
7. Lemann K.D. [The dialogue open and concerned]. In: *Biblioteka*, 1994, no. 2, pp. 1–8.
8. Linn N. Pokhishchenie Evropy. Sud'ba evropeiskikh kul'turnykh tsennostei v gody natsizma [The abduction of Europa. The fate of the European cultural values during the years of Nazism]. SPb., Logos Publ., 2001. 639 p.
9. Lozhkin A.G. Pravo pobeditelei. Pravovaya deyatel'nosti Sovetskoj voennoj administratsii v Germanii, 1945–1949 gg. [The right of the winners. Legal activities of the Soviet military administration in Germany, 1945–1949]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2006. 143 p.
10. Vaiss M. Mezhdunarodnye otnosheniya posle 1945 goda [International relations after 1945]. Moscow, Gorodets Publ., 2005. 335 p.
11. Mudrov S.N. Neues Deutschland. Upravlenie propagandy Sovetskoj voennoj administratsii v Germanii (1945–1947 gg.) [Neues Deutschland. Department of propaganda of the Soviet military administration in Germany (1945–1947)]. Yaroslavl, Yaroslavskii gos. ped. un-t im. K.D. Ushinskogo Publ., 2011. 262 p.
12. Nitkhammer L. Voprosy k nemetskoi pamyati. Stat'i po ustnoi istorii [Questions to the German memory. Articles on oral history]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2012. 535 p.
13. Politika SVAG v oblasti kul'tury, nauki i obrazovaniya: tseli, metody i rezul'taty, 1945–1949 gg.: Sbornik dokumentov [SVAG policy in the field of culture, science and education: purpose, methods and results, 1945–1949: Coll. of documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 975 p.
14. Restitutsiya biblioteknykh sobranii i sotrudnichestvo v Evrope: rossiisko-germanskii «kruglyi stol», 11 dekabrya 1992 g., Moskva [Restitution of library collections and cooperation in Europe: the Russian-German "round table", December 11, 1992, Moscow]. Moscow, Rudomino Publ., 1994. 58 p.
15. Safonov S. Sud'ba trofeev (The fate of the trophies). In: *Nezavisimaya gazeta*, 2000, 5 Dec.
16. Semiryaga M.I. Kak my upravlyali Germaniei [The way we ruled over Germany]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1995. 400 p.
17. Sovetskaya voennaya administratsiya v Germanii, 1945–1949 gg.: spravochnik [The Soviet military administration in Germany, 1945–1949: reference book]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 1031 p.
18. Sovetskaya voennaya administratsiya v Germanii (SVAG). Upravlenie propagandy (informatsii) i S.I. Tyul'panov (1945–1949 gg.) [The Soviet military administration in Germany

- (SVAG). Department of propaganda (information) and S.I. Tyulpanov (1945–1949)]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2006. 350 p.
19. SSSR i germanskii vopros, 1941–1949 gg. Dokumenty iz Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii: v 4-kh t. T. 1 (22 iyunya 1941 g. – maya 1945 g.) / Sost. G.P. Kynin i I. Laufer [The USSR and the German issue 1941–1949. Documents from the foreign policy Archive of the Russian Federation: in 4 vol. Vol. 1 (22 June 1941 – may 1945) / Comp. G.P. Kynin and I. Laufer]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1996. 784 p.
 20. Tikhomirov A.A. Eksport kul'ta lichnosti Stalina v Vostochnuyu Germaniyu s 1945 po 1956 gg. [Export of Stalin's cult of personality to East Germany 1945–1956] Poslevoennaya istoriya Germanii: rossiisko-nemetskii opyt i perspektivy (Materialy konferentsii rossiiskikh i nemetskikh istorikov, 28–30 oktyabrya 2005 g., Moskva) [The post-war history of Germany: Russian-German experience and perspectives (the proceedings of the conference of the Russian and German historians, 28–30 October 2005, Moscow)]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007. pp. 83–96.
 21. Maier H. [The removed art treasures] In: Guten Tag, 1992, no. 6.
 22. Shirokorad A.B. Velikaya kontributsiya: chto SSSR poluchil posle voyny [Great contribution: what the USSR received after the war]. Moscow, Veche Publ., 2013. 380 p.
 23. Yunger E. Gody okkupatsii (aprel' 1945 – dekabr' 1948) [The years of the occupation (April 1945 – December 1948)]. SPb., Vladimir Dal' Publ., 2007. 365 p.
 24. Doernberg S. Befreiung 1945: Ein Augenzeugenbericht. Berlin: Dietz, 1975. 159 s.
 25. Rick S. Die Entwicklung der SED – Diktatur auf dem Lande. Die Landkreise Liebenwerda und Schweinitz in der Sowjetischen Besatzungs-zone, 1945-1949. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. 586 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелудченко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: np.sheludchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay P. Sheludchenko – PhD in History, associate professor of the Department of New, Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University; e-mail: np.sheludchenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шелудченко Н.П. К вопросу о деятельности Советской военной администрации в Германии в 1945–1947 гг. // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 133–144.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-133-144

FOR CITATION

Sheludchenko N. On the issue of the Soviet Military Administration activities in Germany in 1945–1947. In: Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences, 2018, no 4, pp. 133–144.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-133-144

УДК 94 «1962/1963»

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-145-150

КУБИНСКИЙ РАКЕТНЫЙ КРИЗИС И КОНГРЕСС США

Бабкова И.В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена одному из самых значимых событий второй половины XX в. – Кубинскому ракетному кризису. В период кризиса человечество стояло перед угрозой ядерной катастрофы. Политика США долгие годы была сконцентрирована в отношении Кубы, Конгресс США также принимал активное участие в кубинском вопросе. Автор статьи проводит исследование в двойном ракурсе, анализируя Кубинский ракетный кризис, с одной стороны, и реакцию Конгресса США на события на Кубе, с другой. В статье также рассматриваются позиция и действия Конгресса США в период обострения Карибского кризиса, а также причины и последствия кризиса.

Ключевые слова: Кубинский ракетный кризис, Карибский кризис, ядерная катастрофа, Конгресс США, Холодная война.

THE CUBAN MISSILE CRISIS AND THE US CONGRESS

I. Babkova*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federatio*

Abstract. The article deals with one of the most significant events of the second half of the twentieth century – the Cuban missile crisis. During the crisis the humanity faced the threat of nuclear catastrophe. The U.S. policy for many years had been concentrated against Cuba, the U.S. Congress also took an active part in the Cuban issue. The author performs the study in a double perspective analyzing the Cuban missile crisis, on the one hand, and the reaction of the U.S. Congress to the events in Cuba, on the other. The article focuses on the position and actions of the Congress in the period of exacerbation of the Cuban missile crisis, and the causes and consequences of the crisis.

Key words: the Cuban missile crisis, Caribbean crisis, nuclear disaster, the U.S. Congress, Cold war.

Кубинский ракетный кризис – одно из самых значимых событий второй половины XX в., он по сей день продолжает привлекать внимание историков. Противостояние между Советским Союзом и США, вызванное антикубинским агрессивным курсом Вашингтона и размещением советских ядерных ракет на Кубе в октябре 1962 г. поставило всё человечество перед угрозой самоуничто-

жения. Карибский кризис – это уникальный психологический и исторический феномен. На протяжении тринадцати дней мир, погружённый в ужас, ожидал кульминации событий. Холодная война могла перейти в стадию «горячего» вооружённого конфликта. Говоря о «реальности» событий в период холодной войны, следует отметить, что они всё же не вышли за рамки виртуального конфликта. Оценка степени и характера «угроз» со стороны противника, возможность противодействия – всё это было в умах лидеров и политиков, ключевых фигур двух сверхдержав. Отечественный историк В.А. Кременюк подчёркивает: «Отдельные руководители стран и государств, по-своему воспринимая происходящее, оценивали кризис с позиции личной культуры, опыта, образования, характера и вносили в развитие долгосрочных процессов соперничества элементы человеческого восприятия борьбы и соревнования двух мировых систем. Так создавалась огромная и неформальная система взаимодействия человека и объективных процессов, которая и определяла реальное течение событий на международной арене» [2, с. 116]. Автор данной статьи исследует эту проблему в двойном ракурсе, анализируя Кубинский ракетный кризис, с одной стороны, и реакцию Конгресса США на события на Кубе, с другой.

Кубинский ракетный кризис был спровоцирован несколькими событиями конца 1950-х гг. Во-первых, размещением американских ракет средней дальности «Юпитер» на территории Турции, союзника США по блоку НАТО, что создавало дополнительную угрозу Советскому Союзу, который

уже был на тот момент блокирован действиями стратегической авиации Соединённых Штатов. Во-вторых, негативной реакцией Вашингтона в отношении революционных событий 1959 г. на Кубе, в результате которых был установлен режим Ф. Кастро, что и определило повышенный интерес обеих сверхдержав к Кубе. Соединённые Штаты, оказавшие поддержку режиму Батисты, подтолкнули Ф. Кастро и его команду к решению обратиться за военной помощью к СССР. «В апреле 1961 г. назревание конфликта между революционной Кубой и Соединёнными Штатами увенчалось высадкой десанта кубинских контрреволюционеров в районе залива Свиней (Кочинос) и полным его разгромом кубинскими войсками. Стремление помочь кубинским революционерам выстоять в условиях непрекращающейся угрозы со стороны США и одновременно заполучить хороший военный плацдарм в 90 милях от Флориды – обе эти задачи выглядели весьма многообещающе в глазах советских лидеров» [2, с. 122].

У Советского Союза появилась возможность разместить на территории острова ракетно-ядерное оружие. Поддержка Советским Союзом революционного режима Ф. Кастро раздражала американскую элиту. Стоит также отметить, что революция на Кубе имела антиимпериалистическую направленность, обретение ею социалистического характера ещё более обострило отношения между США и Кубой. Активизация национально-освободительного антиимпериалистического движения в странах Латинской Америки, популярность социалистических идей крайне негативно воспринимались правящими кругами США.

В США революция на Кубе становилась предметом спекуляции во внутриполитической борьбе. Кандидаты на пост президента США в ходе предвыборной кампании 1960 г. открыто заявляли о своих планах раздавить Кубинскую революцию. Правительство Д.Ф. Кеннеди продолжило подготовку интервенции против кубинских революционеров. «Президент США Д.Ф. Кеннеди обратился к Конгрессу США с просьбой об ассигновании дополнительных 207 млн. долларов на нужды гражданской обороны. Конгресс США в срочном порядке предоставил правительству дополнительные военные ассигнования» [1, с. 58].

Внешнеполитический курс США в отношении Кубы был, как и ранее, направлен на тайную подготовку новой агрессии против этой страны. «Конгресс США даже принял резолюцию, рекомендуемую президенту “любыми средствами”, какие бы ни потребовались, вплоть до применения оружия, бороться против Кубы» [1, с. 70]. Многие конгрессмены оказали влияние на раздувание антикубинской кампании 1962 г., которая впоследствии повлекла за собой возникновение международного Кубинского ракетного кризиса.

Реакция правящих кругов США на кубинские события становилась всё более агрессивной. «3 октября 1962 г. Конгресс США принял резолюцию, призывавшую правительство США принять меры против Кубы, которая ставит под угрозу безопасность США» [1, с. 72]. Конгресс США в сентябре-октябре 1962 г. подготавливал специальный законопроект, одобренный 23 октября 1962 г. «Он предусматривал, что США перестанут оказывать “помощь”

странам, которые будут продавать Кубе вооружение и товары стратегического значения или будут перевозить товары на Кубу» [1, с. 74]. Политика Соединённых Штатов в отношении революции на Кубе с самого начала стала объектом дискуссий в Конгрессе. Его отношение к происходящим событиям на Острове свободы являлось открыто враждебным и лишь немногие призывали к гибкости и взвешенному подходу. В их числе был член палаты представителей А. Пауэл, заявивший: «Наше будущее в Латинской Америке зиждется на наших отношениях с доктором Кастро» [3, р. 11188]. Сенатор У. Фулбрайт также призвал к сдержанности: «Лучший способ удержать Кубинскую революцию от сдвига влево – это воздерживаться от бестактных действий, откровенной оппозиции и угроз интервенций» [3, р. 11442].

Антикубинские настроения в Конгрессе США усиливались по мере нарастания революционных преобразований на Кубе. Конгрессмены настаивали на введении санкций против неё и сокращении сахарной квоты. Сенаторы Г. Дворжак и Р. Ярборо требовали передачи части кубинской квоты американским производителям сахара. В итоге Конгресс предоставил президенту США право ограничить квоту. Впоследствии кубинская квота на сахар была аннулирована президентом Д. Эйзенхауэром. Конгресс также поддерживал идею прекращения торговли с Кубой, а в 1961 г. произошёл разрыв дипломатических отношений между США и Кубой.

В преддверии очередных выборов в Конгресс республиканцы поставили кубинский вопрос в основу своей предвыборной кампании. Сенатор

Х. Кейпхарт в своём выступлении 2 августа 1962 г. заявил: «На Кубе находятся советские войска» [3, р. 18676]. Член палаты представителей – Д. Фассел призывал к военным действиям против кубинских революционеров. Большинство представителей республиканцев утверждали, что правительство не предпринимает необходимых мер, чтобы обеспечить безопасность США. Э. Дирксен и Д. Эйзенхауэр утверждали в сенате, что республиканцы не намерены превращать кубинский вопрос в предмет предвыборной кампании. Однако нападки республиканцев не прекращались, считая, что правительство бездействует, а военная интервенция на Кубу необходима в целях безопасности США. 24 сентября 1962 г. сенат принял резолюцию, которая позволяла «использовать необходимые меры против Кубы» [3, р. 18951]. 3 октября 1962 г. была одобрена ещё одна резолюция «о возможности применения вооружённой силы» против острова [3, р. 18676].

Сторонники радикальных методов, одним из представителей которых являлся сенатор К. Китинг, предлагали организовать интервенцию против Кубы. Сенатор У. Фулбрайт и представители реалистически мыслящих кругов выступили против реализации столь радикальных планов. Сенатор М. Мэнсфилд, выступавший с позиции реализма, призвал к «сдержанности в публичных выступлениях», касающихся кубинского вопроса [4, р. 2123].

Обострение Кубинского ракетного кризиса произошло после обращения по телевидению 22 октября 1962 г. президента США Джона Кеннеди к американскому народу. Президент Кеннеди объявил на весь мир о размещении

советских ракет, направленных в сторону Америки, на территории Кубы. В целях противостояния действиям Советского Союза, Джон Кеннеди публично заявил о введении карантина, который представлял собой блокаду судов, перевозящих на Кубу оружие массового поражения. План противодействия Советскому Союзу, оглашённый по телевидению американским президентом, поддержали многие конгрессмены и видные политические деятели. Сенатор-республиканец Кен Китинг заявил: «Президент Кеннеди уже получил твёрдую политическую поддержку по всей стране, касающуюся введения карантина против Кубы» [5, р. 23]. По мнению К. Китинга, «Вооружённые силы Советского Союза, обосновавшиеся на Кубе, представляют угрозу для безопасности США» [5, р. 23]. В своём заявлении он отметил: «Решение президента о введении карантина – то, к чему мы призывали его и раньше. Я думаю, что следующее важное решение, с которым ему придётся столкнуться – необходимость вторжения на Кубу, которое, я думаю, неизбежно» [5, р. 23]. Моргентау выразил мнение большинства: «Демократы и республиканцы также поддерживают президента Кеннеди в его позиции против вооружения Кубы Советским Союзом» [6, р. 25]. Конгресс поддерживал президента в его намерении ввести карантин и продолжении политики противодействия, касающейся революционной Кубы.

В заключение стоит отметить, Конгресс США в период Кубинского ракетного кризиса был настроен агрессивно, настаивая на необходимости применения радикальных мер, военной интервенции против Острова сво-

боды. Лишь немногие конгрессмены призывали к осторожности, понимая реальную опасность и авантюризм такой позиции. В то же время Кубинский ракетный кризис и процесс его урегулирования стали отправной точкой в "потеплении" советско-американских отношений и последующих значимых мировых событиях. Позиция Конгресса радикально меняется. В Москве 25 июля 1963 г. Великобританией, СССР и США был подписан проект договора «о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой». Сенат США ратифицировал договор 24 сентября 1963 г. [7]. Следующим шагом

было подписание Великобританией, СССР и США 27 января 1967 г. договора «о принципах деятельности государств по исследованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». Ратификация рекомендована сенатом США 25 апреля 1967 г. [7]. Договор был подписан в Москве, Лондоне и Вашингтоне. Договор вступил в силу 10 октября 1967 г. Договор «о нераспространении ядерного оружия» подписан Великобританией, СССР и США 1 июля 1968 г. Ратификация рекомендована сенатом США 13 марта 1969 г. [7].

Статья поступила в редакцию 07.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Громыко А.А. Внешняя политика США: уроки и действительность (60–70-е годы). М.: Международные отношения, 1978. 316 с.
2. Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015. 319 с.
3. Congressional record, Vol.108, pt.18, 1962.
4. Congressional record, Vol.109, pt.20, 1963.
5. The New York Times, 1962, Oct. 23.
6. The New York Times, 1962, Oct. 24.
7. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT), Signed at Washington, London, and Moscow July 1, 1968 // U.S. Department of State. Diplomacy in action [website]. – URL: <https://www.state.gov/t/isn/trty/16281.htm> (Дата обращения: 25.05.2018).

REFERENCES

1. Gromyko A.A. Vneshnyaya politika SShA: uroki i deistvitel'nost' (60–70-e gody) [US foreign policy: lessons and reality (60-70 years)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1978. 316 p.
2. Kremenyuk V.A. Uroki kholodnoi voyny [The lessons of the cold war]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015. 319 p.
3. Congressional record, Vol.108, pt.18, 1962.
4. Congressional record, Vol.109, pt.20, 1963.
5. The New York Times, 1962, Oct. 23.
6. The New York Times, 1962, Oct. 24.
7. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT), Signed at Washington, London, and Moscow July 1, 1968. In: U.S. Department of State. Diplomacy in action [website]. – URL: <https://www.state.gov/t/isn/trty/16281.htm> (request date: 25.05.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабкова Ирина Вячеславовна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: maroon@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Babkova – post-graduate student of the Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: maroon@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бабкова И.В. Кубинский ракетный кризис и Конгресс США //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 145–150.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-145-150

FOR CITATION

Babkova I. The Cuban missile crisis and the US congress. In: Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences, 2018, no 4, pp. 145–150.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-145-150

УДК 327.35

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-151-156

РОССИЯ – ИНДИЯ: НОВЫЙ «АТОМНЫЙ СОЮЗ»

Печищева Л.А.

*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть российско-индийское сотрудничество в энергетической области на современном этапе. Энергетическая безопасность стала одним из приоритетных направлений политики большинства стран, в особенности таких государств, как Индия, КНР, испытывающих проблемы с энергоресурсами. Россия и Индия имеют тесные связи в реализации проектов «мирный атом». Такими ключевыми российско-индийскими энергетическими программами стало строительство АЭС «Кунданкулам» в Индии и АЭС «Руппур» в Бангладеш, которые способствуют не только улучшению социально-экономических и экологических условий и развитию науки в этих странах, но и укреплению политических и экономических отношений между Россией и Индией.

Ключевые слова: Россия, Индия, Бангладеш, Китай, атомная энергетика, АЭС «Кунданкулам», АЭС «Руппур».

RUSSIA – INDIA: A NEW “NUCLEAR ALLIANCE”

L. Pechishcheva

*Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation
The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation*

Abstract. The article considers the Russian-Indian cooperation in power industry at the modern stage. Energy security has become one of the priority directions of the politics of the majority of the countries, especially such states as India and China, facing energy resource problems. Russia and India have close relations in the implementation of “atoms for peace” projects. Such key Russian-Indian energy programs are referred to the construction of Indian atomic stations “Kundankulam” and “Ruppur” that contribute not only to the improvement of social and economic and environmental conditions and to the development of science in these states, but also to the reinforcement of political and economic relations between Russia and India.

Key words: Russia, India, Bangladesh, China, atomic power industry, “Kundankulam” APP and “Ruppur” APP.

За последние несколько десятилетий энергетическая безопасность стала одним из приоритетных направлений политики стран Евразии. Еще в начале 2000-х гг. российские и зарубежные эксперты пришли к выводу, что самые быстро развивающиеся экономики мира – Китай и Индия – будут сталкиваться с нехваткой энергетических ресурсов. Так, из-за демографического и экономического бума в Индии в 2020 г. общий спрос на электроэнергию в стране возрастет примерно в 3,5 раза, потребность в угле почти удвоится, а в нефти и газе – утроится [1, с. 576]. По прогнозам Б.Н. Кузыка (доктор экономических наук, профессор, директор Института экономических стратегий) и Т.Л. Шаумян (кандидат исторических наук, руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения Российской академии наук) к 2030 г. зависимость Индии от поставок нефти может составить 91%, а Китая – 74% [1, с. 1109].

В связи с развитием масштабного геополитического проекта «Новый шелковый путь» Китай стремится расширять сотрудничество со многими странами в экономической и энергетической сферах. Со своей стороны, правительство Индии пытается не сдавать свои позиции ни в экономике, ни в ВПК, ни в энергетике. Индийское правительство наращивает деловые контакты не только со своими давними стратегическими партнерами (южноазиатскими странами, Россией), но и с США. Индийско-американское взаимодействие становится только сильнее, особенно после заявлений премьер-министра Индии Нарендра Моди рассматривать Америку в качестве ключевого партнера для социально-экономического преобразова-

ния Индии, а также после подписания между двумя государствами в 2016 г. договора «ЛЕМОА» [5], благодаря которому США и Индия стали полными правовыми военными союзниками.

В целом позитивными моментами реализации проектов «мирный атом» являются, во-первых, в разы превышающая энергоемкость используемого топлива АЭС, несравнимая даже с высококачественным каменным углем или нефтью, во-вторых, минимальная эмиссия углекислого газа в атмосферу от атомных электростанций. К тому же, эксперты рассчитывают в будущем на переход АЭС на замкнутый топливный цикл, который приведет к практически полному отсутствию отходов. В-третьих, рост АЭС будет способствовать улучшению социально-экономических условий и развитию науки: это и обеспечение рабочими местами людей трудоспособного возраста, и экспорт новых технологий «мирного атома» в другие страны.

К вызовам сегодняшней глобальной атомной энергетики можно отнести попытку замещения АЭС проектами по возобновляемым источникам энергии и распространения информации об их энергоэффективности и 100% экологичности, проблемы утилизации отработанных атомных реакторов и сложность в прогнозировании техногенных катастроф из-за сбоя работы АЭС, а также невозможность всецело контролировать международным сообществом распространение ядерных отходов, что является поводом к снижению уровня ядерной безопасности и потери доверия общественности к «мирному атому».

Во многих быстроразвивающихся странах не сходит с повестки дня во-

прос о развитии программ мирного атома. Исключением не стала и Индия, где атомная энергетика востребована как никогда. Таким надежным и проверенным партнером в энергетической сфере Индии по-прежнему остается Россия. В 2010 г. между Россией и Индией было подписано два соглашения по атомной электроэнергетике: первое – «Кооперационное соглашение по использованию атомной энергии в мирных целях»; второе – «Дорожная карта по серийному выпуску атомных станций российской разработки в Республике Индия». Согласно «Дорожной карте» строительство началось с АЭС «Кунданкулам (Kundankulam)» в индийском штате Тамилнад [3], а позже необходимо было приступить к реализации другой площадки – АЭС «Харипур (Haripur)» в штате Западная Бенгалия, однако из-за протеста местных жителей проект в 2011 г. был отклонен. Кроме того, по российско-индийским договоренностям Россия предоставила Индии как некоторые ядерные технологии и разработки, так и доступ к военным и гражданским сегментам ГЛОНАСС. В 2016 г. ввод в эксплуатацию был завершен для двух энергоблоков АЭС «Кунданкулам», строительство третьего блока было инициировано в 2017 г. По плану «Кунданкулам – 3» должен быть введен в эксплуатацию к 2020 г.

Перспективы реализации совместных российско-индийских проектов в сфере мирного атома, несомненно, очевидны. Российские энергетические компании «Росатом» и «Атомстройэкспорт» планируют задействовать индийских партнеров в своих энергетических проектах в Южноазиатском регионе. В мае 2010 г. было подписано межправительственное соглашение

между Бангладеш и Россией, обеспечивающее правовую основу для ядерного сотрудничества в таких областях, как размещение, проектирование, строительство и эксплуатация энергетических и исследовательских ядерных реакторов, установок опреснения воды и ускорителей элементарных частиц. В число других смежных областей включены поставки топлива и утилизация отходов: российская сторона будет задействована в управлении отходами и выводом их из эксплуатации на территории Бангладеш.

Важно также отметить, что планируется строительство АЭС «Руппур» в 200 км от столицы Бангладеш в рамках заключенного в ноябре 2011 г. межправительственного соглашения между Россией и Бангладеш. При этом планируется задействовать индийскую сторону в возведении АЭС в Бангладеш. В феврале 2011 г. было подписано соглашение между «Росатомом» и Комиссией по атомной энергии Бангладеш (BAEC) о строительстве двух реакторов в Руппуре. На создание этой электростанции Россия выделила Бангладеш кредит на сумму 500 млн долл. США [6]. В дальнейшем Бангладеш будет предоставлен второй заём для продолжения строительства АЭС. В мае 2012 г. в парламент Бангладеш был внесен законопроект о ядерной энергетике, а позже было инициировано создание регулирующего органа по атомной энергии в Бангладеш. Осенью 2013 г. был заложен первый камень в основании будущей электростанции «Руппур». Ожидается, что первая очередь АЭС будет комплектоваться двумя энергоблоками с российскими реакторами электрической мощностью по 1200 МВт каждый [4].

Осенью 2017 г. состоялась торжественная церемония первой заливки бетона в фундамент энергоблока № 1 АЭС «Руппур». По прогнозам экспертов, коммерческая эксплуатация первого блока АЭС «Руппур» начнется в 2023 г., а второго блока – в 2024 г. По другим оценкам, ввод в эксплуатацию первого блока электростанции будет осуществлен в 2024 г., а второго – в 2025 г. Согласно заявлениям правительства Бангладеш, к 2030 г. предусматривается 5000 МВт ядерных мощностей и начало строительства второго завода на юге страны, как только АЭС «Руппур» будет введена в эксплуатацию. Электростанция «Руппур» рассматривается как проект «под ключ», поэтому «Росатом» намерен поддерживать АЭС в течение первого года эксплуатации до передачи в ведение Комиссии по атомной энергии Бангладеш (БАЕС). В свою очередь, МАГАТЭ тесно сотрудничает с учредителями данного энергетического проекта [6].

Что сулит проект АЭС «Руппур» для Бангладеш? Преимущества АЭС в Руппуре очевидны. Прежде всего, это развитие энергетической отрасли в Бангладеш, если учесть, что около 20% населения страны сталкивается с проблемой нехватки электроэнергии. Следовательно, с целью улучшения качества жизни к 2021 г. планируется практически всю территорию Бангладеш охватить современными электросетями. Совет по электрификации сельских районов Бангладеш разработал амбициозный план по подключению 2,7 млн. семей к 2021 г. Кроме того, для российско-индийского атомного союза этот проект станет импульсом к реализации других совместных программ по мирному атому, а также

в усовершенствовании технологий и программ по обучению персонала, которые будут задействованы в работе.

Таким образом, атомный союз между Россией и Индией можно рассматривать как продолжение принятого в 2009 г. документа «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года» [2], нацеленного на регулирование энергетической безопасности нашей страны. По итогам заседания российско-индийской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству осенью 2017 г. Россия и Индия обсудили проекты в области энергетики: совместное строительство АЭС и продвижение совместной продукции в сфере энергетики на новые рынки.

Какие перспективы следует ожидать от российско-индийского «атомного альянса»? С геополитической точки зрения Россия и Индия стремятся расширять сферы своего политического влияния, используя энергетическую отрасль как «мягкую силу», а также повысить политический престиж и репутацию, продвигая идею о создании серии совместных самых безопасных в мире атомных станций. Однако у Индии может появиться конкурент в лице Китая. Его российское правительство хотело бы видеть в качестве еще одного партнера в российско-индийском атомном союзе. Учитывая до сих пор не разрешенные территориальные противоречия между Китаем и Индией, а также активную работу правительства КНР по продвижению проекта «Новый шёлковый путь», можно предположить, что Китай предпримет попытку укрепить свои позиции в проектах мирного атома и вытеснить Индию с «энергетической шахматной доски». К тому же соперничество КНР

с США может поставить под угрозу реализацию ряда проектов мирного атома: например, могут быть введены санкции со стороны Запада на осуществление строительства АЭС под предлогом опасений распространения в международные террористические группировки атомных реакторов и другого вида «атомной» продукции.

В экономическом плане российско-индийский атомный союз будет толчком к расширению не только экономического, но и научно-технического сотрудничества. Принимая во внимание заинтересованность США и Западной Европы в продвижении проектов в рамках устойчивого развития (sustainable development projects),

строительство совместных российско-индийских АЭС нового типа будет включаться в категорию программ по сохранению окружающей среды, но с совершенствованием технологий (проекты по внедрению инновационных технологий без ущерба для окружающей среды).

Таким образом, российско-индийский «атомный альянс» сможет заложить основу для распределения рынков сбыта и сфер влияния не только в политической, экономической и энергетической отраслях, но и в перспективе изменить баланс сил между основными энергетическими игроками.

Статья поступила в редакцию 15.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М.: Институт экономических стратегий. 2009. 1224 с.
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года // Министерство энергетики Российской Федерации [сайт]. – URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 04.08.2018).
3. Arun Janardhanan. Five facts about Kudankulam nuclear power plant // The Indian Express. 2016. 10 Aug.
4. Ayhan Evrensel. Bangladesh starts constructing its first nuclear power plant [30.11.2017] // IAEA Department of Nuclear Energy [website]. – URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/bangladesh-starts-constructing-its-first-nuclear-power-plant> (дата обращения: 04.08.2018).
5. Dinakar Peri. What is LEMOA? // The Hindu. 2016. 30 Aug.
6. Rooppur power project. Bangladesh to join nuclear power era // The Independent. 2017. 30 Nov.

REFERENCES

1. Kuzyk B.N., Shaumyan T.L. [India – Russia: partnership strategy in the twenty-first century]. Moscow, Institut ekonomicheskikh strategii Publ., 2009. 1224 p.
2. Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 goda [The energy strategy of Russia for the period up to 2030]. In: *Ministerstvo energetiki Rossiiskoi Federatsii* [The Ministry of Energetics of the Russian Federation] [website]. Available at: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (accessed: 04.08.2018).
3. Arun Janardhanan. Five facts about Kudankulam nuclear power plant. In: The Indian Express. 2016. 10 Aug.
4. Ayhan Evrensel. Bangladesh starts constructing its first nuclear power plant [30.11.2017]. In: *IAEA Department of Nuclear Energy* [website]. Available a: <https://www.iaea.org/newscenter/news/bangladesh-starts-constructing-its-first-nuclear-power-plant> (accessed: 04.08.2018).

5. Dinakar Peri. What is LEMOA? In: *The Hindu*, 2016. 30 Aug.
6. Rooppur power project. Bangladesh to join nuclear power era. In: *The Independent*, 2017. 30 Nov.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Печищева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук;
e-mail: lusya-85@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liudmila A. Pechishcheva – candidate of historical sciences, associate professor at the department of Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: lusya-85@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Печищева Л.А. Россия–Индия: новый «атомный союз» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 151–156.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-151-156

FOR CITATION

Pechishcheva L. Russia – india: a new “nuclear alliance”. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 151–156.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-151-156

Отечественная история

УДК 94 (470) "1917"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-157-172

А БЫЛ ЛИ ЗАГОВОР? К ПРЕДЫСТОРИИ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аксютин Ю.В., Соловьев Я.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается концепция заговора как основы событий Февраля 1917 г. Авторы доказывают несостоятельность аргументов сторонников версии о заговоре, приведшем к крушению монархии. Для этого они используют методы источниковедческого анализа, метод исторической реконструкции. Авторы фиксируют состояние общественного психоза на рубеже 1916–1917 гг., что способствовало слухам о подготовке заговора. Авторы приходят к выводу, что заговор не успел организационно сложиться, и события 1917 г. были результатом стихийного народного выступления.

Ключевые слова: заговор, дворцовый переворот, масоны, Февральская революция.

WAS THERE A PLOT? ON THE PREHISTORY OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION

Yu. Aksyutin, Y. Soloviev

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article discusses the concept of conspiracy as the basis for the events of February 1917. The authors prove the failure of the arguments of those who supported the version of the plot that led to the collapse of the monarchy. The methods of the source analysis and historical reconstruction are used to prove it. The authors state there was social psychosis at the turn of 1916-1917, which contributed to the rumors about the preparation of the conspiracy. The authors conclude that there was not enough time to organize the plot properly, so the events of 1917 were the result of spontaneous popular action.

Key words: conspiracy, palace coup, Freemasons, February revolution.

Фридриху Энгельсу принадлежат следующие слова «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что сделанная ими революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали не многие исторические деятели» [12, с. 263]. Слова эти и Гегель, трактуя «хитрости мирового разума», и вслед за ним Энгельс целиком относили к деятелям Великой французской революции. На их примере показывали, как цели человеческих усилий радикально не совпадают с полученными результатами. Можно то же самое сказать и о Великой русской революции? Вполне. Чтобы объяснить подобный парадокс, не очень-то подходят такие привычные для историка инструменты познания прошлого, как социально-экономический (классовый, формационный) подход, социокультурный (цивилизационный, теории модернизации и элит) и социо-психологический (индивид и толпа, когнитивный диссонанс, диффузия ответственности или так называемый эффект свидетеля) методы, систематика и математическое моделирование. Кажется, гораздо проще и потому, вроде бы, яснее толкование с помощью конспирологии, теории заговоров. Последняя очень популярна не только среди обывателей (40% россиян верят в «тайное правительство»), но и некоторой части людей, претендующих на то, чтобы их считали знающими специалистами. Она привлекательна для тех и других тем, что претендует на то, чтобы легко и ясно объяснить сложнейшие исторические процессы.

Кто развалил СССР? Ну конечно ЦРУ и его агенты... Кто виноват в крахе, постигшем Россию сто лет тому назад? Ну конечно Ленин, получивший 50 миллионов марок от германского Генерального штаба, и Троцкий, субсидируемый Шиффом – американским банкиром германо-еврейского происхождения и стоявшие за их спиной масоны.

Формирование теории масонского заговора против императорской России прекрасно рассмотрено в статье В.Э. Багдасаряна и С.И. Реснянского, в которой авторы отмечают, что фактически эта концепция «вошла в идеологию правомонархических организаций, отражая состояние мировоззренческого кризиса в условиях трансформации власти» [1, с. 14].

Но и сейчас, по убеждению некоторых упёртых конспирологов, за всеми бедами России стоят «жидо-масонская мафия» и борьба за мировое господство между банкирскими домами евреев Ротшильдов и Рокфеллеров [23]. Что с них спрашивать, если в основе их доводов и аргументов лежат явные фальсификации вроде «Протоколов сионских мудрецов» [20] или домыслы, согласно коим старообрядец Гучков оказывается всего на всего иудеем Лурье.

Но версия масонского заговора живет не только на страницах откровенно желтой публицистики. К ее развитию приложили усилия и многие историки и околоисторические публицисты, претендующие на это звание. Еще в 1931 г. о существовании масонского заговора заявил историк-эмигрант С.П. Мельгунов [13]. О роли масонов в событиях 1917 г. заговорила как эмигрантская, так и западная историогра-

фия. В советской историографии эта тема была поднята Н.Н. Яковлевым. Следует отметить, что в отличие от Яковлева некоторые советские историки (например, А.Я. Аврех, В.И. Старцев), не отрицая важной политической роли масонских связей в событиях 1917 г., отвергали факт масонского заговора как такого.

В 2000 г. вышла книга историка В.С. Брачева «Русское масонство XX века» [5], в которой доказывалась идея заговора под началом масонского «Великого Востока Народов России». Эта организация стояла за спиной А.И. Гучкова, который, при поддержке стран Антанты, объединил против императора Николая II либеральную оппозицию, великих князей и генералитет. Эту версию активно поддерживает П.В. Мультиатули [14; 15].

Прямым доказательством этого заговора считаются показания самого Гучкова при допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 6 августа 1917 г., в которых он говорил о том, что с конца 1916 г. существовал план, который «заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить, по дороге между ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство» [17, с. 278]. Естественно, что совпадение описываемого плана с событиями 1–2 марта 1917 г. столь поразительно, что заставляет некоторых думать, будто план был реализован.

Его реализация была возможна только при условии активного участия военной верхушки. Ее союз с Гучковым (которому, якобы, способствовали их общие масонские связи) стал залогом успеха заговорщиков, по мнению В.С. Брачева и П.В. Мультиатули. По версии сторонников «генеральского заговора», начальник штаба Главковерха М.В. Алексеев выманил императора Николая II в Ставку, тогда как заговорщики в Петрограде создавали условия для «хлебного бунта». Генерал Н.В. Рузский, в зоне ответственности которого оказался царский поезд 2 марта, довершил дело, вынудив царя отречься.

Доказательств, кроме откровений самого Гучкова, приводится много: совпадение, почти дословное, изложенного Гучковым при допросе плана с воспоминаниями А.И. Деникина; свидетельства в воспоминаниях разных лиц о действиях Гучкова по привлечению в заговор; подозрительное поведение М.В. Алексеева, за целых три месяца до намечаемого наступления призывавшего срочно царя в Ставку для его разработки. И ключевую роль отводят показаниям левого кадета и видного масона Н.В. Некрасова об устроенной масонами «ловушке» для императорского поезда, данные им ОГПУ в 1921 г. и НКВД в 1939 г. [10].

П.В. Мультиатули в доказательство версии об активном участии в заговоре генеральской верхушки приводит слова, якобы сказанные одним из приехавших с фронта в Петроград незадолго до Февраля 1917 г. генералов: *«Времени терять нельзя. Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте... Если вы решитесь на эту*

крайнюю меру, то мы вас поддержим». Да, конечно, эти слова можно истолковать как обещание поддержки армии в совершении переворота. Но говорил то генерал (если говорил) об этом открыто. Что-то не очень похоже на заговор.

По нашему мнению, типичными чертами сложившегося политического заговора, направленного на захват власти, можно считать наличие сплоченной группы единомышленников, готовых к конкретным действиям, противоречащим закону или сложившейся политической традиции, подготовивших механизм осуществления данных действий и сохраняющими до момента выступления свои намерения и действия в тайне (подчеркнем, что даем характеристики исторического явления, а не юридическое, где сам факт незаконного сговора против начальства считается заговором). Только совокупность указанных нами черт позволяет говорить о сформировавшемся заговоре, а не о заговорщических намерениях (сговоре).

Видим ли мы эти черты в ситуации конца 1916 – начала 1917 г.?

Да, о перевороте тогда говорили многие. И ни для кого их речи не были секретом.

Вот что доносил чиновник по особым поручениям при председателе Совета министров и заведующий министерским павильоном в Таврическом дворце (местопребывании Государственной думы) Л.К. Куманин о выступлении (можно сказать, открыто) кадетского депутата Н.В. Некрасова перед своими однопартийцами в Москве 7 января 1917 г. по вопросу о борьбе с правительством. Обвинив правительство в том, что оно в насто-

ящий момент является «единственным революционным деятелем» и назвав «успех его революционной пропаганды» грандиозным, Некрасов сказал: «Больше всего мы должны бояться быть уловленными в сети правительственной провокации, которая явно стремится вызвать нас на решительный бой... В предстоящих России испытаниях мы не выступим в роли революционеров-разрушителей. Пока возможна только парламентская борьба и вся её возможность будет исчерпана нами до конца...» При этом Некрасов предупреждал: «Если же Думу совершенно разгонят, то это станет осиновым колом для правительства...» Помета «Измена», сделанная против одного из абзацев донесения, свидетельствует о том, как оценили его содержание те, кому оно было предназначено [8, с. 5–7].

Но что сделали для того, чтобы не дать случиться этой «измене»? Да ничего. И наверно потому, что всё более и более сознавали, что «измена» коренится не только среди революционеров, не только среди кадетов и интеллигенции, но и повсюду.

Таковыми «изменщиками», как Некрасов, ощущали себя многие видные государственные, политические и общественные деятели того времени. Впоследствии часть из них оставила воспоминания, в которых волей-неволей преувеличивали и степень своей оппозиционности и вовлеченности в политические процессы, что создает для сторонников теории заговора богатую почву для спекуляций.

Минский губернатор кн. В.А. Друцкой-Соколинский вспоминал: «Все роптали, все сетовали, все негодовали, и, главное, все сплетничали, и все злос-

ловили. Меня, как свежего человека, поразило то обстоятельство, что в петербургском обществе конца 1916 года исчезли совершенно сдерживающие начала, исчезли те верхи, которые до сего времени считались недоступными, не подлежащими критике. Мне думается, что к этому времени все нравственные пределы и границы были утрачены. Была общая разнузданность мнений, слов, выражений и, пожалуй, чувств» [9, с. 192].

Тревожные настроения охватили правительственную среду. 4 декабря Друцкой-Соколинский обедал со своим старинным другом – председателем Совета министров (с 10 ноября по 27 декабря 1916 г.) А.Ф. Треповым, который мрачно пророчествовал: «Недовольство общее. Союзники, видя происходящее, опасаются за исход войны, и кто знает, не вмешаются ли они тем или иным путем в наши дела с целью закрепить наше обязательное участие в войне. Уставшее общество, наблюдая творящееся, утеряло веру в способность государя и правительства довести войну до победного конца и улучшить экономическое положение страны. Все кричит, волнуется... Хорошо! Вы говорите, что народ никогда не встанет на революционный путь, что на местах всегда хватит сил и возможностей удержать его в пределах порядка. Я тоже думаю, что это так, но за народ скажут и будут действовать другие. Народ и не спросят. А сможет ли власть, находящаяся уже теперь в полупараличе, сдерживать натиск и найти в себе силу сопротивления?» Друцкой-Соколинский далее подчеркивает: «У себя в английском клубе, куда я отправился закончить вечер, услышал, по существу, те же речи, ска-

занные лишь в более мягких тонах» [9, с. 194].

Нервозная обстановка рубежа 1916–1917 гг. очень способствовала распространению слухов о зреющем заговоре. Можно сказать так: запрос на заговор в общественной среде был столь велик, что в его отсутствие просто не хотелось верить. Этому послужило и убийство Г.Е. Распутина, в основе которого лежал пусть очень узкий по числу участников и крайне любительский и незрелый, но заговор. Недаром тот же В.А. Друцкой-Соколинский в своих записках отметит, что «узнав об убийстве Распутина, узнав имена убийц и, наконец, исход дела, его развязку, я убежденно сказал, что это подготовка дворцового переворота» [9, с. 208].

Ожидали продолжения, и недаром. В политических кругах столицы стали циркулировать слухи о совершенном якобы покушении на императрицу Александру Фёдоровну. Сам факт появления такого слуха в правых кругах расценивался, хотя и лишённым достоверности, но «чрезвычайно грозным симптомом создавшихся общественных настроений» [8, с. 8].

Настроений, но не действий. Хранитель Императорского исторического музея А.В. Орешников, фиксируя в дневнике, что «в обществе говорят о готовящемся каком-то дворцовом перевороте; рассказывают про убийство министра двора Фредерикса», делал такое замечание: «По-видимому, все рассказы – результат расстроенных нервов» [16, с. 100].

Подобное ощущение было и у побывавшего 2-6 января в Петрограде военного врача В.П. Кравкова, отмечавшего в дневнике: «По адресу “тем-

ных сил” и творящегося озорства в сферах все настроены возбужденно и озлобленно, можно сказать – революционно. Жаждают с нетерпением все *дворцового переворота* (курсив наш. – Ю.А., Я.С.). Кравков приходит к мнению: «Каждый негодующий ходит пока лишь с кукишем в кармане, без особенного желания проявить свою волю к действию, и надеется, что всё, что нужно, сделает за него кто-то другой, а не сам он» [11, с. 282–283].

Итак, разговоров о намерениях было много, они зафиксированы в многочисленных дневниках и воспоминаниях. Но сам факт широкого распространения сведений о подготовке заговора ставит вопрос о том, был ли это заговор или это было пока зондирование почвы и, одновременно, последнее средство давления на власть, попытка запугать её самой возможностью заговора и переворота. Между тем изучение всего комплекса свидетельств о «заговорщических разговорах» создает впечатление отсутствия какого-либо заговорщического центра. Да, постоянно мелькает Гучков, но инициатива исходит и от множества других, не связанных с ним или с «Великим Востоком Народов России» личностей.

В России сформировалась ситуация общественной истерии, в которой соединились страх перед надвигающейся катастрофой и сладостное ожидание теми, кто считал её очистительным для России средством.

Услышав уверения читавшего у неё свои новые стихи К.Д. Бальмонта, что «мы накануне “*coup d'état*”», то есть государственного переворота, писательница Рашель Гольдовская посчитала это «пророчество» отражени-

ем тревожной обстановки: «Живём в какой-то эпидемической неврастении. Сплетни, слухи, догадки и напряжённое ожидание неминуемой катастрофы. Это ожидание: вот-вот!.. завтра! а может быть, сегодня!.. может быть, уже разразилось, только ещё не дошло до нас – парализует всякую деятельность... С “фронтов” все приезжают злые и возмущенные. Мужики проклинаят войну. В городах бессовестная дороговизна. Эти “хвосты”, которые по часам дежурят у лавок, чтобы добыть мясо, хлеб, сахар, – страшно ожесточают городское население. Стоят, мерзнут и, чтобы облегчить душу, – ругаются. Совсем исчезло чувство страха, этот исторический русский тормоз. В трамваях, на улицах, в вагонах, театрах, гостиных – все громко ругают правительство и все ждут... переворота как чего-то неизбежного». Но сама она тем не менее не верила в русскую революцию: «Не верю и ещё больше боюсь её. Будут бунты и будет расправа» [25, с. 572–573].

Не все, правда, разделяли этот, казался бы, «общий психоз». Так, профессор истории Московского университета М.М. Богословский, побывав у издателя и книгопродавца А.А. Карцева и наглядно увидев, насколько вся его семья настроена революционно, назвал близорукими выслушанные там политические резолюции и комментарии к ним, сопровождаемые высказыванием надежд на переворот. «Ослепление состоит в том, что кажется, что ввести ответственное министерство – и вот устранится продовольственный кризис, и мы будем одерживать победы. Наивно! А сколько лжи и клеветы! Не понимают, что революции в цивилизованных странах проходят по ци-

визованному, как в 1688 г. или 1830. А ведь у нас политическая революция, как в 1905, повлечёт за собой экспроприации, разбои и грабежи, потому что мы ещё не цивилизованная страна, а казачий круг Разина или Пугачева. У нас и революция возможна только в формах Разиновщины или Пугачевщины» [4, с. 146].

Однако еще раз оговоримся – факт психоза, связанного с требованием перемен, еще не означает факта заговора.

Для многих деятелей культуры, особенно людей, не ослеплённых партийными догмами и шовинистическим угаром, охватившим толпу, одно было ясно: война для России, при её тогдашнем социально-экономическом и политическом положении, не может завершиться естественно; раньше конца её будет революция. Это предчувствие разделяли многие.

Фёдор Степун в письме к жене, комментируя полученный у них недавно в бригаде приказ стрелять по своим, если солдаты будут отступать без приказа, сетовал: «Все это свидетельствует о такой степени падения пресловутого духа русской армии, при которой продолжение войны становится почти что невозможным». На этом фоне, читая журналы и газеты, «получаешь впечатление полной утраты нашей интеллигенцией всякой свободы мнения, страшной штампованности мыслей и слов, поголовного лицемерия и поголовного исповедания готтентотской морали». Мы «виним во всём одно правительство и думаем, что, свалив Николая, немедленно исцелим Россию от всех бед и напастей». Не уверенный в том, прав ли он, но иной раз, «внутренне созерцая Россию и всю накопившуюся в ней ложь», Степун решительно

не представлял себе, «как мы доведём войну не до победного, конечно, но хотя бы до не стыдного, приличного мира» [23, с. 173–174].

«Что принесёт наступающий год? – спрашивал себя художник А.Н. Бенуа. – Только бы принёс мир, а остальное приложится. А для того, чтобы был мир, нужно, чтоб люди образумились, чтоб возникла и развилась “воля к миру”... С другой стороны, глупость человеческая безгранична, всесильна, и весьма возможно, что мы так и докатимся до общего разорения и катаклизма!» [2, с. 75].

Своё разочарование тем, какой оборот приняла война, первоначально им приветствовавшаяся, пытался выразить Валерий Брюсов: «Тридцатый месяц, Смерть и Голод, / бродя, стучат у всех дверей: / клеймят, кто стар, клеймят, кто молод, / детей в объятьях матерей! / Тридцатый месяц, бог Европы, / Свободный Труд – порабощён; / он роет для Войны окопы, / для Смерти льёт снаряды он! / Призывы светлые забыты / первоначальных дней борьбы, / в лесах грызутся троглодиты / под барабан и зов трубы!» [6, с. 156].

Поэты вообще более тонко чувствовали обстановку. Вольноопределяющийся табельщик в 13-й инженерно-строительной дружине Всероссийского союза земств и городов Александр Блок в январской книжке «Русской мысли» опубликовал первую главу своей так и не завершённой эпической поэмы «Возмездие». В прологе к ней он говорил о том, насколько страшно для него грядущее, с тоскою отмечая: «Над нашим станом, / как встарь, повита даль туманом, / и пахнет гарью. Там – пожар». И уже в первой главе, упомянув такие не-

давние «пророчества о нашем дне», как Тунгусский метеорит («кометы грозной и хвостатой ужасный призрак в вышине»), «безжалостный конец Мессины», разрушенной в результате землетрясения, «и первый взлёт аэроплана в пустыню неизвестных сфер», следующим образом излагал своё видение XX в.: «И отвращение от жизни, / и к ней великая любовь, / и страсть и ненависть к отчизне... / И чёрная земная кровь / сулит нам, раздувая вены, / все разрушая рубежи, неслыханные перемены, / невиданные мятежи» [3, с. 6–9].

Другой поэт – тоже вольноопределяющийся, гусарский прапорщик и георгиевский кавалер Николай Гумилёв – в опубликованной там же драматической поэме «Гондла», говоря, казалось бы, о прошлом, вещает будущее: «Наступили тяжёлые годы, / как утратили мы короля / и за призраком лёгкой свободы / погналась неразумно земля» [7].

И тем не менее, если такие люди, как он, провидчески предупреждали о неразумности погони за призраком лёгкой свободы, подавляющее большинство тогдашней образованной публики именно об этом и мечтало, а потому с такой восприимчивостью относилось ко всякого рода слухам о грядущих переменах.

Вспоминая потом, как «передовая общественность» грезилась идеей верхушечного переворота, о том, что мысль принудить царя к отречению упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и в начале 1917 г., председатель Государственной думы М.В. Родзянко писал не без иронии: «Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с за-

явлением, что Дума и её председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию... Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот и что мне в этом помогают многие гвардейские офицеры и английский посол Бьюкенен» [21, с. 207].

В возможность такого варианта развития событий верили в правительственной среде. «Готовой ячейкой для организации офицеров привилегированных полков» назван в одном из донесений из Таврического дворца салон графини Шереметьевой, которая и раньше слыла за «либеральную даму», а теперь сблизившуюся с Родзянкой, убедившим её в том, что «цепляться за отжившее бесполезно», что «старый строй оскандалил себя» и что «для спасения России необходимо содействовать скорейшей перемене строя», а чтобы эта перемена совершилась для государства безболезненно и бескровно, якобы, предложил ей воздействовать на посещающих её салон гвардейских офицеров, которые, по его словам, и без того достаточно «подготовлены». По его плану, если на верхах гвардейской молодежи обнаружится определенная тенденция, то «мягкий и добрый государь сам сверху дарует начала подлинного представительного строя и спасет Россию от кровавой революции» [8, с. 17–18].

Правда, спустя несколько дней следует успокоительное донесение: «Слухи о заговоре и чуть ли не декабристских кружках в среде офицеров гвардейской кавалерии фактического подтверждения не встречаются. “Политических дам”, вокруг которых группировались бы такие салоны, среди офицерских жен

Кавалергардского и Лейб-гусарского полков – нет». Да, офицеры этих полков «несколько будируют на разруху, непорядки и на Царское Село», полагая что убийством Распутина не исчерпаны вредные влияния. «Тяжело на них отражается и долгое отсутствие побед. Они, как сами выражаются, “закисли”... Но тем не менее решительно нет никаких данных, что в полках гвардейской кавалерии созревает какой-то заговор и готовятся какие-то кровавые акты» [8, с. 21].

Для понимания ситуации вокруг слухов о заговоре надо подчеркнуть, что лидеры либеральной оппозиции сознательно плодили эти слухи и «раскачивали лодку». Этим они сразу добивались нескольких целей: 1) дальше дискредитировали царскую власть, доказывая её всеобщую непопулярность и неспособность противостоять такому открытому шантажу; 2) расширяли число своих приверженцев в высших кругах, через разговоры о заговоре выявляя позиции генералов и чиновников; 3) зондировали почву для выяснения возможности заговора. Причем последняя цель если и была присуща Гучкову и еще нескольким активным противникам Николая II, то далеко не преследовалась большинством участников этой масштабной PR-акции.

Есть многочисленные свидетельства, что даже в начале 1917 г. либеральная верхушка с примкнувшими к ним националистами ставила вопрос только об ответственном министерстве, грозя переворотом (причем подготовленным в какой-то иной среде) лишь в случае разгона Думы.

12 января 1917 г. в газетах появилось сообщение о том, что на днях в Москве состоялись частные совеща-

ния общественно-политических прогрессивных деятелей. Участвовали депутаты Государственной думы кадеты П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, М.М. Новиков, прогрессист А.И. Коновалов, а также руководители Земского и Городского союзов князь Г.Е. Львов с М.В. Челноковым (московским городским головою) и члены Военно-промышленного комитета. Главным вопросом стал выбор лица, который возглавит будущее правительство и которому общество «могло бы отдать своё доверие и симпатии». Единогласно такой кандидатурой был определен Г.Е. Львов. Милюкову поручено поднять этот вопрос на ближайшем заседании Прогрессивного блока [22].

Но был ли этот своего рода рейтинговый стговор заговором или хотя бы составной его частью? В любом толковом словаре «заговор» определяется как тайное соглашение. А чего тайного было на «частных совещаниях» в Москве? Ведь содержание происходивших там бесед ни для кого не было секретом, как не было секретом для власти требование «ответственного министерства». Как не было секретом уже откровенно вызывающее поведение «заговорщиков», таких, как Родзянко, 1 января 1917 г. на торжественном приеме в Большом зале Царскосельского дворца демонстративно отказавшегося пожать протянутую министром внутренних дел А.Д. Протопоповым руку, и публично об этом сообщившего в Думе (сорвав аплодисменты присутствующих) [8, с. 12]. Если бы Родзянко был заговорщиком, навряд ли бы он вёл себя столь вызывающе, демонстративно подыгрывая публике, недовольной царскими министрами и царским окружением.

Даже лидеры кадетской партии, уже представлявшей непримиримую оппозицию власти, хотя и говорили о наличии признаков готовившегося переворота, всячески не желали такой перспективы для страны. В записке князя П.Д. Долгорукого, содержание которой стало известно А.Д. Протопопову, говорилось о том, что в случае отказа императора от введения ответственного министерства «перед нами, судя по последним настроениям семьи Романовых, встаёт грозная опасность дворцового переворота со стороны людей, не желающих быть под началом истеричной, но более сильной, чем государь, женщины». Но такой переворот «не только нежелателен, а скорее гибелен для России», так как среди Романовых нет никого, кто мог бы заменить царя, стать «общепризнанным преемником монархической власти на русском престоле», а потому «заставит нас, убежденных конституционных монархистов, встать на сторону республиканского строя» [8, с. 10–11].

Как видно из этих строк, никакой смычки либеральной оппозиции и оппозиции великокняжеской не наблюдалось. Но перспектива великокняжеского заговора виделась современникам наиболее вероятной, и если автору записки и его однопартийцам не нравилась возможность вмешательства в политические процессы «других Романовых», то для немалой части населения именно такой выход представлялся желательным и возможным. Века самодержавного правления давили на общественную психологию: если царь плох, то лучше, если этот вопрос будет решен семейно, внутри царствующей династии, без общественного вмешательства. Иначе ведь бунт, «бес-

смысленный и беспощадный». «Речь шла о заговоре в стиле дворцового переворота XVIII столетия» [13, с. 102].

И эти ожидания, казалось бы, имели все основания. В среде родственников царя разговоры о необходимости что-то предпринять перерастали во что-то, что можно считать уже сговором. Не без участия некоторых из них, а вполне может статься, что и по инициативе кого-то из них старый корреспондент Николая II, отставной чиновник, экономист, агроном А.А. Клопов после полуторачасовой беседы с ним, состоявшейся 29 января, направил государю два письма, из которых следует, что он говорил не только об «ответственном правительстве», но и рекомендовал поставить во главе его князя Львова и что император слушал его довольно благосклонно. В последнем своём послании, написанном 13 февраля, накануне открытия очередной сессии Государственной думы, предлагая в оппозиции видеть оппозицию его величества, а не оппозицию его величеству, он взывал: «Дорогой государь, послушайте вашего сердца и без советников, по внутреннему побуждению, по божьему, раскройте ваше сердце России... Идите с Думой, а не против неё. Идите в Думу и объясните, что вы с ней и в знак доверия к стране дайте ей то правительство, которому она верит, которое будет ответственно перед царём и народом. Это будет слияние ваше с народом» [19, с. 219].

Есть сведения, что на совещании министров император решил, что явится на следующий день в Думу и объявит о своей воле – о даровании ответственного министерства, в чем нашел полную поддержку у последнего председателя Совета министров князя

Н.Д. Голицына. Однако тем же вечером Голицына вновь потребовали во дворец, и Николай II сообщил ему об изменении своего решения и отъезде из столицы [21, с. 220]. Есть много оснований предполагать, что отказаться от уже принятого решения царя заставила его жена. В письме от Александры Фёдоровны, оставленном ею 22 февраля при прощании с отъезжавшим в Ставку мужем уже в вагоне его поезда, она повторяет свою прежнюю сентенцию о «властной руке», которая требуется русским. «Ты никогда не упускал случая, показать любовь и доброту, – дай им теперь почувствовать порой свой кулак. Они сами просят этого – сколь многие недавно говорили мне: “нам нужен кнут”... Они должны научиться бояться тебя – любви одной мало. Ребенок, обожающий своего отца, всё же должен бояться разгневать, огорчить или послушаться его! Надо играть поводами: ослабить их, подтянуть, но пусть всегда чувствуется властная рука. Тогда доброта больше будет цениться, мягкость одну они не понимают» [18, с. 208–209].

Учитывая это, понятны разговоры в великокняжеской среде о необходимости заточения Александры Фёдоровны в монастырь для предотвращения её вредного влияния на царя. Понятно и то, почему члены императорской фамилии дружно вступились за великого князя Дмитрия Павловича – участника убийства Распутина. Но перерос ли их сговор в заговор? Нет. Для этого им не доставало многого, и, прежде всего единства представлений о династическом будущем, отсюда разброс «предложений» – удаление Александры Фёдоровны при сохранении Николая II на престоле; переход престола к Алексею

при регентстве Михаила Александровича, переход престола Михаилу Александровичу, переход престола Николаю Николаевичу. Ни один из этих вариантов не обеспечивал даже минимального единения – большинство понимало, что Николай II не смирится с удалением супруги, даже если временно будет вынужден на это согласиться. Алексей на престоле не гарантирует от возвращения к реальной власти его родителей (тем более, что хотя о гемофилии наследника не знали, но его болезненность секретом не была). Михаил Александрович не пользовался авторитетом среди родственников и в стране, создавал проблемы и его морганатический брак. Воцарение Николая Николаевича с учетом его низкой династической позиции (отдаленности от права наследования) создавало опасный прецедент.

Кроме того, для переворота нужна в распоряжении реальная сила, которой можно воспользоваться и которой ни один из великих князей на конец 1916 г. уже не имел. Таким образом, великие князья могли поддерживать переворот, но не организовать его.

Другое дело – военная верхушка, в распоряжении которой была реальная сила. Сторонники теории заговора подчеркивают наличие единой связи между царскими генералами и думской оппозицией, которой способствовало их участие в масонских организациях. Правда, они признают: «Бесспорных доказательств об их (Гучкова, Алексева, Рузского, Гурко. – Ю.А., Я.С.) принадлежности к масонству у нас нет», считая, что достаточно доказательств косвенных [5, с. 65].

Из воспоминаний бывшего председателя Государственной думы вовсе

не следует, что во время его посещений фронтов и Ставки он вёл какие-то переговоры на этот счёт с генералами, хотя М.В. Родзянко и признаёт, что информацией о положении в стране и о ходе войны обменивался. А вот Гучков был не прочь присвоить себе лавры закопёрщика, посвящавшего в свои замыслы переворота генералов, в том числе начальника Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеева. Но их последняя беседа в Могилёве происходила в октябре 1916 г., после чего приболевший Алексеев уехал лечиться в Крым, где и находился чуть ли не до самой революции. И если тут какая-то интрига имела, то исходила она от императрицы Александры Фёдоровны, которая писала мужу, что Алексееву «Бог послал болезнь, — очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносит вред тем, что слушает дурных писем и людей... а также за его упрямство» [18, с. 156].

Сторонники идеи заговора всё время сами себе противоречат. Заявляют об участии Алексеева в заговоре, плане ареста императора в поезде, но признают, что 27 февраля Алексеев уговаривал царя не покидать Ставки, хотя и не очень ретиво. Потому что план захвата еще не был готов? А как же опасность использования Николаем фронтовых частей для подавления переворота? Если Алексеев и Рузский были в сговоре с Гучковым, то почему они 28 февраля не ставили вопрос об отречении, а только об ответственном министерстве? Интересно, что свидетель разговора Рузского с царем 2 марта отмечал досаду и раздражение в голосе командующего войсками Северного фронта, когда он произнес: «Теперь уже трудно

что-то сделать, давно настаивали на реформах, которые вся страна требовала... не слушались... теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя...» Если Рузский был заговорщиком, то с чем связана эта досада?

В качестве косвенного доказательства военного заговора приводятся воспоминания Деникина, где описывался план захвата императорского поезда. Но воспоминания были изданы в 1921 г. и при внимательном изучении текста становится ясно: Деникин пишет не о том, что знал до событий февраля – марта 1917 г., а, как многие эмигранты-мемуаристы, вплетает в ткань своих мемуаров воспоминания других (например, П.Н. Милюкова) и документы эпохи, в том числе пользуясь сведениями, зафиксированными в послереволюционных статьях, показаниях и т.п. главного подозреваемого – Гучкова.

И тут встает принципиальный вопрос: а насколько можно доверять Гучкову? Не преувеличивал ли он степень организованности заговора, ведь всем деятелям 1917 г. было так свойственно преувеличивать свои заслуги в крушении «старого режима»? Но даже если доверять Гучкову о факте достижения высокой степени единства в намерениях совершить переворот, то почему бы не доверится и его признанию, что техническая сторона дела еще «хромала» (т.е. реальной силы у «заговорщиков» в распоряжении еще не было – надежной смычки с военной верхушкой еще не произошло). «Вся вина русского общества, – говорил Гучков, – заключается в том, что переворот был сделан не руководящими классами общества, не политическими и общественными деятелями, не верхами армии, а был

сделан стихийными массами» [17, с. 278]. Что из этих слов следует? А только то, что даже если у Гучкова и был замысел произвести государственный переворот, осуществлён он был не им, не «верхами», а «низами», причём, как мы знаем, вопреки «верхам».

Сторонники концепции масонского заговора упирают на показания Н.В. Некрасова о действиях по блокировке царского поезда в марте 1917 г. При этом, ссылаясь на публикацию показаний, подготовленную В.В. Поликарповым и В.В. Шелохаевым, они полностью игнорируют замечание одного из публикаторов: «Мало кто из историков долго ломал голову, какого жанра повествования довелось писать и подписывать в тридцатые годы деятелям старого режима, сгинувших в застенках НКВД» [10, с. 14].

Сторонники теории заговора, как нынешние историки и публицисты, так и консервативно настроенные современники событий 1917 г., отрицают революцию, считая эти события государственным переворотом, осуществленным буржуазией и интеллигенци-

ей, к которым примкнули изменщики из придворной, бюрократической и военной среды. «Глупость или измена?» – спрошу я. «Измена!» – отвечу убежденно», – пишет кн. В.А. Друцкой-Соколинский [9, с. 252]. Но в тех же своих записках он отмечает, что «слова Николая II о том, что “всюду предательство и измена”, относятся без исключения ко всей русской нации, как к ее верхам, так и ко всему народу и ко всему войску» [9, с. 228]. Сравнивая отречение Николая II и Наполеона в 1814 г., он подчеркивает, что наполеоновские гвардейцы оставались верны своему императору, а у Николая даже его личный конвой пошел в Государственную думу на поклон революции. И хотя вину за это автор простых солдат снимает и возлагает на офицеров, но вопрос: «можно ли считать изменой и заговором отказ народа подчиняться полностью дискредитировавшему себя правителю?» вряд ли предполагает в современном обществе утвердительный ответ.

Статья поступила в редакцию 03.08.2018

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Поиск «масонского заговора» и кризис правой идеологии в предреволюционной России // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 3–15.
2. Бенуа А.Н. Мой дневник: 1916–1917–1918. / Подготовка текста и комментарии Н.И. Александровой и др. М.: Русский путь, 2003. 699 с.
3. Блок А. Возмездие // Блок А. И невозможное возможно... Стихотворения, поэмы, театр, проза. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 6–9.
4. Богословский М. М. Дневники. 1913–1919. М.: Время, 2011. 797 с.
5. Брачев В.С. Русское масонство XX века. СПб.: Стомма, 2000. 256 с.
6. Брюсов В. Тринадцатый месяц // Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии 1902–1924. М.: АИРО-XX, 2003. С. 156.
7. Гумилёв Н. Гондла // Русская мысль. 1917. № 1. С. 66–97.
8. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года. // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 3–27.
9. Друцкой-Соколинский В.А., кн. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918. М.: Русский путь, 2010. 320 с.

10. Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931, и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 10–48.
11. Кравков В.П. Великая война без ретуши: Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 414 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 36. С. 263
13. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родник, 1931. 233 с.
14. Мультагули П.В. «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Держава; Сатисъ, 2002. 348 с.
15. Мультагули П.В. Февральский переворот 1917 года: причины и организаторы // Москва: Журнал русской культуры. 2017. № 4. С. 125–128.
16. Орешников А.В. Дневник. Кн. 1. 1915–1924. / Сост. П.Г. Гайдуков и др. М.: Наука, 2010. 657 с.
17. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VI. Л.: Государственное издательство, 1926. 415 с.
18. Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917 гг. Том V. М.–Л.: Государственное издательство, 1927. 303 с.
19. Письма чиновника А.А. Клопова царской семье (Вступительная статья и примечания В.И. Старцева) // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 204–222.
20. Платонов О.А. Загадка Сионских протоколов. М.: Родная страна, 2015. 398 с.
21. Родзянко М.В. Крушение империи. Л.: Прибой, 1927. 270 с.
22. Совещание прогрессистов // Московский листок. 1917. 12 янв.
23. Степун Ф.А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. 191 с.
24. Фурсов А. Кто на самом деле правит миром? // Комсомольская правда. 2014. 21 сент.
25. Хин-Гольдовская Р.М. Из дневников 1913–1917 // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 521–526.

REFERENCES AND SOURCES

1. Bagdasaryan V.E., Resnyanskii S.I. [Search for "Masonic conspiracy" and the crisis of the right-wing ideology in pre-revolutionary Russia]. In: *Voprosy istorii*, 2017, no. 9, pp. 3–15.
2. Benua A.N. *Moi dnevniki: 1916–1917* [My diary: 1916–1917]. Preparation of the text and comments by N. Alexandrova. Moscow, Russkii put' Publ., 2003. 699 p.
3. Blok A. *Vozmezhdie* [Retribution]. In: Blok A. *I nevozmozhnoe vozmozhno... Stikhotvoreniya, poemy, teatr, proza* [Block A. And the impossible is possible... poetry, theater, prose]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1980, pp. 6–9.
4. Bogoslovskii M.M. *Dnevniki. 1913–1919* [Diaries. 1913–1919]. Moscow, Vremya Publ., 2011. 797 p.
5. Brachev V.S. *Russkoe masonstvo XX veka* [Russian Freemasonry of the twentieth century]. SPb., Stomma Publ., 2000. 256 p.
6. Bryusov V. *Trinadtsaty mesyats* [Thirteenth month]. In: Bryusov V. *Mirovye sostyazaniya. Politicheskie kommentarii 1902–1924* [Brusov V. World competition. Political comments 1902–1924]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2003. 156 p.
7. Gumilev N. [Handle]. In: *Russkaya mysl'*, 1917, no. 1, pp. 66–97.
8. Doneseniya L.K. [Kumanin should be expelled from the Ministerial pavilion of the State Duma, December 1911 and February 1917]. In: *Voprosy istorii*, 2000, no. 4–5, pp. 3–27.
9. Drutskoi-Sokolinskii V.A. kn. *Na sluzhbe Otechestvu. Zapiski russkogo gubernatora. 1914*

- [In the service of the Fatherland. Notes of a Russian Governor. 1914]. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 320 p.
10. [From the investigation of cases N.V. Nekrasov 1921, 1931, and 1939. Publ. by Shelokhaev V.V. and V.V. Polikarpov]. In: *Voprosy istorii*, 1998, no. 11–12, pp. 10–48.
 11. Kravkov V.P. Velikaya voina bez retushi: Zapiski korpusnogo vracha [The great war without retouching: Notes of the corps doctor]. Moscow, Veche Publ., 2014. 414 p.
 12. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 36 [Works. 2d ed. Vol. 36], pp. 263.
 13. Mel'gunov S.P. Na putyakh k dvortsovomu prevorotu (Zagovory pered revolyutsiei 1917 goda) [On the way to a Palace coup (Plots before the revolution of 1917)]. Paris, Rodnik Publ., 1931. 233 p.
 14. Mul'tatuli P.V. «Gospod' da blagoslovit reshenie moe...» Imperator Nikolai II vo glave deistvuyushchei armii i zagovor generalov ["Lord bless my decision..." the Emperor Nicholas II at the head of the army and the conspiracy of the generals]. SPb., Derzhava; Satis" Publ., 2002. 348 p.
 15. Mul'tatuli P.V. [The February revolution of 1917: causes and organizers]. In: *Moskva: Zhurnal russkoi kul'tury*, 2017, no. 4, pp. 125–128.
 16. Oreshnikov A.V. Dnevnik. Kn. 1. 1915–1924 / Sost. P.G.Gaidukov i dr. [Diary. Book 1. 1915–1924 / Comp. P. G. Gaidukov, etc]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 657 p.
 17. Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannyykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. T. VI [The fall of the tsarist regime. Verbatim records of the interrogations and depositions in 1917 given to the Extraordinary Commission of Inquiry of the provisional government. Vol. VI]. L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926. 415 p.
 18. Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovykh. 1916 [Correspondence of Nikolas and Alexandra Romanovs. 1916]. Vol. V. M.-L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1927. 303 p.
 19. [Letters of the official A. A. Klopov to the Tsar family (Introductory article and notes by V. I. Startsev)]. In: *Voprosy istorii*, 1991, no. 2-3, pp. 204–222.
 20. Platonov O.A. Zagadka Sionskikh protokolov [The mystery of the protocols of Zion]. Moscow, Rodnaya strana Publ., 2015. 398 p.
 21. Rodzyanko M.V. Krushenie imperii [The collapse of the Empire]. L., Priboi Publ., 1927. 270 p.
 22. Soveshchanie progressistov (A meeting of the progressists). In: *Moskovskii listok*, 1917, 12 Jan.
 23. Stepun F.A. (N.Lugin). Iz pisem praporshchika-artillerista [(N. Lugin). From the letters of a warrant officer-artilleryman]. Tomsk, Vodolei Publ., 2000. 191 p.
 24. Fursov A. Kto na samom dele pravit mirom? (Who really rules the world?). In: *Komsomol'skaya pravda*, 2014.
 25. Khin-Gol'dovskaya R.M. [From the diary 1913–1917]. In: *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*, no. 21. СПб.: Atheneum; Fenix, 1997, pp. 521–526.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксютин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: aksyutin37@mail.ru

Соловьев Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: solyan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yurii V. Aksyutin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the Contemporary History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: aksyutin37@mail.ru

Yan V. Soloviev – PhD in History, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: solyan@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аксютин Ю.В., Соловьев Я.В. А был ли заговор? К предыстории Великой российской революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 157–172.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-157-172

FOR CITATION

Aksyutin Yu., Soloviev Ya. Was there a plot? On the prehistory of the Great Russian revolution. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 4, pp. 157–172.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-157-172

УДК 947.084.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-173-181

БОРЬБА ОРГАНОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ

Соколов А.С.

*Филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических
связей, экономики и права в г. Калининграде
236039, г. Калининград, Ленинский пр., 42б Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринят анализ борьбы органов ВЧК со спекуляцией. Эта тема является малоизученной в отечественной историографии. Автором показано организационное и законодательное становление борьбы со спекуляцией. На основе широкой источниковой базы, представленной, в том числе, делами как местных ЧК, так и ВЧК, рассмотрены особенности этой деятельности органов государственной безопасности на всех уровнях территориально-административного деления Советской России. Показано влияние на борьбу со спекуляцией отказа от старых принципов в экономике и промышленно-географического фактора.

Ключевые слова: ВЧК; борьба со спекуляцией, МЧК, Омская ГубЧК, Сергиево-Посадская ЧК; дела «Российского Союза Торговли и Промышленности», «Комгосора» и «Лейбович»; Сухаревская площадь.

THE STRUGGLE OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION BODIES AGAINST PROFITEERING

A. Sokolov

*St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law,
Kalininrad Branch
42B, Leninskiy prosp., Kaliningrad, 236039, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the struggle of the All-Russian Cheka bodies with profiteering. This topic is insufficiently explored in the Russian historiography. The author shows the organizational and legislative development of the struggle against profiteering. On the basis of a broad source base presented, including cases, both by the local Cheka and the All-Russian Cheka, the specifics of these activities of the state security bodies at all levels of the territorial and administrative division of Soviet Russia are considered. The influence of the rejection from the old economical principles and of the industrial-geographical factor on the fight against profiteering is shown.

Key words: All-Russian Cheka; struggle with speculation, Moscow Cheka, Omsk GubChK, Serгиеv-Posad Cheka; the cases of the "Russian Union of Trade and Industry", "Comgosor" and "Leibovich"; Sukharevskaya Square.

В отечественной историографии Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее – ВЧК) имеет место традиция тематической избирательности, которая привела к наличию малоисследованных фрагментов в истории органов государственной безопасности Советской России, одним из которых является борьба со спекуляцией. Можно говорить лишь о нескольких небольших работах, предпринятых в современной историографии по изучению этой темы [3; 6].

Первое время борьба со спекуляцией носила стихийный характер и не имела законодательного регулирования. Хотя спекуляция как проблема перед советской властью обозначилась практически сразу после революции. Петроградский Военно-революционный комитет (далее – ВРК) 10 ноября 1917 г. выпустил постановление «О борьбе с хищениями и спекуляцией», объявившее «хищников, мародеров, спекулянтов» врагами народа [2, с. 54–55]. Однако этот документ не содержал определения состава преступления и возлагал борьбу со спекуляцией на ВРК, работавшего преимущественно в г. Петрограде.

С образованием ВЧК и организацией ее деятельности во всероссийском масштабе борьба со спекуляцией начинает приобретать организованный характер. В структуре Комиссии был образован отдел по борьбе со спекуляцией [4, с. 14].

Декрет Совета народных комиссаров (далее – СНК) «О борьбе со спекуляцией» от 22 июля 1918 г., устанавливал законодательное регулирование этого направления деятельности ВЧК. В документе был определен состав преступления: сбыт, скупка или хранение

с целью сбыта, в виде промысла, нормированных и монополизированных продуктов, а также подделка или незаконная выдача продовольственных карточек. Санкция по этим составам устанавливалась от 3 до 10 лет, с конфискацией всего или части имущества [2, с. 161–163].

В этот период на уровне уездных ЧК борьба со спекуляцией была одним из основных направлений их деятельности. В первые годы она нередко сводилась к конфискации предметов роскоши, излишков продуктов и запрещенных к свободному обращению предметов. Протоколы заседаний Сергиево-Посадской ЧК показывают, что такая работа, в том числе, носила классовый характер. Так, у казначея Сергиево-Посадской Лавры архимандрита Досифея конфисковали 1 пуд сахара, 2 пуда муки, 18 бутылок вина и 103 рубля серебром¹. К гр. Бычкову и Кубышкину, судя по всему, занимавшихся портным делом, чекисты ходили несколько раз. В протоколе № 1 от 17 октября 1918 г. было принято решение о конфискации у гр. Бычкова серебряных денег, 29 отрезков разной материи, 11 пачек иголок и т.п., а у гр. Кубышкина – трех бутылок керосина и соли². В следующем протоколе от 30 октября опять рассматривались дела Бычкова и Кубышкина, которым из конфискованного, вернули соответственно только мануфактуру в количестве не более тридцати аршин и шелковую материю³.

Необходимо отметить, что среди дел Сергиево-Посадской ЧК были и

¹ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 2173. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 2.

дела другой категории, связанные со злоупотреблениями государственными служащими. К ним можно отнести дело т. Шишкина, который продал восемь ящиков чая, не поставив их на учет¹.

На уровне губерний борьба со спекуляцией носила более масштабный и серьезный характер. По данным отчетных ведомостей отделов по борьбе со спекуляцией Уральской облЧК и Нижегородской губЧК, за май, июнь и июль 1918 г. было зарегистрировано 300 и 223 дел соответственно, подавляющее большинство из которых было прекращено и разрешено самими комиссиями. При этом было конфисковано на сумму 3070650 и 357204 руб., а также выписано штрафов на 121242 и 11398 руб. соответственно [1, с. 73, 189]. Как видно, конфискация продуктов первой необходимости и предметов роскоши была одним из важных направлений деятельности отделов по борьбе со спекуляцией местных ЧК. При этом такая практика только способствовала расколу в обществе.

Необходимо отметить еще одну особенность борьбы со спекуляцией в первый год советской власти. Дело в том, что нередко можно наблюдать в делах о спекуляции конфликт понятий. Для большевиков часто было преступлением то, что для делового мира царской России было обычной практикой. Так, гр. Потеляхову, уличенному в спекуляции, вменялась в ноябре 1918 г. продажа хлопка урожая 1916 г. (36 руб. за пуд) как хлопка урожая 1917 г. (118 руб. за пуд) [2, с. 230].

Самые крупные дела проходили через отдел по борьбе со спекуляцией ВЧК. В 1918 г. отдел расследовал гром-

кое дело № 197 «Российского Союза Торговли и Промышленности для внутреннего и внешнего товарообмена» (далее – «Союз Торговли»)². В начале апреля 1918 г. в Отдел стали поступать сведения о том, что в доме № 44 по ул. Мясницкой, где располагался «Союз Торговли», занимаются спекуляцией предметами первой необходимости. За домом было установлено наблюдение, которое показало, что ежедневно в его помещения приходят всевозможные агенты, комиссионеры и подозрительные лица³.

Для более детальной разведки деятельности «Союза Торговли» дело поручили сотруднику ЧК т. Александрову – Слуцкеру. Он вошел в сношение через некоего т. Гиршевского с «Союзом Торговли» в качестве крупного покупателя от имени Финляндской республики⁴.

В целях пресечения спекулятивной деятельности «Союза Торговли», в его помещениях был проведен обыск. В товарном отделе было обнаружено большое количество заявлений, по которым «Иван Петровичи» и «Петры Петровичи» предлагали разные товары. Эти заявления не регистрировались, а отчетная документация не велась с октября 1917 г. Результаты обыска указывали на то, что «Союзом Торговли» проводились сделки в следующих объемах: 11 вагонов сахарного рафинада, 600000 фунтов чаю, 2 вагона ядрицы⁵. Эту же информацию подтвердил и т. Александров – Слуцкер, которому предложили, как агенту

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 64–69.

³ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 64. Л. 5 об. – 6.

⁴ Там же. Д. 67. Л. 50–51.

⁵ Там же. Д. 64. Л. 6 об. – 7.

¹ ЦГАМО. Ф. 2173. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

Финляндской республики аналогичные товары. Предварительный платеж по сделке составлял 200000 рублей, которые были конфискованы у т. Александрова – Слуцкера, когда он пришел в помещение «Союза Торговли» во время обыска¹.

Расследование по горячим следам показало, что в махинациях «Союза Торговли» участвовали акционерное общество «Келлерт» и «Штабметалл». Хищениям способствовал ряд факторов. Во-первых, в стране после революции была определенная неразбериха. Дело в том, что в период конца 1917 г. и первой половины 1918 г. все военные организации, учрежденные царским правительством, распались. В это время на железных дорогах оказалось много разного рода товаров, которые как бы зависли в пути. Во-вторых, определенное влияние оказал чиновничий фактор. В отсутствие своих специалистов большевики привлекали в новые организации по снабжению инженеров старой формации. Совмещение должностей в организациях, которые отвечали за снабжение, и в фирмах, осуществляющих это снабжение, создавало почву для злоупотреблений².

Схема кражи продукции разного назначения и в громадных количествах была очень проста. Самым распространенным способом был перевод железа первого сорта в брак и неходовые сорта. По такой схеме списали все железо со склада в Люблино. Были случаи и подделки документов ответственными лицами. В частности, служащие Штаба Московского военного округа В.О. Молодоманцев, А.П. Седов

и Р.А. Волков подделали документы на право получения «Союзом Торговли» 500 пудов хлопкового масла³.

Дело «Союза Торговли» закончилось приговором Революционного Трибунала, по которому основные фигуранты получили сроки от 5 до 10 лет. гр. Шкарина, Зелигера и Яблонского приговорили к смертной казни⁴.

Вызывает определенный интерес и дело «Лейбович», у которого на ст. Зерна конфисковали шелковую ленту. На первый взгляд дело было не приметным, и гр. Лейбович отпустили. Он даже написал заявление в отдел внешней торговли Народного комиссариата торговли и промышленности с просьбой вернуть товар. Однако в ходе разбирательства выяснилось, что стоимость товара весом 33 фунта (около 14 кг.) по рыночным ценам составляла 100000 рублей. И главное, Михаил Мануилович пользовался подложными документами для проезда на Украину, по которым он являлся инструктором Красной армии. ВЧК подозревала его в осуществлении шпионажа и просила для него высшей меры наказания⁵. Однако Московский Революционный трибунал признал виновным М.М. Лейбович в спекуляции, приговорив его к заключению в тюрьме сроком на три года⁶.

Между тем, проблемы в экономике страны нарастали, а спекуляция только прогрессировала. Где-то в середине 1919 г. в недрах ВЧК созрел доклад о необходимости организованной борьбы со спекуляцией. К первой группе причин, способствующих переходу

¹ ГАРФ. Л. 70б. – 8.

² ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 64. Л. 80б. – 9.

³ ГАРФ. Л. 249.

⁴ Там же. Д. 67. Л. 137–140.

⁵ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 14. Л. 67–68.

⁶ Там же. Л. 272.

товаров из распоряжения Республики к спекулянтам, докладчиком были указаны: отсутствие системы заказа, и распределения необходимых товаров в условиях военного времени, а также отсутствие всякого контроля над движением товарных ценностей. Вторая категория причин сделала спекуляцию почти безнаказанной. Автор отмечал слабость карательной политики Народных судов, установленной законодательством. Для успешной борьбы предлагалась система специальных мер, включающих расширение полномочий ЧК по контролю экономики и усиление карательной политики за спекуляцию¹.

В результате ВЧК совместно с правительством начало работать над проектом декрета о борьбе со спекуляцией, который рассматривался на заседании СНК². В итоге В.И. Ленин 21 октября 1919 г. подписал декрет «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах». По декрету все дела по крупной спекуляции, а также все дела о должностных преступлениях лиц, уличенных в хищениях, подлогах и неправильной выдаче нарядов, в участии в спекуляции, изымались из общей подсудности. При ВЧК для рассмотрения этих дел создавался особый Революционный трибунал по делам спекуляции, а для изучения источников спекуляции и систематической борьбы с ней – особая междоуведомственная комиссия [2, с. 331–332].

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 1080. Л. 21–21об.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 64. Л. 4–6.

Среди дел по спекуляции на уровне губернских ЧК необходимо отметить небольшие дела. К ним можно отнести дело гр. Зильбермана и Кордодо, которое было заведено ОРТЧК станции Омск, по заявлению одного из жителей. Расследованием было установлено, что, будучи на службе в 3 электростанции г. Петрограда, С.П. Зильберман в середине декабря 1920 г. получил отпуск по болезни и выехал в г. Омск. Целью поездки был обмен вещей на продукты, а также покупка последних. В 10-х числах января 1921 г., утром, гр. Зильберман явившись на квартиру начальника почтового отделения станции Куломзино т. Кордодо, предложил ему нелегальную отправку посылок в Петроград, посулив за содействие мужской костюм. Начальник станции согласился, отправив от имени продотряда по указанному адресу в г. Петроград 29 посылок. В итоге Губревтрибунал приговорил гр. Кордодо и Зильбермана к принудительным работам с лишением свободы на 3 и 2 года соответственно³.

Схожий характер носило дело Г.М. Равича и А.С. Аграновского, обвиняемых МЧК в спекуляции мануфактурой. Они приехали в г. Москву за получением мануфактуры для Стародубского Отдела Народного образования. Получив мануфактуру со склада Наркомпрода и поддавшись на уговоры гр. Деча, ввиду своего плохого материального положения, они согласились украсть 11 кип, с целью продажи на вольном рынке. Учитывая чистосердечное признание и прежние заслуги перед революцией, Ревтрибунал

³ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 239. Оп. 1. Д. 2370. Л. 85.

приговорил к 5 годам принудительных работ с лишением свободы условно¹.

Еще одной особенностью борьбы со спекуляцией был экономико-географический фактор. В крупных промышленных центрах торговля, а вместе с ней спекуляция носила более масштабный и организованный характер. Причем как по сумме ущерба, так и по количеству лиц, вовлеченных в спекуляцию. В последнем случае наглядным примером является торговля на Сухаревской площади в г. Москве, которая являла собой сеть по распределению ворованного и спекулятивного товара [5, с. 201–203]. Согласно отчету об операциях МЧК, на этой площади за сентябрь 1919 г. было задержано 1121 человек, из которых 110 оказались дезертирами. В итоге по решению МЧК 481 человек были направлены в концентрационный лагерь, 338 – в другие учреждения, а 302 – освобождены².

Если говорить о суммах ущерба, то в г. Москве объем хищений и спекулятивных сделок измерялся вагонами. По докладу заведующего первым отделением МЧК, в период с 25 августа по 1 октября 1919 г. было проведено 78 дел, из которых некоторые были очень крупными³. Одним из таких дел было дело командного состава 53 бронепоезда. Командир бронепоезда т. Свилле, находясь на станции Конотоп при исполнении боевых задач, в момент отступления Красной Армии, по своей личной инициативе отправился на ст. Путивль. На этой станции был сахарный завод. Силами команды бронепоезда были погружены и вывезены 7 вагонов с сахаром. В г. Брянске в

бронепоезд во время стоянки пересел член комиссии по разгрузке узловых железнодорожных станции гр. Войцеховский. Он вместе с командиром и помощником бронепоезда решили весь сахар продать по спекулятивной цене 100 рублей за фунт⁴.

Картину полной бесхозяйственности и «откровенного саботажа» рисует дело отдела снабжения «Комгосора». Секретному сотруднику МЧК бывшим фабрикантом гр. Земляковым было предложено приобрести 400 пудов олифы и 856 пудов гвоздей. При аресте он сознался что делил разницу между твердой и спекулятивной ценой с лицами, стоявшими в отделе снабжения «Комгосора». Самое парадоксальное, что в это же время в «Комгосор» обращался особоуполномоченный Южного фронта по сооружениям военно-стратегического характера с срочным требованием об отпуске 1200 пудов гвоздей. И в этом специалистами отдела снабжения «Комгосора» ему было отказано с формулировкой «за отсутствием таковых»⁵.

Всего за первую половину 1920 г. спекулятивным отделом МЧК было конфисковано: кредитными билетами – 25 614321 руб. 67 коп., золотой монетой – 9 915 руб. 50 коп., серебряной монетой – 11104 руб. 85 коп. Фальшивых денег – 2 146 414 руб. 65 коп. [5, с. 246].

Нередко борьба со спекуляцией давала неожиданный результат. В апреле 1918 г. в бывшем ресторане «Вена» в г. Москве был задержан гр. Н.Н. Васильев сотрудником ВЧК т. Березиным по подозрению в спекуляции спиртными напитками. У спекулянта было изъято 100 бутылок рома и 100 бутылок ко-

¹ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 1377. Л. 89–89 об.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 1080. Л. 19.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 2–2об.

няка. Однако, как было установлено позже, в деле гр. Васильева отсутствовала квитанция отдела хранилищ ВЧК о сдаче спиртного. Выяснилось, что т. Березин не только не сдал спиртные напитки, но и пользовался неограниченным кредитом в ресторане «Вена». Нерадивый сотрудник ВЧК 15 июля был арестован и привлечен к следствию. В ходе долгого разбирательства выяснилось, что Павел Яковлевич Березин, являясь членом Российской социал-демократической партии, был сотрудником Петроградского охранного отделения¹. В результате П.Я. Березина 26 декабря 1918 г. приговорили к 10 годам принудительных работ с полным лишением свободы².

Отделом по борьбе со спекуляцией в 1920 г. раскрыта преступная деятельность группы международных биржевиков, спекулятивная деятельность которых носила и контрреволюционный характер. Путем спекуляций валютой и ценными бумагами эта группа играла на курсе советского рубля, ослабляя его. По этому делу было арестовано 68 человек, из которых 28 человек было предано суду московского Ревтрибунала [6, с. 52].

Таким образом, первое время борьба со спекуляцией носила стихийный характер и не имела законодательного регулирования. С образованием ВЧК и организацией ее деятельности во всероссийском масштабе борьба со спекуляцией начинает приобретать организованный характер. Декрет СНК «О борьбе со спекуляцией», установил законодательное регулирование этого направления деятельности органов ВЧК.

¹ ГАРФ. Ф. Р543. Оп. 1. Д. 11. Л. 417–420, 452.

² Там же. Л. 514–514об.

На уровне уездных ЧК борьба со спекуляцией была одним из основных направлений их деятельности. Между тем многочисленные дела по экономическим преступлениям были небольшими по своему характеру. Нередко они носили классовый характер, что объясняется наличием у представителей старой элиты и буржуазии предметов роскоши и излишков продуктов. В то же время говорить о том, что только делами подобного рода чекисты и занимались, не приходится. В сферу деятельности местных ЧК попадали и дела, связанные с экономическими преступлениями советских служащих.

Среди дел губернских ЧК дела по спекуляции занимали весомую часть, хотя и уступали делам по контрреволюции. Очень часто дела по спекуляции проходили в связке с преступлениями по должности. Поэтому, в отличие от уездных, в губернских ЧК в делах нередко фигурировали несколько обвиняемых. Можно выделить несколько групп дел по спекуляции. В частности, в компетенцию губернских ЧК попадали небольшие дела, объем ущерба в которых был, как правило, незначительным. Речь идет о спекуляции отдельных граждан, которые либо вступили в сговор с должностным лицом, либо сами использовали свое должностное положение. Интересно, что в таких делах, с одной стороны, обвиняемые нередко все списывали на их тяжелое материальное положение, а с другой, можно говорить о подрыве такими незаконными действиями существующей системы снабжения. В этой непростой ситуации органы ВЧК действовали очень решительно, пресекая любые попытки организованной спекуляции. Так как единичные случаи

спекуляции в своей общей массе имели определенное влияние на экономику страны. Об этом говорит масштаб спекуляции на Сухаревской площади в г. Москве.

Очевидно, что в крупных промышленных центрах торговля, а вместе с ней и спекуляция, носила более масштабный и организованный характер. Причем как по сумме ущерба, так и по количеству лиц, вовлеченных в спекуляцию. Дела такой категории впечатляют суммой ущерба и объемом хищений. В этом случае речь идет о преступных группах с участием как спекулянтов, так и должностных лиц советских учреждений.

Самыми значительными были дела на уровне страны, которые расследовала ВЧК. В этом случае можно говорить либо о самом крупном масштабе спекуляции, либо об определенной специфике спекулятивных дел. В первом случае

речь идет о делах, в которые были вовлечены десятки лиц и организаций. Результатом таких сделок являлся очень крупный ущерб, который наносил большой вред экономике. Во втором, ВЧК не исключала деятельность в интересах шпионажа, который осуществлялся под прикрытием торговли.

Понимая всю важность борьбы со спекуляцией, ВЧК сначала усиливает свою деятельность в рамках Декрета о спекуляции. В последующее время выводит эту борьбу на более высокий уровень, пытаясь действовать системно. Такая работа приносит свои результаты, но в условиях Гражданской войны и становления советской экономической модели хозяйства, не достигает конечной цели, что, в итоге и послужило одним из поводов перехода к НЭПу.

Статья поступила в редакцию 07.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЧК уполномочена сообщить ... М.: Кучково поле, 2004. 312 с.
2. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сборник документов. М.: Политиздат, 1958. 510 с.
3. Кубасов А.Л. Деятельность чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией северных губерний в Советской России в сфере экономики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2(70). С. 149–156.
4. Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991. Справочник. М.: МФД, 2003. 766 с.
5. МЧК. Из истории Московской Чрезвычайной Комиссии: сборник документов (1918–1921 гг.). М.: Московский рабочий, 1978. 320 с.
6. Яковлева М.А. Деятельность органов МЧК по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности // Бизнес в законе: экономико-юридический журнал. 2010. № 3. С. 50–54.

REFERENCES

1. VCHK upolnomochena soobshchit' ... [The Cheka is empowered to report ...]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2004. 312 p.
2. Iz istorii Vserossiiskoi Chrezvychainoi komissii 1917–1921 gg. Sbornik dokumentov [From the history of the all-Russian Extraordinary Commission 1917–1921: a Collection of documents]. Moscow, Politizdat Publ., 1958. 510 p.
3. Kubasov A.L. [The activities of the extraordinary commissions for combating counter-revo-

- lution in the economic sphere in Northern provinces of Soviet Russia]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2009, no. 2 (70), pp. 149–156.
4. Kokurin A.I., Petrov N.V. *Lubyanka: Organy VCHK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB, 1917–1991* [Lubyanka: the Bodies of the Cheka-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB, 1917–1991]. Moscow, MFD Publ., 2003. 766 p.
 5. МЧК. *Iz istorii Moskovskoi Chrezvychainoi Komissii: sbornik dokumentov (1918–1921 gg.)* [From the history of the Moscow Extraordinary Commission: a collection of documents (1918–1921)]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1978. 320 p.
 6. Yakovleva M.A. [The activities of the bodies of MCheka on the fight against profiteering and ex officio crimes]. In: *Biznes v zakone: ekonomiko-yuridicheskii zhurnal*, 2010, no. 3, pp. 50–54.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколов Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель филиала «Санкт-Петербургского Института внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Калининграде;
e-mail: sas555@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Sokolov – candidate of historical sciences, associate professor, lecturer of the branch of St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law in Kaliningrad;
e-mail: sas555@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколов А.С. Борьба органов Всероссийской чрезвычайной комиссии со спекуляцией // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 173–181.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-173-181

FOR CITATION

Sokolov A. The struggle of the All-Russian Extraordinary Commission bodies against profiteering. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 173–181.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-173-181

УДК 94(470) «1941/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-182-194

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ларионов А.Э., Дворковая М.В.

Московский государственный областной университет

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных коммуникаций и моделей публичного поведения населения Новгородской земли в период Великой Отечественной войны. Основным источником послужили архивные документы, помещённые в 3-м томе сборника «Новгородская земля в эпоху социальных потрясений 1941–1945 гг.». Изучение опубликованных источников с привлечением методологических подходов отечественной и зарубежной исторической науки позволило сформулировать и обосновать концепцию о советском обществе военного времени как обществе традиционном, но использующем технологии модерна для защиты собственного будущего. Новгородская земля может рассматриваться как пример типичной модели социальных коммуникаций СССР периода 1941–1945 гг. В итоговом выводе авторы настаивают на необходимости актуализации успешного исторического опыта для потребностей развития России в настоящем и в исторической перспективе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальные коммуникации, традиционное общество, общество, власть.

SOCIAL COMMUNICATION AND MASS ATTITUDES OF THE WARTIME (ON ARCHIVAL MATERIALS OF NOVGOROD REGION)

A. Larionov, M. Dvorcovaya

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the analysis of social communications and public behavior models of the population of the Novgorod land during the great Patriotic war. The main source was the archive documents placed in the 3rd volume of the collection "the land of Novgorod in the era of social upheaval, 1941-1945". The study of the published sources with the involvement of methodological approaches of domestic and foreign historical science enabled to formulate and justify the concept assuming the Soviet society of wartime to be a traditional one, but using technology of modern to protect their own future. Novgorod land can be considered to be an example of a typical model of social communications of the USSR in the period of 1941-1945. In the final conclusion the authors insist on the need to update the successful historical experience for the development needs of Russia in the present and in the historical perspective.

Key word: the Great Patriotic war, social communications, traditional society, society, power.

© СС BY Ларионов А.Э., Дворковая М.В., 2018.

Около 10 лет назад, в 2006–2009 гг., Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГА-НИНО) осуществил масштабный проект публикации документов за период 1918–1956 гг. под общим названием «Новгородская земля в эпоху социальных потрясений». Результатом стало появление уникального собрания ценнейших источников по новейшей истории одной из старинных великорусских областей. К сожалению, у издания оказался очень маленький тираж, чтобы удовлетворить всю заинтересованную публику. Авторы настоящей статьи выражают искреннюю благодарность директору Тверского центра документации новейшей истории (ТЦДНИ) Наталье Арнольдовне Руф, благодаря любезности которой у них появилась возможность ознакомиться с этим изданием и использовать его в научной и преподавательской деятельности.

Можно со всей ответственностью утверждать, что благодаря такому изданию изучение социальной истории и истории повседневности России в XX становится гораздо более продуктивным. Ни один регион не развивался изолированно. Типовые социальные практики и модели социальных коммуникаций имели распространение на всей территории СССР, тем более, будучи подкреплены властными импульсами и господством единой идеологии. Аутентичные документы эпохи: жалобы и обращения граждан, докладные записки, донесения – позволяют представить живую социальную ткань определённого исторического периода во всём многообразии, увидеть за конкретными случаями то единство ценностей, а равно забот, проблем, тревог

и способов их преодоления, которое делает людей единым народом.

Однако одной только описательной реконструкции на основе источников едва ли достаточно для того, чтобы понять эпоху и извлечь из событий прошлого уроки для настоящего. Необходимо при помощи исторических документов выстраивать теоретическую модель прошлого, адекватную всей исторической традиции Русской цивилизации. Как представляется, настоящее издание подходит для этого как нельзя лучше. В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка проанализировать социальные коммуникации советского общества в период Великой Отечественной войны на примере Новгородской области. Для этого привлекаются архивные материалы, помещённые в третьем томе издания «Новгородская земля в период социальных потрясений» [5], а также некоторые другие источники.

К началу Великой Отечественной войны Новгородской области как самостоятельного субъекта административно-территориального деления не существовало. Земли, которые позже войдут в её состав, на 22 июня 1941 г. находились в составе Ленинградской и Калининской областей. В ходе военных действий лета-осени 1941 г. большая часть будущей Новгородской области была оккупирована немецкими захватчиками. Окончательное освобождение Новгородской земли состоялось только зимой 1944 г. в ходе Ленинградско-Новгородской операции. Таким образом, значительная часть районов Новгородчины находилась в оккупации более двух лет. Сам Новгород был занят немецкими войсками 19 августа 1941 г., а освобождён от них 20 января 1944 г.

За годы войны Новгородской земле довелось побывать тыловым и прифронтовым городом, зоной боевых действий и оккупированной территорией с развитым партизанским и подпольным движением. Все эти трагические события неизбежно отразились на жизни людей, вызывая специфические реакции власти, меняя официальные и приватные отношения между отдельными людьми и целыми коллективами. Архивные источники позволяют проследить типовые социальные коммуникации военного времени на Новгородской земле и выделить их наиболее характерные особенности. После чего появится возможность для теоретических обобщений социально-исторического характера.

С первых дней войны началось интенсивное формирование нового дискурса публично-официальных социальных коммуникаций, прежде всего по вектору «власть-общество». Выступления В.М. Молотова 22 июня и И.В. Сталина 3 июля 1941 г. были не просто пропагандистским призывом или призывом к действию. В первую очередь это был разговор власти с людьми. Что особенно справедливо в отношении сталинской речи 3 июля. Помимо собственно содержания со знаменитым задушевым обращением «Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои» [6, с. 9], наше внимание привлекает частотность употребления ключевых лексем, позволяющих выявить направленность смысла. В выступлении единожды употреблены местоимения «Я» и «Вы» – в самом начале речи. Зато по ходу основного текста мы видим, что местоимение «Мы» в различных падежах использовано 53(!) раза. В связи с этим словоупотреблением 23 раза

задействованы коннотации должностования как эталона коллективного действия – «должны, нужно, необходимо, требуется» [6, с. 9–17]. Очевидным образом, власть не отделяла себя от народа, подчёркивая единство ценностей и интересов.

Каким был ответ общества на эти информационные послылы? Ведь в выступлениях высших государственных лидеров, кроме собственно информирования о происходящем и официально-обязательной модели его интерпретации, содержались призывы к вполне определённым действиям по предложенным лекалам. В 3-м томе «Новгородская земля в эпоху социальных потрясений» помещены 23 документа за период с 22 июня по 16 июля 1941 г. включительно, характеризующих настроения и отклики населения Новгородчины на события начавшейся войны и на выступления советских руководителей. Сводки партийных органов (ГК ВКП(б) Новгорода, Боровичей, Шимска) дают достаточно целостную картину общественных настроений [5, с. 14–52].

Основной организационной формой коллективной реакции на обращения власти являлись митинги на предприятиях и в учреждениях. Докладные записки и отчёты преимущественно построены именно вокруг такого рода массовых мероприятий. Бесспорно, что в большинстве случаев организационная инициатива принадлежала руководству учреждений и партийно-политическому активу. Что не означает отсутствия искренности и свободного волеизъявления со стороны участников митингов и собраний. В качестве типовых реакций и настроений следует выделить выступления трудящихся

на митингах, практические действия советских граждан, заявления о вступлении в РККА, в народное ополчение, санитарные дружины, вопросы к агитаторам и пропагандистам во время политбесед.

Согласно документам, господствующим типом коллективной реакции на сообщения о нападении Германии на СССР были гнев в отношении агрессора, готовность отдать все свои силы на благо Родины, выражение солидарности с Советской властью:

«1. 25 июня. Мы, работники горбольницы, полные гнева и негодования, крайне возмущены вероломным поведением германских фашистов... Заверяем партию и правительство, что все свои силы и знания отдадим на защиту нашей социалистической Родины... Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует тов. Сталин!»¹

2. 25 июня. Группа призывников-курсанты ГЭС на митинге в резолюции: «Мы готовы все как один встать на защиту своей Родины, дадим решительный отпор фашистским заправилам».²

3. 27 июня. В артели «Красный Октябрь» оборонный заказ будет выполнен также досрочно. Значительно поднялась здесь производительность труда. Работницы, обязавшиеся выполнять по две нормы, чтобы заменить

ушедших на фронт, свои обещания выполняют. Тов. Теглева выполняет норму на 260%, Богомолова – до 206%, Михайлова – до 205%»³.

Важным компонентом таких массовых мероприятий было принятие резолюций – как выражения коллективной воли социума в экстремальной ситуации. В советском обществе военного времени историческая субъектность личности реализовывалась преимущественно через коллективно-солидарные социальные практики – как символического, так и практического характера. Причём первые были первичны и играли роль мотиватора, а вторые как бы вытекали из них, являясь реализацией транслируемых нормативно-ценностных установок. То есть люди вначале фиксировали свою солидарность и факт единства ценностей перед лицом серьёзнейшего внешнего вызова (митинг, выступления, единые эмоции, обещания), после чего подтверждали сказанное делом (подача заявлений в ополчение, перевыполнение плана, в дальнейшем – подписка на военные займы и т.п.).

Между тем принцип историзма как основа познания прошлого учит нас видеть причинную взаимосвязь между явлениями разных времён. Любой социально-исторический феномен неизбежно имеет свои корни и предпосылки в прошлом; какова бы ни была степень его инновационности, в нём неизбежно присутствуют также и элементы традиционности, преемственности. Сама конфигурация и модель

¹ Из информационной сводки Боровичского горкома ВКП(б) о проведении политико-массовой работы, о выполнении производственных дневных планов основных предприятий и о политико-моральном состоянии населения г. Боровичи. 25.06.1941 г. // ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 756. Л. 1. Опубликовано: [5, с. 25].

² Политсводка Боровичского райкома ВКП(б) о проведении мобилизации и увеличении производительности труда рабочих и колхозников. 25.06.1941 г. ГАНИНО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 3. Опубликовано: [5, с. 23].

³ Из информационной сводки Боровичского горкома ВКП(б) о производственной активности и настроениях жителей Боровичского района. 27.06.1941 г. ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 756. Л. 3–8. Опубликовано: [5, с. 34].

взаимодействия советских форм ритуальной коллективности не могут не иметь предшествующих аналогов – несмотря на цезуры исторического времени, столь характерные для эпохи наступающего модерна. Впрочем, гетерогенность социальных процессов модерна была подмечена непредвзятыми исследователями достаточно давно, как минимум в 70-х гг. XX столетия: «Не линейный рост и тотальная победа новаций, а сосуществование старого и нового, их смешение, взаимодействие, мутация, усиление модернизации за счёт традиций и усиление традиций за счёт модернизации позволяют разглядеть напряжения внутри реального исторического процесса» [1, с. 68].

Правомерно предполагать, что феномен советского коллективизма был укоренён в русском традиционном обществе. Соединение в рамках обыденного поведения высших ценностных установок и прагматических социальных практик являлось нормой. «В малых сообществах, чутких к силовым проявлениям властных отношений и обладающих ограниченными ресурсами существования, периодическое воскрешение небесного идеала общества равных представляется важным условием общественного выживания» [4, с. 204]. На примере митингов первых военных дней можно увидеть именно эгалитарную тенденцию публичной социальной коммуникации: партактив и администрация предприятий в данном случае никак не проявляют свой начальственный статус, они являются, во-первых, такими же участниками общего мобилизующего действия; во-вторых, объективно оказываются уравнены перед лицом высших ценностей: Родины и советского

проекта, которые требуется защитить от враждебных посягательств. При этом средства достижения поставленной абсолютной и лежащей в неопределённо отдалённом будущем (то есть фактически в ином мире, в метафизической реальности) оказываются совершенно земными и практическими: взаимопомощь, жертвенность, упорный труд. «Локальная общность, живущая традиционными ценностями, которые транслируются по каналам непосредственного общения, стремится жить в двух измерениях. Укоренённость на земле только подчёркивает причастность небесному, приверженность мирскому обуславливается его освящённостью свыше, земной мир оправдывается лишь в качестве отражения мира небесного» [4, с. 205].

Важной разновидностью отклика общества на призывы власти стал поток заявлений о призыве на военную службу. В информационных сводках о морально-политическом состоянии населения Новгородской земли регулярно встречаются указания на массовость добровольчества, которое можно считать типовым социальным феноменом военного времени. «Масса заявлений поступает от граждан города (Боровичи), желающих вступить в народное ополчение. Многие домохозяйки, имеющие за плечами 5-6 десятков лет, просят зачислить их добровольцами... Патриотические настроения сильны среди интеллигенции, как, например, из присутствующих на митинге педучилища 34 чел. – 4 человека подали заявления о посылке добровольцами на фронт, 9 чел. просят зачислить в сандружину, 14 чел. записались в народное ополчение... Сильны патриотические чувства среди

молодёжи...более 100 человек комсомольцев уехали добровольцами на военную стройку...»¹.

Кроме обобщённых данных, в сборнике приводятся документы индивидуального характера – это сами заявления граждан. Люди указывают на основные факты своей биографии – снятие с воинского учёта, состояние здоровья, исключение из рядов ВКП(б) и тут же не просительно, а решительно, с осознанием своего права, настаивают на зачислении в ряды РККА. Учитывая, что приводимые заявления датированы именно 3–4 июля 1941 года, можно с достаточной уверенностью рассматривать их как ответ действием на выступление И.В. Сталина. Эти заявления, которых были тысячи по городам и весям Новгородчины, сотни тысяч и миллионы в масштабах СССР – это и была коммуникация власти и общества, причём – её обратная связь.

Индивидуальные, свободно-волевые действия встраивались в массовый тренд и полностью соответствовали высшим ценностным установкам. В сумме и временной длительности они порождали растянутый на всю войну кумулятивный эффект солидарного действия, который стал значимым фактором результативности такого макроисторического события, каким являлась Великая Отечественная война.

Особо подчеркнём: отмеченные социальные реакции не были плодом кратковременного патриотического подъёма (как то наблюдалось, напри-

мер, в момент начала Первой мировой войны, когда первоначальная эйфория быстро сменилась апатией и разочарованием), но стали устойчивым явлением социальной психологии на все четыре военных года. Следовательно, неправомерно полагать, будто такое состояние было исключительно результатом воздействия официальной пропаганды и угрозы санкций. Бесспорно, власть задавала вектор массовой духовности, но никакое экзогенное воздействие не будет сохранять постоянную эффективность, не будучи подкреплено соответствующими имманентными факторами, убеждениями и эмоциями, проистекающими из самых глубин человеческого сознания и личностных установок.

По мере развития военной ситуации к массовым мотивам патриотических настроений (гнев в отношении агрессора, общее желание защитить Родину) и соответствующих поступков добавлялись мотивы личные, проистекавшие из индивидуального переживания войны. Одним из важнейших в этом случае выступал мотив личной мести за пережитые страдания, за гибель родных в огненной круговерти войны. «...Все мои родители оставши у немца и уже наверно в живых нет, так что я хочу отомстить врагу за мою родную мать и сестёр и моя большая просьба меня послать на передовую линии. Родилас 1920 года. Прошу ниотказать моей просьбы. 2/VIII-42г.»²

Не менее действенным мотиватором оказывалось чувство коллективизма, которое в данном случае принимало обличье непосредственного

¹ Из информационной сводки Боровичского горкома ВКП(б) об откликах жителей г. Боровичи на выступление И.В. Сталина по радио. ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 748. Л. 4–9. Опубликовано: [5, с. 45].

² Заявление К.В. Царьковой о зачислении в ряды Красной Армии. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 103. Л. 52. Опубликовано: [5, с. 61]

и острого переживания общности и единства исторической судьбы, желания быть там же, где были родные, друзья, сверстники. В ряде документов второго военного года это чувство просматривается вполне отчётливо. Это касалось не только ухода на фронт, но и такой важной стороны тыловой жизни, как подписка на займы и лотереи, которая приобретала не просто массовый характер, но элементы соревновательности: «На митингах и во время подписки широко развернулось социалистическое соревнование среди цехов, отделов и одиночных вызовов на лучшую и быструю подписку»¹. Бесспорно, подписка на займы и лотереи осуществлялась при активной организаторской роли партийного актива и вышестоящих партийных органов. В каком-то смысле её можно рассматривать как «добровольно-принудительную». Однако нельзя сбрасывать со счетов и роль собственно солидарных механизмов – на собраниях трудовых коллективов, партийных организаций людям действительно могло быть стыдно не участвовать в общем деле. Общие нормативные установки и ценности, разделяемые большинством, совершенно однозначно ставили коллективное выше личного. Роль внешнего принуждения не следует завышать ещё и потому, что даже в то непростое время находились «отщепенцы», которые не боялись противопоставить себя призывам и лозунгам, о чём также говорится в цитированном выше документе. Такого рода действия ха-

рактеризуются как отрицательные, однако никаких санкций за них не последовало.

Проблема оппозиционных настроений в советском обществе военного времени вообще требует особого внимания. В изданном сборнике она нашла своё отражение в отчётных документах партийных органов. Кроме уже отмеченных фактов отказа от пожертвования своих средств на лотерею и займы, оппозиционные настроения проявлялись в специфических высказываниях-откликах на события. К таким относились антисоветские высказывания при получении первых известий о нападении Германии на СССР: «С., деревни Мшага публично заявил: “Ваших коммунистов теперь всех перевешаем, тогда нам жить будет лучше”».²

В других случаях проявлялись хулиганские наклонности и настроения: «В Хоромском сельсовете, после получения сообщения по радио о введении военного положения, некий Шишунов стал бить стёкла в магазине...»³. В таком поведении трудно усмотреть политику как таковую. Скорее, латентные хулиганские побуждения соединились с шоком от полученной информации. В сознании мог возникнуть образ вседозволенности, что и вылилось в столь экспрессивную реакцию.

Находились среди людей особо «предприимчивые», которые пыта-

¹ Из доклада партбюро комбината «Красный Керамик» Боровичскому горкому ВКП(б) «О реализации 2-ой денежно-вещевой лотереи на комбинате». ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 3. Д. 20. Л. 19–22. Опубликовано: [5, с.61]

² Из политического донесения Шимского райкома ВКП(б) Ленинградскому обкому ВКП(б) о настроениях жителей района. 23.06.1941 г. ГАНИНО. Ф. 177. Оп. 3. Д. 4. Л. 9. Опубликовано: [5, с.18]

³ Из политсводки Боровичского райкома ВКП(б) об откликах населения района на выступление по радио В.М. Молотова. 23.06.1941 г. ГАНИНО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 1. Опубликовано: [5, с. 19]

лись создать условия для собственного безбедного существования в военное время: «За злоупотребление в торговле арестована зав. ларьком Борторгсина гр.Тюкина, которая в прошлом лишилась избирательных прав. Узнав о войне, она при содействии гр. Аносовой З.С. пыталась вынести на свою квартиру из ларька сразу 350 коробок спичек»¹. Неизвестно, с какой конкретной целью работница Торгсина пыталась осуществить вынос: то ли, предвидя военный дефицит, хотела обеспечить свои нужды, то ли в расчёте на спекулятивную торговлю товаром первой необходимости. Как бы там ни было, её поведение получало не только отрицательную моральную оценку, но и вполне реальную санкцию со стороны власти.

В целом среди асоциальных действий можно различать действительно политические поступки и такие действия, которые носили скорее характер эгоизма, желания обеспечить собственное более обеспеченное и благополучное существование, но без ясно выраженной антисоветской позиции. В качестве основных социальных девиаций военного времени можно выделить: ясно выраженные антисоветские заявления и угрозы советским и партийным активистам; скептические высказывания в отношении коммунистов и комиссаров, их патриотизма и поведения; уклонение от призыва на оборонные работы и попытки уклониться от призыва в ополчение во-

преки ранее поданным собственным заявлениям; хулиганские выходки; спекулятивные действия, хищения; нарушения трудовой дисциплины (опоздания, прогулы, самовольные уходы с работы, конфликты с администрацией предприятий и т.п.).

Интерпретация таких социально-исторических фактов по необходимости должна учитывать несколько моментов: во-первых, неоднократные упоминания в сводках позволяют говорить об этих девиациях как о социальном феномене; во-вторых, этот феномен носил периферийный характер и никогда не превращался в доминанту социального поведения; в-третьих, ни в коем случае не следует видеть во всяком факте отклоняющегося поведения политический протест – собственно протестных выступлений было меньшинство; в-четвёртых, подобные поступки наверняка получали негативную эмоциональную оценку со стороны большинства; наконец, в-пятых, власть системно отслеживала такие девиации и гибко использовала разнообразный арсенал средств убеждения и принуждения для их купирования.

Наряду с коммуникацией власти и общества по поводу общенациональной беды реализовывался параллельно и во взаимосвязи канал взаимодействия по поводу житейских проблем, когда требовалось прямое властное действие для их разрешения. К числу таких проблем относился достаточно широкий круг вопросов: помощь в удовлетворении бытовых нужд, забота о детях-сиротах, которых в изобилии породили война и оккупация, возмущение людей по поводу совершавшихся на их глазах несправедливостей, потребность в материальной помощи,

¹ Из информационной сводки Боровичского горкома ВКП(б) о проведении политико-массовой работы, о выполнении производственных дневных планов основных предприятий и о политико-моральном состоянии населения г.Боровичи. 25.06.1941 г. ». ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 756. Л. 4. Опубликовано: [5, с. 27]

особенно острая в районах, освобожденных от оккупации.

Показательно, что активную роль в решении самых насущных вопросов играли партийные организации на местах, которые служили узлом взаимодействия, передачи актуальной информации между широкими массами трудящихся и вышестоящими органами власти. О чём также свидетельствуют архивные документы – в частности протоколы партийных собраний, где в выступлениях ставились острые вопросы по насущным потребностям и предлагались конкретные меры по их положительному разрешению:

«Тов. Анисимова – Я считаю, что обслуживание недостаточно...Света нет, бани бывают редко и никто не беспокоится. Прачечная стирать не берёт, а дома дров нет...

Тов. Савицкая – Бытовые условия рабочих плохие не потому, что плохо работает фабком, а наших рабочих убивают жилищные условия. Надо хлопотать об отдельных домах, чтоб рабочий не был зависим от хозяев и чувствовал себя свободно...

Тов. Генкин - ...Жилищные условия конечно плохие, придётся ставить вопрос в горисполкоме. Но также много не сделали в бытовом обслуживании и материальном обеспечении рабочих. Теперь наша задача помочь рабочим организовать посев огородов – от этого будет зависеть материальное положение...»¹.

На партсобраниях включался уравнилительный механизм – рядовые

рабочие-члены ВКП(б) могли непосредственно говорить с начальством и доносить до него свои нужды и потребности. Однако. Не следует полагать, что этот канал коммуникации использовался только для утилитарных целей. Документы свидетельствуют также о том, что в партийные органы люди могли обращаться, если считали попраным самый принцип справедливости – например, в распределении наград, даже если сами они этой несправедливостью затронуты не были. Примером такой бескорыстной борьбы за справедливость можно считать письмо проходчицы треста «Ленинградуголь» на имя А.А. Жданова. Кроме благодарности за награждение орденом Трудового Красного Знамени, Н.Н. Муравьёва высказывает недоумение, почему не был награждён руководитель товарищ Зайцев. Именно об исправлении этой несправедливости ходатайствует в письме проходчица и подписавшие это письмо восемь других рабочих².

Все рассмотренные свидетельства эпохи представляют собой именно социальные факты, носившие преимущественно публичный и официальный характер. Официальные документы, помещённые в сборнике, позволяют составить разностороннее представление об официальной стороне социальных коммуникаций по линии «власть-общество». Но вот частную, приватную сторону жизни и человеческих отношений официальные документы отразить почти не в состоянии.

¹ Из протокола собрания парторганизации фабрики имени КИМ о культурно-бытовом обслуживании рабочих и служащих фабрики. 20.04.1943г. ГАНИНО. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об-4. Опубликовано: [5, с. 167]

² Письмо проходчицы треста «Ленинградуголь» Н.Н. Муравьёвой секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о награждении за труд. 3.10.1944 г. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 55. Л. 48–49. Опубликовано: [5, с.195]

Между тем даже в самых экстремальных условиях войны, работы на износ и жизни впроголодь, оккупации люди были заняты отнюдь не только «адаптивными стратегиями выживания», как другая крайность, не разговаривали только языком пропагандистских лозунгов. Истина истории будет достижима, если стремиться отыскать её на стыке разнородных проявлений жизни социума и личности в рамках единого хронотопа [2, с. 234–407]. В нашем случае, это сочетание публично-официального и индивидуально-приватного дискурсов в повседневной жизни советского общества военного времени. Проблема, однако, заключается в чрезвычайно скудости аутентичных источников, которые бы в неискажённом виде передавали личные, интимные мысли, эмоции и подробности частной жизни в условиях военного времени, тем более в тылу и на временно оккупированных территориях. Здесь в самую пору вспомнить основоположника школы «Анналов» Марка Блока, который однажды обмолвился, что отдал бы все свои труды ради того, чтобы услышать, о чём просит обычный французский крестьянин в своей вечерней молитве.

Изучение источников личного происхождения позволяет, пусть и фрагментарно, услышать эти голоса «малых людей в большой истории». Пронзительный пример сугубо интимной коммуникации мы находим в воспоминаниях Ивана Васильевича Виноградова, участника партизанского движения на Псковщине и Новгородчине. В частности, ветеран повествует об одном эпизоде, когда группа партизан остановилась на ночлег в одной из деревень, в доме одной из колхозниц,

у которой была семилетняя дочь. Уже засыпая, партизаны услышали следующий диалог между дочерью и матерью:

«– Мамочка, а я забыла наши головки поровнять. Дай-ка я ладошкой примерю. Рядом ли они лежат?

– Зачем, доченька?

– А чтобы пуля нас двоих задела. А то начнут немцы стрелять, залетит сюда пуля, меня убьёт, а ты останешься. Как же ты будешь без меня?» [3, с. 81].

Буквально на этой же странице воспоминаний автор приводит факт вертикальной связи Партизанского края с Ленинградом – когда через линию фронта с оккупированных, но не покорившихся территорий был сформирован и отправлен в блокадный Ленинград обоз с продовольствием. Этот факт несёт в себе сразу два сообщения: пример жертвенности ради ближнего, когда люди, жившие под угрозой фашистской расправы, сами испытывавшие огромные трудности, изыскивали возможность помочь тем, кому приходится не менее тяжело; кроме того, здесь можно усмотреть завуалированное сообщение о практически переживаемой солидарности, чувстве единства судьбы жителей Новгородской и Псковской земли со всей страной, ощущение себя частичкой огромного организма, живущего по единым нравственным законам и ради общего будущего. Как видим, в экстремальных условиях войны, оккупации, лишений и опасностей социальные коммуникации не сводились к решению одних только утилитарных вопросов локального характера. В них находилось место любви, жертвенности и взаимопомощи. Более того, эти ценности и императивные нравственно-поведенческие установ-

ки получали в экстремальных условиях особую силу и выразительность.

Задаваясь вопросом о смысловом ядре социальных коммуникаций военного времени на Новгородской земле, можно определить его доминанту как осознанную жертвенную мобилизацию ради обеспечения будущего. Преодоление трудностей, перенесение лишений и страданий, любые адаптивные стратегии в социально-историческом измерении не были сиюминутным приспособлением, являли собой выраженный вектор коллективной воли, подкреплявшийся как системой убеждения и санкций «сверху», так и инициативы и самоорганизации «снизу».

Мы безусловно солидарны с позицией составителя сборника архивных документов С.В. Яровым в высказанной им мысли о том, что «война показала способность людей к “общему делу”». Не все смогли внести в него ощутимый вклад, но все оказались причастны к нему – потому, что знали, что защищают своих детей, свою землю, свои обычаи. Война показала желание людей противостоять злу» [5, с. 10]. Но эта абсолютно верная мысль может быть продолжена и углублена.

По нашему мнению, объяснение способности людей к “общему делу” кроется в той специфической модели общества, которая существовала в СССР предвоенного и военного времени. Как можно заключить из помещённых в сборнике документов, специфика социальных коммуникаций советского общества на примере Новгородской земли заключалась в их иерархической структуре на внеутилитарной основе. Вершину пирами-

ды занимали абсолютные ценности: идеи солидарного общества и любовь к Родине. На них, как на фундаменте, формировались нормы социального взаимодействия и эталоны поведения. Степенью соответствия нормам и ценностям обосновывалась система поощрений и санкций, оценки человеческих поступков. Фактически мы можем констатировать совпадение социальных коммуникаций и практик военного времени в СССР с теми лекалами традиционного общества, которые выделяют современные исследователи Российской цивилизации в её исторических реалиях. Доминанты высших нематериальных ценностей, солидарные социальные практики, подчинённость личности социуму, моральное и формально-нормативное осуждение индивидуализма и эгоистических тактик выживания (таких, как сотрудничество с оккупантами) – всё это позволяет нам определять советское общество военного времени как традиционное общество, использовавшее для защиты своего будущего и исторической субъектности управленческие и технические достижения эпохи Модерна.

Такой синтез Традиции и Модерна в социально-исторической конкретике Русской цивилизации прошёл проверку войной на прочность и доказал свою конечную эффективность, несмотря на отдельные издержки и недостатки. Следовательно, в исторической перспективе он может быть принят за основу для выстраивания стратегий развития России перед лицом вызовов и угроз эпохи глобализации.

Статья поступила в редакцию 10.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 267 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 233–406.
3. Виноградов И.В. Дорога через фронт. М.: Советская Россия, 1976. 336 с.
4. Домников С.Д. Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество. М.: Алтейя, 2002. 672 с.
5. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. Книга 3: 1941–1945. Великий Новгород-СПб: Нестор-История, 2008. 256 с.
6. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1948. 208 с.

REFERENCES

1. Assman A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the ties of time splitted? The rise and fall of the temporal mode of Modernity]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2017. 267 p.
2. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1975, pp. 233–406.
3. Vinogradov I.V. *Doroga cherez front* [The road through the front]. Moscow, *Sovetskaya Rossiya Publ.*, 1976. 336 p.
4. Domnikov S.D. *Mat'-Zemlya i TSar'-Gorod. Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo* [Mother Earth and Tsar-City. Russia as a traditional society]. Moscow, *Aleteiya Publ.*, 2002. 672 p.
5. *Novgorodskaya zemlya v epokhu sotsial'nykh potryasenii. Kniga 3: 1941–1945* [Novgorod land in the era of social upheaval. Book 3: 1941–1945]. Veliky Novgorod-SPb, *Nestor-Istoriya Publ.*, 2008. 256 p.
6. Stalin I.V. *O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soyuz*a [About the great Patriotic war of the Soviet Union]. Moscow, *OGIZ Publ.*, 1948. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: allar71@yandex.ru

Дворковая Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: marinadvorkovaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexei E. Larionov – Ph. D. in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Middle Ages and New Time, Moscow Region State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Marina V. Dvorcovaya – Ph. D. in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Middle Ages and New Time, Moscow Region State University;
e-mail: marinadvorkovaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А.Э., Дворковская М.В. Социальные коммуникации и массовые настроения военного времени (по архивным материалам Новгородской области) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 182–194.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-182-194

FOR CITATION

Larionov A., Dvorcovaya M. Social communication and mass attitudes of the wartime (on archival materials of Novgorod region). In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 182–194.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-182-194

УДК 316.485.26

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-195-198

СОВЕТСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА ПРОТИВ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ЛИТВЕ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Чемоданов А.Н.*Московское высшее общевойсковое командное училище**109380, г. Москва, ул. Головачёва, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. Исследуемая тема имеет важную историко-политическую направленность. Автор статьи выявил закономерность мер борьбы против литовских националистов и гитлеровских агентов и диверсантов в Советской Литве в заключительный этап войны. Эта борьба показала, что деятельность правоохранительных органов СССР в Литовской ССР носила законный и корректный характер по отношению к населению Литвы и обеспечивала государственную безопасность Литовской ССР и СССР в целом.

Ключевые слова: Литовская ССР, НКВД СССР, правоохранительные органы, немецкие спецслужбы, гитлеровские агенты и диверсанты, литовское националистическое подполье.

SOVIET COUNTERINTELLIGENCE AGAINST NATIONALIST UNDERGROUND IN LITHUANIA AT THE FINAL STAGE OF THE SECOND WORLD WAR

A. Chemodanov*Moscow High Military Command School**2, Golovacheva ul., Moscow, 109380, Russian Federation*

Abstract. The studied topic is of important historical and political value. The author exposed the regularity of the struggle measures against Lithuanian nationalists in Soviet Lithuania in the final stage of the war. The fight against the Lithuanian nationalist underground and Hitler's agents and saboteurs in Soviet Lithuania showed that the activities of the USSR law enforcement agencies in the Lithuanian SSR were legal and correct in relation to the population of Lithuania and ensured the state security of the Lithuanian SSR and the USSR as a whole.

Key words: Lithuanian SSR; NKVD, law-enforcement agencies, the German secret services, Nazi agents and saboteurs, the Lithuanian nationalist underground.

После освобождения территории Советской Литвы от гитлеровских захватчиков борьба со спецслужбами Третьего рейха и литовским националистическим подпольем приобретает исключительно важное значение для стабилизации социально-политической обстановки в республике. Деятельность правоохранительных органов СССР фокусировалась на ведении борьбы с гитлеровскими спецслужбами и литовским националистическим подпольем, выявлении и привлечении к ответственности за совершенные преступления лиц, сотрудничавших с гитлеровскими

оккупантами, а также оказании помощи партийным, советским и хозяйственным органам Литовской ССР в восстановлении разрушенной в годы войны экономики республики.

Воссозданные в 1943–1944 гг. в освобожденной Литовской ССР территориальные органы государственной безопасности осуществили гигантский объем работы по вскрытию законсервированной агентурной сети гитлеровских спецслужб и привлечению к суду лиц, виновных в преступлениях. Опрашивая свидетелей этих преступлений и изучая захваченные немецкие архивы, советская контрразведка вскрыла многих военных преступников: бывших карателей и полицейских, сотрудников гестапо и гитлеровской службы безопасности РСХА.

О целенаправленной борьбе с литовскими националистами свидетельствует содержание докладной записки от 26 января 1945 г. народных комиссаров внутренних дел и государственной безопасности И.М. Барташунаса и А.А. Гузаявичаса народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берия о ходе ликвидации националистического подполья на территории Литвы по состоянию на 20 января 1945 г., в которой доложено о том, что в период конца 1944 г. – начала 1945 г. органами НКВД и НКГБ всего арестовано более 22 тыс. чел., в том числе НКВД арестовано около 11 тыс. чел. В докладной записке дана подробная характеристика литовской националистической организации – “Литовской освободительной армии”, под кодовым наименованием “ЛЛА”, описаны тактика и методы действий этой террористической организации¹.

¹ Государственный архив Российской Феде-

Достаточно интересным является тот факт, что литовские националисты даже после окончания войны продолжали проводить активную антисоветскую политику уже на территории Восточной Германии, занятой советскими войсками, занимаясь шпионажем в пользу ряда европейских стран. Об этом свидетельствует доклад наркома НКВД СССР от 7 июля 1945 г. (сов. секретно) советскому руководству о деятельности “Верховного комитета освобождения Литвы”, в котором он информировал руководство страны о том, что еще в 1943 г. в Литве представители различных буржуазных партий создали данный комитет с целью восстановления в Литве “самостоятельного буржуазного государства”².

Находясь в Берлине, он осуществлял руководство литовским националистическим подпольем. При этом гитлеровская разведка перебросила в Литву 26 диверсантов для сбора разведывательных сведений и руководства бандформированиями литовских фашистов в Литве. В начале июня 1945 г. в Берлине был арестован представитель этого комитета В. Антанас, бывший секретарь литовского посольства в Германии, который показал, что данный комитет продолжает свою деятельность на территории Германии, занятой советскими войсками, перебазировавшись в г. Вюрцбург (Бавария).

Выселение главарей банд и участников антисоветского подполья из Литвы в удаленные районы СССР в 1945 г. и 1949 г. оказало двойное воздействие. С одной стороны, на продолжительность подрывной работы литовского националистического подполья в ре-

рации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 226–233.

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 266–268.

спублике, вызывая недовольство и сопротивление данным мерам. С другой стороны – на прекращение борьбы, т.к. в результате выселения главарей банд и участников антисоветского подполья из Литвы в удаленные районы СССР литовское националистическое подполье лишалось его “активных штыков”.

Следует подчеркнуть, что деятельность правоохранительных органов СССР в Литовской ССР носила законный и корректный характер по отношению к населению Литвы, а не репрессивный, как пытаются представить на Западе. Особенно в период 2014–2018 гг., в условиях кризиса в Восточной Украине, яростной русофобии и активного переписывания истории. О глубоком миролюбии и человечности свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР № 45 от 10 августа 1944 г. “О предоставлении амнистии польским гражданам, осужденным за совершение преступлений на территории СССР”, в соответствии с которым польским гражданам, осужденным за совершение преступлений на территории СССР – за исключением лиц, совершивших особо тяжкие преступления (шпионаж, бандитизм, убийство) – была предоставлена амнистия¹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР № 131 от 26 мая 1947 г. об отмене смертной казни подтверждает миролюбивую позицию СССР. В нем было отмечено, что применение смертной казни больше не вызывалось необходимостью в условиях мирного времени, вследствие чего Президиум Верховного Совета СССР постановил, что за преступления, наказуемые по действовавшим на то время законам смертной казнью, применять в мирное

время заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет².

Кто мог бы представить, что в полуразрушенной стране, в максимальной степени пострадавшей от гитлеровских оккупантов и их пособников, можно было уже через два года отметить смертную казнь для немецких нацистов и гитлеровских приспешников, совершивших массу преступлений против человечности. На взгляд авторов статьи, принятые Президиумом Верховного Совета СССР Указы стали жестом глубокого гуманизма со стороны Советской власти в условиях полной разрухи на территориях СССР, подвергшихся гитлеровской оккупации, в отношении военных преступников, сотрудничавших с гитлеровскими властями и воевавших в составе вермахта против СССР³.

* * *

Таким образом, следует отметить, что после освобождения территории Советской Литвы от гитлеровских оккупантов деятельность правоохранительных органов СССР сыграла большую роль в оказании помощи партийным, советским и хозяйственным органам Литовской ССР в восстановлении экономики республики, ведении борьбы с литовским националистическим подпольем в период 1944–1945 гг., а также выявлении и привлечении к ответственности за совершенные преступления лиц, сотрудничавших с гитлеровскими оккупантами.

Статья поступила в редакцию 28.05.18

² ГАРФ, Ф. Р-7523, Оп. 36, Д. 145, Л. 4–7.

³ Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России). Ф. 100. Оп. 11, Д. 5, Л. 143–146.

¹ ГАРФ, Ф. Р-7523, Оп. 4, Д. 230, Л. 101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чемоданов Александр Николаевич – преподаватель кафедры тактики Московского высшего общевойскового командного училища;
e-mail: anch-77@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekssandr N. Chemodanov – Lecturer of the Department of Tactics, Moscow Higher Military Command School;
e-mail: anch-77@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чемоданов А.Н. Советская контрразведка против националистического подполья в Литве на заключительном этапе Второй мировой войны // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 195–198.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-195-198

FOR CITATION

Chemodanov A. Soviet counterintelligence against nationalist underground in Lithuania at the final stage of the Second World War. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 195–198.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-195-198

УДК 94 (470) "1953–1964"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-199-212

ВЕНГЕРСКИЙ ПОРОГ ХРУЩЁВА В ГЛАЗАХ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Аксютин Ю.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является показ заметной активизации общественной жизни в СССР осенью 1956 г. Автором проанализирован корпус текстов, включающий в себя введенные им в научный оборот недавно рассекреченные информационные сводки об общественных настроениях, направляемые исключительно на имя тогдашнего руководителя Московской партийной организации. Проведенный анализ показал, что необыкновенное оживление политической активности масс сопровождалось не только осуждениями бюрократизма и вмешательства в дела соседних стран (в том числе и вооруженного в Венгрии), но и отдельными попытками оформить эти настроения путём создания кружков, неподконтрольных официальным агитационно-пропагандистским структурам. Делается вывод о том, что всё это весьма сильно напугало советские верхи и заставило их вспомнить о привычных для них силовых методах взаимоотношений с низами.

Ключевые слова: XX съезд КПСС, рост критической настроенности, военная интервенция в Венгрию и призывы её осудить, появление антипартийных кружков, возобновление репрессий.

KHRUSHCHEV'S HUNGARIAN THRESHOLD IN THE EYES OF THE SOVIET PUBLIC

Yu. Aksyutin

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to show a noticeable activation of public life in the USSR in the autumn of 1956. The author analyzed the body of texts including recently introduced declassified information bulletins on public sentiment, directed solely on the leader of the Moscow party organization of that time. The analysis showed that the extraordinary revival of the political activity of the masses was accompanied not only by condemnations of bureaucracy and the interference into the affairs of neighboring countries (including that military one into Hungary), but also by individual attempts to formalize these sentiments by creating circles that are not controlled by official agitation and propaganda structures. The conclusion is made that all this very much frightened the Soviet tops and made them remember about the coercive methods they used to deal with the lower classes.

Key words: XX Congress of the CPSU, growth of critical mood, military intervention into Hungary and calls for its condemnation, the emergence of anti-party circles, the resumption of repression.

XX съезд КПСС вызвал потепление в общественной атмосфере не только стран Восточной Европы, но и СССР. Проявилось это в самых различных сферах политической и социокультурной жизни, в том числе и в сугубо внутрипартийной. Несколько оживлённее, чем раньше, осенью 1956 г. проходила отчётно-выборная кампания в КПСС. Началась она, как обычно, с низовых организаций, существовавших на заводах и фабриках, в учреждениях и организациях, а также в воинских частях. Вот что говорилось о ней в информации, которую получала первый секретарь Московского городского комитета КПСС в ранге кандидата в члены Президиума ЦК КПСС Екатерина Фурцева:

«Подавляющее большинство проходит на высоком политическом уровне. Коммунисты вскрывают недостатки в партийной и хозяйственной работе, подвергают острой критике их виновников». Но не просто критикуют, а порою отказывают в своём доверии некоторым из них. Так, во Всесоюзном теплотехническом институте (Пролетарский район) на перевыборах партбюро был забаллотирован его директор Горшков¹. Исключили из списка кандидатов в члены партбюро и директора Института тонкой химической технологии Мышко: он получил много критических замечаний за то, что решал единолично (в

том числе по звонку сверху) вопросы приёма, не советовался с заведующими кафедрами и вообще мало общался с людьми (даже позволил себе не явиться на собрание)². Оказались забаллотированными секретари парткомов в институтах авиационном и инженеров транспорта³. Всего в таком положении оказались 143 секретаря и 57 хозяйственных руководителей⁴.

В Госэкономкомиссии СССР резко критиковался её председатель в ранге члена Президиума ЦК КПСС М.З. Сабуров: не бывает на партийных собраниях, нет его и сегодня, одним словом, «у нас культ личности ещё не изжит». А его заместитель Силуанов любит критиковать, но в свой адрес критики не терпит. Обрушившийся на них Ищенко предложил вернуться к 7-часовому рабочему дню, а также «распутать вопрос о заработной плате», учитывая при этом прожиточный минимум. Но таким, как он, кричали из зала:

– Хватит! Кончай!»⁵

На отчётно-выборной комсомольской конференции в МГУ им. Ломоносова 22–23 октября многие отмечали, что преподаватели кафедр социально-экономических дисциплин проводят семинарские занятия в отрыве от практики, не увязывают обсуждаемые вопросы с важнейшими событиями в жизни нашей страны и за рубежом. А

² Там же. Л. 16–17.

³ Там же. Л. 112.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ ЦГАМ. Ф. П-4 Оп. 99. Д. 17. Л. 27–28. Информация о ходе отчётно-выборных собраний в первичных организациях Москвы от 22.10.1956.

¹ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. П-4 Оп. 99. Д. 17. Л. 16. Информация о ходе отчётно-выборных собраний в первичных организациях Москвы от 12.10.1956.

делегат от факультета журналистики Дедков назвал отчётный доклад Спиридонова демагогией, политической спекуляцией:

«– Сначала призывают развивать демократию, а потом клеймят за неё. От демократии ничего не остаётся».

И что характерно: «подобные выступления находили значительную поддержку у значительной части делегатов, которые встречали их аплодисментами»¹.

В центре внимания читающей публики тогда находился только что опубликованный роман В.Д. Дудинцева «Ни хлебом единым». Интеллигенция, может быть, не умом, а сердцем, подкоркою чувствовавшая себя отнюдь не любимицей власти, валом повалила на обсуждение этого романа. Толпу, желавшую проникнуть на встречу с автором в Политехническом музее, остановить могла только конная милиция. Такой живой интерес был вызван не только и не столько содержанием романа, сколько теми откровениями, которыми делились читатели. Так, в секции прозы Московского отделения Союза писателей 22 октября 1956 г. К.Г. Паустовский говорил о кастах и классах в советском обществе, а запись его речи стали перепечатывать и распространять первые самиздатчики.

Отец советской водородной бомбы 45-летний А.Н. Сахаров спрашивал своего старшего коллегу И.Е. Тамма, нравится ли тому Хрущёв, прибавляя:

– Мне – в высшей степени, ведь он так отличается от Сталина!

И слышал такой ответ:

– Да, Хрущёв мне нравится. Конечно, он не Сталин. Но лучше, если бы он отличался от Сталина ещё больше [8, с. 147].

Однако перепрыгнуть через свой политический опыт Хрущёв, очевидно, не мог. А опыт этот свидетельствовал: опасно давать послабления обществу, нельзя проявлять мягкотелый либерализм. Взять хотя бы философский факультет Московского университета. Там на открытом партийном собрании нашлись коммунисты, например, Евгений Плимак и Юрий Карякин, которые обвинили заведующего одной из кафедр в догматизме, а факультетское партбюро – в зажиме критики. Мало того, некоторые из них стали замахиваться на святая святых! На заседании парткома МГУ 24 октября с тревогой отмечалось, что кое-кто из молодых преподавателей-философов позволяет себе говорить: «Маркс и Энгельс банальны! Ленин устарел! Дайте почитать Бухарина!» А ассистентка (на самом деле – старшая преподавательница) Галина Арефьева посмела сказать, что «ЦК – не икона». Сетую на то, что «известную поддержку студентов» находит «идеологический нажим, который делают извне вражеские элементы», представитель Ленинского райкома КПСС воскликнул:

– Смотрите, как болезненно воспринимают они те события, которые происходят в Польше, – они раскупают все югославские газеты! [10, с. 102]

Да, именно тогда некоторые студенты московских вузов, особенно те, у кого не было радиоприёмников, открыли для себя такой интересный источник информации как белградские газеты «Борба» и «Политика»,

¹ ЦГАМ. Ф. П-4 Оп. 99. Д. 17. Л. 32–34. Информация об отчётно-выборной комсомольской конференции в МГУ им. Ломоносова от 26.10.1956. Помета, что 29.10 документ отправлен Е.А. Фурцевой.

с некоторых пор ставшие свободно продаваться в киосках «Союзпечати». Сербский язык при большом желании понять не так уж и сложно, а югославский диктатор Тито позволял себе и своей пропаганде нелицеприятно отнестись к СССР и его сателлитам.

28 октября ленинградец Ромуальд Пименов пишет и отправляет нескольким депутатам Верховного Совета СССР письмо – «правду о Венгрии». В нём он пытался вразумить своих адресатов, что до сих пор все без исключения, в том числе и советская печать, называли такое правительство, которое держится на штыках иностранных войск, «марионеточным», а сами эти войска – «интервентами» [3, с. 36]. Более осторожной, но понятной в контексте тех дней, является запись, сделанная 1 ноября 1956 года А.Т. Твардовским: «Мы как бы вышли из некоего возраста, и нам как-то неловко, не подходит и не по душе то, что с нами обращаются, как с малыми детьми, не говорят правды, скрывают “запретное” и навязывают мысли и представления, которые не по возрасту. Действительно, как всё виднее стало вокруг, всем виднее, кроме “вперёдсмотрящих”, пожалуй» [11, с. 190].

Кризис в Польше и открытое восстание в Венгрии вызвали противоречивые отклики в стране и заставили советское руководство сплотиться для принятия решительных мер, дабы предотвратить развал Варшавского военно-политического блока. Пришлось применять силу в Венгрии, а общественности внушать, что иначе было нельзя.

Однако реакция части населения на эту акцию оказалась довольно острой.

31 октября 1956 г. на предприятиях и в учреждениях Москвы читалась опубликованная в газетах декларация

Советского правительства «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами».

Читавший вслух эту декларацию на чугунолитейном заводе им. Войкова инженер Королёв высказал надежду, что после ознакомления с нею «трудящиеся Венгрии и Польши не будут идти на поводу у англо-американских шпионов»¹.

– Надо не дать возможности Америке вырвать из лагеря социализма Венгрию и Польшу, – заявил рабочий завода «Москабель» Рудаков.

– Сейчас нельзя выводить войска из Венгрии и Польши, – говорил шлифовщик завода «Компрессор» Вишинкин. – Вывести войска – значит проявить своё бессилие против Америки, она немедленно приберёт к рукам эти страны.²

Задавались и вопросы:

«– Почему Би-би-си подробно информирует весь мир о событиях в Венгрии и Польше, а наша печать держит советский народ в неведении?»

– Почему рабочие Венгрии присоединились к заговору реакционеров?

– Что за ошибки нашего правительства, о которых говорится в декларации?

– Среди народа ходит слух, что Англия и Франция предъявили ультиматум СССР по событиям в Венгрии и Польши. В чём его суть, и почему о нём ничего не известно нашему народу?»³

¹ ЦГАМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 36–37. Информация об откликах трудящихся Москвы на правительственную декларацию «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы между Советским Союзом и другими социалистическими странами» от 31.10.1956.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 39–40.

Технологи завода «Энергоприбор» в Ленинском районе Фишман и Ясинский утверждали, что события в Польше – дело рук югославов и что рабочие советы создаются под их влиянием.

«– Хотелось бы знать, что явилось истинной причиной путча, – говорили токарь Власов и шлифовщик Райченко на заводе № 45.

«Абсолютное большинство одобряет декларацию, но указывает, не будет ли это истолковано как попытка вмешательства в дела стран народной демократии»¹.

В информации от того же дня на имя Фурцевой отмечалось:

«В МПС СССР инженер Косарев сказал:

– Не для того наш народ проливал кровь во второй мировой войне, чтобы силы реакции ликвидировали революционные завоевания народов»².

Инженер Управления Московско-Рязанской железной дороги беспартийная Рудская говорила:

«– Крепко сказано. Наши отступили, но в то же время дали понять, что мы всегда поможем нашим друзьям.»³

К большей бдительности при подготовке проведения праздника 39-й годовщины Великого Октября призвал научный сотрудник Химико-фармацевтического института Плешкевич»⁴.

А вот в Детском театре артист Тимофеев, одобряя в целом декларацию,

отметил, что она запоздала, и говорил о необходимости провести партийные собрания, где можно было бы высказаться по всем вопросам, в том числе о пересмотре системы выборов в советы:

«– Выдвигается один кандидат в депутаты, и часто мы его не знаем, а голосуем формально»⁵.

О «неправильных высказываниях» рабочих на предприятиях Кировского района была составлена специальная информация. Судя по ней, в 1-й образцовой типографии им. Жданова комсомолец Сергеев в ответ на вопрос, зачем в Венгрию посылать продукты, когда самим голодно, сказал:

«– Посмотрите журнал «Советский Союз», там всё есть: и квартиры, и колбаса, и сосиски».

А слесарь Кузнецов добавил:

«– Им посылаем стройматериалы, а у меня в 8 метрах проживают 4 семьи, да ещё 3 семьи через нашу комнату проходят. А сосиски может быть и есть, но в ресторане, но стоят столько, сколько я получаю за две недели.

– Если ничего не изменится, то в Москве произойдёт тоже, что и в Будапеште, – предупредил один слесарь, фамилию которого выяснить не удалось».

При этом секретарь парткома Маранов и заведующий кабинетом политпросвещения Вильфанд отмечали, что «ряд коммунистов не всегда дают отпор отсталым и неправильным высказываниям и настроениям, а иногда и сами подпадают под их влияние»⁶.

⁵ Там же. Л. 44. Эти его слова подчеркнуты синим карандашом. Помета: «С-т т. Фурцевой Е.А. 1/х1 1956 г.» и штамп о рассекречивании 8.12.1999.

⁶ ЦГАМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 58. Информация о неправильных высказываниях отдельных

¹ Там же. Л. 41.

² Там же. Л. 42. Помета: «С[екретаря]т т. Фурцевой Е.А. 1/х1 1956 г.» и штамп о рассекречивании 8.12.1999.

³ Там же. Л. 43. Помета: «С-т т. Фурцевой Е.А. 1/х1 1956 г.» и штамп о рассекречивании 8.12.1999.

⁴ Там же. Л. 44. Помета: «С-т т. Фурцевой Е.А. 1/х1 1956 г.» и штамп о рассекречивании 8.12.1999.

Заведующему отелом Железнодорожного РК КПСС Борисову в Московском городском педагогическом институте им. Потёмкина, где он был на отчётно-выборном собрании, сообщили, что среди отдельных студентов ходят такие разговоры: молодёжь всегда была носителем передовых взглядов. Значит и события в Венгрии являются революционными, раз их возглавила молодёжь¹.

Информация, отправляемая наверно партийными и чекистскими органами, включала в себя отнюдь не всё, что тогда их беспокоило, но волновало простых людей в те дни.

В Московском государственном историко-архивном институте, который входил в ведомство МВД СССР, в силу этого обстоятельства годовщину Октября студентам позволили отметить в министерском клубе на Лубянке, где первоначально размещалась ВЧК. Так вот, там во время застолья поднимались бокалы и произносились такие тосты:

– Да здравствует польская революция! Да здравствует венгерская революция! Да здравствует будущая четвёртая русская революция!

И их встречали криками:

– Ура!

Не могу сказать, что эти «ура» были всеобщими. В зале было шумно, и далеко не все присутствовавшие слышали друг друга. Но ни в партком, ни в КГБ информация об этом не поступила.

рабочих на предприятиях Кировского района от 16.11.1956. Помета: «тов. Фурцева ознакомилась» и штамп о рассекречивании 16.11.1999.

¹ ЦГАМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 49. Информация на имя Е.А. Фурцевой от 1.11.1956 об откликах трудящихся Москвы на заявление Советского правительства «О вооружённой агрессии против Египта».

Если подобные вольности позволяли себе люди в официальной атмосфере собраний и митингов, то что же можно было ожидать от них, когда они оставались с глазу на глаз в своём собственном кругу?

Согласно опросу, проведённому в 1997–2003 гг. студентами-историками Московского областного педагогического (ныне государственного областного) университета, из общего числа 1475 опрошенных ими положительно отнеслись к вводу советских войск в Венгрию 534 человека (36%), а отрицательно – 213 (14,4%). Остальная половина приблизительно равно распределилась на тех, кто или недоумевал, сомневался в необходимости такого шага, опасался его последствий, или не знал, не обратил внимания на это событие, или затруднился с ответом, в том числе потому, что не помнил тогдашней своей реакции, или вообще ничего подобного не помнил, либо, наконец, отказался отвечать на вопрос или давал такой ответ, который трудно поддаётся толкованию.

Мотивация тех, кто одобрил советскую акцию, не отличается особым разнообразием. Так, помощью народу Венгрии в борьбе с контрреволюцией считала этот шаг учительница истории в Троицкой средней школе Подольского района Е.С. Петрова². Военнослужащий В.Ф. Кузнецов из подмосковной Истры полагал, что надо воспрепятствовать хортистам, переброшенным в Венгрию американцами³. В это время заканчивал службу в армии призванный из Химок В.П. Сёмин, и его часть сутками находилась в боевой готовности.

² Анкета № 11/01 (Е.С. Петровой) // Личный архив автора.

³ Анкета № 125/02 (В.Ф. Кузнецова) // Там же.

сти, чтобы воспрепятствовать американцам, подстрекавшим венгров против СССР¹. «В Венгрии была заваруха, и мы помогли братскому народу», – объяснял С.Ю. Леванов, работник литейно-механического завода Мосстроя². Считал, что мы оказываем помощь, конюх И.Н. Захаров из колхоза «Ленинец» Московской области (кстати, безграмотный, хотя и родился в 1919 г.)³. Жалел и потом, что не подавили контрреволюцию, командир катера на Черноморском флоте Ю.А. Перов⁴. Колхозный бригадир Н.С. Кучко из деревни Шамовка Брянской области был уверен: раз «мы эти земли освобождали, значит имели право влиять на ихние дела»⁵. Старшина-сверхсрочник дивизии им.Дзержинского Г.С. Гришин полагал, что Советское правительство имело на это право: «Ведь мы их избавили от фашизма»⁶. Абсолютно правильным в то время шагом считал Г.А. Ерошенко, путейщик из железнодорожного посёлка Ивановский в Саратовской области: «Что это вы предаёте Советский Союз? Мы за вас и вашу свободу столько людей положили»⁷. «Мы их освобождали, а они пошли против нас», – обижался Д.Ф. Сироткин из колхоза «Фряново» Щёлковского района⁸.

«За социализм надо бороться», – была уверена Т.В. Куренкова, бухгалтер в колхозе «Пролетарий» Саратовской области⁹. «Мы никогда не делали

ничего неправильного», – с гордостью говорил Н.П. Аверкин, свинарь из Спасска в Рязанской области¹⁰. Слушая радио, плакал от радости Ф.Ф. Филиппов из деревни Филиппово Шатурского района: «Добили нехристей!»¹¹.

«Значит так было нужно», – считала свинарка подмосковного совхоза «Белая дача» А.М. Блохина.¹² «Надо, так надо, – думала колхозница П.И. Гопак из деревни Квасово в Закарпатье. – Что поделаешь?»¹³.

«Мы не думали, правильно ли это или неправильно, – признавалась наладчица Горьковского автомобильного завода Л.А. Кокурина. – а просто поддерживали советскую власть»¹⁴.

В то время служил на Западной Украине военнослужащий М.С. Бороковский: «Был очевидцем. Это было правильное решение»¹⁵. Кантемировская дивизия, в которой офицером служил П.В. Грач, была готова выступить в Венгрию, а он – вместе с нею¹⁶. Одобрил, «как и весь СССР», военнослужащий И.А. Курков¹⁷.

Хотя звеньевой колхоза «Клёново-Чегодаево» в Подольском районе А.С. Ефимовой не понятно было, почему это произошло в благополучной Венгрии, она оценила ввод туда советских войск как правильный шаг¹⁸. Не возмущалась секретарь комитета ВЛКСМ на Московской фабрике «Госзнак» А.С. Кузина¹⁹.

¹ Анкета № 115/02 (В.П. Сёмина) // Там же.

² Анкета № 13/01 (С.Ю. Леванова) // Там же.

³ Анкета № 136/02 (И.Н. Захарова) // Там же.

⁴ Анкета № 15/01 (Н.Н. Языковой) // Там же.

⁵ Анкета № 39/01 (Н.С. Кучко) // Там же.

⁶ Анкета № 103/02 (Г.С. Гришина) // Там же.

⁷ Анкета № 41/2003 // Там же.

⁸ Анкета № 167/02 (Д.Ф. Сироткина) // Там же.

⁹ Анкета № 145/02 (Т.В. Куренковой) // Там же.

¹⁰ Анкета № 22/01 (Н.П. Аверкина) // Там же.

¹¹ Анкета № 44/01 (Ф.Ф. Филиппова) // Там же.

¹² Анкета № 31/01 (А.М. Блохиной) // Там же.

¹³ Анкета № 105/02 (П.И. Гопак) // Там же.

¹⁴ Анкета № 123/02 (Л.А. Кокуриной) // Там же.

¹⁵ Анкета № 80/2003 // Там же.

¹⁶ Анкета № 70/01 (П.В. Грача) // Там же.

¹⁷ Анкета № 22/01 (И.А. Куркова) // Там же.

¹⁸ Анкета № 151/02 (А.С. Ефимовой) // Там же.

¹⁹ Анкета А.С. Кузиной от 15.07.2002 // Там же.

Вначале одобрила советские действия М.М. Дежикова, учительница Московской средней школы на Чистых прудах, но когда вернулись первые раненные, то возникло сомнение¹. «Мы одобряли, так как думали, что помогаем, а потом, когда узнали правду, возмущались», – вспоминала В.Ф. Артамонова, работавшая тогда на текстильной фабрике им. Ленина в Павловом Посаде². Поверила, а теперь считает, что зря, швея в трикотажном ателье (город Горький) О.Е. Тарасова: «На что нам это Венгрия?»³.

И таких ответов – масса. Из них трудно выделить какую-нибудь преобладающую группу по социальному статусу или образовательному цензу. Кого тут только нет: и рабочих с колхозниками, и служащих, в том числе военных, и инженеров с учителями.

То же самое можно сказать и о группе осудивших советское военное вмешательство во внутренние дела Венгрии. Хотя в ней всё же несколько заметнее присутствие людей умственного труда.

«Если венгры восстают против советской власти, значит не всё там просто», – с тревогой рассуждал В.И. Бочкарев, врач 1-ой Московской городской больницы⁴. Врач Коломенской городской больницы Е.П. Ларионов, зная из газет только официальную версию, тем не менее думал, что там всё по-другому, а потому был против ввода туда советских войск⁵. Научному сотруднику физического факультета МГУ им. Ломоносова И.Г. Попову

¹ Анкета № 17/01 (М.М. Дежиковой) // Там же.

² Анкета № 33/01 (В.Ф. Артамоновой) // Там же.

³ Анкета № 8/01 (О.Е. Тарасовой) // Там же.

⁴ Анкета № 27/2003 // Там же.

⁵ Анкета № 72/01 (Е.П. Ларионова) // Там же.

также «практически ничего не было известно», но «страх перед возможной войной» заставлял его отрицательно отнестись к военному вмешательству в Венгрию⁶. «Не надо было», – считала заведующая кафедрой дошкольного воспитания Высшей комсомольской школы К.Е. Горбунова⁷. «Не надо было» этого делать и по мнению студентки Московского торфяного техникума М.В. Филатовой: «Помню реакцию венгров, находившихся тогда в СССР. Отнеслась к их негодованию с сочувствием, но не принимала близко к сердцу. Примерно, как мы сейчас относимся к известию о землетрясении в Индии. Это не касалось меня лично»⁸. Всегда была против вмешательства в чужие дела, заявила Н.Н. Языкова, учительница Московской средней школы № 355⁹. Отрицательно отнеслась к подавлению и лаборантка ОИЯИ в Дубне Л.И. Стрельцова¹⁰. «Против этой глупости» был техник Дедовской текстильной фабрики Г.Ю. Лебедев¹¹.

«Венгры должны сами у себя разобратся» – считал В.С. Фролов, электрогазосварщик Курск-водоканала¹². «Нужно было договариваться», по мнению И.Е. Комягиной, доярки совхоза «Барвиха» (деревня Жуковка Московской области)¹³. «Незачем туда было лезть», – полагала школьная повариха в подмосковной Сходне

⁶ Анкета № 174/02 (И.Г. Попова) // Там же.

⁷ Анкета К.Е. Горбуновой от 13.06.1998 и 13.05.2001 // Там же.

⁸ Анкета М.В. Филатовой от 13.06.1998 и 20.02.2001 // Там же.

⁹ Анкета № 1/01 (А.И. Коньшиной) // Там же.

¹⁰ Анкета № 181/02 (Л.И. Стрельцовой) // Там же.

¹¹ Анкета № 198/02 (Г.Ю. Лебедева) // Там же.

¹² Анкета № 146/02 (В.С. Фролова) // Там же.

¹³ Анкета № 90/2003 // Там же.

Н.В. Ерпылёва¹. «Зря полезли», – полагала и социальная работница из Луховиц Ю.Н. Комарова². Отнеслась как к вторжению на чужую территорию портниха из Люберец Е.А. Комарова³. «Нечего делать в других странах», – полагал и электросварщик Люберецкого коврового комбината Е.И. Комаров⁴. Против применения танков выступала работница Павлово-Посадского шёлкоткацкого комбината им. Свердлова А.С. Кострова: «Надо использовать авторитет»⁵. Хотя и «не привык обсуждать решения высшего руководства» фрезеровщик М.П. Комаров из подмосковного Калининграда, но ему «просто надоело использование силовых методов»⁶. Негативно отнёсся электрик химического завода в Щёлково В.П. Михайлов: «Пусть бы там сами венгры разбирались»⁷. Не понравилось это солдату срочной службы О.В. Сергееву, призванному из Ярославля⁸. «Зачем новая война?» – вопрошал другой солдат, П.П. Акунин, призванный из Перми⁹. Была против санитарка Г.Н. Свищева из посёлка Красная Гора близ станции Черусти Московско-Казанской железной дороги¹⁰.

Гораздо меньше (социологи утверждают, что на порядок) было таких, кто своё несогласие выражал вслух, а тем более предпринимал какие-то конкретные протестные действия. Естественно, чуть ли не все они учи-

тывались чекистами, которые информировали о них партийные инстанции. Вот, например, высказывание простого трудяги, попавшее в тогдашние партийные информационные сводки: в поезде № 15 Москва-Сталино багажный раздатчик Басин признавался своему напарнику:

«– Коммунисты закабалили все страны народной демократии, и правильно делают, вырезая их там. Придёт время, и у нас в СССР тоже уничтожат всех коммунистов»¹¹.

По ленинградским вузам распространялось размножаемое от руки стихотворение студентки Горного института Л. Гладкой: «Там честная кровь заливает асфальт, там русское “стой!”, как немецкое “хальт!”» [1].

В Кирове школьник Чистяков, осматривая выставку цветных фотографий казнённых толпою в Будапеште коммунистов, обратил внимание на то, что чуть ли не все повешенные в жёлтых ботинках, и поделился вслух своими впечатлениями:

«– Да ведь это же казнённая обувь чекистов: и наших, и, наверно, венгерских! Вот кого там ловят и предают смерти!» [2].

Признавая в своей справке, что отдельные «факты политически нездоровых и враждебных высказываний» имели место, заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураев посчитал необходимым отметить, что некоторые «юноши и девушки, главным образом из числа учащихся и студенческой молодежи, оказались

¹ Анкета № 2/02 (Н.В. Ерпылёвой) // Там же.

² Анкета № 4/02 (Ю.Н. Комаровой) // Там же.

³ Анкета № 28/01 (Е.А. Комаровой) // Там же.

⁴ Анкета № 3-/01 (Е.И. Комарова) // Там же.

⁵ Анкета № 34/01 (А.С. Костровой) // Там же.

⁶ Анкета № 47/01 (М.П. Комарова) // Там же.

⁷ Анкета № 4/01 (В.П. Михайлова) // Там же.

⁸ Анкета № 50/01 (О.В. Сергеева) // Там же.

⁹ Анкета № 50/01 (О.В. Сергеева) // Там же.

¹⁰ Анкета Г.Н. Свищевой от 9.08.2005 // Там же.

¹¹ ЦГАМ. Ф. П-4 Оп. 99. Д. 17. Л. 58. Информация о неправильных высказываниях отдельных рабочих на предприятиях Кировского района от 16.11.1956. Помета: «тов. Фурцева ознакомилась» и штамп о рассекречивании 16.11.1999.

в плену враждебной пропаганды, допускают антисоветские действия». Так, 7 ноября в Ярославле ученик 10-го класса средней школы № 55 Виталий Лазарянец, проходя в рядах праздничной демонстрации перед трибуной, на которой стояло местное начальство, развернул огромный плакат: «Требуем вывода советских войск из Венгрии!». Его, естественно, сразу же арестовали. Хотя у чекистов и были подозрения, что тут не обошлось без участия других лиц, Лазарянец упорно утверждал, что «лозунг написал сам без чьих-либо побуждений со стороны для того, чтобы проверить, есть ли у нас демократия или нет»².

А.Т. Твардовскому, заканчивавшему 7 ноября чтение мемуаров Черчилля, эта книга «в свете нынешних событий» напомнила «некоторые исторические моменты (например, тяжба о Польше), в свете которых кое-что видней» [11, с. 192].

Академик-физик Лев Давыдович Ландау, беседуя о венгерских событиях, вышел из себя, когда его оппонент стал ссылаться на разъяснения руководителей партии и правительства:

«– Ну как можно верить этому? Кому, палачам верить? Палачи же, гнусные палачи!»

А отвечая на реплику, что вот-де, если бы Ленин поднялся из гроба, «у него волосы бы встали дыбом», пренебрежительно заметил:

«– У Ленина тоже рыльце в пуху. Вспомните Кронштадтское восстание. Грязная история» [2; 9].

Не все нормально было с политической температурой и у гегемона, то есть рабочего класса. В цехе № 8 Омского завода № 174 им. Ворошилова (танковом) мастер отдела технического контроля Ситников, чуть ранее

злорадно замечавший в кругу рабочих, что «в Венгрии наелись социализма» и потому «поворачивают к капитализму», теперь, выражая недовольство плохим снабжением спецодеждой и заготовками, говорил:

«– Если сделать забастовку, то всё нам будет, в том числе и порядок, и рукавицы, и валенки, и детали, и воровать не будет».

Схожие соображения высказывал и рабочий Сталинградского завода «Баррикады» № 221 (пушечного) Кныш, «имеющий родственников в США»:

«– Я считаю, что венгры делают правильно, что бастуют. Они не хотят нашего строя, им не нравятся колхозы и социализм. По-видимому, они хотят жить на большую ногу. И правильно делают, чтобы у них народ был свободен. Не то, что у нас: все запуганы... Если кто скажет, то его сразу уберут»¹.

Случались в ту осень и разговоры о необходимости объединения несогласных. В Московском историко-архивном институте, например, группа из трех-четырех человек решила, было, приступить к созданию социал-демократической партии. Но дальше разговоров (чаще всего за бутылкой водки) о необходимости разработать программу и устав дело не пошло. Как вспоминал позже историк Григорий Померанец, также испытывший тогда «жгучий стыд перед венграми», естественное, казалось бы, «чувство протеста было подавлено сознанием беспомощности, и все вылилось в звоне рюмок». Пепел стучал в сердце, но сде-

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 32. Д. 39. Л. 131. Справка заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураева об откликах трудящихся на события в Венгрии от 10.11.56.

лать ничего нельзя было. Только пить. И потому: «Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли, – все равно. Ангел Мэри, пей коктейли, дуй вино!» [4, с. 143–144]

Как ни странным это может показаться, но вспыхнувший как раз в это время вооружённый конфликт на Суэцком канале позволил советскому руководству отвлечь внимание не только международной общественности, но и советских граждан от того, что им предпринималось в Восточной Европе. По информации, предоставленной 5 ноября 1956 г. Е.А.Фурцевой, в этот день, в 17 часов 15 минут к зданиям посольств Англии, Франции и Израиля начали собираться трудящиеся, демонстрируя свой протест против военной интервенции этих государств в Египте. Там побывали тысячи человек – подходили и уходили, многие задерживались на длительное время. Они несли с собой транспаранты на бумаге, картоне, фанере, на красном материале с надписями «Руки прочь от Египта!» и т.п. Хором скандировали:

– Долой войну! Вон из Египта!

Тысячи людей приходили к египетскому посольству, стихийно возникали митинги. Дважды выступил посол. Ему и его сотрудникам передавались многочисленные письма от рабочих коллективов.

Демонстрации продолжились утром 6-го¹.

Разумеется, это были не стихийные демонстрации. Их организовывали: из райкома звонили в партком, массам говорили:

¹ ЦГАМ. Ф. П-4 Оп. 99. Д. 17. Л. 53-54. Информация о демонстрациях протеста трудящихся Москвы против военных действий Англии, Франции и Израиля в Египте от 6.11.1956. Помета: «тов. Фурцева ознакомилась» и штамп о рассекречивании 9.11.1999.

– Кто с нами на улицу?

И массы выходили, причём довольно охотно. В том числе и те, кто накануне осуждал советскую агрессию в Венгрии. В толпе было весело, никто тобою не помыкал.

И тем не менее дискуссии по поводу действий советских войск в Венгрии не прекращались. Правда, теперь они замыкались стенами частных жилищ, лишь изредка их отзвуки можно было услышать в комсомольских и партийных аудиториях. Речи о Венгрии уже не было. Но никуда не делось вечное недовольство низов верхами.

Отдел партийных органов ЦК в своём отчете о ходе районных и городских партийных конференций отмечал одну не очень-то приятную тенденцию. До сих пор неписаным правилом считалось отсутствие какой-либо конкуренции при выборах в партийный комитет. Это достигалось за счёт того, что число выдвинутых кандидатов не должно было превышать установленного числа членов данного комитета. Теперь же на ряде конференций в списке для тайного голосования включалось больше кандидатур, чем количество членов избираемого комитета. И ничего не было удивительного в том, что «в этих случаях неизбранными подчас оказываются руководители партийных, советских и хозяйственных органов». Так, в Ядринском районе Чувашской АССР на 65 мест было выдвинуто 69 кандидатов, и среди 4 неизбранных оказались председатель райпотребсоюза, то есть глава местной торговли, и первый секретарь райкома Иванов. Он набрал всего лишь 81 голос из 286. Если бы у него не было соперников в борьбе за голоса, он считался бы избранным и при таком и

даже ещё меньшем количестве голов, а тут вот такой казус. В Угличском районе Ярославской области выдвинули 77 кандидатов на 75 мест. И забаллотированными оказались директор часового завода и первый секретарь райкома Соснин. В Багатовском районе Куйбышевской области точно также не избрали второго секретаря райкома и председателя райисполкома¹.

19 декабря 1956 г. на заводе № 30 в Ленинградском районе Москвы с докладом о международном положении выступил заместитель министра иностранных дел Валериан Зорин. Ему задали много вопросов, в том числе:

«– Не слишком ли гуманно наше правительство, помогая множеству государств всеми видами средств, тогда как у нашего народа материальная сторона не совсем отвечает нашим лозунгам?

– Нам в прошлой пятилетке обещали, что жизнь станет, как до войны. Но идёт уже следующая пятилетка, а жить стало ещё труднее. Как же так?

Подана была и такая записка: «Мы приветствуем уход в отставку Хрущёва и Булганина и приход к власти Маленкова, Молотова и Жукова»².

На профсоюзной конференции в НИИ-571 мастер Ходаков (коммунист) сетовал на то, что начальники цехов попирают производственную демократию, а партийная, комсомольская

и профсоюзная организации пляшут под дудку руководства.

«– Говорим везде: свобода слова, печати, собраний. А где она? Не было её и нет. Для чего нам обманывать самих себя? Так мы коммунизм не построим»³.

На партийном Олимпе такого рода явления были восприняты как дурной знак. И решено было дать задний ход во внутренней политике, выполов и выкорчевав появившиеся было первые ростки либерализма. Но прежде чем показать кнут, решили позаботиться о прянике. 20 ноября в Президиуме ЦК КПСС рассматривался вопрос о пятилетке и плане на 1957 г. Хрущёв высказался за то, чтобы пересмотреть их, увеличив ассигнования на жилищное строительство и материальное обеспечение трудящихся. А так как эти планы и без того уже были напряжёнными, решено было поручить Совмину обсудить, что можно сделать для одновременного уменьшения этого напряжения и изыскания возможности выделить больше средств на жилищное строительство и непосредственное удовлетворение потребностей народа [5, с. 209]. 29 ноября председателю Госплана Н.К. Байбакову и председателю Госэкономкомиссии М.З. Сабурову поручили подготовить соответствующие доклады на предстоящем пленуме ЦК КПСС [5, с. 211]. Но тогда же обсуждался и вопрос «о пресечении вылазок антисоветских и враждебных элементов». Заняться детальнее этим вопросом поручили комиссии во главе с секретарём ЦК Л.И. Брежневым [5, с. 212].

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 32. Д. 39. Л. 140. Докладная записка Отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР от 13.12.56 о ходе районных и городских партийных конференций 8–9.12.56.

² ЦАГМ. Ф. П-4 Оп. 99. Д. 17. Л. 113–114. Информация о вопросах, заданных на заводе № 30 от 21.12.1956. Помета, что 1 из 3 экземпляров направлен Фурцевой.

³ ЦАГМ. Ф. П-4 Оп. 99. Д. 17. Л. 115–116. Информация о профсоюзном собрании в НИИ-571 от 21.12.1956. Помета, что 1 из 6 экземпляров направлен Фурцевой.

19 декабря 1956 г. на места было разослано закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Как явствует из самого заглавия этого документа, «усиливать» были обязаны партийные организации. Ну, а кому надлежало пресекать? Понятное дело – КГБ.

И репрессивная машина, никогда и не прекращавшая своих действий, стала набирать новые обороты. Тимирязевский райком КПСС подтвердил решение парткома НИИ-571 об исключении из партии Ходакова. После 7 месяцев одиночки дали 3 года исправительно-трудовых работ Лазарянцу, его отца сняли с должности директора завода, а мать – с должности директора школы. Подождали, пока не исполнит-

ся 18 лет, и потом взяли и судили, приплюсовав в вину еще его вольные песенки, кировчанина Чистякова [2]. На 2 года лагерей за стихи собственного сочинения осудили выпускника исторического факультета Ленинградского университета Александра Гидони [7, с. 251]. На срок от 3 до 10 лет были осуждены все 9 участников ленинградской группы Голикова-Пустынцева [6].

Подобное “пресечение”, конечно, сыграло определенную роль. Публика, вроде бы, поутихла. Однако те немногие глотки свободы, что удалось вдохнуть в 1956 г., продолжали отравлять советское общество надеждами на более свободную и сытую жизнь. И излечить от них полностью уже было невозможно.

Статья поступила в редакцию 02.08.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Городницкий А. Атланты: Моя кругосветная жизнь // Независимая газета. 1993. 22 окт.
2. Комраков А. Их обманула оттепель // Труд. 1993. 3 ноября.
3. Пименов Р. Одиночки спасали бессмертную душу // Новое время. 1991. № 2. С. 36.
4. Померанц Г. Корзина цветов нобелевскому лауреату // Октябрь. 1990. № 11.
5. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи. М.: Росспэн, 2002. 1276 с.
6. Пустынцев Б. Пять лет за “нашу и вашу свободу”. Интервью // Общая газета. 1996. 31 окт.
7. Рождественский С.Р. Материалы к истории самостоятельных общественных политических объединений в СССР после 1945 года // Память. Ист. сб. Вып. 5. Париж, 1982. С. 251.
8. Сахаров А. Воспоминания // Знамя. 1990. № 11.
9. Справка КГБ СССР на Л.Д. Ландау от 19.12.57 // Комсомольская правда. 1992. 8 авг.
10. Таранов Е. «Раскачаем Ленинские горы!» Из истории «вольнодумства» в Московском университете (1955-1956 гг.) // Свободная мысль. 1993. № 10.
11. Твардовский А. Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7.

REFERENCES

1. Gorodnitskii A. Atlanty: Moyakrugosvetnayazhizn' [Atlants: Mylifearound]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 1993, 22 Oct.
2. Komrakov A. Ikh obmanula ottepel' [They were deceived thaw]. In: *Trud*, 1993, 3 Nov.

3. Pimenov R. [Single, saved immortal soul]. In: *Novoe vremya*, 1991, no. 2, pp. 36.
4. Pomerants G. [Basket of flowers Nobel laureate]. In: *Oktyabr'*, 1990, no. 11.
5. Prezidium TsK KPSS, 1954–1964... T. 1. Chernovye protokol'nye zapisi [The Presidium of the Central Committee of the Communist party 1954–1964... vol. 1. Draft records]. Moscow, Rosspen Publ., 2002. 1276 p.
6. Pustyntsev B. Pyat' let za "nashu i vashu svobodu. Interv'yu [Five years for "our and your freedom. Interview]. In: *Obshchaya gazeta*, 1996, 31 Oct.
7. Rozhdestvenskii S.R. [Materials for the history of Amateur public political associations in the Soviet Union after 1945]. In: *Pamyat'*. Ist. sb. , no. 5. Paris, 1982, pp. 251.
8. Sakharov A. [Memories]. In: *Znamya*, 1990, no. 11.
9. Spravka KGB SSSR na L.D. Landau ot 19.12.57 [Help the KGB to Landau from 19.12.57]. In: *Komsomol'skaya pravda*, 1992, 8 Aug.
10. Taranov E. ["Rock Leninskie Gory!"] From the history of "dissent" in Moscow University (1955–1956)]. In: *Svobodnaya mysl'*, 1993, no. 10.
11. Tvardovskii A. [From workbooks]. In: *Znamya*, 1989, no. 7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аксютин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета
e-mail: aksyutin37@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurii V. Aksyutin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the Contemporary History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: aksyutin37@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аксютин Ю.В. Венгерский порог Хрущёва в глазах советской общественности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 199–212.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-199-212

FOR CITATION

Aksyutin Yu. Khrushchev's Hungarian threshold in the eyes of the Soviet public. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 199–212.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-199-212

УДК 94(470)1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-213-218

ОПЫТ ФРАНЦИИ В РЕШЕНИИ ЖИЛИЩНОГО КРИЗИСА В СССР

Горлов В.Н.*Московский институт государственного управления и права
115487, г. Москва, ул. Садовники, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается роль архитектуры в жилищном строительстве в СССР. Автор анализирует опыт Франции в решении жилищного кризиса в СССР. Автор рассматривает практику проектирования и строительства во Франции, которая повлияла на выбор методов массового жилищного строительства в СССР. Автор рассматривает перестройку жилищной политики в СССР, когда типизация проектов, индустриализация домостроения, экономичность и стандартизация строительства решали задачи острейшего жилищного кризиса в СССР.

Ключевые слова: Французские малоэтажки, индустриализация строительства, хрущевские пятиэтажки.

THE FRENCH EXPERIENCE IN SOLVING THE HOUSING CRISIS IN THE USSR

V. Gorlov*Moscow State University of Management
2, Sadovniki ul., Moscow, 115487, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the role of architecture in housing construction in the USSR. The author analyzes the experience of France in solving the housing crisis in the USSR. The author examines the practice of designing and construction in France which influenced the choice of methods of mass housing construction in the USSR. The author examines the restructuring of the housing policy in the USSR, when the typification of projects, industrialization of house construction, efficiency and standardization of construction, solved the problem of acute housing crisis in the USSR.

Key words: French low-rises, industrialization of construction, five-storey buildings by Khrushchev.

Вскоре после избрания первым секретарем ЦК КПСС в сентябре 1953 г. Н.С. Хрущёв впервые озвучил идею массового жилищного строительства, чтобы как можно скорее советские семьи получили отдельную квартиру и выселились из тесных коммуналок и бараков. Чтобы выполнить эту грандиозную задачу, жилье должно было быть как можно более дешёвым. Темпы строительства решить жилищный кризис не могли. Советская страна испытывала колоссальную нужду в жилье.

Строители и архитекторы выезжали во Францию и другие европейские страны для ознакомления с практикой жилищного строительства. Благодаря поездкам они единодушно сделали вывод, что для решения жилищного кризиса необходимо строить именно малометражные дома для посемейного заселения, которые были экономичные и позволяли быстро улучшить жилищные условия граждан. В январе 1957 г. состоялся пленум МГК КПСС, на котором член Президиума ЦК КПСС Фурцева Е.А. напомнила, что перед тем как перейти к решению строить малометражные квартиры, ЦК КПСС и Совет Министров СССР всесторонне изучали данный вопрос, указав: ««Надо по-разумному подойти к этому, а не оказываться в оппозиции к тем хорошим мероприятиям, которые позволят нам увеличить получение новой площади»¹. Чтобы широко ознакомиться с зарубежным опытом жилищного строительства, в 1955 г. в Европу (в такие страны, как Франция, Англия, Италия) выезжали специалисты в области строительства. Делегацию возглавлял Н.П. Дудоров, который был заведующим отделом строительства ЦК КПСС. За 2 месяца делегация посетила 32 города [1, с. 300].

Поездки за границу Н.С. Хрущёва способствовали тому, что он многое увидел своими глазами. Он объездил много стран, посещал стройки, изучая типовые бетонные блоки, низкие потолки, совмещенные узлы. Надо отметить, что идея курса на строительство массового жилья родилась в его голове после посещения Франции. Хрущёва интересовало жилищное строитель-

ство в развитых странах, и ему приглянулся опыт Франции в строительстве малоэтажных муниципальных домов из железобетонных панелей заводского изготовления. Такие дома до сих пор можно увидеть во многих французских городах и даже в пригородах Парижа. Хрущёв во время официального визита во Франции впервые увидел французские жилые панельные пятиэтажки. Шло соревнование между капитализмом и социализмом, и ему показали французские муниципальные дома как дешёвое социальное жильё. В те годы во Франции довольно широко применялось крупнопанельное домостроение. Заводы строительной фирмы «Камю» изготавливали для всех типов квартир крупноразмерные железобетонные панели. Как раз именно в этом очень нуждалась наша страна. Его поездка во Францию дала отсчет эпохе массового жилищного строительства. Н.С. Хрущёв решительно взялся за решение этой задачи.

Советские специалисты в области строительства отправились во Францию для ознакомления с методами работы французской фирмы «Камю». Советская делегация в апреле 1959 г. отправилась во французский город Гавр. Этому способствовал Раймон Камю, который был владельцем фирмы, которая производила панельные муниципальные дома. Раймон Камю имел уже контакты с Советским Союзом, и главной целью его было в качестве рекламы продемонстрировать панельные дома, которые производила его фирма. Делегации показали панельный дом, высота этажей составляла 2,5 метра, а толщина наружной панели была всего 22 см. Такой дом без электроработ и отделки монтировался

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф.4. Оп.104. Д.8. Л.37.

всего за девять дней. На нашу делегацию такие показатели и качество изделий произвели очень сильное впечатление. Как раз в эти годы в СССР очень активно внедрялись индустриальные методы жилищного строительства.

В Гавре советская делегация ознакомилась с известной градостроительной работой очень популярного в те годы французского архитектора Пере, который после Второй мировой войны отстроил город заново. Пере определил основные параметры французского города, внёс в строительство идею стандартизации, которая отразилась на облике города. Советскую делегацию поразило широкое использование в жилищном строительстве Франции цветного пластика. Увлечением им началось и в Советском Союзе, хотя, конечно, не с таким размахом. Надо заметить, что лидер государства с большим энтузиазмом поддерживал замену естественных материалов на искусственные.

Наиболее экономически выгодными посчитали пятиэтажные безлифтовые дома с высотой потолка 2,5 метра и другими минимальными удобствами. Французские малоэтажные муниципальные дома посчитали наиболее удачным образцом тех домов, строительство которых необходимо было перевести на поток. Возводить дома надо было только массовых серий. Хрущёв был увлекающимся человеком, и им овладела дешевизна и простота французских малоэтажек, которые должны были принести всеохватывающий эффект. Поэтому идею железобетонного панельного строительства он импортировал в Советский Союз из Франции. Очень скоро наша страна закупила у Франции для производства панелей первую технологическую ли-

нию. Раймон Камю стал для нас самой настоящей находкой, так как имел не только коммерческий интерес к нашей стране, но и старался сделать всё как можно лучше для нас, учитывая потребности советских граждан получить отдельное жильё.

На рубеже 50–60-х гг. между Францией и СССР, в отличие от многих западных стран, установились довольно тесные научно-культурные связи. На самом высоком правительственном уровне осуществлялся взаимовыгодный обмен технологиями, научно-техническими разработками и специалистами. Поэтому нет ничего удивительного, что опыт Франции приняли за основу при переходе к массовому жилищному строительству в середине 50-х гг. С той поры взаимоотношения между советскими и французскими строителями становились всё более и более деловыми и творческими. Наша страна приобрела вначале проекты французской фирмы. Позднее был заключен договор с французской фирмой о строительстве в Баку и в Москве технологически оборудованных заводов для сооружения различных типов пятиэтажных домов.

Первые связи с Раймоном Камю наладил Председатель Госстроя СССР В.А. Кучеренко. Фирма «Камю» поставляла в СССР домостроительные заводы. Домостроительные комбинаты объединяли стройки, заводы, проектные институты, науку. Идея создания такого уникального конвейера оказалась для того времени удивительно удачной. Главными изготовителями панельного домостроения, из которых строились пятиэтажки, были домостроительные комбинаты, созданные в Москве.

Отлаженная технологическая схема французской фирмы, к большому сожалению, очень часто нарушалась желанием советских специалистов внедрять пока ещё свои несовершенные методы технологического процесса. Всё это заслуживало изучения и использования в те годы, когда у нас стало развиваться массовое жилищное строительство. Однако, что очень печально, французский опыт решения жилищного кризиса в СССР был заимствован в основном в использовании нормативов в индустриальном строительстве жилья, без необходимого учета условий нашей страны, производства и наличия материалов.

Когда в 1966 г. в Ташкенте произошло землетрясение, по инициативе Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина были проведены переговоры с Раймоном Камю. Советское правительство решило закупить завод панельного домостроения, чтобы как можно быстрее восстановить Ташкент. Переговоры прошли очень успешно. Довольно скоро по решению Совета Министров СССР от французской фирмы «Камю» в Ташкент был поставлен завод панельного домостроения. Он очень эффективно функционировал в Ташкенте, производя пятиэтажные и девятиэтажные дома. Причем надо заметить, что эти дома были запроектированы с учетом сейсмических условий.

В 1966 г. в Париже «Общество по исследованиям в области архитектуры» впервые присвоило Гран-при московским проектным мастерским по градостроительству за успешное сотрудничество французских и московских архитекторов. Гран-при вручал министр строительства Франции го-

сподин Пизани. Следует отметить, что в те годы деятельность архитектурных мастерских была неотделима от политической власти. Вручение этого приза означало обновление архитектурной деятельности в СССР и что деятельность советских градостроителей была довольно перспективна. В то время это была перемена в отношениях Запада к работе советских организаций.

Для начала 50-х гг. «...перед нами стояла задача создания советской классики» [2, с. 5]. Но уже в конце 50-х гг. за образец принимаются новейшие веяния архитектуры Западной Европы. В тот период в западноевропейской архитектуре преобладали типизация и индустриализация жилищного строительства. Поэтому нет ничего удивительного, что крупнопанельные дома в советских городах ничем не отличались кварталов пригородов Парижа, Ганновера, Франкфурт-на-Майне, которые отстраивались после окончания Второй мировой войны.

В начале 60-х гг. во Франции и в других европейских странах подвергаются жесточайшей критике и механистическая монотонность жилой среды, и примитивность крупнопанельных призм. Итогом этой критики стал переход от стандартизации типового дома к стандартизации элементов, к открытой системе.

Развитие советской архитектуры вполне соответствовало творческому направлению западноевропейской архитектуры. Это в первую очередь касается массового жилищного строительства, экономичности, типизации, стандартизации, индустриальных методов жилищного строительства. В СССР эти тенденции, начиная со второй половины 50-х гг., были канонизи-

рованы и никаким изменениям не подвергались, что, естественно, привело к отставанию архитектурного процесса. Причиной этого отставания стал диктат слишком инерционного строительного комплекса в СССР, ориентированного на типовое полносборное массовое жилищное строительство, которое рассматривалось как единственный путь к планомерному обеспечению жильем всех слоев населения страны.

Французские малоэтажные дома были экономичные и незатейливые. Однако у нас их до крайности упростили. Теплоизоляция и звукоизоляция в таких домах у нас была совершенно недостаточной. Но не надо забывать, что в 1980 г. советские люди должны были жить при коммунизме,

поэтому расчетный срок эксплуатации малоэтажных некачественных домов в 25 лет считался вполне достаточным. Переехать после коммуналок, бараков и подвалов в такие дома для советских людей было огромным счастьем. Идея железобетонного панельного строительства оказалась для своего времени на редкость удачной. Миллионы советских граждан обязаны им тем, что сменили комнату в коммунальной квартире, в подвалах, в бараке на отдельное жилье. Поэтому те, кто называет пятиэтажки «хрущобами», совершенно не понимают те жизненные условия своего народа, в которых он жил в послевоенное время.

Статья поступила в редакцию 16.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных наркомов»: История НКВД-МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова, 1917–1982. М.: Версты, 1995. 416 с.
2. Савицкий Ю.Ю. Русское классическое наследие и советская архитектура. М.: Знание, 1953. 66 с.

REFERENCES

1. Nekrasov V.F. Trinadtsat' «zheleznykh narkomov»: Istoriya NKVD-MVD ot A.I. Rykova do N.A. Shchelokova, 1917–1982 [The thirteen "iron Commissars": the History of the NKVD-MVD from A. I. Rykov to B.. Schelokov, 1917–1982]. Moscow, Versty Publ., 1995. 416 p.
2. Savitskii Yu.Yu. Russkoe klassicheskoe nasledie i sovetskaya arkhitektura [Russian classical heritage and Soviet architecture]. Moscow, Znanie Publ., 1953. 66 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of historical sciences, professor of the department of humanities and natural sciences, Moscow Institute of State Management and Law;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Опыт Франции в решении жилищного кризиса в СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 213–218.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-213-218

FOR CITATION

Gorlov V. The French experience in solving the housing crisis in the USSR. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 213–218.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-213-218

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-219-228

ОПЫТ РУКОВОДСТВА РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ В СССР В 1970–1980 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬСКОГО И КРАСНОДАРСКОГО КРАЕВ)

Суханова Н.И.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении элементов опыта руководства внедрением науки в сельскохозяйственное производство в 1970-е гг. Изучение этого опыта дает возможность выявить позитивные его элементы и рекомендовать к реализации. Автор изучил значительное количество архивных документов, в том числе и из текущих архивов. Их анализ позволил выявить комплексный подход политических и хозяйственных структур Ставропольского и Краснодарского краев к решению задач интенсификации сельскохозяйственного производства путем развития сельскохозяйственной науки и внедрения ее результатов в производство. Анализ документов позволил выявить особенности советской системы руководства отраслью, которые опирались на специфические черты российской цивилизации, имеющей централизаторские тенденции. В качестве выводов автор выразил убеждение в том, что субъективный фактор – методы руководства – играет значительную роль в развитии сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, наука, партийное руководство, Ставрополье, Кубань.

EXPERIENCE OF GUIDING THE AGRICULTURAL SCIENCE DEVELOPMENT IN THE USSR IN 1970–1980 (ON THE MATERIALS OF STAVROPOL AND KRASNODAR REGIONS)

N. Sukhanova*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is to identify the elements of guidance experience in the introduction of science in agricultural production in the 1970s. The study of this experience makes it possible to identify its positive elements and recommend it for implementation. The author has studied a significant amount of archival documents, including current archives. Their analysis made it possible to identify a comprehensive approach of the political and economic structures of Stavropol and Krasnodar Krai to solving the problems of intensifying agricultural production by developing agricultural science and introducing its results into production. The analysis of the documents made it possible to identify the features of the Soviet system of

industrial management, which relied on specific features of the Russian civilization, which has certain tendencies for centralization. The author's conclusion is in expressing his belief that the subjective factor - the methods of leadership - plays a significant role in the development of agricultural production.

Key words: agriculture, science, party leadership, Stavropol, Kuban.

В условиях перехода современной экономики на импортозамещение важным представляется изучение опыта интенсификации сельскохозяйственного производства, предпринятое государственным и идеологическим руководством в одном из развитых регионов СССР – Краснодарском и Ставропольском краях в 1970–1980 гг.

Кубань и Ставрополье, являясь крупными звеньями агропромышленного комплекса страны, обладали всеми необходимыми ресурсами для успешного развития сельского хозяйства. Это регионы развитого зернового производства. При этом здесь успешно развивалось животноводство, овощеводство, садоводство, виноградарство. Традиционно аграрный регион был известен в стране высоким уровнем производства, серьезным вниманием к развитию материально-технической базы отрасли, использованием достижений науки и передового опыта в производстве. К примеру, внедрение достижений науки и передового опыта в сельхозпроизводство Ставропольского края, где 65 процентов угодий находятся в острозасушливой зоне, являлось одной из важнейших предпосылок развития сельского хозяйства.

В условиях советской жесткой плановой системы Ставрополье и Кубань одними из первых начали осуществлять специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства, внедрять бригадный подряд. Именно здесь зародился опыт подготовки юно-

шества к производственному труду на базе ученических производственных бригад. Ставрополье и Кубань стали родиной ряда инициатив, опыт которых изучался и обобщался в масштабах страны.

Интересным представляется тот факт, что, несмотря на разные природно-климатические условия, оба края были лидерами в производстве сельхозпродукции. Более того, в Краснодарском крае, где эти условия были наилучшими, к началу 1970-х гг. производство зерна носило неустойчивый характер, в ряде районов собирали не более шести – восьми центнеров с гектара¹. Сельское хозяйство Ставрополья постепенно набирало темпы, повышался уровень производства, количество производимой продукции.

Одним из парадоксов социалистического производства являлось то, что его интенсификация, объявляемая с самых начальных основ социалистической теории, и выдвигаемая в качестве стратегической задачи Советского государства вплоть до 1991 г., так и нешла своей реализации². Конечно, при анализе особенностей развития совет-

¹ Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Центр документации новейшей истории Краснодарского края» (далее – ГКУ КК ЦХДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 20. Д. 2. Л. 30.

² Еще Ф. Энгельс писал, что «урожайность земли может быть бесконечно повышена приложением капитала, труда и науки» – См. : Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 563.

ской экономики необходимо учитывать и одну из черт российской цивилизации – преобладание исторически сложившихся экстенсивных форм развития всех процессов хозяйственной и общественной жизни. Если же рассматривать особенности исследуемого региона, то важно отметить следующее. И на Кубани, и на Ставрополье в дореволюционный период достаточно развиты были товарные отношения. Единоличное владение землей было признаком местного агрария. Ответственность за собственное производство была достаточно велика. Так что можно говорить об определенных традициях интенсивного производства в сельском хозяйстве региона.

При этом важно понять, что плановое хозяйство советского периода нивелировало индивидуальную заинтересованность сельского производителя. Но даже в этих условиях необходимость интенсификации понималась местным партийным и советским руководством сельскохозяйственной отраслью. Особенно остро эта задача стала ощущаться в семидесятые годы, когда очевидными становились признаки системного кризиса в СССР.

В это время сельское хозяйство региона располагало достаточным научным потенциалом. В Краснодарском крае действовало около тридцати научно-исследовательских институтов, филиалов и отделений, столько же опытных станций и зональных лабораторий¹. На Ставрополье их число было несколько меньшим – около десяти².

¹ ГКУ КК ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 23. Д. 35. Л. 123.

² Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИ СК). Ф. 1. Оп. 4. Д. 22. Л. 25.

Для повышения урожайности зерна в достаточно сложных природно-климатических условиях в семидесятые годы коллектив Ставропольского НИИСХ разработал рациональную научно обоснованную систему ведения сельхозработ для всех почвенно-климатических зон края. В результате появились новые сорта зерновых, активизировалась работа по защите почв от водной и ветровой эрозии, был достигнут рост экономического плодородия почвы³. Следует отметить достаточно высокую экономическую эффективность внедряемых в производство разработок. В первой половине 1970-х гг. она составляла 1,8–2 млн. рублей. В 1979 г. ее уровень достиг 3 млн. 675 тыс. рублей⁴. Ежегодный экономический эффект от внедрения новых сортов и гибридов, выведенных учеными Краснодарского научно-исследовательского института сельского хозяйства (КНИИСХ) и внедренных только в крае, составлял в 1970-е гг. около 60 млн. руб.⁵.

Сельскохозяйственное производство было важнейшей отраслью обоих краев. Поэтому местные партийные и советские органы уделяли руководству им достаточно серьезное внимание. В начале 1970-х гг. на заседаниях бюро Ставропольского и Краснодарского крайкомов КПСС рассматривались вопросы о состоянии и мерах по развитию электрификации и механизации отрасли, о едином методическом руководстве, контроле, координации деятельности всех ступеней руководства

³ ГАНИСК. Ф. 4260. Оп. 1. Д. 27. Л. 66.

⁴ Текущий архив Ставропольского государственного аграрного университета (далее – СтГАУ). Ф. 1034. Оп. 1. Д. 1394. Л. 99.

⁵ ГКУ КК ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 21. Д. 400. Л. 2.

отраслью от крайкомов до краевых управлений сельского хозяйства, о переходе от многоотраслевого производства к специализации и концентрации, о необходимости развития научной базы для интенсификации сельскохозяйственного производства, о повышении роли специалистов в развитии отрасли, о развитии многоступенчатой системы подготовки специалистов для села¹. Важным представляется решение крайкомов КПСС по разработке программы перевода отрасли на промышленную основу. Вместо запланированных 23 крупных животноводческих комплексов за 1971–1975 гг. в Ставропольском крае было построено 40. Уровень селекционной работы, технологии, механизации, кооперативных связей, квалификации специалистов позволил обеспечить край животноводческой продукцией в то время, когда многие регионы СССР не имели собственной развитой базы животноводства².

Достаточно интересными были инициативы парткома Ставропольского НИИ сельского хозяйства, направленные на повышение эффективности научных исследований. Они предусматривали перестройку структуры института, создание лабораторий массового анализа, расширение связей института с хозяйствами, увеличение заинтересованности сотрудников в углублении научных изысканий³.

Краснодарский крайком КПСС регулярно ставил на рассмотрение вопросы научного обеспечения сельскохозяйственного производства. «О

дальнейшем развитии научно-производственной базы Краснодарского НИИСХ им. П.П. Лукьяненко», «О мерах по усилению наукоемкости селекционной и семеноводческой работы в крае», «О необходимости работы над созданием низкостебельных полукарликовых высокопродуктивных сортов озимой пшеницы» – вот незначительная часть вопросов, связанных с развитием сельскохозяйственной науки в регионе, которые поднимали партийные органы края⁴. Результатом научной селекционной работы стал тот факт, что к концу 1970-х гг. 99 процентов посевов озимых культур занимали сорта, выведенные на Кубани. При этом началась разработка единой технологии производства зерна в Краснодарском крае – начиная с выведения новых сортов и заканчивая их уборкой на полях. Труд ученых был отмечен четырьмя золотыми, девятью серебряными и семью бронзовыми медалями ВДНХ СССР⁵.

Растениеводство было преобладающим в данных регионах. Однако необходимость расширения животноводческого производства в стране диктовалась непростым положением в отрасли. Наличие в Ставропольском крае обширных степных зон создавало условия для регионального развития животноводства. Именно эта особенность рассматривалась в качестве базы для вовлечения почти непригодных земель для сельскохозяйственной деятельности. Сельхозотдел крайкома КПСС совместно с управлением сельского хозяйства края прове-

¹ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 34. Д. 49. Л. 19.; ГКУ КК ЦХДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 19. Д. 8. Л. 44.

² ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 42. Д. 3. Л. 24.

³ ГАНИСК. Ф. 5468. Оп. 1. Д. 28. Л. 68.

⁴ ГКУ КК ЦХДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 23. Д. 35. Л. 119.

⁵ ГКУ КК ЦХДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 21. Д. 400. Л. 2.

ли кропотливую работу по изучению возможностей степных регионов для развития животноводческой отрасли. В результате появилось постановление Ставропольского крайкома КПСС «О состоянии и мерах улучшения селекционно-племенной работы в животноводстве и птицеводстве края»¹. В плане научных разработок Всесоюзного научно-исследовательского института овцеводства и козоводства (ВНИИ-ОК), находящегося в Ставрополе, одной из центральных задач, на разработку которой были сосредоточены основные усилия ученых института, являлось создание новой технологии производства животноводческой продукции на промышленной основе.

Длительная организационная, поисковая и научно-производственная работа завершилась положительными результатами. Основные процессы технологии прошли производственную проверку на первой в стране крупной экспериментальной ферме опытного хозяйства «Темнолесский». В середине 1970-х гг. по новой технологии в крае было построено 42 комплекса и 98 ферм для выращивания и откорма животных. В хозяйствах РСФСР по данной технологии было создано 87 крупных ферм². Опыт был воспринят и в некоторых странах – членах СЭВ³. Он показал высокую эффективность производства продукции овцеводства на промышленной основе. На маточных комплексах в среднем по краю нагрузка на одного работающего возросла в 2,5 раза по сравнению с традиционным содержанием овец. Затраты

труда на центнер шерсти составили около 100 человеко-часов против 230 в среднем по краю, себестоимость снизилась на 20–25 процентов, рентабельность достигла 40 процентов против 4,9 в среднем по краю⁴.

В реализации комплексной программы, разработанной специалистами ВНИИОКа, СНИИСХа и Ставропольского НИИ гидротехники и мелиорации (СтавНИИГИМ), принимали организационное участие соответствующие хозяйственные, советские и партийные органы. Это был крупнейший успех ставропольских ученых. Экономический анализ, проведенный специалистами министерства сельского хозяйства СССР, показал, что урожайность культурных пастбищ стала в 4–5 раз выше, чем на естественных кормовых угодьях⁵. В годы девятой и десятой пятилеток в соответствии с рекомендациями ВНИИОКа осуществлялась концентрация в овцеводстве и перевод этой отрасли на промышленную основу. 81,2 процента овец в крае были чистопородными⁶.

Развитию научных исследований в области овцеводства и успешному соединению науки с производством в Ставропольском крае содействовало ряд предпосылок. Первой следует назвать государственную стратегию развития сельскохозяйственного производства, особенно в регионах, традиционно развивающих данную отрасль. Так, в связи с постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии и укреплении материально-технической базы племенного тонкорунного овцеводства в Ставропольском крае» до-

¹ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 20. Л. 12.

² Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1124. Оп. 1. Д. 939. Л. 66.

³ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 40. Д. 13. Л. 2.

⁴ ГАСК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 959. Л. 1.

⁵ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 43. Д. 264. Л. 1, 2.

⁶ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 45. Д. 210. Л. 70.

полнительно было выделено 234 млн. рублей капиталовложений¹. Приказом министра сельского хозяйства СССР были расширены штаты ВНИИОКа должностями заместителя директора по науке и ученого секретаря по координации научных исследований².

Важнейшей предпосылкой успеха был постоянный контроль со стороны местных органов власти, партийных комитетов за уровнем и результативностью работы научного коллектива, комплексный подход к решению задачи, высокая требовательность. Важно отметить и то, что на должном уровне находилось решение кадрового вопроса – к 1980 г. из 180 научных сотрудников 7 были докторами, 86 – кандидатами наук. Характерной чертой работы коллектива были постоянное совершенствование методов исследовательской работы, тесная связь с хозяйствами, опора на передовой опыт³.

На Кубани с целью осуществления последовательной работы в животноводческой отрасли в 1969 г. был создан Северо-Кавказский НИИ животноводства. Здесь проводилась работа по селекции крупного рогатого скота, свиней, овец. Главным направлением этой работы был перевод на промышленную основу. Значительная работа по разработке научных основ и практических приемов создания и использования орошаемых культурных пастбищ проводилась учеными Кубанского СХИ. Однако успех в этом направлении ставропольчан не сопровождал.

Учитывая природно-климатические особенности региона, опыт 1969–1970 гг., когда от ветровой эро-

зии погибли посевы озимых культур в Краснодарском крае на 1 млн. га, в Ставропольском крае – на 700 млн. га, краевые партийные организации стали инициаторами создания научно обоснованной системы земледелия. Так, в постановлении Ставропольского крайкома КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работ по защите почв от ветровой и водной эрозии в колхозах и совхозах края» перед учеными СНИИСХа и ССХИ ставилась задача углубить исследования по указанному направлению, разработать конкретные рекомендации по внедрению полезащитной системы земледелия для каждой почвенно-климатической зоны края⁴. Начавшаяся работа прошла испытания в 1970 г. в 24 хозяйствах края. На основании выполненных опытов по обработке почвы сотрудниками отдела земледелия были составлены и опубликованы типичные системы обработки почвы для различных зон края⁵. В учебные планы соответствующих факультетов был введен курс по эрозии почв, была создана лаборатория защиты почв от водной и ветровой эрозии. Ее рекомендации были рассмотрены и одобрены на второй сессии ВАСХНИЛ, на заседании научно-технического совета Министерства сельского хозяйства РСФСР. На базе лаборатории в 1972 г. был проведен Всесоюзный, а в 1977 г. – Всероссийский семинары по противозерозионной технологии⁶.

В рассматриваемый период в регионе зарождалась система комплексного научного обеспечения сельскохозяйственного производства.

¹ ГАСК. Ф. 1124. Оп. 1. Д. 939. Л. 120.

² ГАСК. Ф. 1124. Оп. 1. Д. 939. Л. 121.

³ ГАНИСК. Ф. 2538. Оп. 1. Д. 57. Л. 59.

⁴ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 35. Д. 19. Л. 52.

⁵ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 35. Д. 20. Л. 21.

⁶ ГАНИСК. Ф. 5468. Оп. 1. Д. 31. Л. 79, 81.

Администрация СНИИСХа совместно с партийной организацией инициировали организацию работы института по новому, переработанному плану. Исследовательские темы были сгруппированы в четыре крупных задания, которые были подчинены решению одной проблемы – рациональному ведению сельского хозяйства¹. Партком СНИИСХа предложил научному коллективу разработать и внести в директивные органы края предложение о создании координационного совета по организации и планированию научных исследований в регионе. При этом планировалось создать долгосрочные крупномасштабные программы по решению проблем развития сельского хозяйства с учетом их региональных особенностей и потребностей². Именно такая форма научного обеспечения отрасли была признана оптимальной.

Государственные и политические органы обоих краев ставили перед региональной наукой задачи активизации связи науки с производством. В постановлениях Ставропольского и Краснодарского крайкомов КПСС «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связей с производством» перед коллективами институтов и опытных станций ставились задачи по повышению их ответственности за внедрение в производство научных достижений³. В практику стали входить ежегодные издания рекламных листовок-заявок для хозяйств и для формирования хоздоговорных отношений. Краевые сельхозуправ-

ления начали создавать специальные подразделения в своем составе для координации работ по внедрению достижений науки и передового опыта. В русле поставленных задач активизировалась работа ученых. В Краснодарском и Ставропольском краях ими проводилась значительная работа по пропаганде научных новшеств путем участия в работе районных университетов сельскохозяйственных знаний, зональных и районных семинарах, научно-практических конференциях, посредством лекционной пропаганды. Однако уровень и качество пропагандистской работы нуждались в улучшении. В Ставропольском крае ней принимали участие лишь 16 процентов научно-педагогического состава НИИ и вузов⁴.

Между тем в документах краевых, районных и первичных партийных организаций просматривается тенденция достаточно критичного подхода к состоянию научной работы в сельскохозяйственной отрасли. Так, в справке сельскохозяйственного отдела Ставропольского крайкома КПСС «О состоянии и перспективах производства и заготовок сильных и ценных сортов пшеницы» от 15 февраля 1978 г. анализировалась ситуация, имевшая место в крае. Там говорилось, что из 350 хозяйств края «сильную пшеницу» не сдают 150 хозяйств. При этом указывалось, что результаты исследовательской работы ученых не подкреплялись организационной работой на местах. Слабая база опытно-показательных хозяйств, отсутствие строгого контроля со стороны специалистов мешали реализации научных рекомендаций⁵.

¹ ГАНИСК. Ф. 5468. Оп. 1. Д. 27. Л. 113.

² ГАНИСК. Ф. 5468. Оп. 1. Д. 37. Л. 114.

³ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 43. Д. 50. Л. 7.; ГКУ КК ЦХДНИКК. Ф. 1774. Оп. 21. Д. 414. Л. 52.

⁴ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 48. Д. 2. Л. 92.

⁵ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 45. Д. 210. Л. 48.

Краснодарский крайком КПСС отмечал слабую работу коллектива ВНИИ риса по созданию высокоурожайных, раннеспелых и устойчивых к полеганию сортов интенсивного типа риса. Во второй половине 1970-х гг. коллективом института не выполнялись задачи производства и продажи элитных семян хозяйствам. Одним из серьезных препятствий, как отмечалось в справке отдела сельского хозяйства, было плохое мелиоративное состояние рисовых систем. Администрации и парткому института было рекомендовано разработать и осуществить мероприятия по коренному улучшению организации работы¹.

Тема производства риса в 1970-е годы для Краснодарского края стала актуальной, когда краевой комитет КПСС поставил задачу производства миллиона тонн кубанского риса. Чего больше было в этой задаче – необходимости для страны отечественной продукции, научной обоснованности или политической конъюнктуры? Представляется, что задачу производства собственного риса в крае восприняли слишком легковесно. Проблема развития рисового производства в СССР действительно была актуальна. Имелись и соответствующие природно-климатические условия. Однако поставленная задача оказалась излишне амбициозной. Это как раз тот случай, когда политика начала мешать экономике. Субъективный фактор – желание руководства Краснодарского крайкома КПСС в лице первого секретаря С.Ф. Медунова добавить к собственному авторитету новые регалии – помещал выработку научно обоснованного

взгляда на реальное положение вещей. Программа по производству миллиона тонн риса не была решена.

Характерной особенностью развития сельского хозяйства в 1970-е гг. в Ставропольском и Краснодарском краях являлась необходимость перехода от отдельных мероприятий в отрасли к комплексному подходу. Важнейшим направлением в решении этой задачи было развитие сельскохозяйственной науки и внедрение ее результатов в производство. Определяющими направлениями, которые были разработаны государственными, политическими и отраслевыми ведомствами, были: создание научно обоснованной системы земледелия, перевод животноводства на промышленную основу, выращивание сельскохозяйственных культур на орошении, переход на озимое выращивание зерновых в засушливых зонах и др. Создавались долгосрочные крупномасштабные программы по решению региональных задач развития сельского хозяйства. В практику входила коллегиальная, скоординированная работа различных исследовательских учреждений, зарождалась новая форма связи науки с производством – научно-производственные объединения (НПО).

В исследуемом регионе в 1970-е гг. партийные органы стояли у истоков формирования перехода к программно-целевому принципу организации научно-исследовательских работ, использования их результатов в практике. Эффективность управления научно-производственной деятельностью в отрасли реализовывалась с применением административных, политических, экономических, материальных, психологических рычагов. Система

¹ ГКУ КК ЦХДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 21. Д. 780. Л. 37.

организационного и идеологического обеспечения связи науки с сельскохозяйственной отраслью не могла стать единственным условием успешного развития этого процесса. Одна из противоречивых и сложных отраслей отечественного производства – сельское хозяйство – нуждалось в мощной материально-технической базе, активной социальной политике в деревне, усилении мотивации сельского труженика в собственной деятельности, уменьшении ограничительных мер в отношении деревни и многом другом. В семидесятые годы, когда страна начала терять темпы развития, в Ставропольском и Краснодарском краях лишь начали формулироваться и закладываться основы нового подхода к современному наукоемкому сельскохозяйственному производству. Но и они позволили региону в сложное время стать передовым в отрасли. Особенно явно эти меры привели к положительному результату в Ставропольском крае, где две трети территории находятся в засушливой степной зоне и велика доля рискованного земледелия. Природно-климатические условия Кубани намного лучше. 99% территории не просто пригодны для сельского хозяйства, условия его развития на этих землях являются лучшими в России.

По-видимому, следует учитывать роль субъективного фактора в руководстве региональным сельским хозяйством. Первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС М.С. Горбачев и его команда смогли вывести край в число успешных регионов, хотя далеко не все задачи были решены. Краснодарский край в результате серьезных нарушений в системе управления, роста теневой экономики,

коррупции оказался в большом долгу перед государством по продаже зерна, сахарной свеклы, семян подсолнечника, мяса, шерсти и другой сельхозпродукции.

Анализируя опыт руководства развитием сельскохозяйственной науки и ее связи с производством в семидесятые годы XX в. в Ставропольском и Краснодарском краях, можно сделать следующие выводы. В условиях, когда население страны обеспечивалось собственными продуктами питания на 95%, а уровень сельскохозяйственного производства снижался, сокращалось количество сельских тружеников, задача интенсификации производства становилась очевидной. Руководство страны, делая ставку на развитие аграрные регионы, формулировало задачи увеличения наукоемкости сельскохозяйственного производства. Централизованная система управления, плановое ведение хозяйства, партийное руководство всеми процессами жизни общества, в том числе и сельским хозяйством, были реальностью эпохи, в условиях которой региональные государственные и партийные органы искали пути решения задачи повышения эффективности производства. Попытка создания системы организационного и идеологического обеспечения интенсификации сельскохозяйственного производства далеко не во всем отвечала задачам научно-технического прогресса. Усложняющиеся экономические связи требовали новых подходов к организации этого процесса, но рамки действующей политической системы ограничивали возможности развития отрасли. Однако, несмотря на существующие реалии, в Ставропольском

и Краснодарском краях было немало сделано для того, чтобы усовершенствовать процесс развития сельскохозяйственного производства на основе научных достижений. Важную роль в этом сыграл труд ученых и сельских

тружеников, но для такой страны, как Россия, ставшая преемницей СССР, одним из важнейших факторов является регулирующая роль государства.

Статья поступила в редакцию 20.07.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia I. Sukhanova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the Contemporary History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суханова Н.И. Опыт руководства развитием сельскохозяйственной науки в СССР в 1970-1980 гг. (на материалах Ставропольского и Краснодарского краев) // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 219–228.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-219-228

FOR CITATION

Sukhanova N. Experience of guiding the agricultural science development in the USSR in 1970–1980 (on the materials of Stavropol and Krasnodar regions). In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 219–228.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-219-228

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.17

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-229-243

ОБРАЗ РОССИИ В РИТОРИКЕ ЕВРОСКЕПТИКОВ СКАНДИНАВИИ

Бышок С.О.

Автономная некоммерческая организация

«Международная организация по наблюдению за выборами “CIS-ЕМО”»

109129, г. Москва, ул. 8-я Текстильщиков, д. 11, оф. 310, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается вопрос об образе России, формулируемом в политической риторике трёх правых евроскептических партий Скандинавии: Датской народной партии (DF), норвежской Партии прогресса (FrP) и «Шведских демократов» (SD). Исследуются партийные программы, официальные заявления и тексты, публикуемые на партийных ресурсах, а также интервью в СМИ, касающиеся различных аспектов отношения к стране (политического, экономического, контекста безопасности и др.). Схожим в данном образе оказывается восприятие «путинской России» как государства, представляющего потенциальную опасность для региона и Европы в целом. Различия в партийной риторике связаны с присутствием дополнительных факторов, уравнивающих предположительно исходящую от РФ опасность. Среди этих факторов, – прежде всего, необходимость совместной борьбы с международным исламским терроризмом и взаимовыгодная торговля.

Ключевые слова: образ России, евроскептицизм, правый популизм, европейская политика, Датская народная партия, Партия прогресса, Шведские демократы.

ON THE IMAGE OF RUSSIA IN THE RHETORIC OF SCANDINAVIAN EUROSCEPTICS

S. Byshok

The Commonwealth of Independent States Election Monitoring Organization (CIS-ЕМО)

Office №310, 11, 8th Tekstilshiki ul., Moscow 109129, Russian Federation

Abstract. This paper discusses the issue of the image of Russia as presented in the political rhetoric of the three right-wing Eurosceptic parties of Scandinavia: the Danish People's Party (DF), the Progress Party (FrP) of Norway, and the Sweden Democrats (SD). The author analyses

the parties' programs, official statements and texts published in the party sources as well as in the regular media devoted to various aspects to the attitude to the country (political, economic, security contexts and others). These parties share similar attitude to "Putin's Russia", considering it to be potentially dangerous to the region and Europe as a whole. The differences in the parties' rhetoric are connected with the factors counterbalancing Russian threat. Among them, first of all, is the need for joint Russian-Western efforts in struggling the international Islamic terrorism and mutually beneficial trade.

Key words: image of Russia, Euroscepticism, right-wing populism, European politics, Danish People's Party, Progress Party, Sweden Democrats.

В течение последних лет евроскептицизм и ассоциированные с ним политические феномены, в частности право-популистского спектра, представляют собой заметную тенденцию в европейской политике, став «новой нормой» [13; 30] всего континента. На западе это – Великобритания, находящаяся в процессе выхода из Европейского союза (Brexit); на востоке – Польша и Венгрия, с право-консервативными партиями власти «Право и справедливость» и «Фидес» соответственно; на севере – Норвегия, со входящей в правительственную коалицию националистической Партии прогресса; на юге – Италия, с получившими на последних парламентских выборах большинство популистскими партиями «Лига Севера» и «Движение пяти звёзд». Избрание Дональда Трампа президентом США и предшествовавший этому подъём Движения чаепития (Tea Party movement) показали потенциал для правого популизма и в Новом Свете.

Исследователи анализируют различные аспекты возвращения популизма в политическое пространство Западного мира; по-разному интерпретируются идеологические программы, стратегии достижения успеха соответствующими партиями и движениями. Как правило, речь идёт о

таких способствующих росту запроса на популизм факторах, как экономический и последовавший за ним миграционный кризисы, всё явственнее проявляющиеся негативные аспекты глобализации, несоответствие повестки устоявшихся политических партий реальным интересам и устремлениям электората, связанным, в частности, с этнокультурными вопросами.

В рамках ЕС правый популизм выражается в тех или иных формах евроскептицизма, т.е. недовольства некоторыми аспектами общеевропейской политики, формируемой «брюссельской бюрократией», или в целом оппозиции в отношении дальнейшей политической, экономической и военной интеграции континента. По мнению евроскептиков, европейская интеграция уже привела к существенному урезанию национального суверенитета стран-участниц ЕС, а впоследствии может вылиться в потерю государственности и культурно-цивилизационной идентичности европейских народов. «Супранациональным» и «глобалистским», лишённым укоренённости в собственных народах элитам ставится в упрек и политика открытых границ, приводящая к «исламизации» Европы [1].

Россия в последние годы «вернулась в историю», начав играть более

значимую роль как в мировой, так и в европейской политике. Медийный и политический мейнстрим ЕС, как правило, критикует Москву за её «агрессивную» и «ревизионистскую» политику на постсоветском пространстве и за его пределами, а также за настойчивые попытки «вмешаться» в политический процесс в других странах. Наиболее громкие обвинения были связаны с избранием Д. Трампа президентом США. Вместе с тем в адрес всех ключевых право-популистских партий Европы часто звучат обвинения со стороны политических оппонентов и ассоциированных со структурами ЕС аналитических центров (think tanks) в прямой или косвенной «работе на Кремль» с целью подрыва европейского или евроатлантического единства [32; 45; 54].

В данной статье мы рассмотрим аспекты политической риторики правых евроскептических партий трёх стран Скандинавии, связанные с Россией. В центре нашего внимания будут Датская народная партия (Dansk Folkeparti), норвежская Партия прогресса (Fremskrittspartiet) и «Шведские демократы» (Sverigedemokraterna). Материалом для исследования станут партийные программы, официальные заявления лидеров и тексты, публикуемые на партийных ресурсах (электронных и печатных), а также интервью спикеров соответствующих политических сил в регулярных СМИ, в которых упоминается Россия и чётко сформулировано отношение к стране в том или ином контексте (политическом, экономическом, контексте безопасности и др.).

Несмотря на географическую близость, три североευропейских государства существенно различаются: Дания

и Швеция входят в ЕС, Норвегия стоит вне союза, при этом вместе с Данией входит в блок НАТО. Входящие в Евросоюз Дания и Швеция не перешли на евро. У рассматриваемых партий разное положение в политических системах своих государств. Норвежские евроскептики входят в правительственную коалицию, а датские традиционно оказывают парламентскую поддержку право-консервативным правительствам. Шведские евроскептики с момента основания партии существуют в условиях «санитарного кордона», мейнстримовые партии отказываются кооперироваться с ними на любом уровне, указывая на «расистский» характер «Шведских демократов».

Датская народная партия на национальных выборах в 2015 г. пришла второй, набрав 21,1%, а на выборах в Европарламент заняла первое место с 26,6%. В Европарламенте датчане входят умеренно-евроскептическую фракцию «Европейские консерваторы и реформисты», созданную британской Консервативной партией. Партия прогресса на парламентских выборах 2017 г. получила 15,3% голосов, став третьей политической силой в Норвегии. «Шведские демократы» на национальных выборах в 2014 г. пришли третьими с 12,9%, а на прошедших в том же году европейских — пятыми, с 9,7%. Шведы входят в жёстко-евроскептическую еврогруппу «Европа свободы и прямой демократии», учреждённую Партией независимости Соединённого Королевства (UKIP).

В 1990-е гг. Россия появлялась в риторике Датской народной партии (ДНП) как проблемная страна. Будущее государства после ухода президен-

та Б. Ельцина казалось туманным [44], настораживал и стремительный рост населения в мусульманских регионах страны [22, 11; 33, 21].

В 2000-х гг. образ России в риторике ДНП приобрёл амбивалентность. С одной стороны, в государстве, по версии спикеров партии, по-прежнему сильны «имперские» тренды, оно не хочет «отпускать» свои бывшие республики в евроатлантические структуры — ЕС и НАТО [38; 55, 22–23]. Имперские амбиции России следует сдерживать, в частности, через активную кооперацию Европы и США в рамках НАТО [60]. Помимо этого, «газовые войны» Москвы и Киева середины 2000-х гг. ставят под угрозу энергетическую безопасность Европы [39]. В РФ запрещаются гей-парады и допускается насилие по отношению к ЛГБТ [21]. Кроме того, Россия для Европы — один из доноров нелегальной иммиграции [36, 9] и опасных заболеваний [23].

С другой стороны, в тот же период РФ описывается как страна, которая стоит с государствами Запада по одну сторону борьбы с общей угрозой в лице исламского терроризма [12; 16; 25, 24; 43]. Критикуя проект по вступлению Турции в ЕС, ДНП отмечает Россию как страну, которая, будучи культурно европейской, в гораздо в большей степени подходит для вступления в ЕС [20]. ДНП также подчёркивает, что Москва в Косовском конфликте поддерживает христиан-сербов, в то время как Копенгаген «безразличен к своему культурному и религиозному наследию» [34].

В 2010-е гг. двоякость в риторике ДНП по отношению к РФ сохраняется. Так, Россию наряду с Китаем называют «диктатурой» [37; 14; 62]. По мнению

лидера партии К. Даля, события на Украине показали, что Москва опасна, поскольку желает «восстановить СССР» и расколоть НАТО и ЕС [61, 9], поэтому санкции Запада против РФ обоснованы [16].

С другой стороны, спикер ДНП по международным делам С. Эсперсен предложил принять воссоединение Крыма с РФ как свершившийся факт, основанный на итогах референдума [17]. По мнению спикера ДНП по оборонной политике М. Краруп, «демонизация» России неприемлема [4], а западные лидеры «явно лицемерят», называя присоединение Крыма к РФ нарушением международного права, при этом игнорируя прецедент независимости Косово, в одностороннем порядке отделившегося от Сербии [15].

Лидер ДНП Даль тем не менее подчёркивает, что борьба с исламским терроризмом является для Запада куда большим приоритетом, чем «нарушитель спокойствия» Путин [42], поэтому с Москвой следует находить общий язык как с естественным союзником, постепенно отменяя введённый ранее санкционный режим [31].

До 2014 г. России редко появлялась в риторике норвежской **Партии прогресса**. В 2006 г., когда группа парламентариев посещала Мурманск с целью укрепления двусторонних контактов в сферах бизнеса и безопасности [3], а несколько позднее лидер партии С. Йенсен высказывала опасения в связи с усилением присутствия РФ в северном регионе [28; 40].

В 2014 г. в норвежском парламенте была создана Ассоциация дружбы с Россией, куда вошли 17 депутатов, в т.ч. семь «прогрессистов» [49]. О дальнейшей судьбе этой структуры ниче-

го не известно, однако в июне 2015 г. один из её участников, парламентарий от Партии прогресса Т.А. Йонсен, оказался в центре скандала: у норвежских спецслужб вызвали подозрение его частые контакты с российскими дипломатами, а политические оппоненты заподозрили Йонсена в лоббировании российских интересов [46].

На крымский референдум партия отреагировала двояко. Так, заместитель председателя парламентской комиссии по внешней и оборонной политике К. Тибринг-Гьедде заявил, что хотя Москва и «нарушила нормы международного права» на полуострове, «остаётся неясным, насколько текущая власть в Киеве является более демократичной, чем предыдущая». Он с пониманием отнёсся и к озабоченности Москвы тем, что происходит на её границах [35].

Позже парламентарий говорил, что, невзирая на международное давление, «вряд ли что-то изменится и Россия вернёт Крым», поэтому странам НАТО следует сбавить враждебную риторику в отношении Москвы и постепенно начать отменять санкции, при этом обращая внимание на выполнение Минских соглашений [57]. РФ, по мнению Тибринга-Гьедде, «может быть хорошим союзником» Запада против исламского фундаментализма в Сирии [27].

Экс-лидер Партии прогресса К. Хаген, поздравляя Д. Трампа с победой на выборах, указал на необходимость нормализации отношений Вашингтона и Москвы и перехода к диалогу [29]. Тибринг-Гьедде, в свою очередь, отмечал, что Норвегии, сохраняя партнёрство с США, следует чётко обозначать, что санкционная солидарность — не в

интересах Осло: она несёт негативные последствия для норвежского бизнеса, связанного в т.ч. с нефте- и газодобычей, при этом она на руку американским экспортёрам [57]. Кроме того, санкции — элемент «ментальности Холодной войны», они объективно отталкивают Россию от Запада в сторону Ирана и других государств, ведущих недружественную по отношению к Европе политику [26].

В разделе «Оборона и безопасность» предвыборной программы Партии прогресса 2017 г. указывалось на «военное возрождение России и её усиливающуюся активность у берегов Норвегии», из чего следовала необходимость уделять больше внимания защите рыбных и нефтегазовых промыслов страны [24].

На современном этапе РФ появляется в риторике **«Шведских демократов»** лишь в связи с украинским кризисом. Евродепутаты от партии проголосовали против ратификации Соглашения об ассоциации ЕС с Украиной [59], после чего политические оппоненты зачислили партию в число «полезных идиотов» Кремля [41; 47]. В этой связи политическая сила была вынуждена неоднократно публиковать свою позицию по вопросу России и украинского кризиса. По мнению «Шведских демократов», РФ проводит агрессивную внешнюю политику, действует в нарушение международных соглашений и посягает на территориальную целостность Украины [48]. В этой связи партия поддерживает анти-российские санкции, хотя в украинском кризисе винит не только Москву, но и Брюссель [56].

В шведской прессе появляются материалы о наличии внутри «Шведских

демократов» прорусской фракции [5]. Однако официальная позиция партии недвусмысленна: «Некоторые социально-консервативные и националистические партии обеспокоены тем, как глобализм и либерализм влияют на нации Европы. Некоторые из них, например UKIP и [французский] «Национальный фронт», считают, что Россия правильно отвечает на эти вызовы. «Шведские демократы» с этим не согласны» [50].

По мнению партии, Кремль «руководствуется паранойей и империализмом» [53], для достижения своих целей он не останавливается и перед применением насилия [14]. В «авторитарной» РФ идут «непрекращающиеся нападения и убийства оппозиционеров», нет свободы слова и не соблюдается закон. Сама история страны «не может быть напрямую сопоставлена с западными демократиями» [52]. Поскольку Россия несёт угрозу «миру и свободе Европы» [50], партия настаивает на создании шведско-финского оборонного альянса [48] и увеличении военного бюджета Швеции [18]. Жёсткая антироссийская позиция «Шведских демократов» подтверждается исключением «пророссийски» настроенных членов партии, чья риторика или те или иные контакты с Россией идут вразрез с основной линией политической силы [10; 58].

Общим в политической риторике трёх рассмотренных выше евро-скептических партий Скандинавии в отношении России является образ страны как «ревизионистской» и в этом смысле потенциально опасной для европейских государств. Вместе с тем представление о степени данной угрозы варьируется: если для датских

и норвежских евроскептиков опасения в отношении РФ уравниваются необходимостью и возможностью взаимодействия с Москвой по линии совместной борьбы с исламским экстремизмом, то в официальной риторике шведов Россия — государство принципиально враждебное, а для защиты от него скандинавским странам необходим военный союз.

Важным фактором, определяющим российский вектор риторики скандинавских евроскептиков на данном этапе, является украинский кризис (евроскептики других стран Европы также уделяют ему большое внимание [2]). Все три партии осуждают «аннексию» Крыма и как минимум часть вины за происходящее на Украине возлагают на Россию. Одновременно с этим ДНП и Партии прогресса указывают на множественность причин кризиса, а также в принципе готовы принять результаты крымского референдума как отражающие волю жителей полуострова. По мнению партийных спикеров, Западу необходимо исходить из того, что РФ не уйдёт из Крыма, и именно исходя из этого следует выстраивать с ней отношения. Для «Шведских демократов» же события в Крыму — очередной пример, подтверждающий агрессивность России.

ДНП и «Шведские демократы» первоначально поддерживали антироссийские санкции, введённые в связи с событиями в Крыму и на востоке Украины, однако затем датские евроскептики стали говорить о необходимости выхода из санкционного противостояния, что было бы в общих долгосрочных интересах как Запада, так и России. Норвежцы, не входящие в Евросоюз, изначально выступали

против санкций, указывая на их малую эффективность, возможный обратный эффект («отталкивание» России от Европы) и ущерб для собственно норвежского бизнеса, прежде всего в нефтегазовой сфере.

У ДНП и «Шведских демократов» претензиями к России также выступают имеющие, по их мнению, место в стране нарушения прав сексуальных меньшинств, а также атаки государства на свободу слова. Партия прогресса же, согласно риторике её спикеров, в большей степени заинтересована в бизнес-партнёрстве с Москвой, при этом внутренние дела чужого государства её не касаются.

Таким образом, Россия в риторике правых евроскептиков Дании и Норвегии предстаёт двояким образом. С одной стороны, это страна, которая может стать проблемой для Европы из-за своих амбиций великой державы, но, с другой, РФ может и должна быть партнёром Запада как в обеспечении коллективной безопасности и защиты от радикального ислама, так и в прагматичных экономических вопросах. Согласно официальной позиции «Шведских демократов», «путинская Россия» — принципиальный противник Запада, всякий цивилизованный диалог с которой был бы малопродуктивен. Наличие среди шведских евроскептиков «диссидентов», выражающих симпатии в отношении Москвы, не влияет на общую антироссийскую партийную линию. Ни одну из рассмотренных в статье партий нельзя назвать пророссийской: позиция ДНП и Партии прогресса представляется нейтральной, сочетающей различные точки зрения, позиция же «Шведских демократов» — враждебная.

Двойственность складывающегося у правых евроскептиков образа России может быть обусловлена исторически сформировавшимся в европейской философской и политической мысли амбивалентным, с преобладанием фобических элементов, восприятием восточного соседа. Для Европы Россия становится «конституирующим Другим» [6], на которого «проецируются» многие негативные установки, ранее соотносимые с мусульманским «Востоком» [51], такие, как склонность к тирании, перманентная отсталость и ненависть к прогрессу, отсутствие уважения к личности и некоторые захватнические интенции. Кроме того, общий негативный информационный фон, которым в западном медийном мейнстриме окружена тема России, является, возможно, принципиальным фактором антироссийской позиции «Шведских демократов», которые, на всём протяжении своей истории находясь в «санитарном кордоне», не желают поднимать свой антирейтинг за счёт дополнительных обвинений в «работе на Россию» помимо традиционных претензий к партии за ксенофобию или расизм. Датские же и норвежские евроскептики, будучи устойчивым и «легитимным» элементом политической системы собственных стран, в значительной степени более свободны в своих оценках России, в том числе разнящихся внутри одной и той же партии.

В целом более положительное или, во всяком случае, сбалансированное отношение к России у евроскептиков, чем у еврооптимистов, может быть обусловлено разным отношением данных групп к европейскому проекту как таковому. В рамках конструирования

европейской идентичности еврооптимистами Россия служит объектом негативной идентификации: РФ, в политических, исторических и культурных аспектах, имплицитно представляется «сущностно чуждой» по отношению к европейской цивилизации [7, с. 95]. В известном смысле, негативный образ России является «неизбежным дополнением» «еврооптимистического» образа Европы [7, с. 96].

Для евроскептиков же сам европейский проект в своём нынешнем виде является «антиевропейским», т.е. отрицающим те ценности, которые, по их мнению, являются сущностно европейскими: государственный суверенитет, национальные традиции, семейные устои, христианская культура и др. В этом контексте в риторике правых евроскептиков Россия может представляться как «одна из последних европейских стран, отстаивающих традиционные ценности нации, семьи и религии» [8, с. 141], а реальные или мнимые «ценностные установки действующего российского правительства, столь яростно критикуемые «сверху» Брюсселем, оказываются для евроскептиков и поддерживающих их народных масс более близкими, чем стратегия еврочиновников» [11, с. 57].

Европа была и, очевидно, останется важным партнёром для России в экономической сфере, а также примером, порой отрицательным, в политической, идеологической, культурной и иных областях. Нет оснований счи-

тать, что наблюдаемые сегодня конфликтные отношения между Западом и Россией способны принципиально повлиять на взаимоотношение «системы стратегически сцепленных цивилизаций «Европа-Россия» [9, с. 87]. В рамках работы российской «мягкой силы» на европейском направлении принципиальным является поиск контактов и взаимодействие с политическими силами ЕС, которые настроены на диалог и позитивную кооперацию с Москвой. В советское время такими контрагентами СССР на Западе были различные компартии, которые, будучи по умолчанию промосковскими, не имели устойчивой электоральной базы и зачастую находились на периферии политической жизни, где тон задавали социал-демократы и консерваторы. На сегодняшний день правые евроскептические партии, имеющие те или иные симпатии к России, не только вышли из политического «подполья», но и становятся новым мейнстримом Запада. Поддержание взаимных контактов с такими политическими силами, чьи базовые идеи (сохранение национальной идентичности и государственного суверенитета, вместе с христианским и гуманистическим характером европейских государств) не противоречат идеологемам российского руководства, представляется желательным для продвижения интересов России на европейском направлении.

Статья поступила в редакцию 03.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бышок С.О. Новая Европа Владимира Путина. Уроки Запада для России. М.: Книжный мир, 2017. 608 с.
2. Бышок С.О. Оценка украинского кризиса евроскептическими партиями ЕС // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. – URL: www.evestnik-mgou.ru.

3. В Мурманск приехали норвежские депутаты Партии Прогресса [22.08.2006] // Regnum [сайт]. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/692222.html> (дата обращения: 23.08.2018).
4. Датский депутат посоветовала российским политикам громче излагать свою позицию [14.10.2016] // РЕН ТВ [сайт]. – URL: <http://ren.tv/novosti/2016-10-14/datskiy-deputat-predlozhila-rossiyskim-politikam-gromche-izlagat-svoyu-poziciyu> (дата обращения: 23.08.2018).
5. Демократы Швеции – «путинисты» против «неокаролинов» [06.03.2015] // Sverige Radio [сайт]. – URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6110577> (дата обращения: 23.08.2018).
6. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое изд-во, 2004. 335 с.
7. Рябов Д.О. Образ России в политике европейской идентичности: случай «еврооптимистов» // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. №3/4. С. 86–102.
8. Рябов Д.О. Россия как «другая Европа» в дискурсе европейских правых популистских партий // Политэкс. 2014. Т. 10. № 3. С. 136–144.
9. Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. М.: Книжный мир, 2016. 496 с.
10. Шведского политика обвинили в «угрозе безопасности» из-за русских корней // Российская газета. 2016. 29 сент.
11. Шибкова М.О. Факторы привлекательности образа России для евроскептических политических сил // Власть. 2017. № 8. С. 54–58.
12. Bin Laden har allierede over hele verden // Dansk Folkeblad. 2002. №2 (6).
13. Clarke J. Populism in the West is thriving. Get ready for a new normal [11.03.2018] // Euronews [сайт]. – URL: <http://www.euronews.com/2018/03/11/populism-europe-thriving-west-should-prepare-itself-new-normal-ncna855396> (дата обращения: 23.08.2018).
14. Dags att eterupprätta tryggheten i vert land // SD: [сайт]. – URL: <https://sd.se/dags-atteruppratta-tryggheten-vart-land/> (дата обращения: 23.08.2018).
15. Danish MP Challenges Russian Stereotypes, Calls for 'Sober Analysis' [20.09.2016] // Sputnik [сайт]. – URL: <https://sputniknews.com/politics/201609201045507209-denmark-russia-stereotypes-sober-analysis/> (дата обращения: 23.08.2018).
16. Danmarks og Vestens forhold til Rusland [06.02.2017] // DF: [сайт]. – URL: https://www.danskfolkeparti.dk/Danmarks_og_Vestens_forhold_til_Rusland (дата обращения: 23.08.2018).
17. Dansk Folkeparti: Vi skal respektere Krims ja til Rusland [17.03.2014] // DR.dk [сайт]. – URL: <http://www.dr.dk/nyheder/politik/dansk-folkeparti-vi-skal-respektere-krims-ja-til-rusland> (дата обращения: 23.08.2018).
18. Debatt angeende situationen i Ukraina [03.03.2014] // SD [сайт]. – URL: <https://sd.se/debatt-angaende-situationen-ukraina/> (дата обращения: 23.08.2018).
19. Dennison S., Pardijs D. The world according to Europe's insurgent parties: Putin, migration and people power [27.06.2016] // European Council on Foreign Relations [сайт]. – URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/the_world_according_to_europes_insurgent_parties7055 (дата обращения: 23.08.2018).
20. DF ønsker skrabt EU-model [24.12.2003] // Information.dk [сайт]. – URL: <https://www.information.dk/2003/12/df-oensker-skrabet-eu-model> (дата обращения: 23.08.2018).
21. DF: Homoparader skal beskyttes i Rusland og Baltikum [14.05.2009] // DF [сайт]. – URL: http://www.danskfolkeparti.dk/DF_Homoparader_skal_beskyttes_i_Rusland_og_Baltikum (дата обращения: 23.08.2018).

22. "Fædrelandets forsvar" // Dansk Folkeblad. 1999. № 3 (3).
23. Forslag til folketingsbeslutning om helbredstjek af udlændinge, der får opholds- eller arbejdstilladelse i Danmark // DF [сайт]. – URL: http://www.danskfolkeparti.dk/B_104_som_fremsat_Forslag_til_folketingsbeslutning_om_helbredstjek_af_udlaendinge_der_far_opholds-_og_eller_arbejdstilladelse_i_Danmark (дата обращения: 23.08.2018).
24. Forsvar og sikkerhet // FrP [сайт]. – URL: <https://www.frp.no/tema/forsvar/forsvar-og-sikkerhet> (дата обращения: 23.08.2018).
25. Fra Reagan til Kjærsgaard // Dansk Folkeblad. 2009. № 6 (13).
26. Frp holder armlengdes afstand til Moskva [08.06.2017] // Agenda Magasin [сайт]. – URL: <https://agendamagasin.no/intervjuer/frp-holder-armlengdes-avstand-moskva/> (дата обращения: 23.08.2018).
27. Frp Russland kan være en god alliert mot IS [01.10.2015] // Dagbladet [сайт]. – URL: <https://www.dagbladet.no/nyheter/frp--russland-kan-vaere-en-god-alliert-mot-is/60533370> (дата обращения: 23.08.2018).
28. FrP-Siv vil lykkes innen 2013 [18.11.2008] // Teknisk Ukeblad [сайт]. – URL: <https://www.tu.no/artikler/frp-siv-vil-lykkes-innen-2013/259481> (дата обращения: 23.08.2018).
29. Hagen C. A Facebook post [30.12.2016] // Facebook [сайт]. – URL: <https://www.facebook.com/carlihagen/posts/10154876945143792> (дата обращения: 23.08.2018).
30. Harding G. Euroscepticism: The EU's new normal [09.06.2016] // EUobserver [сайт]. – URL: <https://euobserver.com/opinion/133747> (дата обращения: 23.08.2018).
31. Kampen mod terror skal have højeste prioritet [17.11.2015] // DF [сайт]. – URL: <https://danskfolkeparti.dk/kampen-mod-terror-skal-have-hoejeste-prioritet/> (дата обращения: 23.08.2018).
32. Klapsis A. An Unholy Alliance. The European Far Right and Putin. Brussels: Wilfried Martens Centre for European Studies, 2015. 74 p.
33. Konferanse om befolkningsudvikling Christiansborg lørdag 27. marts // Dansk Folkeblad. 1999. №1 (3).
34. Martin Henriksen: Kosovo tilhører serberne // Kristeligt Dagblad. 2008. 13 feb.
35. Mener fordømmelse av Russland er feil [07.03.2014] // NRK [сайт]. – URL: <https://www.nrk.no/norge/tybring-gjedde-stotter-putin-1.11589110> (дата обращения: 23.08.2018).
36. Messerschmidt trækker i arbejdstøjet // Dansk Folkeblad. 2009. №3 (13).
37. Morten Messerschmidt: Europa er alt det, EU ikke er // Dansk Folkeblad. 2012. № 5 (16).
38. Morten Messerschmidt: Europarådet – to vigtige funktioner [11.07.2007] // DF [сайт]. – URL: https://danskfolkeparti.dk/Morten_Messerschmidt_Europaradet_-_to_vigtige_funktioner (дата обращения: 23.08.2018).
39. Morten Messerschmidt: Forsyningsikkerhed det vigtigste // DF [сайт]. – URL: http://www.danskfolkeparti.dk/Morten_Messerschmidt_Forsyningsikkerhed_det_vigtigste (дата обращения: 23.08.2018).
40. Norwegian politician afraid of Russian influence in Iceland [11.10.2008] // Icenews [сайт]. – URL: <http://www.icenews.is/2008/10/11/norway-afraid-of-russian-influences-in-iceland/#ixzz58lkaMMxF> (дата обращения: 23.08.2018).
41. Party leaders clashed in parliament [12.10.2014] // Sverige Radio [сайт]. – URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=6538777> (дата обращения: 23.08.2018).
42. Peter Skaarups årsmødetale 2015 [20.09.2015] // DF [сайт]. – URL: https://danskfolkeparti.dk/pictures_org/Peter_Skaarups_årsmødetale_2015.pdf (дата обращения: 23.08.2018).
43. Pia Kjærsgaards tale ved Folketingets afslutningsdebat 30 maj 2002 [30.05.2002] // DF [сайт]. – URL: http://www.danskfolkeparti.dk/Pia_Kjaersgaards_tale_ved_Folketingets_afslutningsdebat_30._maj_2002 (дата обращения: 23.08.2018).

44. Pia Kjærsgaards årsmødetale, oktober 1998 // DF [сайт]. – URL: [http://www.danskfolkeparti.dk/Pia_Kjaersgaards_aarsmødetale _oktober_1998](http://www.danskfolkeparti.dk/Pia_Kjaersgaards_aarsmoedetale_oktober_1998) (дата обращения: 23.08.2018).
45. Polyakova A. Putinism and the European Far Right [19.01.2016] // Institute of Modern Russia [сайт]. – URL: <https://imrussia.org/en/analysis/world/2500-putinism-and-the-european-far-right> (дата обращения: 23.08.2018).
46. PST advarte Frp'er på Stortinget: For nær omgang med Russlands ambassade [23.06.2015] // VG [сайт]. – URL: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/fremskrittspartiet/pst-advarte-frp-er-paa-stortinget-for-naer-omgang-med-russlands-ambassade/a/23466955/> (дата обращения: 23.08.2018).
47. Putin skulle inte kunna vara mer nöjd [12.12.2014] // Expressen [сайт]. – URL: <http://bloggar.expressen.se/opinionsbloggen/2014/12/putin-skulle-inte-kunna-vara-mer-nojd/> (дата обращения: 23.08.2018).
48. Replik: Befängda anklagelser mot SD [12.12.2014] // Expressen [сайт]. – URL: <http://bloggar.expressen.se/opinionsbloggen/2014/12/replik-befangda-anklagelser-mot-sd/> (дата обращения: 23.08.2018).
49. Russlands ambassade jaktet venner på Stortinget [Электронный ресурс] // VG: [сайт]. [24.06.2015]. – URL: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/fremskrittspartiet/russlands-ambassade-jaktet-venner-paa-stortinget/a/23475905/> (дата обращения: 23.08.2018).
50. Ryssland hotar freden i Europa [Электронный ресурс] // Aftonbladet: [сайт]. [15.12.2014]. – URL: <https://www.aftonbladet.se/debatt/debattamnen/varlden/article20024001.ab> (дата обращения: 23.08.2018).
51. Said E. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.
52. SD är djupt kritiskt till Putins Ryssland [Электронный ресурс] // Göteborgs-Posten: [сайт]. [29.09.2016]. – URL: <http://www.gp.se/nyheter/debatt/sd-ar-djupt-kritiskt-till-putins-ryssland-1.3827165> (дата обращения: 23.08.2018).
53. SD är inte putinvänliga [Электронный ресурс] // SD: [сайт]. [11.02.2015]. – URL: <https://sd.se/sd-ar-inte-putinvanliga/> (дата обращения: 23.08.2018).
54. Shekhovtsov A. Bringing the Rebels. European far right soldiers of Russian propaganda. London: The Legatum Institute, 2015. 11 p.
55. Små landes chance i Grand Prix og EU // Dansk Folkeblad. 2001. № 3 (5).
56. Some of Sweden's Democrats Back Russia on Ukraine – Newspaper [Электронный ресурс] // Sputnik: [сайт]. [08.03.2015]. – URL: <http://sputniknews.com/europe/20150308/1019227289.html> (дата обращения: 23.08.2018).
57. Strid om Russland-sanksjoner mellom regjeringspartiene Frp og Høyre [Электронный ресурс] // Aftenposten: [сайт]. [02.08.2017]. – URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/OVd9w/Strid-om-Russland-sanksjoner-mellom-regjeringspartiene-Frp-og-Hoyre> (дата обращения: 23.08.2018).
58. Sweden Democrat quits party after unauthorized Russia trip [10.11.2017] // The Local [сайт]. – URL: <https://www.thelocal.se/20171110/sweden-democrat-asked-to-leave-party-over-unauthorized-russia-trip-harassment-allegations> (дата обращения: 23.08.2018).
59. Sweden Democrats voted against EU-Ukraine agreement [16.09.2014] // Sverige Radio [сайт]. – URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=5966926> (дата обращения: 23.08.2018).
60. Tillykke til amerikanerne [10.11.2008] // DF [сайт]. – URL: http://www.danskfolkeparti.dk/Tillykke_til_amerikanerne (дата обращения: 23.08.2018).
61. Vi skal ikke være bange // Dansk Folkeblad. 2015. № 2 (19).
62. Vi skal tage ofrenes parti // DF [сайт]. – URL: http://www.danskfolkeparti.dk/Vi_skal_tage_ofrenes_parti (дата обращения: 23.08.2018).

REFERENCES

1. Byshok S.O. Novaya Evropa Vladimira Putina. Uroki Zapada dlya Rossii [New Europe of Vladimir Putin. Western lessons to Russia]. Moscow, Knizhnyi mir, FRIGO «Narodnaya diplomatiya» Publ., 2017. 608 p.
2. Byshok S.O. Otsenka ukrainskogo krizisa evroskepticheskimi partijami ES [Assessment of the Ukrainian crisis by eurosceptic parties in the EU]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru.
3. V Murmansk priekhali norvezhskie deputaty Partii Progressa [Norwegian members of the Party of Progress have come to Murmansk] [22.08.2006]. In: *Regnum* [website]. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/692222.html> (accessed: 23.08.2018).
4. Datskii deputat posovetovala rossiiskim politikam gromche izlagat' svoyu pozitsiyu [Danish MP advised Russian politicians to present their ideas louder] [14.10.2016]. In: *REN TV* [website]. Available at: <http://ren.tv/novosti/2016-10-14/datskiy-deputat-predlozhila-rossiiskim-politikam-gromche-izlagat-svoyu-pozitsiyu> (accessed: 23.08.2018).
5. Demokrater Shvetsii – «putinister» mot «neokarolinerna» [The Democrats of Sweden "Putinists" against "Neocarolins"] [06.03.2015]. In: *Sverige Radio* [website]. Available at: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6110577> (accessed: 23.08.2018).
6. Noimann I. Ispolzovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskoi identichnosti [The use of "Other": Images of the East in the formation of European identity]. Moscow, Novoe izd-vo Publ., 2004. 335 p.
7. Ryabov D.O. [The image of Russia in European identity politics: the case of "Euro-optimists"]. In: *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2016, no. 3/4, pp. 86–102.
8. Ryabov D.O. [Russia as "the other Europe" in the discourse of the European right-wing populist parties]. In: *Politeks*, 2014, vol. 10, no. 3, pp. 136–144.
9. Tsymburskii V.L. Morfologiya rossiiskoi geopolitiki i dinamika mezhdunarodnykh sistem XVIII–XX vekov [The morphology of the Russian geopolitics and the dynamics of international systems of XVIII–XX centuries]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2016. 496 p.
10. Shvedskogo politika obvinili v «ugroze bezopasnosti» iz-za russkikh kornei [Swedish politician was accused of "security threat" because of the Russian roots]. In: *Rossiiskaya gazeta*, 2016. 29 Sent.
11. Shibkova M.O. [Factors of attractiveness of the image of Russia for eurosceptic political forces]. In: *Vlast'*, 2017, no. 8, pp. 54–58.
12. Bin Laden har allierede over hele verden. In: *Dansk Folkeblad*, 2002, no. 2 (6).
13. Clarke J. Populism in the West is thriving. Get ready for a new normal [11.03.2018]. In: *Euronews* [website]. Available at: <http://www.euronews.com/2018/03/11/populism-europe-thriving-west-should-prepare-itself-new-normal-ncna855396> (accessed: 23.08.2018).
14. Dags att återupprätta tryggheten i vårt land. In: *SD* [сайт]. Available at: <https://sd.se/dags-att-ateruppratta-tryggheten-vart-land> (accessed: 23.08.2018).
15. Danish MP Challenges Russian Stereotypes, Calls for 'Sober Analysis' [20.09.2016]. In: *Sputnik* [website]. Available at: <https://sputniknews.com/politics/201609201045507209-denmark-russia-stereotypes-sober-analysis/> (accessed: 23.08.2018).
16. Danmarks og Vestens forhold til Rusland [06.02.2017]. In: *DF* [website]. Available at: https://www.danskfolkeparti.dk/Danmarks_og_Vestens_forhold_til_Rusland (accessed: 23.08.2018).
17. Dansk Folkeparti: Vi skal respektere Krims ja til Rusland [17.03.2014]. In: *DR.dk* [website]. Available at: <http://www.dr.dk/nyheder/politik/dansk-folkeparti-vi-skal-respektere-krims-ja-til-rusland> (accessed: 23.08.2018).

18. Debatt angående situationen i Ukraina [03.03.2014]. In: *SD* [website]. Available at: <https://sd.se/debatt-angående-situationen-ukraina> (accessed: 23.08.2018).
19. Dennison S., Pardijs. D. The world according to Europe's insurgent parties: Putin, migration and people power [27.06.2016]. In: *European Council on Foreign Relations* [website]. Available at: http://www.ecfr.eu/publications/summary/the_world_according_to_europes_insurgent_parties7055 (accessed: 23.08.2018).
20. DF ønsker skrabet EU-model [24.12.2003]. In: *Information.dk* [website]. Available at: <https://www.information.dk/2003/12/df-oensker-skrabet-eu-model> (accessed: 24.02.2018).
21. DF: Homoparader skal beskyttes i Rusland og Baltikum [Электронный ресурс] // DF: [site]. [14.05.2009]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/DF_Homoparader_skal_beskyttes_i_Rusland_og_Baltikum (accessed: 23.08.2018).
22. "Fædrelandets forsvar". In: *Dansk Folkeblad*, 1999, no. 3 (3).
23. Forslag til folketingsbeslutning om helbredstjek af udlændinge, der får opholds- eller arbejdstilladelse i Danmark. In: *DF* [website]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/B_104_som_fremsat_Forslag_til_folketingsbeslutning_om_helbredstjek_af_udlaendinge_der_far_opholds_og_eller_arbejdstilladelse_i_Danmark (accessed: 23.08.2018).
24. Forsvar og sikkerhet. In: *FrP* [website]. Available at: <https://www.frp.no/tema/forsvar/forsvar-og-sikkerhet> (accessed: 23.08.2018).
25. Fra Reagan til Kjærsgaard. In: *Dansk Folkeblad*, 2009, no. 6 (13).
26. Frp holder armlengdes afstand til Moskva [08.06.2017]. In: *Agenda Magasin* [website]. Available at: <https://agendamagasin.no/intervjuer/frp-holder-armlengdes-avstand-moskva> (accessed: 23.08.2018).
27. Frp:- Russland kan være en god alliert mot IS [01.10.2015]. In: *Dagbladet* [website]. Available at: <https://www.dagbladet.no/nyheter/frp--russland-kan-vaere-en-god-alliert-mot-is/60533370> (accessed: 23.08.2018).
28. FrP-Siv vil lykkes innen 2013 [18.11.2008]. In: *Teknisk Ukeblad* [website]. Available at: <https://www.tu.no/artikler/frp-siv-vil-lykkes-innen-2013/259481> (accessed: 23.08.2018).
29. Hagen C. A Facebook post [30.12.2016]. In: *Facebook* [website]. Available at: <https://www.facebook.com/carlihagen/posts/10154876945143792> (accessed: 23.08.2018).
30. Harding G. Euroscepticism: The EU's new normal [09.06.2016]. In: *EUobserver* [website]. Available at: <https://euobserver.com/opinion/133747> (accessed: 23.08.2018).
31. Kampen mod terror skal have højeste prioritet [17.11.2015]. In: *DF* [website]. Available at: <https://danskfolkeparti.dk/kampen-mod-terror-skal-have-hoejeste-prioritet> (accessed: 23.08.2018).
32. Klapsis A. An Unholy Alliance. The European Far Right and Putin. Brussels: Wilfried Martens Centre for European Studies, 2015. 74 p.
33. Konference om befolkningsudvikling Christiansborg lørdag 27 marts. In: *Dansk Folkeblad*, 1999, no. 1 (3).
34. Martin Henriksen: Kosovo tilhører serberne. In: *DF* [website]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/Martin_Henriksen_Kosovo_tilhorer_serberne (accessed: 23.08.2018).
35. Mener fordømmelse av Russland er feil [07.03.2014]. In: *NRK* [website]. Available at: <https://www.nrk.no/norge/tybring-gjedde-stotter-putin-1.11589110> (accessed: 23.08.2018).
36. Messerschmidt trækker i arbejdstøjet. In: *Dansk Folkeblad*, 2009, no. 3 (13).
37. Morten Messerschmidt: Europa er alt det, EU ikke er. In: *Dansk Folkeblad*, 2012, no. 5 (16).
38. Morten Messerschmidt: Europarådet – to vigtige funktioner [11.07.2007]. In: *DF* [website]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/Morten_Messerschmidt_Europaraedet_-_to_vigtige_funktioner (accessed: 23.08.2018).
39. Morten Messerschmidt: Forsyningsikkerhed det vigtigste. In: *DF* [website]. Available at:

- http://www.danskfolkeparti.dk/Morten_Messerschmidt_Forsyningssikkerhed_det_vigtigste (accessed: 23.08.2018).
40. Norwegian politician afraid of Russian influence in Iceland [11.10.2008]. In: *Icenews* [website]. Available at: <http://www.icenews.is/2008/10/11/norway-afraid-of-russian-influences-in-iceland/#ixzz58lkaMMxF> (accessed: 23.08.2018).
 41. Party leaders clashed in parliament [12.10.2014]. In: *Sverige Radio* [website]. Available at: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=6538777> (accessed: 23.08.2018).
 42. Peter Skaarups årsmødetale 2015 [20.09.2015]. In: *DF* [website]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/pictures_org/Peter_Skaarups_årsmødetale_2015.pdf (accessed: 23.08.2018).
 43. Pia Kjærsgaards ale ved Folketingets afslutningsdebat 30 maj 2002 [30.05.2002]. In: *DF* [website]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/Pia_Kjærsgaards_tale_ved_Folketingets_afslutningsdebat_30_maj_2002 (accessed: 23.08.2018).
 44. Pia Kjærsgaards årsmødetale, oktober 1998. In: *DF* [website]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/Pia_Kjærsgaards_årsmødetale_oktober_1998 (accessed: 23.08.2018).
 45. Polyakova A. Putinism and the European Far Right [19.01.2016]. In: *Institute of Modern Russia* [website]. Available at: <https://imrussia.org/en/analysis/world/2500-putinism-and-the-european-far-right> (accessed: 23.08.2018).
 46. PST advarte Frp'er på Stortinget: For nær omgang med Russlands ambassade [23.06.2015]. In: *VG* [website]. Available at: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/fremskrittspartiet/pst-advarte-frp-er-paa-stortinget-for-naer-omgang-med-russlands-ambassade/a/23466955> (accessed: 23.08.2018).
 47. Putin skulle inte kunna vara mer nöjd // Expressen: [website]. [12.12.2014]. Available at: <http://bloggar.expressen.se/opinionsbloggen/2014/12/putin-skulle-inte-kunna-vara-mer-nojd> (accessed: 23.08.2018).
 48. Replic: Befängda anklagelser mot SD [12.12.2014]. In: *Expressen* [website]. Available at: <http://bloggar.expressen.se/opinionsbloggen/2014/12/replik-befangda-anklagelser-mot-sd> (accessed: 23.08.2018).
 49. Russlands ambassade jaktet venner på Stortinget [24.06.2015]. In: *VG* [website]. Available at: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/fremskrittspartiet/russlands-ambassade-jaktet-venner-paa-stortinget/a/23475905> (accessed: 23.08.2018).
 50. Ryssland hotar freden i Europa [15.12.2014]. In: *Aftonbladet* [website]. Available at: <https://www.aftonbladet.se/debatt/debattamnen/varlden/article20024001.ab> (accessed: 23.08.2018).
 51. Said E. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.
 52. SD är djupt kritiskt till Putins Ryssland [29.09.2016]. In: *Göteborgs-Posten* [website]. Available at: <http://www.gp.se/nyheter/debatt/sd-ar-djupt-kritiskt-till-putins-ryssland-1.3827165> (accessed: 23.08.2018).
 53. SD är inte putinvänliga [11.02.2015]. In: *SD* [website]. Available at: <https://sd.se/sd-ar-inte-putinvanliga> (accessed: 23.08.2018).
 54. Shekhovtsov A. "Bringing the Rebels": European Far Right Soldiers of Russian Propaganda. London, Legatum Institute, 2015. 11 p.
 55. Små landes chance i Grand Prix og EU. In: *Dansk Folkeblad*, 2001, no. 3 (5).
 56. Some of Sweden's Democrats Back Russia on Ukraine – Newspaper [08.03.2015]. In: *Sputnik* [website]. Available at: <http://sputniknews.com/europe/20150308/1019227289.html> (accessed: 23.08.2018).
 57. Strid om Russland-sanksjoner mellom regjeringspartiene Frp og Høyre [02.08.2017]. In: *Aftenposten* [website]. Available at: <https://www.aftenposten.no/verden/i/OVd9w/Strid-om-Russland-sanksjoner-mellom-regjeringspartiene-Frp-og-Hoyre> (accessed: 23.08.2018).

58. Sweden Democrat quits party after unauthorized Russia trip [10.11.2017]. In: *The Local* [website]. Available at: <https://www.thelocal.se/20171110/sweden-democrat-asked-to-leave-party-over-unauthorized-russia-trip-harassment-allegations> (accessed: 23.08.2018).
59. Sweden Democrats voted against EU-Ukraine agreement [16.09.2014]. In: *Sverige Radio* [website]. Available at: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=5966926> (accessed: 23.08.2018).
60. Tillykke til amerikanerne [10.11.2008]. In: *DF* [website]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/Tillykke_til_amerikanerne (accessed: 23.08.2018).
61. Vi skal ikke være bange. In: *Dansk Folkeblad*, 2015, no. 2 (19).
62. Vi skal tage ofrenes parti. In: *DF* [website]. Available at: http://www.danskfolkeparti.dk/Vi_skal_tage_ofrenes_parti (accessed: 23.08.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бышок Станислав Олегович – политический аналитик Международной организации по наблюдению за выборами “CIS-EMO”;
e-mail: sbyshok@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav O. Byshok – political analyst, CIS-EMO (Commonwealth of Independent States Election Monitoring Organization);
e-mail: sbyshok@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бышок С.О. Образ России в риторике евроскептиков Скандинавии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 229–243.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-229-243

FOR CITATION

Byshok S. On the image of Russia in the rhetoric of Scandinavian eurosceptics. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 229–243.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-229-243

УДК-327

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-244-256

ФЕНОМЕН РОССИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Долидзе В.М., Туквадзе А.А.*Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили
пр. Чавчавадзе, 1, Тбилиси, Грузия*

Аннотация. В статье на основе системных и исторических подходов исследуется влияние России на международную политику и дается ответ на вопрос, почему страна с сырьевой экономикой является одним из ведущих государств в международной политике. В начале статьи формулируется определение России, как феномена мировой политики и выделяются ее особенности как специфического актора международной политики. Далее показано, как она в продолжение XX в. качественно меняла мировую политику, обозначены исторические противоречия русской модернизации. Выявляются факторы, которые превратили Россию в особого актора международной политики. Авторы приходят к заключению, что феномен России является результатом ее исторического развития, когда модернизация экономики существенно отставала от европеизации армии, администрации, образования и политики. В результате функционирования системы, включающей в себя экспорт стратегического сырья, активизацию человеческого капитала, политику усиления международного значения России, создание, производство и применение высокотехнологичного и обычного оружия, Россия превратилась в особого актора мировой политики. Владение ядерным оружием, огромная территория и численность населения, патриотизм и политическая система России формируют необходимые условия для функционирования этой системы.

Ключевые слова: международная политика, мировая политика, сырьевая экономика, гегемония, человеческий капитал, ядерное оружие.

THE PHENOMENON OF RUSSIA IN THE WORLD POLITICS

V. Dolidze, A. Tukvadze*Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
1, Chavchavadze av, Tbilisi, Georgia*

Abstract. The paper studies the influence of Russia on the international economy with the use of historical and systemic approaches. The question of how a country with a source-based economy has become one of the main actors of the modern world politics is answered. The definition of Russia as a phenomenon in the world politics is given in the beginning of the article. Its features as a specific actor of the world politics are singled out. The article shows how the country was qualitatively changing the world politics in the course of the twentieth century. Historical contradictions of Russian modernization are mentioned. Factors that turned Russia into the leading actor of the international politics are analyzed. The authors come to the conclusion that the phenomenon of Russia is the result of its historical development, when the

© CC BY В.М. Долидзе, А.А. Туквадзе, 2018.

modernization of economics was considerably lagging behind the modernization of the army, administration, education and politics. Russia has become a special actor in the world politics in the result of the system functioning that includes the export of strategic raw materials; the activation of human capital; the policy of strengthening Russia's international importance; creation, production and use of high-tech conventional weapons. The conditions for the functioning of this system are created by the possession of nuclear weapons; huge territory and population; patriotism; the political system of Russia.

Key words: international politics, world politics, source-based economy, hegemony, human capital, nuclear weapons.

Россия как особый актер мировой политики

Феномен России в международной политике – это такое необычное явление, когда страна с сырьевой (или отсталой) экономикой является одним из ведущих государств в международной политике, которое имеет такое особое международное значение, что происходящие там глубокие политические изменения фундаментально меняют всю мировую политику.

Путин назвал отсталость главным врагом и главной угрозой России [14].

Особенно сильно отстает она по экономическим показателям от своего главного политического конкурента США. В 2017 г. ВВП США составил 18,1247 триллиона долларов США, на одного человека 55 000 долларов, а ВВП России составил 1132,7 млрд. долларов, и по этому показателю она занимала 14 место среди наиболее развитых стран мира [5].

В 2017 г. доля России в мировой экономике составила 1,85% [17]. Она является экспортером сырья и импортером технологии, оборудования и ширпотреба. В 2017 г. доля российской нефти и газа в экспорте товаров из России возросла до 57% (2016 г. – 53,5) [17]. Экономический рост РФ зависит от экспорта сырья. Например, рост экономики России по итогам 2017 г.

был зафиксирован на уровне 1.7, что стало возможным благодаря максимизации цены на нефть [17].

Несмотря на это, ни одна из тринадцати стран, кроме США, которые опережают Россию по ВВП, не может сравниться с ней по силе целенаправленного влияния на мировую политику. Борьба России против гегемонии США, которая превратилась в противостояние с Западом, и сплочение ее народа вокруг правительства, актуализировали вопрос о цивилизационной принадлежности России и ее ценностных особенностях. Есть точка зрения, что существует Русская цивилизация, объединяющая разные народы и этносы, которые не только не растворились в ней, а, напротив, укрепили свои этнонациональные и цивилизационные идентичности [15, с. 60]. По мнению некоторых ученых, Русский мир разошелся с Западом давно и принципиально [15, с. 91]. Причину этого они видят в том, что «антропологический максимализм православия, вытекающий из его сотериологии и реализованный в нормах существования русских людей, в корне отличается от западной католической и протестантской антропологии, в которой соткался человек минимальный – юридический, экономический, физиологический» [15, с. 92]. Багдасарян идентифицирует

девятнадцать пар ценностной дихотомии, которые отделяют друг от друга Россию и Запад [1]. Можно спорить о цивилизационной принадлежности России, но одно бесспорно – в самом возникновении вопроса о цивилизационной принадлежности России зафиксирована ее уникальность, одним из проявлений которой является характер ее международной активности.

Россия обычно рассматривается как одна из великих держав в мире [21, р. 2]. Но на фоне великих держав Россия выделяется как особый актор мировой политики, который имеет исключительное значение для судеб мира. Именно к такому заключению можно прийти в результате анализа ее истории и современного функционирования на международной арене. Последние события мировой политики – присоединение Крыма к России и сирийская кампания, в результате которых произошел коренной перелом в стратегической ситуации в мире, явно показали огромное значение этой страны в мировой политике, а также то, что она не намерена играть уготовленную ей роль «свадебного генерала», не допустит повторения Косовского прецедента и будет активно бороться за свои интересы в любой точке Земного шара.

Россию как особого актора выделяет, прежде всего, глубина и сила воздействия на мировую политику, способность преодолевать активное сопротивление мировых центров власти в процессе самостоятельного изменения и формирования внешних условий своего существования. Она играет активную и независимую роль в функционировании мировой политики, самостоятельно меняет господствующие

тенденции к расширению гегемонии США и маргинализации России и на этом фоне явно показывает свою политическую индивидуальность и специфику собственных интересов. Россия является стратегическим игроком мировой политики, который активно изменяет не только стратегическую ситуацию, но также определяет и вектор развития международной политики, контролирует формирование «погоды» мировой политики. Россия показала, что она может самостоятельно проводить свою волю в международной политике в условиях активного сопротивления господствующих центров влияния и изменить баланс сил в свою пользу. Свидетельством этому является «реанимация» Асада, возвращение на Ближний Восток и присоединение Крыма, что происходило на фоне ожесточенного политического сопротивления со стороны США и Запада. Этому благоприятствует способность независимо обеспечить свою внешнюю и внутреннюю безопасность и сравнительно слабая внешнеэкономическая зависимость. В отличие от Евросоюза, для которого характерна тенденция превращения в объект мировой политики, и Китая, который экономически сильно зависит от США и Евросоюза, Россия характеризуется не только сравнительно слабой международной зависимостью, но и наличием дефицитного стратегического сырья в сочетании с эффективным контролем внешней и внутренней безопасности, что дает ей возможность активно влиять и контролировать поведение своих партнеров.

Резкое усиление мирового влияния России, после ее ослабления в результате развала СССР, доказывает пра-

тельность точку зрения Быкова, что во всемирной геополитической иерархии Россия занимает особое, ни с кем не сравнимое место по стойкости и выживаемости [3, с. 99]. Именно поэтому после распада Советского Союза «степень уязвимости внутреннего положения оказалась гораздо выше, чем внешнего, геополитического [3, с. 155].

Россия и качественные изменения в мировой политике

В двадцатом веке события, связанные с Россией, определяли состояние мировой политики. Распад СССР и мировой социалистической системы, создателем и несущей стеной которых была Россия, фундаментально изменил стратегическую ситуацию в мире, обусловил политические особенности современности, возможности и векторы ее развития.

Россия влияет на мировую политику как субъективно-политической активностью, так и объективно, как место событий, которые изменяли всю мировую политику, ее структуру и фундаментальные основы ее функционирования (Октябрьская революция и распад СССР). Существующий до Первой мировой войны международный порядок завел человечество в тупик, результатом которого и стала мировая война. Она до конца обнажила все противоречия тогдашнего мира. В этих условиях появляется потребность в обществе социальной справедливости, которое могло бы стать альтернативой старого мира. Таким проектом оказался коммунизм. Местом практической реализации его идеалов стала Россия. Это невиданно усилило ее идеологическое и политическое влияние. По мнению некоторых учёных, связь ком-

мунизма с Россией не является случайностью, так как советская система «продуцировалась» матрицей русской цивилизации, которая возникла на основе православного, христианского выбора [1]. Россия как эпицентр мировой революции, противостояла всему тогдашнему миру, разделенному на метрополии и колонии, как указатель дороги к лучшему будущему человечества.

Россия превратилась в страну, влияние которой грозило дестабилизацией Западу. Поэтому она оказалась в международной изоляции. Но противоречия мировой политики, экономическое значение России (РСФСР), ее способность обеспечить свою внутреннюю и внешнюю безопасность, правильная внешняя политика, которая заключалась в прагматизме и использовании конфликта интересов в лагере ее противников в свою пользу, дали ей возможность не только выйти из политической изоляции и освободиться от экономических санкций, но и стать легитимным и влиятельным игроком международной политики. Парадигмальным случаем прагматизма в политике является Рапалльский договор между Германией и РСФСР.

Превращение России в особый актор мировой политики

Россия имеет свою длинную историю как великой державы [25, р. 104]. Поэтому история является источником формирования таких компонентов русской политической культуры, как национальная гордость и осознание своей державности, которые создают основу русского патриотизма. Она формирует особенное историческое сознание политической элиты

России, что является одним из источников проведения политики усиления международной значимости этой страны. Например, ее министр иностранных дел С. Лавров, на основе осмысления истории России, делает вывод об ее особой роли в европейской и мировой истории [11].

История показывает, что Россия входила в число влиятельных европейских государств. В основе этого лежала триада: 1. военная сила – европейская армия и флот; 2. европейское образование и государственные институты; 3. эффективный контроль над внутренней и внешней безопасностью, огромными человеческими ресурсами и территорией. Нужно отметить также особую роль ценностей, которые способствовали усилению ее государственности и международного влияния. На стиль российской геополитики влияли православные, позже – коммунистические, а затем снова православные ценности. По мнению Багдасаряна, русская цивилизация, русскость возникла на основе христианского выбора и они настолько тесно связаны друг с другом, что дерусификация объективно ведет к дехристианизации [1]. Христианские и православные ценности России всегда являлись источниками ее геополитического влияния, что ярко проявляется в случаях Украины, Балкан, Армении и особенно православной Грузии, где, как только стала ощутима реальная угроза церкви и православной культуре страны, несмотря на интенсивность антироссийской пропаганды, быстро началось усиление пророссийской ориентации. Ценности играют большую роль для создания мягкой силы России, которая в процессе борьбы против гегемонии

неоимперии Запада сама начала развиваться как неоимперия.

По мнению Быкова, время империи ушло в прошлое [3, с. 151]. Это верно в отношении старых империй. Но современная мировая политика произвела новые структуры – неоимперии. Они качественно отличаются от старых империй тем, что не являются «жесткими» структурами и возникают на основе «мягкой силы», для создания которой большое значение имеет привлекательность государства-гегемона. По мнению Гольцова, Российскую Федерацию и Китай следует рассматривать как формирующиеся неоимперии, которые выступают в качестве новых «полюсов» мирового геополитического порядка [7, с. 54]. Однако ведущую роль в развитии такого порядка играет Россия, которая смогла своей геополитической активностью существенно сузить границы расширения гегемонии Запада. Особенно это касается постсоветского пространства, где она старается создать под своей эгидой неоимперскую геопространственную систему [7, с. 62].

Геополитическая активность России в постсоветском пространстве во многом определяется интересами ее национальной безопасности, что заставляет ее идти на такие меры, которые могут иметь не только позитивные, но также и негативные последствия для дальнейшего расширения ее влияния. Например, вынужденное признание независимости Абхазии и Южной Осетии отрицательно влияет на процесс усиления мягкой силы России в Грузии. В условиях капитализма большая часть грузинского общества на своем опыте быстро осознала экономическое значение России, а усиление

исламского элемента в православной Грузии, неспособность Запада обеспечить восстановление её территориальной целостности усилили пророссийскую политическую ориентацию среди населения. Именно об этом свидетельствует не только вхождение явно пророссийской партии «Альянс патриотов Грузии» в парламент этой страны, но и победа правящей партии «Грузинская мечта» в парламентских выборах 2012 г., когда одним из её главных обещаний было улучшение отношений с Россией.

С XVIII в. значительно возросла роль и влияние России в мировой политике. Повышение ее международного статуса являлось результатом европеизации страны. С середины XVIII в. Россия уже играет значительную роль в общеевропейских делах. Это тесно связано с реформами Петра Первого, в результате которых, по мнению С.М. Соловьева, Россия вошла в систему европейских государств [16, с. 158].

Россию относят к странам, развитие которых начинается поздно [18, р. 20]. Это определяет догоняющий характер ее развития. В процессе европеизации модернизация политических институтов и государственного управления, образования, армии и флота обогнали экономическую модернизацию, что во многом определило своеобразие России, которая совмещала прогресс с отсталостью, современность со средневековьем. Для разрешения этих противоречий понадобились три революции. В результате Октябрьской революции Россия превратилась в особого актора международной политики. У нее появляется тяжелая индустрия и богатый человеческий капитал, позже начинается са-

мостоятельное производство высокотехнологичного ядерного и обычного оружия. Россия начинает контролировать функционирование мировой политики, создает новые государства и структуры (РСФСР, СССР, мировая социалистическая система), которые производят революционные изменения в международной политике, изменяют направление ее развития.

Советская история России стала значительным фактором ее влияния на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что Россия как модель развития не может стать образцом в этом пространстве, общая история бывших советских республик создала зависимость от прошлого, которая помогает России удерживать свое влияние в этом регионе. Среди механизмов этого влияния можно выделить: историческую память; старые экономические связи; автономии бывших советских республик, которые стремятся с помощью России отделиться от них; русский язык и культура, в распространении и популяризации которой на постсоветском пространстве огромную роль сыграла общая история постсоветских стран.

Военное ослабление России в результате развала СССР обусловило начало ее маргинализации в международной политике. Начался процесс превращения России из субъекта политики в ее объект. Объектом мировой политики мы называем такое государство, поведение которого формируют более сильные игроки, которое занимает то место в международной политике, какое определяют для него другие акторы, действует по тем правилам, в формировании которых оно не принимает участия и примиря-

ется с систематическим игнорированием своих специфических интересов. Но Россия вновь смогла вернуть себе статус субъекта мировой политики. Этому способствовали: 1) владение большим запасом дефицитного стратегического сырья; 2) ядерное оружие; 3) производство и владение новейшими образцами обычного оружия; 4) человеческий капитал; 5) армия, которая может гарантировать как внешнюю, так и внутреннюю безопасность; 6) военно-промышленный комплекс; 7) политическая система, которая дает правительству возможность подчинить своему контролю производство и экспорт дефицитного стратегического сырья, гарантировать стабильность страны и не допустить государственных переворотов, подготовленных, управляемых или же поддерживаемых внешними силами; 8) патриотизм; 9) политика правящей элиты, которая старается восстановить международное значение России.

Человеческий капитал как значительный компонент «русской силы»

Без создания высокотехнологической современной экономики Россия не может оставаться конкурентоспособной в международной политике. У нее есть два главных источника для создания такой экономики: человеческий капитал и дефицитные стратегические сырьевые ресурсы. Эффективный контроль над сырьевыми ресурсами способствовал индустриализации и победе социализма в СССР. В Советском Союзе создавалось свое производство – станкостроение, ракетостроение, осуществлялась разработка электрооборудования. Развивалась

легкая промышленность, сельское хозяйство, бесплатное образование, здравоохранение, наука, сфера услуг.

Советское правительство активно использовало запасы сырья для закупки за рубежом новейшей техники и оборудования для перевооружения промышленных предприятий на основе последних достижений науки и техники и индустриализации страны. Современная Россия повторяет этот опыт в том смысле, что она использует экспорт сырья для развития военной промышленности и перевооружения. Но этого недостаточно для преодоления отставания российской экономики. Этому не способствует также и иностранный капитал, который заинтересован не в ее модернизации, а в получении быстрой прибыли. Однако в целом роль России в мировой экономике не является ключевой. По данным Федеральной налоговой службы, из 3,99 млн. коммерческих компаний, состоявших на учете в России в 2014 г., только 23,99 тысяч (0,6%) приходилось на компании с иностранным участием. Иностранный капитал в основном сосредоточен в тех отраслях, которые не играют существенной роли в технологическом прогрессе страны [9] и закрепляет сырьевую направленность развития экономики России [12].

Наличие ядерного оружия является значительным компонентом внешней безопасности России. Но он – пассивный элемент силы России, так как его нельзя активно использовать для создания влияния в конкретных регионах мира. Для этого более важным является производство и владение высокотехнологическим обычным оружием, в создании которого решающую роль играет человеческий капитал. Реализация

стратегического сырья дает возможность России активизировать человеческий капитал для создания новейшей военной техники, которую она использует для формирования своего политического влияния. Особое значение имеют достижения России в производстве ракетных двигателей. Здесь были достигнуты настолько высокие результаты, что появилась военная зависимость США от России. Даже в условиях антироссийских санкций Штаты вынуждены выводить свои спутники на орбиту российскими двигателями. Конгресс запретил использование русских ракетных двигателей RD-180 в военных целях после 2019 г., но в 2015 г., он был вынужден смягчить этот запрет. Причиной этого являлась то, что Пентагону нужно было купить больше 18-и таких двигателей в продолжение последующих 7 лет [24]. Зависимость США от российских ракет, видимо, продлится до середины следующей декады [22].

В настоящее время Россию субъектом мировой политики делает не столько ядерное оружие, сколько высокотехнологичное современное обычное оружие. Именно оно дает возможность ей использовать военный элемент для создания и усиления своего влияния в разных регионах Земли, активно действовать в отдаленных от своей границы районах для продвижения своих интересов, приобретать союзников. Наиболее ярко это проявилось в случае Сирийского кризиса.

Современное вооружение играет существенную роль также в создании символического капитала России. Оно дает ей возможность создавать международный престиж, демонстрировать свою силу и достижения в области науки и техники, что разрушает стерео-

тип ее слабости и отсталости, который сформировался после распада СССР. Поэтому совместно с русским языком, культурой, православными ценностями оно играет существенную роль в создании мягкой силы России. Роль православия в формировании мягкой силы России, как единственного мощного православного государства, особенно ярко проявляется в православных европейских странах, где, даже в условиях военного и экономического ослабления России в начале ее постсоветской истории, православие способствовало сохранению ее влияния. В отличие от военной силы, культурный потенциал России недостаточно используется для целенаправленного создания её международного влияния. Фактически отсутствует активная реклама русского языка и культуры, которые имеют большое значение для создания нового имиджа России, особенно среди молодежи постсоветского пространства, а также целенаправленная и всесторонне осмысленная, конкретная политика формирования «мягкой силы» России.

Санкции и усиление политических позиций России

На фоне международных санкций, наложенных на Россию, явно проявилось значение России как особого актора и феномена мировой политики. По нашему мнению, они активизировали такие ценности ценностной дихотомии Багдасаряна, как идеократия, минимальность потребностей, государство как общая семья. Поэтому санкции не только не ослабили правительство Путина, а, напротив, мобилизовали население России вокруг него и усилили его внутривнутриполитические

позиции. Именно в условиях действия этих санкций Россия начала активные военные действия в Сирии, усилила свои военные и политические позиций в этой стране и вернулась на Ближний Восток. Российская общественность воспринимает санкции как продолжение антироссийской политики, что усиливает патриотические чувства населения и сплачивает его вокруг Путина. Например, запрет на ввоз продуктов и лекарств из стран, которые ввели санкции против России, правильным считают 45% респондентов, неправильным – 38%. Население слабо ощущает влияние санкций: 51% опрошенных россиян не пугают санкции США, которые никак не повлияют на их личную жизнь; 23% респондентов признают влияние санкций на свою личную жизнь существенным, несущественным – 19% [2].

Политическое усиление России в условиях санкций ставит вопрос об их эффективности. Политику санкций можно сравнивать с континентальной блокадой. Как антироссийские санкции, так и континентальная блокада, были навязаны союзникам. Во время встречи в Гарвардском университете вице-президент США Д. Байден заявил, что европейские страны не хотели применить санкции против России, но Обама заставил их принять политику санкций [8]. Сегодня место Англии занимает Россия, а место Франции – США. Как континентальная блокада наносила экономический ущерб союзникам Наполеона, так и политика санкций наносит ущерб не только России, но также и европейским союзникам США. По нашему мнению, именно этим можно объяснить то, что более 60% опрошенных французов и немцев

считают экономические меры давления на Европу недопустимыми, а в Великобритании так же думает чуть менее половины опрошенных – 47% [13].

Меньше всех от этих санкций страдают Соединенные Штаты, торговые-экономические отношения которых с Россией значительно слабее по сравнению с Европой. Континентальная блокада противопоставила друг другу экономику и политику. В этом противостоянии победителем вышла экономика. Такое же противоречие между экономикой и политикой заключает в себе политика санкций против России, участники которых уже понесли огромные потери, что вызывает их возмущение. Например, бывший заместитель французской разведки прямо говорил, что санкции нанесли тяжелый удар сельскому хозяйству Франции и критиковал свое правительство за рабское подчинение Вашингтону, что, по его мнению, наносит ущерб французским интересам [23]. В апреле 2016 г. парламент Франции принял резолюцию, в которой потребовал снятия санкций с России. Начиная с 2014 г., французские фермеры сжигали свою продукцию, перекрывали тракторами дороги и этим выражали свое негативное отношение к политике, которую проводило французское правительство в отношении России [20]. По словам итальянского банкира Антонио Фаллико: антироссийские санкции ЕС равносильны самоубийству [19].

Заключение

Феномен России в мировой политике – это результат специфики ее исторического развития, когда модернизация экономики существенно отставала от европеизации армии, администра-

ции, образования и политики. В процессе исторического развития Россия превратилась в страну, где происходящие фундаментальные политические изменения приводили к таким же изменениям в международной политике. Россия – особый актор мировой политики. Её характеризует необычное сочетание сырьевой экономики с военной мощью, что дает ей возможность своей активностью целенаправленно изменять расстановку сил в мировой политике в процессе преодоления активного сопротивления старых центров власти и влияния. В особый актор современной мировой политики Россию превращает функционирование

системы, которая включает в себя экспорт стратегического сырья; активизацию человеческого капитала; политику усиления международного значения России; создание, производство и применение высокотехнологичного обычного оружия; традиционные ценности России, влияющие на менталитет, политическое сознание и политическую культуру современных россиян. Необходимые условия для ее функционирования, кроме сырья создают: владение ядерным оружием; размер территории и численность населения; патриотизм; политическая система России.

Статья поступила в редакцию 03.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В.Э. СССР: что и почему не получилось? // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №. 3. С. 1–29.
2. Более 50% граждан РФ не пугают новые санкции США [3.05.2018] // Regnum [сайт]. – URL: <https://regnum.ru/news/2410797.html> (дата обращения: 24.06.2018).
3. Быков О.Н. Геополитический статус России: в 2-х книгах [кн.1]. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 200 с.
4. Быков О.Н. Геополитический статус России: в 2-х книгах [кн.2]. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 210 с.
5. ВВП стран мира в 2017 году, прогноз на 2018 г. // VisaSam.Ru [сайт]. – URL: <http://visasam.ru/emigration/vybor/vvp-stran-mira.html> (дата обращения: 23.06.2018).
6. «Вставание с колен»: доля РФ в мировой экономике ниже чем в пресловутые 90-е и продолжает снижаться // Русский Монитор [сайт]. – URL <https://rusmonitor.com/vstavanie-s-kolen-dolya-rf-v-mirovoj-ehkonomike-nizhe-chem-v-preslovutye-90-e-i-prodolzhaet-snizhatsya.html> (дата обращения 24.06.2018).
7. Гольцов А.Г. Трансформация геополитического порядка на постсоветском пространстве // Полития. 2016. №1(80). С. 54–72.
8. Джо Байден “Евросоюз не хотел вводить санкции против России, но Обама заставил” [3.11. 2014] // RT на русском [сайт]. URL: <https://russian.rt.com./article/52683>. (дата обращения: 24.06.2018).
9. Иностраный капитал терпит в России убытки, но не уходит // BBC news: русская служба [сайт]. – URL: https://www.bbc.com/russian/business/2015/10/151026_multinationals_in_russia (дата обращения: 24.06.2018).
10. Курылев К.П. Либеральная концепция внешнеполитических приоритетов России начала XX века // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2 № 1. С. 84–117.
11. Лавров С. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. С. 8–20.
12. Никулин Н.Н. Роль иностранного капитала в модернизации экономики России // Социально-экономическое положение России в новых геополитических и финансово-

- экономических условиях: реалии и перспективы развития. СПб.: Институт бизнеса и права, 2008. С. 43–46.
13. Опрос: европейцы против санкций США в отношении партнеров России в газовых проектах [26.01.2018] // НТВ новости [сайт]. – URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1975327/> (дата обращения: 24.06.2018).
 14. Отсталость как угроза: Путин дал старт новому политическому повороту [06.03.2018] // ИноСМИ.Ру [сайт]. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20180306/241645391.html> (дата обращения: 25.06.2018).
 15. Россия как цивилизация: материалы к размышлению / Под общей редакцией О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М.: Редакция журнала «Мир России», 2015. 466 с.
 16. Собко Е.М. Участие России в войне за Австрийское наследство (1740–1748) // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 156–159.
 17. Миркин Я. Экономика: корни роста [11.01.2018] / Институт экономики роста им. П.А. Столыпина [сайт]. URL: <http://stolypin.institute/publications/yakov-mirkin-ekonomika-korni-rosta/> (дата обращения 23.06.2018).
 18. A changing global order. Comparative politics: interests, identities and institutions in a changing global order / Ed. by J. Kopstein and M. Lichbach. Cambridge University press, 2000. 429 p.
 19. “EU sanctions against Russia are suicide” – Italian banker [14. 11.2014] // RT [website]. – URL: <https://www.rt.com/shows/sophieco/205275-eu-trade-war-business/> (required date: 25.06.2018).
 20. French Assembly Adopts Resolution calling to end anti-Russian sanctions imposed by EU [28.04. 2016] // RT [website]. – URL: <http://www.rt.com/341216-france-drops-sanctions-russia> (required date: 25.06.2018).
 21. Oldberg I., Russia’s Great Power strategy under Putin and Medvedev // Occasional Ulpapers: Published by Swedish Institute of International Affairs, 2010, no. 1, pp. 1–23.
 22. Pentagon Faces Delays in Shift Away From Russian Rocket Engines [04.09.2017] // The Wall Street Journal [website]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/pentagon-faces-delays-in-shift-away-from-russian-rocket-engines-1504526402> (required date: 24.06.2018).
 23. Retired French Intelligence Boss Lambasts France’s Antirussian Sanctions [25.06.2018] // Sputnik International [website]. – URL: <https://sputniknews.com/world/201605101039346286-france-united-states-sanctions/> (required date: 25.06.2018).
 24. U.S. needs up to 18 more Russian rocket engines: Pentagon [08.04.2016] // Reuters [website]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-space-russia/u-s-needs-up-to-18-more-russian-rocket-engines-pentagon-idUSKCN0X600H> (required date: 24.06.2018).
 25. Zakaurtseva T. The Current Foreign Policy of Russia // Slavic Eurasian Studies, 2007, no. 16–1, pp. 87–112.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V.E. SSSR: chto i pochemu ne poluchilos’? [The USSR: what and why did not work?]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 1–29.
2. Bolee 50% grazhdan RF ne pugayut novye sanktsii SShA [More than 50% of Russian citizens are not intimidated with new US sanctions] [3.05.2018]. In: *Regnum* [websait]. Available at: <https://regnum.ru/news/2410797.html> (accessed: 24.06.2018).
3. Bykov O.N. Geopoliticheskii status Rossii: v 2-kh knigakh [kn. 1] [Geopolitical status of Russia (In two books). Book 1]. Moskva, IMEMO RAN, 2015. 200 p.
4. Bykov O.N. Geopoliticheskii status Rossii (v dvukh knigakh). [kn. 2] [Geopolitical status of Russia (in two books). Book 2]. Moskva, IMEMO RAN, 2015. 210 p.

5. VVP stran mira v 2017 godu, prognoz na 2018 god [GDP in the world in 2017, forecast for 2018]. In: *VisaSam.Ru* [website]. Available at: <http://visasam.ru/emigration/vybor/vvp-stran-mira.html> (accessed: 23.06.2018).
6. "Vstavanie s kolen": dolya RF v mirovoi ekonomike nizhe chem v preslovutye 90-e i prodolzhaet snizhat'sya... ["Rise from the knees": the share of the Russian Federation in the world economy is lower than in the notorious 90's and continues to decline...]. In: *Ruski Monitor* [website]. Available at: <https://rusmonitor.com/vstavanie-s-kolen-dolya-rf-v-mirovoj-ehkonomike-nizhe-chem-v-preslovutye-90-e-i-prodolzhaet-snizhatsya.html> (accessed: 24.06.2018).
7. Goltsov A.G. Transformatsia geopoliticheskogo poryadka na postsovetском prostranstve [Transformation of the geopolitical order in the post-Soviet space]. In: *Politika*, 2018, no.1 (80), pp. 54–72.
8. Jo baiden "Evrosoyuz ne khochet vvodit' sanktsii protiv Rossii, no Obama zastavil" [Joe Biden "The European Union did not want to impose sanctions on Russia, but Obama made them do it"] [3.11.2014]. In: *RT na russkom* [website]. Available at: [//russian.rt.com/article/52683](http://russian.rt.com/article/52683) (accessed: 24.06.2018).
9. Inostrannyi kapital terpit v rossii ubitki, no ne ukhodit [Foreign capital suffers losses in Russia, but does not go away] [27.09.2015]. In: *BBC news: ruskaya sluzhba* [website]. Available at: https://www.bbc.com/russian/business/2015/10/151026_multinationals_in_russia (accessed: 24.06.2018).
10. Kurylev K.P. Liberalnaya kontseptsiya vsheshnepoliticheskikh prioritetrov Rossii nachala XX veka. [Liberal concept of Russia's foreign priorities at the early XX century]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanii*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 84–117.
11. Lavrov S. Istoricheskaya perspektiva vneshnei politiki Rossii [The historical perspective of Russia's foreign policy]. In: *Rossiya v globalnoi politike*, 2016, no 2, pp. 8–20.
12. Nikulin N.N. Rol' inostrannogo kapitala v modernizatsii ekonomiki Rossii [The role of foreign capital in modernizing the Russian economy]. In: *Socio-economic position of Russia in the new geopolitical and financial-economic conditions: realities and development prospects*. SPb., Institute of Business and Law, 2008, pp. 43–46.
13. Opros: evropeitsy protiv sanktsii SShA v otnoshenii partnerov Rossii v gazovykh proektakh [Poll: Europeans against US sanctions against Russia's partners in gas projects] [25.04.2018]. In: *NTV novosti* [website]. Available at: <http://www.ntv.ru/novosti/1975327> (accessed: 24.06.2018).
14. Otstalost' kak ugroza: Putin dal start novomu politicheskomu povorotu [Backwardness as a threat: Putin launched a new political turn] [06.03.2018]. In: *Inosmi.Ru* [website]. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20180306/241645391.html> (accessed: 25.06.2018).
15. Rossiya kak tsivilizatsia: materialy k razmyshleniyu [Russia as a civilization: materials for reflection]. Ed. by O.I. Shkaratan, V.N. Leksin, G.A. Yastrebov. Moscow, redaktsiya zhurnala "Mir Rossii", 2015. 466 p.
16. Sobko E.M. Uchastie Rossii v voine za Avstriiskoe nasledstvo (1740–1748). [Russia's participation in the war for the Austrian legacy]. In: *Voprosi istorii*, 2006, no 1, pp. 155–159.
17. Iakov Mirkin. Ekonomika: korni rosta [Yakov Mirkin. Economy: the roots of growth] [11.01.2018]. In: *Institut ekonomiki rosta im. P.A. Stolipina* [website]. Available at: <http://stolypin.institute/publications/yakov-mirkin-ekonomika-korni-rosta> (accessed: 23.06.2018).
18. A changing global order. Comparative politics: interests, identities and institutions in a changing global order. Ed. by J. Kopstein and M. Lichbach. Cambridge University press, 2000. 429 p.
19. "EU sanctions against Russia are suicide" - Italian banker [14.11.2014]. In: *RT* [website]. Available at: <https://www.rt.com/shows/sophieco/205275-eu-trade-war-business> (accessed: 25.06.2018).

20. French Assembly Adopts Resolution calling to end anti-Russian sanctions imposed by EU [28.04.2016]. In: *RT* [website]. Available at: <http://www.rt.com/341216-france-drops-sanctions-russia> (accessed: 25.06.2018).
21. Oldberg I., Russia's Great Power strategy under Putin and Medvedev. In: *Occasional Papers: Published by Swedish Institute of International Affairs*, 2010, no. 1, pp. 1–23.
22. Pentagon Faces Delays in Shift Away From Russian Rocket Engines [04.09.2017]. In: *The Wall Street Journal* [website]. Available at: <https://www.wsj.com/articles/pentagon-faces-delays-in-shift-away-from-russian-rocket-engines-1504526402> (accessed: 24.06.2018).
23. Retired French Intelligence Boss Lambasts France's Antirussian Sanctions [25.06.2018]. In: *Sputnik International* [website]. Available at: <https://sputniknews.com/world/201605101039346286-france-united-states-sanctions> (accessed: 25.06.2018).
24. U.S. needs up to 18 more Russian rocket engines: Pentagon [08.04.2016]. In: *Reuters* [website]. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-space-russia/u-s-needs-up-to-18-more-russian-rocket-engines-pentagon-idUSKCN0X600H> (accessed: 24.06.2018).
25. Zakaurtseva T. The Current Foreign Policy of Russia. In: *Slavic Eurasian Studies*, 2007, no. 16–1, pp. 87–112.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долидзе Валериян Мамиевич – кандидат исторических наук, профессор, факультет социальных и политических наук, Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия
e-mail: dolidze2011@gmail.com

Туквадзе Автандил Антонович – доктор политических наук, профессор Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия
e-mail: avtandil.tukvadze@tsu.ge

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valerian M. Dolidze – PhD in History, professor, faculty of social and political sciences, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
e-mail: dolidze2011@gmail.com

Avtandil A. Tukvadze – Doctor of Political Sciences, professor, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
e-mail: avtandil.tukvadze@tsu.ge

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Долидзе В.М., Туквадзе А.А. Феномен России в мировой политике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 244–256.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-244-256

FOR CITATION

Dolidze V., Tukvadze A. The phenomenon of Russia in the world politics. *Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 244–256.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-244-256

УДК 339

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-257-271

СОВРЕМЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Егоров В.Г.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье дается изложение факторов, последствий и мер преодоления глобального кризиса. Автор показал его особенности, уходящие корнями в глубинные «тектонические» процессы и поэтому обуславливающие кардинальность преобразований, призванных выстроить новую архитектуру мирового социально-экономического организма. Упование на самоорганизующую силу рынка нерелевантно грандиозности грядущих перемен. Именно всеобщность проблем, инициированных актуальными последствиями кризиса, определяет место и роль государств и международных организаций в создании условий дальнейшего поступательного развития. Имея значительный культурный и научно-образовательный «задел», современная Россия, значительно деиндустриализованная в 90-е годы прошлого века, имеет реальный шанс сократить имеющееся отставание от развитых экономик, продвигаясь в направлении «креативной экономики».

Ключевые слова: финансовый кризис, циклы капиталистического накопления, снижение роста реального сектора, финансовые «пузыри», монетарная, структурная, инновационная политика.

THE MODERN FINANCIAL CRISIS AND ITS CONSEQUENCES

V. Egorov*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article gives a presentation of the factors, consequences and measures to overcome the global crisis. The author showed its features, rooted in the deep "tectonic" processes and therefore causing the cardinality of the reforms designed to build a new architecture of the world socio-economic organism. The reliance on the self-organizing power of the market is irrelevant to the enormity of the coming changes. It is the universality of the problems initiated by the current consequences of the crisis that determines the place and role of states and international organizations in creating conditions for further progressive development. When there is a significant cultural, scientific and educational "reserve", modern Russia, having been significantly deindustrialized in the 90-ies of the last century, has a real chance to reduce the existing lagging behind from the developed economies. It will move in the direction of "creative economy".

Key words: Financial crisis, cycles of capital accumulation, reduction of growth in the real sector, financial bubbles, monetary, structural, innovation policy.

Экономический кризис и особенно финансовый, является всегда следствием системного неустойчивости. Масштабы и последствия кризиса 2008 г. настолько внушительны (табл. 1), что экономисты зачастую определяют его глобальным финансово-экономическим. Другие, имея в виду глубину пока не устраненных его причин, считают, что мировая экономика окончательно не преодолела риски, способные повернуть наметившиеся положительные тенденции ее роста вспять.

Антикризисные меры, сглаживающие остроту проблем, сопутствующих системному кризису (например, направленные на восстановление доверия населения к банкам), как правило, не ликвидируют основополагающие факторы, определяющие протяженность, широту распространения и размер циклов, в течение которых кризисы набирают свою силу.

Преодоление последствий наступившего кризиса, видимо, возможно только в *формате качественной трансформации, социально-экономического строя глобальной экономики*. Впервые за многовековую историю капитализм, периодически сменявший фазы спадов и роста общественного хозяйства, являвшихся, кроме всего прочего, факторами дальнейшего формационного развития, подошел к черте, перешагнуть которую можно только изменив «направление движения» [3].

В последнем из длинных циклов развития капитала (Американском, продолжающемся с XX в.) итальянский экономист и социолог Джованни Арриги обнаружил существенную особенность, предопределяющую закат современной архитектуры «фи-

нансового капитализма». В отличие от прежних циклов капиталистического накопления (Генуэзского – XV–XVI вв., Голландского – XVII в., Британского – XIX в.), в нынешнем не происходит возврат оборота капитала (обеспечивающего его воспроизводство) в материальную сферу (торговлю и производство) [1, с. 33]. Оборот глобального капитала замкнулся в финансовой сфере. Стремясь минимизировать риски механизма «своего роста», капитал нашел нишу, в которой деньги делают деньги. Такой исход событий предвидел немецкий марксист Рудольф Гильфердинг. «Капитал становится завоевателем мира, – писал он, – но каждый раз, как он завоевывает новую страну, он завоевывает только новую границу, которую необходимо отодвинуть дальше. Это стремление превращается в экономическую необходимость, потому что остановка понижает прибыль финансового капитала, уменьшает его способность к конкуренции и может, в конце концов, меньшую хозяйственную область превратить в данницу крупной... На место идеала демократического равенства выступил идеал олигархического господства» [7, с. 399–400].

Перемещение оборота капитала в финансовую сферу определяет порядок, при котором владение, распоряжение и управление активами становится «делом» узкой группы олигархата и его помощников.

По меткому выражению Кевина Филиппа, «финансы не могут взрастить (многочисленный средний) класс, потому что лишь незначительная часть населения... может разделить прибыль, получаемую на фондовой бирже и в коммерческом банке» [21].

«Осиротив» реальный сектор экономики и сузив круг персон, обеспечивающих его жизнеспособность, современный капитализм породил ряд системных противоречий, не оставляющих надежды на их благополучное преодоление в рамках существующего миропорядка.

Депривация глобального сектора материальной экономики, деиндустриализация. Несмотря на оптимистичный тон либеральных оценок, глобальная экономика демонстрирует устойчивый тренд на снижение темпов роста.

Таблица 1

Экономический рост в 2008-2017 гг. (в % ВВП)

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*
Мир	3,0	-0,1	5,4	4,3	3,5	3,5	3,6	3,4	3,2	3,6
Россия	5,2	-7,8	4,5	5,1	3,7	1,8	0,7	-2,8	-0,2	1,5**
ЕС (еврозоны)	0,4	-4,5	2,1	1,6	-0,9	-0,2	1,3	2,0	1,8	2,1
Великобритания	-0,6	-4,3	1,9	1,5	1,3	1,9	3,1	2,2	1,8	1,7
США	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,2	1,7	2,6	2,9	1,5	2,2
Германия	0,8	-5,6	3,9	3,7	0,7	0,6	1,9	1,5	1,9	2,1
Франция	0,2	-2,9	2,0	2,1	0,2	0,6	0,9	1,1	1,2	1,6
Италия	-1,1	-5,5	1,7	0,6	-2,8	-1,7	0,1	0,8	0,9	1,5
Испания	1,1	-3,6	0,0	-1,0	-2,9	-1,7	1,4	3,2	3,2	3,1
Греция	-0,3	-4,3	-5,5	-9,1	-7,3	-3,2	0,4	-0,2	0,0	1,8
Китай	9,6	9,2	10,6	9,5	7,9	7,8	7,3	6,9	6,7	6,8
Индия	3,9	8,5	10,3	6,6	5,5	6,4	7,5	8,0	7,1	6,7
Бразилия	5,1	-0,1	7,5	4,0	1,9	3,0	0,5	-3,8	-3,6	0,7
ЮАР	3,2	-1,5	3,0	3,3	2,2	2,5	1,7	1,3	0,3	0,7

* Данные прогноза:

Источник: IMF (2017 b) World economic outlook. Seeking sustainable growth: Short-term recovery, long-term challenges (October). Washington, DC: International Monetary Fund.

Концентрация богатства в руках ничтожно малой группы и рост неравенства до пределов, превосходящих самые пессимистичные прогнозы. Имущественное неравенство, ведущее к поляризации социумов, оставляет в прошлом перспективу общественной консолидации и повышает потенциал социально-политической нестабильности. Согласно отчету Credit Suisse, половина мирового богатства (50,8%) принадлежит 1% сверхбогатых олигархов, более трех четвертей (77,7%) – 5% жителей планеты, почти 90% –

10% наиболее обеспеченных персон. На долю населения США приходится 33,2% глобального достояния, Китая – 9,1%, на россиян – 0,4% (примерно столько же, сколько у Дании и Сингапура). Наиболее бедные 20% мирового населения – должники, у которых на каждый доллар дохода имеется долгов на 10,5 долларов США [2].

Расширение прямо не связанной с реальной экономикой финансовой сферы и рост «фиктивного» капитала, проявляющиеся разнообразными «побегами» больших и малых «пузырей», гро-

заций *попнуть и погрести с собой всю глобальную экономическую систему*. Только рынок инвестиционных обязательств, формализованный в фьючерсах, свопах, опционах, ценных бумагах и т.д. оценивается в астрономическую сумму 1,2 квадриллиона долл. США, в 70 триллионов оцениваются акции, 81 триллион – вся денежная масса, мировой долг в 200 триллионов (примерно треть которого приходится на США, законодателя финансовой системы мира) [13]. Держателями 80% всех денег на планете является пятая часть населения [14].

Последний кризис показал, что факторы, его порождающие, имеют тенденцию к увеличению продолжительности и системности, свидетельствующие о назревшей необходимости качественных перемен в архитектуре мировой экономики. Например, американский экономист И. Валлерстайн считает, что уже в ближайшие десятилетия следует ожидать больших изменений в экономическом миропорядке.

Кризис отличается от конъюнктурных проблем (периодически возникающих в развитии любой страны) тем, что попытка его «переждать» или надежда на то, что такого рода экономическая ситуация может разрешиться сама собой, только усугубляют последствия этого явления и могут привести к полному расстройству социального организма.

Отличие кризиса от текущих экономических сложностей заключается еще и в том, что помимо мер, которые могут сгладить последствия на уровне отдельных предприятий и домохозяйств, требуется активное вмешательство в процесс его преодоления государства и даже международных организаций.

Современная мировая экономика представляет собой сложный, связанный целостный организм. Поэтому возникающие кризисные явления неизбежно отражаются на всех национальных экономиках. Выздоровление от кризиса в этой связи может быть только процессом совместным, требующим общих конструктивных решений всех стран или, по крайней мере, сообщества ведущих держав.

И все же центральное место в профилактике и преодолении кризиса принадлежит национальным государствам. Именно этот институт, располагающий всеми атрибутами суверенитета (возможностями принятия решений в интересах общества), формирует политику, определяющую структуру экономики, монетарную политику и систему мер, способствующих восприимчивости общественного хозяйств к инновациям.

Место и роль государства в преодолении последствий кризиса обусловлено не столько необходимостью оперативного реагирования на вызовы, способные нанести ущерб общественному хозяйству в краткосрочной перспективе, сколько особенностями современного его проявления. Эффективность и результативность экономической политики вообще и монетарной в частности, всегда неоднозначны, хотя бы потому, что, во-первых, порой направлены на реализацию интересов корпораций, групп влияния, коррумпированных сообществ и т.д., во-вторых, в силу субъективности, обусловленной невозможностью владения их авторами всей совокупностью объективной информации для принятия рациональных решений (по Дж. М. Кейнсу). Именно поэтому, казалось

бы, работающие инструменты государственного влияния на экономику (например, в случае в России – таргетирование инфляции) вызывают у многих экономистов сомнения и критику [12].

Значение государственной политики в актуальных условиях определяется системностью кризиса, требующей корректировки стратегии общественного развития, т.е. системы мер, находящихся исключительно в компетенции государства.

Безусловно, было бы неверным полагать, что государство должно полностью устраниться от решения текущих проблем и сосредоточиться исключительно на вопросах стратегического порядка. Лагерь сторонников неолиберального посыла о полной устраненности государства из регулируемой «невидимой рукой рынка» экономики неуклонно убывает. В отношении России нерелевантность этого положения, помимо прочего, обусловлена историко-культурным контекстом и особенностями имплементации отечественного капитализма, метко характеризуемого «трофейным». Генезис нынешнего «издания» капитализма в России не связан с естественным ростом рыночного хозяйств, но явился результатом «спланированного» раздела государственной собственности. Помимо лишения большинства российских граждан значительной части национального достояния (10% богатых россиян владеют 77% богатства страны [16, с. 34]), эта метаморфоза завершилась в трансформацию социалистической собственности (институционализированной в масштабных формах) в крупную капиталистическую собственность. Уже в первое

капиталистическое десятилетие конкуренция нарождающихся малых форм предпринимательства с крупными финансово-промышленными корпорациями закончилась полным поражением тех, кто мечтал «свободно, в свободной стране» обзавестись собственным делом. Только чистые теоретики, не знающие практики хозяйствования, могут полагать, что предоставлением преференций при регистрации малых предприятий и запретом проверок надзорными органами можно создать условия для масштабного роста капитализма «снизу» [8].

Управлять, регулировать, принуждать к социализации крупный капитал способно только государство. Правда, избыточное его присутствие в хозяйственной сфере, помимо положительных последствий, имеет множество неконструктивных. Отсутствие стабильных условий (пространства, недостижимого для чиновничьего произвола и чрезмерного с точки зрения давления государства) для бизнеса породили эффект массового бегства капитала из страны. За ее пределами размещены активы россиян, сопоставимые или даже превосходящие по величине их активы внутри национальной экономики. При этом износ основных фондов в российской промышленности составляет 53%, коммунальном хозяйстве – 70–80%.

«Заграничная прописка» российского капитала не создает эффект *trickle-down*, о котором писал Джон Ролз в книге «Теория справедливости», опубликованной в 1971 г., при котором богатство просачивается «сверху вниз» [20].

Вместе с тем попытки сокращения присутствия государства в экономике

обречены, так как расширение физически малых размеров экономики фактически ограничено его материальными возможностями, а отсутствие абсолютного института частной собственности и его производного правового порядка делает государственное регулирование единственным организующим экономику механизмом.

Очевидно, что в условиях кризиса роль государственного участия возрастает до пределов «ручного управления».

Первое, что может предпринять государство в условиях кризиса, что не под силу отдельным субъектам экономической деятельности, это поддержать от окончательного разрушения финансовый сектор страны. Эта мера быстрого реагирования призвана, в том числе, амортизировать урон, который неизбежно несут отдельные домохозяйства в связи с обесцениванием банковских вкладов и потерей рабочих мест в разоряющихся предприятиях, т.е. поправить ситуацию средствами кредитно-денежной политики. Для этого государство может восстановить недостающий объем средств, находящихся в распоряжении банков для кредитования потребления и предпринимательства. Меры, направленные на помощь банкам, позволяют прежде всего поддержать потребление населения, расширение которого стимулирует экономику к производству новых товаров и услуг.

Однако такая политика, без продуманной и реализуемой стратегии экономического развития, может лишь поправить экономическое положение в краткосрочной перспективе, но не может гарантировать от повторения трудностей. Кроме того, финансовая

поддержка собственного банковского сектора, помимо социальной функции, во многом ориентирована на восполнение потерь банков, а следовательно, предполагает расходование средств бюджета (средств государства, поступающих в его распоряжение от сборов налогов, акцизов и др.) и, таким образом, становится средством перекладывания значительной доли тяжести кризиса на плечи рядовых граждан.

Решения, способствующие временному оздоровлению банков путем восполнения утраченной ликвидности (активов, способных поддержать денежный оборот), не могут обеспечить долгосрочную тенденцию на оздоровление экономики, создать условия необратимости обвала финансовой системы страны в будущем. В ряду мероприятий, рассчитанных на исправление последствий кризиса, в среднесрочной перспективе следует указать на усилия государства, призванные изменить «правила игры», на которых основывает свою деятельность банковский сектор и которые привели к кризисным явлениям. Содержание курса на обновление организации финансов страны кратко характеризуется двумя важными принципами. Во-первых, предотвращение накопления «плохих денег», заработанных на инвестициях (вложениях капитала) в финансовые спекуляции (например, получение прибыли за счет разницы в курсе валют или провоцировании роста или падения стоимости ценных бумаг и т.д.) Во-вторых, создание эффективного механизма направления капитала и сбережений граждан в реальный сектор экономики (отрасли, производящие материальные и нематериальные товары и услуги; за ис-

ключением финансово-кредитных и биржевых операций). В-третьих, формирование условий, гарантирующих стабильность национальной валюты и в целом финансовой системы страны, призванных обеспечить необходимое доверие населения, способное, по мысли М. Кейнса, поддержать конструктивный баланс между «сбережениями и инвестициями», увеличить потребление и, таким образом, стимулировать развитие экономики.

Исправление в ходе преодоления кризиса «правил игры» позволяет говорить не только о его отрицательных, но и положительных последствиях, так как выстраивание «исправленного» механизма функционирования банковского сектора и экономики в целом предполагает большую работу по выявлению и устранению ошибок предшествующего развития. Например, позволяет значительно уменьшить напряжение ценовых «пузырей», явившихся результатом переизбытка «спекулятивных денег», требующих все новых сфер приложения; способствует определению границы положительных и отрицательных последствий девальвации (снижения курса) национальной валюты, с одной стороны, благоприятно сказывающейся на финансовом состоянии предприятий, ориентированных на экспорт (поставку товаров за границу), с другой, вызывающей проблемы в обслуживании внешних займов (осуществляемых в мировых валютах, курс которых в годы кризиса резко возрастает); дает возможность выявить соотношение отрицательного результата роста инфляции, понижающего доходы граждан и ее таргетированных значений (размера, определяемого политикой

Центрального банка, направленной на ценовую стабильность, как правило, осуществляемую через процентную ставку на кредитные ресурсы).

В целом все инструменты денежно-кредитной политики, направленной на преодоление финансового кризиса и его последствий, применяются в рамках использования того или иного канала денежной трансмиссии. Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики – это механизм, посредством которого инструменты Центрального Банка влияют на экономическую активность населения и организаций, а также основные макроэкономические показатели развития. Трансмиссионный механизм включает в себя характерные каналы (табл. 2).

Однако монетарная политика государства в целом адекватно отвечает только задачам «краткосрочной экономической стабилизации» и имеет далеко не исчерпывающие возможности стимулирования экономического развития [11, с. 42].

Основное место в антикризисной деятельности государства по праву занимают мероприятия, связанные с выстраиванием стратегии экономического развития, призванные не допустить негативного сценария кризиса и способствующие поступательному росту общественного хозяйства, т. е. структурная политика.

Структурная политика – это сложный комплекс мер, призванный в каждый конкретный период экономического развития обеспечить оптимальное (наиболее эффективное) направление всех имеющихся в распоряжении средств на цели экономического роста. Экономисты, обычно говоря о структурной политике, имеют

Таблица 2

Каналы трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики

Канал трансмиссионного механизма ДКП	Механизм воздействия на деловую активность	Возможность использования канала для преодоления финансового кризиса
Процентный	Снижение реальных процентных ставок → уменьшение платежей по кредитам → рост инвестиций → рост совокупного спроса и увеличение выпуска	Сокращение процентных ставок допустимо только в том случае, если финансовый кризис не сопровождается всплеском инфляции. В противном случае снижение ставок приведет к росту денежной массы, что отразится в росте цен на товары, а не в росте производства
Кредитный канал	Докапитализация банков → рост кредитных ресурсов банков → увеличение объемов кредитования → рост инвестиций → увеличение выпуска → рост ВВП	Поскольку докапитализация банков происходит за счет бюджетных средств, кредитный канал не используется для преодоления финансовых кризисов, сопровождающихся сильным дефицитом государственного бюджета
Канал благосостояния	Операции Центрального Банка по покупке ценных бумаг на финансовых рынках страны → повышение доходности ценных бумаг → увеличение доходов домохозяйств → рост объемов потребления → увеличение совокупного спроса → рост выпуска	Для успешного применения данного канала в преодолении финансового кризиса в стране должен быть развитый рынок ценных бумаг, и каждый гражданин должен иметь возможность осуществления операций с ценными бумагами
Валютный канал	Покупки Центральным Банком иностранной валюты и снижение процентных ставок → снижение обменного курса национальной валюты → рост экспорта → снижение импорта → увеличение совокупного спроса и производства	Для успешного применения данного канала в стране должны быть четко отлажены механизмы противодействия вывозу капитала за рубеж, в противном случае поступающие от экспорта доходы не смогут повлиять на рост и развитие производства

в виду устранения риска инвестирования (вложений капитала) в имеющиеся и новые отрасли экономики, прежде всего те, которые имеют конкурентные преимущества на внутреннем и внешнем рынках; побуждение бизнеса направлять свои усилия в производства и технологии с неочевидными перспективами быстрого и легкого получения прибыли, особенно те, которые требуют больших затрат на науку и но-

вые технические решения и стимулирование сфер экономики, способных предоставить максимально большое количество рабочих мест. Структурная политика государства реализуется через реформирование прежних или формирование новых экономических институтов. (Институты – это обличенные в определенную правовую форму или не формализованные установления; например: частная соб-

ственность, конкуренция, госзакупки и т.д.)

Поиск оптимальной структурной политики, призванной обеспечить долгосрочную перспективу экономического роста, не находит решения в рамках неолиберального мейнстрима, предполагающего прежде всего сокращение присутствия государства в экономике [10].

Содержание структурной политики для России, изложенное в докладе Высшей школы экономики «Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка», представленном Евгением Ясиным, сводится к мерам, вряд ли способным обеспечить стратегию роста. Авторы доклада считают необходимым переориентировать российскую экономику от формирования собственных приоритетных технологических направлений на встраивание в низко- и средне-технологичные глобальные цепочки создания стоимости и рост сектора услуг, «в том числе креативной индустрии «экономики впечатлений» [5]. Безусловно, реализация такого рецепта для национальной экономики, как показывает опыт развивающихся стран, в том числе Китая, может способствовать ее движению по пути наращивания ВВП и даже стимулировать потребление, но с точки зрения обеспечения устойчивого долгосрочного роста не может быть признана оптимальной, так как инициирует не просто интеграцию, но подчинение стратегии развития всем, в том числе негативным тенденциям глобального миропорядка.

Неясно и малопродуктивно выглядят рекомендации перестройки структурной политики, опирающейся «на существующий ресурсный и на-

учно-технический потенциал с учетом особенностей ее формирования (российской экономики. – В.Е.), развития и способности гражданского (не рыночного. – В.Е.) менталитета» [18].

Высокая степень зависимости структурной политики России, направленной на достижение качественно совершенного технологического уровня от «бюджетного финансирования» и низкая коммерциализация инновационных проектов отмечается в докладе ЦСР (Центра стратегических разработок) [9].

Развернув впечатляющую по масштабам программную структурную трансформацию, авторы доклада внятно не ответили на вопрос о том, как преодолеть это препятствие на пути оптимизации структурной трансформации. В ряду предложенных мер ЦСР: создание условий «для запуска в базовом секторе масштабного обновления основных фондов и программного обеспечения», создание модульных цифровых платформ (преимущественно с открытой архитектурой), основанных на корпоративной организации в основных отраслях российской промышленности: «прежде всего в автомобилестроении, судостроении и авиастроении, космической промышленности, в иных секторах машиностроения, в медицинской технике и фармацевтике, строительстве и эксплуатации атомных станций, сложных технологических объектов в сфере нефте- и газодобычи и др.», развитие технологического предпринимательства, финансирование НИОКР, реализация долгосрочных программ развития, формирование нового высокотехнологичного сектора российской экономики, переход цифровизации из сферы услуг, финансов, медиа в реаль-

ный сектор, «развернутая поддержка системы инженерно-технического образования и формирование на базе ведущих университетов «фабрик» генерации новых технологий».

Безусловно, часть мер, указанных в программе, требующих исключительно организационного ресурса, например, создания проектных структур, заслуживают включения в ближайшие планы реализации. Другая часть проектных мероприятий, для воплощения которых необходимо масштабное финансирование, нуждается в проработке с точки зрения источников монетизации и коммерциализации.

Структурная политика, помимо содержательного аспекта, имеет другую, не менее важную, методическую, сторону реализации. Так, вполне обоснованно экономистами Центра развития ВШЭ высказывается мысль о том, что «три макросектора российской экономики – сырьевой, крупный несырьевой и сектор средних и мелких предприятий имеют жесткие границы, разные финансовые модели и разным способом реагируют на изменения внешних условий», а следовательно, не могут являться объектом универсальных подходов» [19].

Интерес представляет точка зрения экономистов, которые полагают, что темпы и масштабы в сфере структурных преобразований не должны быть всеобъемлющими, кардинально меняющими прежний социально-экономический строй [17]. Масштабные качественные изменения, во-первых, не позволяют использовать конструктивный потенциал преемственности; во-вторых, ломают ценности, символы и представления, связанные с определенным хозяйственным укладом и

поэтому оставляют вне субъектности структурных перемен целый пласт активного населения и, в-третьих, как любые революционные «рывки», структурный «форсаж» обязательно вызывает встречную контрреакцию, сопротивление, чреватое социальной нестабильностью.

Стратегия государства на достижение структурных перемен, как справедливо утверждали представители немецкой исторической школы экономики, имеет для каждой страны обусловленные национально-культурным контекстом особенности. Например, для нашей страны необходимой составляющей курса на преодоление кризиса является изменение сырьевой направленности экономики, установление оптимального участия в хозяйственной сфере государства. С одной стороны, обеспечивающее ускоренный рост общественно значимых отраслей и производств, а с другой стороны, не препятствующее нормальному функционированию института конкуренции и не создающее дополнительного пространства для неэффективного и нецелевого использования средств налогоплательщиков для реализации интересов узкого круга лиц.

Учитывая отставание отечественного реального сектора экономики от среднемирового уровня, его размеров и темпов роста, особое значение в ряду стратегических антикризисных мер занимает государственная политика, стимулирующая предложение потребительских товаров и услуг и их внутренний спрос за счет бюджетных расходов. Выступая на открытии форума в Давосе, Президент В.В. Путин заметил, что Россия имеет неограниченные возможности для экономического

роста благодаря емкости внутреннего спроса и развития потребительского рынка. Но наша экономика, – заявил он, – давно требует структурных реформ. При этом лучшим лекарством от кризиса, по мнению Президента, является развитие программ массового строительства жилья, дорожной сети, атомной энергетики, машиностроения, сельского хозяйства, ВПК и науки. Эти отрасли могут стать локомотивами национальной экономики, создать новые рабочие места. И если при этом, отметил В.В. Путин, – бюджет страны станет из профицитного (в котором доходы превосходят расходы) разумно дефицитным, ничего страшного в этом нет. «Лучше умеренная инфляция и развитие, чем кризис» [15].

По мнению известного экономиста Томаса Пиккетти, автора книги «Капитал в XXI веке», бюджетная политика, перераспределяющая средства, находящиеся в распоряжении государства, на стимулирование экономического развития, составляет важную часть антикризисной политики [6]. Бюджетная политика – это политика, регулирующая доходы и расходы государства. Важной задачей оптимизации бюджетной политики является ее ориентация на нужды общества, повышение благосостояния населения.

Мировая экономическая практика располагает достаточным положительным опытом социализации экономики. Например, заслуживает внимания опыт немецкой социально ориентированной экономики, явившей миру «экономическое чудо», благодаря которому Германии удалось не только преодолеть послевоенную разруху, но и выйти в ряд наиболее передовых держав мира. И сейчас, при выдаче бан-

ковских кредитов (особенно в банках с государственным участием) предпочтение отдается не крупным бизнес-структурам, но малым предприятиям и индивидуальным товаропроизводителям.

Институциональная реформа экономики, ориентированная на перспективу роста, должна соответствовать современным цивилизационным трендам (проявляющимся направлениям развития человечества). В связи с этим важной составляющей структурной политики является *инновационная политика*.

В условиях перехода мировой цивилизации к качественно новому состоянию, определяемому сменой материальных источников развития информационными, именно та страна полностью обезопасит себя от нового кризиса, которая сможет наиболее успешно адаптироваться к такой трансформации. Говоря проще, первенство не только в создании антикризисных условий развития, но и в ряду передовых стран мира будет принадлежать тем из них, которые в наибольшей степени продвинутся в области новейших наукоемких технологий, смогут максимально эффективно соединить науку и производство, поставив их на службу обществу.

Выражаясь кратко, можно охарактеризовать целеполагание инновационной политики как создание институциональных и материальных условий для перехода к экономике постмодерна, сложным источником развития которой являются знания и информация. В артикуляции А.В. Бузгалина, формирование креативной экономики [4], основополагающими качествами которой, по мнению экономиста, является

творческий труд: 1) отличающийся от репродуктивного (воспроизводящего) прежнего качества; 2) выступающий «ценностью, а не обременением»; 3) обладающий свойствами самомотивации; 4) при котором физическое потребление средств производства носит перфектный характер; 5) результирующий в продуцирование феномена культуры [3].

Осознание важности или даже жизненной необходимости обеспечить интеграцию России в цивилизационный мейнстрим демонстрирует первый после инаугурации Указ Президента РФ¹, в котором в качестве стратегических задач обозначены стратегические направления:

«- ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа;

- обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере».

Для продвижения этих направлений предполагается «опережающее» развитие науки и образования. Поставлена цель достижения «присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки и областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития; создания научных центров мирового уровня, включая сеть международных математических центров и центров геномных исследований; не менее 15 научно-образо-

вательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики; глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок; сквозных цифровых технологий преимущественно на основе отечественных разработок».

Таким образом, меры, направленные на преодоление кризиса, как и сам кризис, представляющий собой сложный социально-экономический феномен, не могут быть сведены к односложной и однонаправленной деятельности. Важно отметить два положения, составляющие стержень антикризисной политики: это ведущая роль государства в преодолении кризиса и нацеленности не только на устранение его видимых, острых последствий, но и реализацию стратегии поступательного экономического развития.

Видимые признаки наступившего в 2008 г. системного кризиса – лишь начало большой «цивилизационной ломки», результатом которой должна стать «новая селекция», призванная определить конструктивный потенциал сложившихся социально-экономических реалий, перспективы общественного развития, его «новых» лидеров и аутсайдеров.

Статья поступила в редакцию 15.05.2018

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

ЛИТЕРАТУРА

1. Арриги Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2007. 472 с.
2. Базанов Е., Оверченко М. Мир потерял равновесие // Ведомости. 2017. 12 янв.
3. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.
4. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
5. Бутрин Д. Терапия заболеваний экономического роста // Коммерсант. 2018. 16 апр.
6. Гайва Е., Гурова М., Обухова Е. Не в отдельно взятой стране // Эксперт. 2017. № 38. С. 15–23.
7. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Либроком. 2011. 460 с.
8. Господдержка выживания // Ведомости. 2018. 13 апр.
9. Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
10. Михайлов А. Экономика «осажденной страны» // Профиль. Деловой еженедельник. 2017. № 47.
11. Моисеев С. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 24–42.
12. Пестова А.А. Об оценке эффектов монетарной политики в России: роль пространства шоков и изменений режимов политики // Вопросы экономики. № 2. 2018. С. 33–55.
13. Подсчитаем сколько в мире денег [13.03.2017] // ФБ.ру [сайт]. – URL: fb.ru/article/300471 (дата обращения: 06.05.2018)
14. Сколько в мире денег в 2018 году? [07.01.2018] // Cerulean [сайт]. – URL: http://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-v-mire-deneg-v-2017-godu.html (дата обращения: 06.05.2018).
15. Смирнов А. Финансовый кризис в РФ: причины и механизмы санации [18.02.2009] // KM.RU [сайт]. – URL: http://www.km.ru/news/finansovyy_krizis_v_rf_prichiny_ (дата обращения: 06.05.2018).
16. Сравнились с Америкой // Коммерсант. Деньги. 2017. № 63. С. 34.
17. Халиков М.А., Шафиев Р.М., Максимов Д.А. Последствия включения в мировую экономику. Без кардинальной структурной перестройки России не обойтись // Независимая газета. 2018. 16 янв.
18. Тузиков А. Сила малых шагов // Ведомости. 2017. 16 июня.
19. Центр развития ВШЭ предлагает отказаться от единой промышленной политики // Коммерсант. 2018. 26 февр.
20. Эткинд А. Офшорная справедливость // Ведомости. 2017. 15 сент.
21. Kevin P. Boiling Point: Republicans, Democrats and the Decline of Middle-class prosperity. New York: Random House, 1993. 197 p.

REFERENCES

1. Arrigi D. Dolgii dvadtsatyi vek. Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni [The long twentieth century. Money, power and the origins of our time]. Moscow, Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego» Publ., 2007. 472 p.
2. Bazanov E., Overchenko M. Mir poteryal ravnovesie [The world has lost the equilibrium]. In: *Vedomosti*, 2017. 12 Jan.
3. Buzgalin A.V. [The decline of neoliberalism]. In: *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 2, pp. 122–141.
4. 20. Buzgalin A.V. [Creative economy: intellectual property: private or everyone's property?] In: *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 7, pp. 43–53.

5. Butrin D. Terapiya zabolevanii ekonomicheskogo rosta [Therapy of economic growth diseases]. In: *Kommersant*, 2018, 16 APR.
6. Gaiva E., Gurova M., Obukhova E. [Not in an each single country]. In: *Ekspert*, 2017, no. 38, pp. 15–23.
7. Gil'ferding R. Finansovyi kapital. Noveishaya faza v razvitii kapitalizma [Financial capital. The latest phase in the development of capitalism] Moscow, Librokom Publ., 2011. 460 p.
8. Gospodderzhka vyzhivaniya [State support for the survival]. In: *Vedomosti*, 2018, 13 APR.
9. Idrisov G.I., Knyagin V.N., Kudrin A.L., Rozhkova E.S. [New technological revolution: challenges and opportunities for Russia]. In: *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 4, pp. 5–25.
10. Mikhailov A. [The economy of a "besieged country"]. In: *Profil'. Delovoi ezhenedel'nik*, 2017, no. 47.
11. Moiseev S. [The Renaissance of monetarism: what the famous theory lived by in the 2000–2018 years]. In: *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 1, pp. 42.
12. Pestova A.A. [On the evaluation of the effects of monetary policy in Russia: the role of the space of shocks and change of policy regimes]. In: *Voprosy ekonomiki*, no. 2, 2018, pp. 33–55.
13. Podschitaem skol'ko v mire deneg 13.03.2017 [Elektronnyi resurs] [Let's calculate how much money there is in the world of 13.03.2017]. In: *FB.ru* [website]. Available at: fb.ru/article/300471 (accessed: 06.05.2018).
14. Skol'ko v mire deneg v 2018 godu? 07.01.2018 [Elektronnyi resurs] [How much money is there in the world in 2018? 07.01.2018 [Electronic source]]. Available at: <http://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-v-mire-deneg-v-2017-godu.html> (request date 06.05.2018)
15. Smirnov A. Finansovyi krizis v RF: prichiny i mekhanizmy sanatsii 18.02.2009 // KM.RU [http](http://www.km.ru/news/finansovyj_krizis_v_rf_prichiny_) [The financial crisis in Russia: causes and mechanisms of readjustment] [18.02.2009]. Available at: KM.RU www.km.ru/news/finansovyj_krizis_v_rf_prichiny_ [www.km.ru/news/finansovyj_krizis_v_rf_prichiny_].
16. [Having overtaken America]. In: *Kommersant. Den'gi*, 2017, no. 63, pp. 32.
17. Khalikov M.A., Shafiev R.M., Maksimov D.A. Posledstviya vklyucheniya v mirovuyu ekonomiku. Bez kardinal'noi strukturnoi perestroiki Rossii ne oboitis' [The consequences of integration into the global economy. Without a fundamental restructuring of Russia not to manage]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2018 [The independent newspaper. 2018]. Jan.
18. Tuzikov A. Sila malykh shagov (The power of small steps). In: *Vedomosti*, 2017. 16 Jun.
19. Tsentrazvitiya VSHE predlagaet otkazat'sya ot edinoi promyshlennoi politiki (The center of the HSE proposes to abandon a common industrial policy). In: *Kommersant*, 2018, 26 Feb.
20. Etkind A. Ofshornaya spravedlivost' [Offshore fairness]. In: *Vedomosti*, 2017, 15 Sep.
21. Kevin P. Boiling Point: Republicans, Democrats and the Decline of Middle-class prosperity. New York, Random House, 1993. 197 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: korrrka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir G. Egorov – doctor of historical sciences, doctor of economic sciences, Professor, head of the Department of political science and law, Moscow Region State University;
e-mail: korrrka@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егоров В.Г. Современный финансовый кризис и его последствия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 257–271.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-257-271

FOR CITATION

Egorov V. The modern financial crisis and its consequences. In: *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 257–271.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-257-271

УДК 329

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-272-284

ЭКОСОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ДЕСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ И ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ИДЕОЛОГИИ «ЗЕЛЕНОГО» ДВИЖЕНИЯ В ФРГ

Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Целью настоящей статьи является критический анализ идейно-теоретических установок, представленных в экологическом учении «зеленых» в ФРГ. Согласно позиции авторов, их практическая реализация будет способствовать решению экологических проблем, присущих современному обществу, минимизации рисков и деструкций, детерминируемых экологическими факторами. Исследуя круг обозначенных проблем, авторы руководствуются положениями диалектики о противоречии как источнике развития, принципами историзма и научного объективизма. Сделан вывод, что, несмотря на наличие в учении «зеленых» положений утопического характера, оно может быть использовано при разработке принципов и направлений экологической политики. На основе анализа экологического учения «зеленых» сформулированы положения, практическая реализация которых будет способствовать снижению рискогенности общества.

Ключевые слова: общество риска, экологический кризис, экология, социальная деструкция.

ECO-SOCIAL RISKS AND DESTRUCTION OF MODERNITY AND COMPREHENSION OF THE PROSPECTS OF HUMAN AND NATURE RELATIONS HARMONIZATION IN THE IDEOLOGY OF THE GREEN MOVEMENT IN GERMANY

S. Vitiitnev, N. Kozyakova

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Annotation. The purpose of this article is to carry out a critical analysis of the ideological and theoretical attitudes presented in the environmental study of the “greens” in Germany. According to the position of the authors, their practical implementation will contribute to the solution of environmental problems inherent in modern society, minimizing the risks and destructions determined by environmental factors. Studying the range of the indicated problems, the authors are guided by the provisions of the dialectics on contradiction as a source of development. The principles of historicism and scientific objectivism are also taken into consideration. It is concluded that despite the presence of utopian provisions in the “greens” doctrine, it can be used in the development of environmental policy principles and directions. On the basis of the analysis

© CC BY Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С., 2018.

of the ecological doctrine of the "greens" provisions are formulated. Their practical implementation will help to reduce the tendency to risk in the society.

Key words: risk society, ecological crisis, ecology, social destruction.

Современная эпоха характеризуется беспрецедентным по масштабам воздействием человеческой цивилизации на природу. Динамичное развитие производительных сил, связанное с научно-техническим прогрессом, служащее источником экологического роста и всевозможных материальных благ, одновременно предстает как фактор, способствующий разрушению природных комплексов, возникновению регионального, на уровне отдельных стран, а в конечном счете глобального экологического кризиса. Его наступление сопряжено с огромным ущербом, наносимым природе и здоровью людей, острыми социально-экономическими и политическими коллизиями, что может поставить под угрозу само существование человека как биологического вида.

Уже в настоящее время катастрофический характер приобретает загрязнение окружающей среды, все чаще как в России, так и за рубежом на крупных производствах случаются аварии техногенного происхождения, сопровождаемые многочисленными человеческими жертвами. Отчетливо наблюдается тенденция к истощению природных ресурсов, необходимых для функционирования современной промышленности, разведка и освоение месторождений которых становятся все более сложными и затратными. Подобное развитие событий приводит многих ученых-экологов, политиков, общественных деятелей к мысли о том, что будущее цивилизации определяется альтернативой: либо

«спасение экологического благосостояния планеты», либо опустошение ее недр и разрушение окружающей среды вследствие ведения «яркой жизни суперпотребителя» [4, с. 42].

Одним из подтверждений справедливости этого вывода выступает тот факт, что в планетарном масштабе набирает силу ресурсная конкуренция, причем ее участниками выступают не только отдельные компании, но и государства, деятельность которых в рамках капиталистической системы хозяйствования ориентирована на извлечение любыми способами максимальной прибыли в ходе освоения природных объектов, и чьи интересы приходят в противоречие с попытками на гуманистической основе приступить к решению экологических проблем. Напротив, последние приобретают все более сложный характер, стимулируя деструкцию социума и снижение предсказуемости все форм социального поведения [6, с. 25].

Как пишет С. Нефедов, политические акторы вынуждены пересматривать и адаптировать свое поведение под воздействием изменений в природной среде, которая из объекта политического воздействия, превращается в его субъекта, что ведет к возникновению новых политических феноменов [9, с. 3], одним из которых становится рост политического насилия [9, с. 15]. Примером тому – так называемые «ресурсные войны», развязанные в первые два десятилетия XXI века коалицией западных государств во главе с США на Ближнем Востоке,

появление в отдельных странах «экофашистских» группировок, члены которых под лозунгами защиты природы требуют установления экологической диктатуры, ограничения демократических свобод, нередко вступая в силовое противоборство со своими политическими оппонентами [2, с. 15].

Очевидно, что современное мироустройство обретает черты так называемого «общества риска», функционирование которого на уровне всех подсистем и структурных элементов продуцирует разнообразные риски, производные от перманентно возникающих всякого рода опасностей и угроз. Исходя из этого, в настоящее время особую актуальность приобретает вопрос о способности человечества на данном этапе его социального развития минимизировать детерминированные экологическими факторами риски и деструкции, в частности в сфере политики, что предполагает необходимость теоретически обосновать комплекс мероприятий, практическая реализация которых позволит решить столь непростую задачу. При этом высокий уровень рискогенности окружающего человека глобализованного мира, требует от исследователей, приступивших к изучению его существенных характеристик сквозь призму обозначенной выше задачи, использования таких категорий, как «риск», «неопределенность», «вероятность», «скрытая угроза» [8, с. 72].

Одним из первых экологические риски в рамках концепции общества риска выделил немецкий социолог У. Бек, утверждавший, что современное социальное устройство не является постиндустриальным, а представляет собой все то же общество модерна на

втором этапе его развития. Для него характерно преобладание производства риска над производством богатства. Как пишет У. Бек, социальные позиции и конфликты общества, распределяющего богатства, в процессе непрерывной модернизации начинают пересекаться с позициями и конфликтами общества, «распределяющего риски» [1, с. 5]. При этом в процессе модернизации высвобождаются такие деструктивные силы, которые просто недоступны человеческому воображению [1, с. 17]. Особенность современных рисков в том, что они представляют собой не личный риск, как это имело место в былые эпохи, а выступают как глобальная угроза для всего человечества. Примером тому может служить расщепление ядерного ядра, складирование ядерных отходов, умирание лесов и т.д.

Сегодняшние риски, подчеркивает У. Бек, не воспринимаются органами чувств, а их причина заключается в избыточности промышленной продукции, а опасность высокоразвитых производительных сил в области химии и атомной энергетики упраздняют основы и категории, определявшие ранее мысли и действия – пространство и время, труд и досуг, предприятие и национальное государство, границы между военными блоками и континентами [1, с. 24]. Помимо этого подобные риски связаны с возникновением социально опасных ситуаций, выступающих «следствием неравенства классов» социальных групп, противоречий между странами «третьего мира» и странами промышленно развитыми, противоречиями внутри последних, обесценением и отторжением экологии, вступающей в противоречие с

интересами обогащения и наживы [1, с. 6].

Заметное ухудшение за последние десятилетия экологической ситуации в нашей стране во многом определило интересы российских исследователей к проблеме экологических рисков. Последние, по определению Н. Реймерса, открывают возможность для появления неустрашимых «экологических запретов» в виде парникового эффекта, разрушения озонового слоя, кислотных осадков, радиоактивного загрязнения и т.д. [10, с. 130]. Подобная перспектива свидетельствует о том, что переход от индустриального к постиндустриальному обществу сопряжен, как указывает Г. Косов, с появлением новых угроз и вызовов, а проблема экологической безопасности выдвигается на первый план в структуре глобальной безопасности [6, с. 10].

Достижения экологической безопасности, с точки зрения М. Крыжовой, является необходимым условием «гармонизации взаимодействия искусственной и естественной среды обитания человека» [7, с. 10]. Анализируя данную проблему применительно к странам Запада, А. Субетто отмечает, что риски в социально-экологической сфере оборачиваются снижением респонсивности капиталистического общества, выступая как своеобразное отрицание его основ – рыночного хозяйства и частной собственности, а во властно-политической структуре стимулирует противоборство между различными акторами по поводу выявления рисковенности тех или иных политических процессов и явлений [11].

Другой отечественный автор – О. Ясницкий, опираясь на концепцию У.

Бека, отмечает, что поскольку большинство экорисков, связанных с научно-технической модернизацией, не воспринимаются органами чувств, специалисты, определяющие рискосгенность новых технологий, начинают приобретать в обществе значимое социальное и политическое влияние [15, с. 24]. Негативным последствием этого может стать превращение экспертов от экологии в элиту, третирующую остальное население как алармистов, подрывающих общественный порядок [15, с. 9].

Задавшись вопросом о готовности российского общества услышать призывы и рекомендации экологической науки и адекватно осознать ситуацию с экологией в стране, значительная часть российских исследователей достаточно критичны в своих оценках. Так, по замечанию О. Ясницкого, если за рубежом вопросы экологии зачастую выступают ключевым смысловым блоком публичного дискурса, то в России они переместились на его периферию, опустившись до уровня организационно-бюрократической проблемы [16, с. 20]. Что же касается политических партий, то они экологическую тему используют для конструирования предвыборных лозунгов.

И. Халий, отмечая определенные успехи (вхождение в органы власти, осознание некоторыми из ее представителей значимости экополитики и т. д.) российского экологического движения, тем не менее констатирует, что сознание россиян можно назвать экологическим только условно, т.к. оно основано не на идее охраны природы, а ориентации на комфортную жизнь при наличии здоровой окружающей среды [13, с. 34]. По мнению Г. Косо-

ва, российское население не понимает взаимозависимости между экологическими проблемами и своими экономическими и политическими интересами, что объясняется как «обстоятельствами политико-экономического толка», так и отсутствием гражданского общества с развитой политической культурой, экополитическим сознанием [6, с. 14].

На низкий уровень озабоченности российского населения экологическими проблемами, незаинтересованность промышленных кругов в введении тех или иных ограничений хозяйственной деятельности на основании экологических критериев и стандартов, наличие конфликтов и споров внутри экологических партий, имеющих весьма ограниченные возможности действовать в медийном пространстве и влиять на общественные умонастроения, обращает внимание В. Фурсов [12, с. 114–116].

Подобная ситуация заметно контрастирует с той, что сложилась в ряде стран Западной Европы, где, начиная с 1960-х гг. XX в. возникают экологические движения, сторонники которых, представляющие различные слои населения, оказались вовлеченными в природоохранную, а затем и ресурсосберегающую деятельность, что, как отмечает Н. Шуленина, было сопряжено с быстрым ростом экологического сознания, а основными направлениями деятельности, наряду с вышеназванными, становятся борьба за мир и разоружение, выступления по проблемам инфляции, безработицы и расовой дискриминации [14, с. 58].

Для большинства участников «зеленого» движения изначально было очевидно, что экологические проблемы

общества напрямую демонстрируют пороки той социально-экономической и политической модели, что определяет его сущность. Одними из первых на теоретическом уровне свое видение причин кризисных процессов в сфере экологии, возможностей и перспектив преодоления конфликта между человеком и природой, а в конечном счете конфликта, лежащего в основе всего общественного устройства, подняли участники экологического движения в ФРГ – стране, где сторонники «зеленой» идеи смогли не только заявить о себе как об убежденных и последовательных борцах за сохранение окружающей среды, но и мыслителях, предпринявших попытку разработать целостное и содержательное учение, лежащее в основе всего их мировоззрения, включающего в себя положения не только природоохранного, но и экологического, социального, политического звучания. И хотя идеология «зеленых» сформировалась еще в последние десятилетия XX в., она сохраняет свое значение и в наши дни, а ее ключевые положения представлены в программных документах партии Союз 90/ Зеленые – партии, пользующейся немалым влиянием в своей стране [2, с. 72].

Отличительной особенностью идейно-теоретических установок «зеленых» выступает представление, согласно которому экология в качестве значимого фактора социального развития, так или иначе оказывающего влияние на все прочие сферы общественной жизни, во многом определяет возникновение противоречий и коллизий человеческого бытия. Именно такая позиция лежит в основе концепции экологического гуманизма, у истоков

которой стоял известный теоретик «зеленого» движения В.-Д. Хазенклевер [3, с. 29–39]. Рассматривая природу как гигантскую кибернетическую систему, «зеленые» склонны видеть в производственной деятельности, осуществляемой людьми, источник ее серьезных сбоев, нарушающих состояние природного динамического равновесия и потому открывающих дорогу экологическому, а в конечном счете и социальному кризису [18, с. 56–57].

В погоне за материальными благами, вооружившись достижениями науки и техники, человечество идет по пути разграбления природных богатств, что несет гибель как для природы, так и для человека, разрушая его здоровье и всю систему хозяйственной деятельности [17, S. 73]. Следует заметить, что в своей критике индустриально-буржуазной цивилизации «зеленые» авторы нередко обнаруживают заметную тенденциозность, забывая очевидное: в отличие от животных, приспособляющихся к окружающей среде путем естественного отбора, люди посредством деятельности преобразуют природу, придают ей новое качество, опредмечивают окружающий мир, удовлетворяя свои потребности. Именно в этом заключается специфика взаимоотношений человека и природы. Однако представлявшие течение экосоциалистов «зеленые» теоретики безусловно правы в утверждении, что многие потребности людей, живущих в современном обществе, носят искусственный характер, а их появление определяется интересом капиталистических производителей в сбыте своей продукции.

Капитализм в погоне за прибылью заставляет потреблять массу ненуж-

ных вещей [19, S. 62]. Платой за это, пишет М. Мисс, становится психическое истощение, одиночество, страхи, зависимости, потеря идентичности [5, с. 101]. Необходимо понимать, что ресурсы Земли не безграничны и нельзя думать, что нет границ у экономического роста и промышленного производства, роста потребностей и производительных сил [29, S. 151–161].

Развивая эту тему, сторонники синтеза идей экологизма и социализма Т. Эберман и Р. Трамперт писали, что именно капитализм, частная собственность на средства производства, погоня за прибылью порождают ситуацию, при которой наступает экологический кризис, деградирует окружающая среда, человек поработается духовно и социально, будучи отчужденным от других людей, но торжествует идеология технического прогресса [24, S. 222–223].

В свою очередь, призывая отказаться от антропоцентризма и безудержного потребительства, «зеленые» авторы, преимущественно либерального толка, выступали за изменение «духовно-практического» отношения к природе, доказывали ложность идеи о приоритетном положении человека в системе природных отношений [26, S. 11], выступая даже за признание равноправными всех живых существ на Земле, что явно приходит в противоречие с ценностями идеологии гуманизма.

С точки зрения экотеоретиков, формирование экологически ориентированной человеческой личности происходит под влиянием как религиозного, так и научного знания¹, на

¹ Отношение к науке среди идеологов экологического движения не было единодушным, поскольку некоторые из них утверждали, что

основе которого следует сформулировать принципы взаимоотношений человека и природы, обосновать новую модель общественного развития, отказавшись при этом от идеи экономической рациональности, осознавая значимость культурного возвращения к природе [26, S 60–61]. Однако подобные рассуждения обычно звучали из уст экологов, представляющих правый фланг природозащитного движения и не подкреплялись утверждением о том, что условием решения экологических проблем должно стать изменение формы собственности на средства производства, к чему призывали экосоциалисты. Напротив, по мнению эко-правых, сохранение частной собственности и рынка отнюдь не является препятствием для проведения экологически ориентированных реформ. Вместе с тем представители всех течений в экологическом движении в большей или меньшей степени отрицали необходимость сохранения индустриального способа производства, выступая за переход к постиндустриальному обществу, подчеркивая, что природа, играя огромную роль в жизни общества, ни при каких обстоятельствах не должна выступать как объект эксплуатации, а потому экономическая деятельность, в первую очередь, должна быть ориентирована на удовлетворение разумных потребностей, а не на получение прибыли.

Придерживаясь мнения о том, что рост промышленного производства в индустриально развитых странах избыточен, следствием чего становится

научные открытия порождают представления о неограниченном материальном обладании и потреблении, постоянном количественном росте.

огромный расход сырья, нанесение вреда окружающей среде и здоровью людей, а сопутствующая этому концентрация производства ведет к разорению мелких и средних предприятий и возникновению массовой безработицы, некоторая часть «зеленых» высказывалась за «нулевой» экономический рост, а осознав непопулярность этой идеи в обществе, выявила предложение о «качественном росте». Последний предполагал отказ от выпуска быстро изнашиваемой продукции, сокращение числа или закрытие экологически «грязных» производств (химическое производство, ядерная энергетика), совершенствование производственных технологий. С точки зрения «зеленых», должны быть созданы благоприятные условия для развития мелких и средних предприятий, поскольку они экономически эффективнее по сравнению с производственными гигантами, а их деятельность создает меньшую нагрузку на окружающую среду. И хотя подобные утверждения весьма спорны, «зеленые» связывали будущее экономики с ее децентрализацией и разукрупнением, что будет, согласно их позиции, способствовать кооперированию людей на основе равноправия и равноценности [23, S. 29].

Помимо этого, обосновывая необходимость преодоления индустриального способа производства экологи выдвигали концепцию дуальной экономики, согласно которой наряду с государственными и чисто капиталистическими предприятиями должен функционировать неформальный, альтернативный сектор, что позволит создать «гетерогенную экономическую структуру» и распространять социаль-

ные инновации [22, S. 14]. При этом отличия между секторами заключаются в том, что законы рынка определяют функционирование первого сектора, второй же, объединяя различные «группы самопомощи», ориентирован на производство потребительных стоимостей и покрытие издержек производства, а не на получение максимальной прибыли [15, с. 12].

Хотя во всех упомянутых выше проектах отчетливо просматриваются элементы утопизма, определяемые преувеличением возможности практической реализации задуманного, за ними стоит образ будущего, рисуемого «зелеными». Левые экологисты, связывая будущее с возникновением экосоциалистического нерыночного общества, заявляли, что оно будет основываться на общественной собственности на средства производства, в качестве производственных единиц станут выступать децентрализованные самоуправляемые предприятия, где не будет места иерархическим отношениям, а утвердится дух солидарности и творческой самореализации и будут применяться безвредные для человеческого здоровья и природы технологии. По определению О.-К. Флейхайма, экологический социализм – общество гуманистическое и постиндустриальное, что будет отличать его от всех существовавших форм социальной организации [27, S. 104].

Непременным условием решения проблем экологии «зеленые» считают проведение коренных изменений в государственно-политической сфере. Последняя, выражая сущность индустриального общества, организована в соответствии с принципами бюрократизма и централизма, и ее предназна-

чение – воплощать в жизнь его фундаментальную ценностную установку на безостановочный экономический рост, что способствует наступлению экологического и общественного кризиса.

Неспособность действующих политических институтов, по утверждению «зеленых», подчинить свою деятельность спасению человека и природы от надвигающейся экологической катастрофы, производна от тех функций, что закреплены за ними к моменту формирования существующей политической системы. Именно потому системе государственного управления присуще репрессивное начало, а ее деятельность, якобы служащая общественным интересам, в действительности служит реализации интересов отдельных лиц [25, S. 124]. Как писали лидеры экосоциалистического течения Т. Эберман и Р. Трамперт, задача государства в индустриальном обществе – охранять порядки, в основе которых лежит «стремление к обогащению и накоплению капитала» [18, S. 76–79]. Служа интересам монополий и бюрократической верхушки, оно стремится подчинить трудящихся своему влиянию, навязать им заключение социального компромисса [17, S. 81–83].

Порождением индустриального общества выступают, согласно позиции «зеленых», и политические партии, приверженные идее безостановочного экономического роста, озвучивая установки стоящих за ними групп давления – союзов предпринимателей и профсоюзов. Поклонение этому фетишу – свидетельство того, что их позиции не только не реалистичны, но и реакционны [28, S. 258].

Отвергая сложившиеся приоритеты деятельности партийно-поли-

тических институтов, «зеленые» выступали за перестройку на основе принципов экологичности и «базисной демократии». Последнее предполагало непосредственное вовлечение широких слоев населения в принятие и осуществление политических решений. По утверждению «зеленых», без сохранения и расширения демократических прав нельзя успешно бороться против разрушения окружающей среды, за улучшение условий труда и жизни общества [18, S. 20].

Применительно к внешней политике эти принципы находили выражение в отстаивании «зелеными» идеи сотрудничества со всеми народами мира [21, S. 19], что является неперменным условием сохранения жизни на Земле. Именно поэтому «зеленые» выступали против захватнических войн, за глобальное разоружение, уничтожение атомного, химического и бактериологического оружия. Отвергая мондиалистские установки, взятые на вооружение политическим руководством ряда великих держав, «зеленые» доказывали недопустимость навязывания другим народам чуждых им моделей цивилизационного развития, разжигания различного рода межгосударственных конфликтов, проведения политики неокOLONиализма, преследующей цель овладеть сырьевыми ресурсами развивающихся стран.

Обозначая ключевые положения экоидеологии «зеленых», отличая присутствовавшие в ней определенные противоречия и элементы утопизма, нужно подчеркнуть, что по целому ряду позиций она востребованна и актуальна, поскольку не только поднимает целый ряд весьма болезненных проблем, характерных для охваченно-

го процессами глобализации мира, но и предлагает их решение, пригодное для практической реализации (отказ от «грязных» производственных технологий, навязывание искусственных потребностей, демократизация общественной жизни и т. д.). Основной преградой на этом пути может стать позиция экономических и политических элит, национальных и наднациональных, отвергающих любые формы ущемления своих интересов.

Критическое осмысление теоретических построений «зеленых» позволяет как ведущим политикам, стоящим во главе государств, партийным лидерам, руководителям крупных корпораций, так и простым гражданам понять очевидное, нередко забываемое в силу тех или иных обстоятельств: на повестке дня со всей остротой стоит вопрос о недопустимости дальнейшего углубления экологического кризиса и противодействии сопутствующим ему социально-экономическим и политическим явлениям. Альтернативой этому должна стать гармонизация отношений между социумом и природой, преодоление противоречий и преград, стоящих на этом пути.

Достижение указанной цели, – это можно утверждать со всей очевидностью, размышляя о экополитических и прочих рисках, присущих современному социуму, разрабатывая программы экологических преобразований, – предполагает сбалансированное развитие производительных сил и производственных отношений, преодоление социального неравенства, основанного на эксплуатации человека человеком, классово обусловленного разделения труда, развитие научного знания, в особенности связанного с исследо-

ванием системы «человек-природа», отказ от потребительского подхода к природе, на смену которому должен прийти подход созидательный, предполагающий творческое, основанное на принципах этики и эстетики отношение человека и природы.

Проблемы экологии нельзя решить, не решая проблемы социально-экономические и политические. Однако, в свою очередь, это во многом зависит от способности человечества найти

более совершенные формы взаимодействия природы и социума, а значит, существенным образом снизить уровень его рискогенности, возвести невидимую преграду на пути набирающих силу деструктивных процессов. Именно эти выводы позволяют обратиться к экологическому учению германских «зеленых», содержащему немало аргументов в их пользу.

Статья поступила в редакцию 22.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Вититнев С.Ф. Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции: дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 664 с.
3. Вититнев С.Ф., Абрамов А.В., Козьякова Н.С. Философские аспекты политической идеологии «зеленых» в ФРГ // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 29–39.
4. Гурьева М.А. Глобальные экологические проблемы современности: тенденции // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 42–45.
5. Дмитриевский Ю.Д., Лавров С.Б. Экономико-экологические проблемы капиталистических и развивающихся стран. М., 1978. 120 с.
6. Косов Г.В. Экологическая составляющая политического процесса: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2005. 37 с.
7. Крыжова М.И. Экологическая безопасность и ее институализация на глобальном уровне: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010. 24 с.
8. Молчанов А.В. Социальная феноменология риска: дис. ... канд. философ. наук. Саратов, 2008. 138 с.
9. Нефедов С.А. Экополитическое насилие как феномен современной политической жизни: дис. ... докт. полит. наук. Ставрополь, 2013. 311 с.
10. Реймерс Н.Ф. Природопользование: словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
11. Субетто А.И. Управление экологическим риском в системе качества жизни (часть 1) // Стандарты и качество. 1995. № 7. С. 28–33.
12. Фурсов В.Н. Перспективы развития экологических партий России через призму зарубежного опыта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 113–123.
13. Халий И.А. Экологическое сознание населения современной России // История и современность. 2015. № 1 (21). С. 189–205.
14. Шуленина Н.В. Западноевропейские «зеленые»: от экологических движений к партийным структурам // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2007. № 3. С. 58–69.
15. Ясницкий О.Н. Социологии риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 3–35.
16. Ясницкий О.Н. Экологический риск и его политическая интерпретация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Том V. № 1. С. 26–42.

17. Amery K. Grune Wahler – rote Theori. Zum Dillema des Bewegung in der Bundesrepublik. Frankfurt a. M., 1975. 125 S.
18. Der grüne Protest. Herausforderung durch die Umweltparteien. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1978. 191 S.
19. Der Spiegel, Hamburg, 1978. № 49. 216 S.
20. Die Grunen: 10 bewegte Jahre. Wien, 1990, 52 S.
21. Die Grunen: 10 bewegte Jahre. Wien, 1991, 60 S.
22. Grul D. Ein Planet wirdgeplundert. Die Schreckensbilanz unserer Politik. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1975. 45 S.
23. Grüne Perspektiven. Kūln: Kūlner Volksblatt Verlag, 1988. 337 S.
24. Grünes und alternatives Jahrbuch 1986/87. Strategien der grünen und űkologische Krise. Berlin: Elefanten Press, 1986. 315 S.
25. Langguth G. Der grune Faktor. Von der Bewegung zur Partei? Osnabruck, Zurich: Editium Interfrom, 1984. 152 S.
26. Meyer-Abich K.-M. Bedingungen des Friedens mit der Natur für die wirtschaftliche Entwicklung // Weltwirtschaftsprobleme Mitte der 80er Jahre: Energie/Technologie/ Umwelt. Bonn, 1985. S. 60–61.
27. Relke F. Okorepublik Deutschland? Die Okologisierung der Wirtschaft in den Programmen der Bundesdeutschen Parteien. Frankfurt a. M., 1978. 192 S.
28. Sternstein W. Überall ist Wyhl: Bürgerinitiativen gegen Atomanlagen: Aus der Arbeit eines Aktionsforschers. Frankfurt a. M.: Haag und Herchen, 1978. 262 S.
29. Umweltprogramm des Deutschen Gewerkschaftsbundes. Dusseldorf, 1974. 95 S.

REFERENCES

1. Bek U. Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu [Risk society: towards another modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 383 p.
2. Vititnev S.F. Ekologicheskoe dvizhenie v FRG: genezis, ideologiya, funktsii: dis. ... dokt. ist. nauk [The environmental movement in Germany: Genesis, ideology, functions. Thesis ... Doc. Hist. Sci.], Moscow, 2004. 664 p.
3. Vititnev S.F., Abramov A.V., Koz'yakova N.S. [Philosophical aspects of the political ideology of the "greens" in Germany]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, 2014, no. 2.
4. Gur'eva M. [Global environmental challenges: trends]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 15.
5. Dmitrievskii Yu.D., Lavrov S.B. Ekonomiko-ekologicheskie problemy kapitalisticheskikh i razvivayushchikhsya stran [Economic-environmental problems in capitalist and developing countries]. Moscow, 1978. 120 p.
6. Kosov G.V. Ekologicheskaya sostavlyayushchaya politicheskogo protsessa: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [The ecological component of the political process: Thesis ... Doc. Hist. Sci.], Stavropol, 2005. 37 p.
7. Kryzhova M.I. Ekologicheskaya bezopasnost' i ee institucionalizatsiya na global'nom urovne: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk [Environmental security and its institutionalization at the global level: Thesis ... Cand. Polit. Sci.], SPb., 2010. 24 p.
8. Molchanov A.V. Sotsial'naya fenomenologiya riska: dis. ... kand. filosof [The social phenomenology of risk: Thesis ... Cand. Philos. Sci.], Saratov, 2008. 138 p.
9. Nefedov S. A. Ekopoliticheskoe nasilie kak fenomen sovremennoi politicheskoi zhizni: dis. ... dokt. polit. nauk [Ecopolitical violence as a phenomenon of modern political life: Thesis ... Doc. Polit. Sci.], Stavropol, 2013. 311 p.

10. Reimers N.F. Prirodopol'zovanie: slovar'-spravochnik [Management: dictionary-handbook]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 637 p.
11. Subetto A.I. [Management of environmental risk in the system of the quality of life (part 1)]. In: *Standarty i kachestvo*, 1995, no. 7, pp. 28-33
12. Fursov V.N. [Prospects of ecological parties' development in Russia through the prism of foreign experience]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2016, no. 4, pp. 113–123.
13. Khalii I. [The environmental consciousness of the population of modern Russia]. In: *Istoriya i sovremennost'*, 2015, no. 1, pp. 189–205.
14. Shulenina N. Zapadnoevropeiskie «zelenye»: ot ekologicheskikh dvizhenii k partiinym strukturam [Western "greens": from environmental movements to party structures]. In: *Vestnik RUDN [Vestnik RUDN]. Series: Political Science*, 2007, no 3, pp. 58–69.
15. Yasnitskii O. [Social realities and social illusions of the sociology of risk: key ideas]. In: *Mir Rossii*, 2003, vol. XII, no. 1, pp. 3–35.
16. Yasnitskii O. Ekologicheskii risk i ego politicheskaya interpretatsiya [Environmental risk and its political interpretation]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2002, vol. V, no. 1, pp. 26–42.
17. Amery K. Grune Wahler – rote Theori. Zum Dillema des Bewegung in der Bundesrepublik. Frankfurt a. M., 1975. 125 S.
18. Der grüne Protest. Herausforderung durch die Umweltparteien. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1978. 191 S.
19. Der Spiegel, Hamburg, 1978. № 49. 216 S.
20. Die Grunen: 10 bewegte Jahre. Wien, 1990, 52 S.
21. Die Grunen: 10 bewegte Jahre. Wien, 1991, 60 S.
22. Grul D. Ein Planet wirdgeplündert. Die Schreckensbilanz unserer Politik. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1975. 45 S.
23. Grüne Perspektiven. Köln: Kölner VolksblattVerlag, 1988. 337 S.
24. Grünes und alternatives Jahrbuch 1986/87. Strategien der grünen und ökologische Krise. Berlin: Elefanten Press, 1986. 315 S.
25. Langguth G. Der grune Faktor. Von der Bewegung zur Partei? Osnabruck, Zurich: Editium Interfrom, 1984. 152 S.
26. Meyer-Abich K.-M. Bedingungen des Friedens mit der Natur für die wirtschaftliche Entwicklung. In: *Weltwirtschaftsprobleme Mitte der 80er Jahre: Energie, Technologie, Umwelt*. Bonn, 1985. S. 60–61.
27. Relke F. Okorepublik Deutschland? Die Okologisierung der Wirtschaft in den Programmen der Bundesdeutschen Parteien. Frankfurt a. M., 1978. 192 S.
28. Sternstein W. Überall istWyhl: Bürgerinitiativen gegenAtomanlagen: AusderArbeiteines Aktionsforschers. Frankfurt a. M.: Haag und Herchen, 1978. 262 S.
29. Umweltprogramm des Deutschen Gewerkschaftsbundes. Dusseldorf, 1974. 95 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: svititnev@yandex.ru

Козьякова Наталия Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei F. Vititnev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: svititnev@yandex.ru

Nataliya S. Kozyakova – Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С. Экосоциальные риски и деструкции современности и осмысление перспектив гармонизации отношений человека и природы в идеологии «зеленого» движения в ФРГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 272–284.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-272-284

FOR CITATION

Vititnev S., Kozyakova N. Ecosocial risks and destruction of modernity and comprehension of the prospects of human and nature relations harmonization in the ideology of the green movement in Germany. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 272–284.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-272-284

УДК: 323.21

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-285-292

МЕСТО И РОЛЬ НКО КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Колесов М.Г.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется место и роль НКО как одного из структурных элементов гражданского общества, в выработке и участии мер, направленных на реализацию антикоррупционной политики в современной России. Гражданское общество в целом и НКО в частности как общественная единица, принимающие активное участие в контроле за властно-управленческой деятельностью, в последние десятилетия приобретают все большую значимость и распространение как в мире, так и в России. Также, в статье проведен краткий политологический экскурс восприятия идеи гражданского общества в политической мысли в различные исторические периоды. Предпринята попытка типологизации НКО и формам взаимодействия между НКО и государством в сфере борьбы с коррупцией, характеристика функций НКО и гражданского общества в теории политического цикла.

Ключевые слова: коррупция, гражданское общество, НКО, политика, антикоррупционная политика, политический цикл.

NGO'S ROLE AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE CIVIL SOCIETY IN THE REALIZATION OF ANTI-CORRUPTION POLICIES IN THE MODERN STATE

M. Kolesov*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The present article reviews the role of NGO as one of the structural elements of the civil society in formulating and participating in the anti-corruption policies in modern Russia. Due to its role as a social unit which takes active part in the administrative activities supervision, the civil society as a whole, and NGO in particular, has become more widespread and more influential both in the world and in Russia. The article also presents a brief excursus of the civil society's perception by the political thought in various historical periods. The analysis of NGOs typology and forms of government-NGO cooperation in combating corruption is performed. Besides, the functions of NGOs and civil society in the theory of "policy cycle" are presented.

Key words: corruption, civil society, NGO, policy, anti-corruption policy, policy cycle.

Коррупция по своей природе неискоренима ввиду базовых черт человеческого характера – алчности и стремления занять как можно более высокий статус и завладеть как можно большими привилегиями. Коррупция губительна как для общества, так и для государства, которое либо создает новые институты по пресечению и противодействию коррупции (Антикоррупционные комитеты, бюро, агентства и прочие институты с похожими названиями), либо же прерогативы борьбы с коррупцией возлагаются на уже существующие структуры (например: на Министерство внутренних дел, Прокуратуру и т. д.). Тем не менее очень часто в таких ситуациях появляется резонный вопрос: «А кто сторожит сторожа?» и что делать, если эти институты тоже погрязнут в коррупции? Именно для этого и существует гражданское общество.

Гражданское общество – настолько общий термин, что даже сейчас идут различные дискуссии по поводу понимания роли гражданского общества и самой природы этого явления среди политологов, правоведов и социологов. Необходимо выделить различные подходы к понятию термина «гражданское общество». Гражданское общество берет свои истоки из чувства социальной ответственности, желания гражданина либо самостоятельно, либо объединившись с другими гражданами, решать как свои, так и общие проблемы, не перекладывая их решение на государство [2, с. 4]. За всю историю существования человеческого общества подходы и концепции восприятия гражданского общества сильно варьировались и видоизменялись.

Термин «гражданское общество» был введен в научный оборот в трактовке древнегреческого мыслителя Аристотеля – «Политика», который изначально рассматривался им в качестве «хорошего общества» [6, р. 6] в Древней Греции, а впоследствии в таком же виде перешло и в Древний Рим благодаря трудам Цицерона. Цицерон в дальнейшем развил концепцию гражданского общества (впоследствии принятую на вооружение мыслителями эпохи Просвещения) идеей о том, что все люди изначально рациональны, изменяют структуру общества, к которому они принадлежат, и в целом создают общество для единственной идеи – осуществлять мирное сосуществование внутри этого сообщества. Тем не менее с упадком Римской империи и античной философии, ее место заняла теология в период средних веков, и интерес к концепции гражданского общества почти полностью исчез, а его релевантность свелась к минимуму.

Лишь во времена эпохи Просвещения на повестку дня мыслителей вернулась идея о гражданском обществе, благодаря трудам английских ученых – Томаса Гоббса и Джона Локка, предложивших теорию общественного договора, в соответствии с которой сообщество людей заключало общественный договор о создании государства для их защиты и поддержания правопорядка в обществе. Таким образом, Т. Гоббс и Д. Локк воспринимали гражданское общество аналогично представлениям о нём древнеримских и древнегреческих мыслителей, и лишь к концу XIX в. дефиниция гражданского общества начала видоизменяться к «рыночной модели».

Именно Г. Гегель впервые отделил гражданское общество от государства

и заложил начало «либеральной теории гражданского общества», предложил его новое восприятие, как нового, отдельного мира, «системе потребностей» и «границе, что разделяет семью и государство» [7, р. 184]. Гражданское общество возможно лишь в капиталистическом обществе, так как оно было миром экономических отношений и служило интересам капитализма: частным правам и частной собственности.

Так, известный немецкий ученый – Карл Маркс воспринимал гражданское общество как базис производительных сил и социальных отношений, в отличие от политического общества, которое являлось надстройкой. Для К. Маркса гражданское общество являлось инструментом буржуазии, который использовался для поддержания их главенствующей позиции [6, р. 10]. Данный подход был оспорен Антонио Грамши, который воспринимал гражданское общество не как базис, но как часть надстройки. Однако Грамши, вслед за Марксом, также разделял точку зрения о том, что гражданское общество существует в интересах буржуазии в качестве идеологического и культурного капитала [6, р. 11]. Тем не менее в отличие от Маркса, Грамши настаивал на том, что гражданское общество также выполняет функции смягчения острых углов, решения проблем и несправедливостей в капиталистическом обществе [6, р. 13].

По мнению одного из выдающихся ученых современности, Жана Аарта Штольте, гражданское общество можно рассматривать, как политическое пространство, в котором добровольно созданные организации сознательно стремятся изменить правила, которые управляют аспектами социальной

жизни; сообщества гражданского общества объединяют граждан без принуждения в добровольных попытках сформировать формальные законы и неформальные нормы, регулирующие социальное взаимодействие [10, р. 214]. Проведя краткий экскурс в историю возникновения и развития гражданского общества, стоит отметить, что оно стало появляться в момент предпосылок создания правового и демократического государства и продолжает развиваться вместе с развитием данного государства, а также помогает этому развитию [1, с. 1].

Гражданское общество состоит из различных акторов, таких? как: НКО, добровольно сформированные организации, включающие в себя производителей нового знания и их потребителей, посредников и остальные элементы «третьей власти», находящейся вне бизнеса и государства. Повестка гражданского общества так же может различаться по следующим типам: намеренная, ценностно-охранительная, противодействующая акторам вне гражданского общества, демократичная, направленная на действия, политическая, нормативная, эмансипационная/саморегулирующаяся/супрематическая и трансформативная/реформистская/конформистская.

Более того, гражданское общество так же можно определять по процессам, происходящим в нем: оно может быть свободно организованным, партиципаторным, диалектическим, может быть устроено по сетевому принципу, через коллективные действия и кооперацию; также гражданское общество может быть гибким и приспособляющимся или рефлексивным и нормирующим, историческим, слабым или сильным.

Гражданское общество может быть как локального, так и глобального уровня, а так же может взаимодействовать с другими гражданскими обществами или быть изолированным. Наконец, гражданское общество преследует различные цели, от улучшения повседневной жизни в обществе и до установления социальной справедливости или улучшения жизни людей на всей планете (транснациональный уровень).

Одним из наиболее важных акторов среди гражданского общества в сфере противодействия коррупции являются НКО. В законодательстве Российской Федерации НКО определяются, как «организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ» (ст. 2 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

В настоящей статье будут рассмотрены НКО, специализацией которых является борьба с коррупцией. Антикоррупционные НКО являются одним из наиболее важных элементов гражданского общества в борьбе с кор-

рупцией. У этого фактора множество причин, первой из которых является постоянство. Антикоррупционные НКО создаются только лишь для одной цели – бороться с коррупцией, используя все средства, которыми обладает НКО. Именно поэтому, в отличие от других форм гражданского общества (протесты, другие типы организаций и т. д.), антикоррупционные НКО не распадаются или не исчезают, как только их сиюминутная цель будет достигнута, так как главная цель – уничтожение коррупции – будет существовать до тех пор, пока существует человечество. Таким образом, НКО чаще всего распадаются ввиду внешних причин, которые препятствуют их работе (запрет на осуществление деятельности, невозможность нахождения ресурсов для своего существования и выполнения своих функций и т. д.).

Вторая причина, из-за которой НКО занимают одну из лидирующих ролей среди институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции – профессионализм. Как правило, антикоррупционные НКО ищут индивидуумов с необходимыми навыками, наиболее подходящими их общей цели; из этого исходит и третья причина – эффективность; благодаря опытному персоналу, НКО могут одновременно запускать несколько сложных проектов, что не могут себе позволить отдельные активисты или обычные группы.

Также в большинстве случаев (за исключением стран, где участие НКО сильно ограничено) НКО официально на законодательном уровне разрешено взаимодействовать с государством и участвовать в разработке антикоррупционных инициатив, мониторить

уровни коррупции, создавать экспертные группы при правительстве и т. д.

НКО можно классифицировать по трем уровням активности: микро, макро и установка норм; некоторые НКО могут объединять все три уровня. Помимо активности, НКО также можно разделить на следующие группы по их целям: борцы за права человека, борцы за экологию, благотворительность, объединение промышленников, религиозные организации или, в редких случаях, стремящиеся к достижению сомнительных целей. Помимо этого, НКО могут работать на местном, федеральном или международном уровнях; более того, их также можно разделить по типу финансирования: те, которые получают гранты от государства, от членских взносов, от пожертвований или финансирование из бизнеса. Тем не менее зачастую НКО получают финансирование из нескольких источников.

НКО играют важную роль в разработке антикоррупционных инициатив. Существует множество подходов к типологии инструментов, которые доступны НКО в сфере борьбы с коррупцией. Так, например, политологи Карр и Оусвейте выделяют четыре типа антикоррупционных инициатив: повышение осведомленности о коррупции среди населения, привлечение заинтересованных сторон, исследования и пропаганда, а также мониторинг [8, р. 623]. Тем не менее согласно их позиции, в основном НКО делают упор на одном или двух типах антикоррупционных инициатив; однако бывают случаи, когда НКО могут использовать все инструменты из перечисленных [4, р. 629]. Карр и Оусвейте, опираясь на их исследование, выяснили, что почти

все из НКО используют повышение осведомленности в качестве главного инструмента, таким образом, именно он становится наиболее распространенным; тем не менее в некоторых случаях НКО не умеют пользоваться этим инструментом, несмотря на его доминирующую популярность [4, р. 630].

Необходимо отметить, что сильное государство не всегда приводит к слабому гражданскому обществу и как следствие малому присутствию НКО. Так, Уайтс, например, утверждает, что нет никакой корреляции между влиянием государства и участием гражданского общества и количеством их инициатив; даже при сильном государстве гражданское общество может быть крайне развитым, и наоборот. Уайтс утверждает, что наиболее важным звеном в этой корреляции является не сила государства, но его эффективность [11, р. 131]: например, в США государство и сильное, и эффективное, но оно ни в коей мере не давит на гражданское общество. Помимо этого, есть множество теорий в политической науке, в соответствии с которыми гражданское общество в лице НКО дополняет функции государства, таким образом подтачивая его силу [11, р. 135]. Однако Уайтс не согласен с таким подходом и утверждает, что гражданское общество, работая с государственными структурами на локальном уровне, наоборот, повышает эффективность последних, иллюстрируя это на примере НКО «World Vision» в Бразилии, которая помогла преодолеть последствия природной катастрофы, а также повысила квалификацию работников сферы здравоохранения [11, р. 136].

Стоит отметить и участие гражданского общества в лице НКО в форми-

ровании антикоррупционной политики (или «полиси», от англ. «policy»). В русском языке нет подобного термина, и зачастую его переводят по-разному – как политика, политичность, установка и т. д. Так как на русский язык перевести данное понятие корректно довольно сложно, в контексте данной статьи этот термин будет использован без перевода, калькой на русский язык. Согласно Кэмбриджскому словарю, «полиси» – это «набор идей или план о том, что делать в определенной ситуации, с которым официально согласна группа людей, бизнес-организация, государство или политическая партия» [9].

Одна из наиболее релевантных теорий последних десятилетий в публичной политике, «policy cycle» (можно перевести как политический цикл) [5, р. 18.], предполагает шесть ступеней вырабатывания политики – формирование повестки дня, формулировка политики, легитимизация, реализация, оценка и поддержание политики, последовательность или полный отказ [8]. Далее будет рассмотрено участие гражданского общества на каждой из ступеней политического цикла.

Формирование повестки дня: на этой ступени гражданское общество может предложить свою собственную повестку правительству, такую, как требование реформ, собственные инициативы или проекты законов, которые в некоторых странах (например, в России) могут быть приняты парламентскими институтами, если наберут достаточное количество подписей. Так, например, в России в 2012 г. по инициативе Президента РФ Владимира Путина [3] была положена концепция создания инициатив

гражданским обществом через систему РОИ – Российская Общественная Инициатива. Любой гражданин или гражданское объединение может создать собственную инициативу, которая при достижении 100 тысяч подписей должна будет рассматриваться экспертной комиссией законодательного органа в зависимости от типа инициативы (от муниципального до федерального). Тем не менее за почти 6 лет существования РОИ оказалась довольно неэффективна – так, всего 30 инициатив набрали необходимый порог для рассмотрения, и лишь 16 из них были одобрены для последующего рассмотрения в экспертных комиссиях при законодательных органах¹. Основным недочетом системы является отсутствие обязательности принятия инициатив, набравших необходимое количество подписей, что сводит РОИ к чисто формальным совещательно-рекомендательным функциям.

Формулировка политики: гражданское общество, как правило, в лице НКО, может работать вместе с государственными структурами в качестве экспертов по политическим инициативам, выступать в качестве советников по поводу результатов той или иной политики, – как можно ее улучшить или наиболее эффективно привести в жизнь.

Легитимизация: на этой ступени гражданское общество может поддерживать определенную политику, чтобы склонить население и через публичную поддержку создать группы давления, чтобы иметь возможность влиять на парламентариев.

¹ См. список завершенных инициатив на сайте «Российская Общественная Инициатива» (www.roi.ru/complete).

Реализация: гражданское общество может помогать в реализации политики на локальном уровне, сотрудничая с региональными властями.

Оценка: НКО имеют возможность независимой оценки проведения политики, делая различные доклады, собирая итоговую информацию и публикуя экспертные мнения на реализуемую политику.

Поддержание, последовательность или полный отказ от политики: на этой ступени НКО могут влиять на политику только не напрямую, путем отстаивания интересов гражданского общества перед государством. Тем не менее в реалиях большинства постсоветских стран эта стадия зачастую отсутствует ввиду того, что государство часто

препятствует полноценному участию гражданского общества; и если политика противоречит интересам гражданского общества, оно не обладает никакими инструментами как-либо влиять на отмену неудачной политики.

Таким образом, НКО, ввиду ряда причин (цель, профессионализм и эффективность) является одним из главных акторов среди гражданского общества в сфере противодействия коррупции. Тем не менее роль и эффективность НКО недостаточно изучены в российской науке ввиду довольно слабого развития как гражданского общества, так и самих НКО в России.

Статья поступила в редакцию 19.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Абражеева Д.В., Музыкин А.А. Гражданское общество современной России // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). М.: Буки-Веди, 2017. С. 1–4.
2. Алексеев Р.А. Гражданское общество: проблемы становления и развития в России (правовой аспект). М.: МГОУ, 2013. 96 с.
3. Демократия и качество государства: Владимир Путин о развитии демократических институтов в России // Коммерсантъ. 2012. 6 фев.
4. Carr, I., Outhwaite, O. The Role of Non-Governmental Organisations (NGOs) in Combating Corruption: Theory and Practice // Suffolk University Law Review, 2011, Vol. 44 (3), pp. 615–664.
5. Cerna, L. The Nature of Policy Change and Implementation: A Review of Different Theoretical Approaches. Organization for economic co-operation and development. 2013. 31 p.
6. Edwards, M. Civil Society. Cambridge, Polity Press, 2009. 171 p.
7. Hegel, G. F. W. Elements of the Philosophy of Right. A.W. Allen (Ed.). Cambridge University Press, 1991, 514 p.
8. Jones, Charles O. An Introduction to the Study of Public Policy. Monterey, 1977. 258 p.
9. Policy definition // Cambridge Dictionary [сайт]. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/policy>. (дата обращения: 10.08.2018).
10. Scholte, J.A. Civil Society and Democratically Accountable Global Governance // Government and Opposition. 2004. Vol. 39(2), pp. 211–233.
11. Whaites, A. Let's get civil society straight: NGOs, the state, and political theory // Development in Practice. 1996. Vol. 9(3), pp. 124–141.

REFERENCES

1. Abrazheeva D. V., Muzykin A. A. Grazhdanskoe obshchestvo sovremennoi Rossii [Civil society in modern Russia]. In: *Aktual'nye problemy prava: materialy VI Mezhdunar. nauch.*

- konf. (g. Moskva, dekabr' 2017 g.) [Actual problems of law: proceedings of the VI Intern. scientific. conf. (Moscow, December 2017)]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2017, pp. 1–4.
2. Alekseev R.A. Grazhdanskoe obshchestvo: problemy stanovleniya i razvitiya v Rossii (pravovoi aspekt) [Civil society: problems of formation and development in Russia (legal aspect)]. Moscow, MGOU Publ., 2013. 96 p.
 3. Demokratiya i kachestvo gosudarstva: Vladimir Putin o razvitii demokraticeskikh institutov v Rossii [Democracy and the quality of state: President Vladimir Putin on the development of democratic institutions in Russia]. In: *Kommersant'*, 2012. 6 Feb.
 4. Carr I., Outhwaite O. The Role of Non-Governmental Organisations (NGOs) in Combating Corruption: Theory and Practice. In: *Suffolk University Law Review*, 2011, vol. 44 (3), pp. 615–664.
 5. Cerna L. The Nature of Policy Change and Implementation: A Review of Different Theoretical Approaches. Organization for economic co-operation and development. 2013. 31 p.
 6. Edwards, M. Civil Society. Cambridge, Polity Press, 2009. 171 p.
 7. Hegel G.F.W. Elements of the Philosophy of Right. A.W. Allen (Ed.). Cambridge University Press, 1991, 514 p.
 8. Jones, Charles O. An Introduction to the Study of Public Policy. Monterey, 1977. 258 p.
 9. Policy definition // Cambridge Dictionary [website]. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/policy> (accessed: 10.08.2018).
 10. Scholte J.A. Civil Society and Democratically Accountable Global Governance. In: *Government and Opposition*, 2004, vol. 39 (2), pp. 211–233.
 11. Whaites, A. Let's get civil society straight: NGOs, the state, and political theory. In: *Development in Practice*, 1996, vol. 9 (3), pp. 124–141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесов Максим Геннадьевич – аспирант факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: mgkolesov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim G. Kolesov – postgraduate of the Faculty of History, Politology and Law of Moscow Regional State University;
e-mail: mgkolesov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесов М.Г. Место и роль НКО, как структурного элемента гражданского общества, в реализации антикоррупционной политики в современном государстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. 285–292.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-285-292

FOR CITATION

Kolesov M. NGO's role as a structural element of the civil society in the realization of anti-corruption policies in the modern state. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 285–292.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-285-292

УДК 321.011.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-293-302

ЦЕННОСТИ, ТРАДИЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Рудаков А.В., Миронов А.Н.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы актуализации в поле современной политики России таких концептов, как система ценностей, традиция и общенациональная идентичность. Основные положения и выводы авторов сформулированы с использованием аксиологического подхода к анализу направлений и сфер государственной политики, а также по результатам изучения работ специалистов и философов в области политики безопасности. По мнению авторов, система ценностей, традиция и идентичность должны являться результатом общенационального консенсуса между обществом и государством, что возможно посредством поддержания процесса обсуждения ценностных основ общества в органах публичной власти и обществе в целом. При этом базовыми принципами политики государства на данном направлении должны являться принципы исторической субъектности российского государства, незыблемости его интеллектуально-духовного суверенитета, признания структурообразующей роли «русского» фактора для российской полиэтнической цивилизации.

Ключевые слова: принципы формирования политики, социальная система, национальный диалог, историческая субъектность, культурно-познавательный суверенитет.

VALUES, TRADITIONS AND IDENTITY AS A CONCEPTUAL BASIS OF THE POLICY OF RUSSIA

A. Rudakov, A. Mironov

*Nizhni Novgorod State University
23, Gagarina prosp., Nizhni Novgorod, 603950 Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of actualizing in the field of modern policy of Russia such categories as: the system of values, tradition and national identity. The basic principles of Russia's policy are formulated with the use of axiological approach to the analysis of the directions and spheres of the national policy. Besides, the works of specialists and philosophers in the sphere of security policy were analysed, the results of the analysis taken into consideration. The authors consider the system of values, tradition and identity to be the result of nation-wide consensus between the society and the state. It becomes possible only through supporting the discussion of the society values both in the organs of power and in the society as a whole. The basic principles of state policy in this sphere should be the principles of the historical subjectivity of the Russian state, stability of its intellectual- mental

sovereignty and recognition of the structural role of the "Russian" factor for the Russian poli-ethnic civilization.

Key words: principles of policy formation, social system, national dialogue, historical subjectivity, cultural-cognitive sovereignty.

В последние годы интеллектуальная элита и высшее политическое руководство страны все чаще в центр обсуждаемых проблем ставят взаимосвязь перспектив развития общества и государства, проблем обеспечения национальной безопасности от процессов, связанных с самоопределением российского народа по отношению к общенациональным ценностям, традиции и идентичности. Это связано с осознанием на уровне экспертного сообщества России, что перспективы развития российского государства связаны с качеством культурного, человеческого капитала и процессом актуализации цивилизационно идентичных ценностей [23]. Кроме того, продолжающийся процесс распада общероссийской идентичности (вслед за советской идентичностью) в новых социально-политических условиях является одним из факторов, определяющих особенности внутривнутриполитической ситуации в России и представляет серьезную социальную, политическую, культурную и правовую проблемы [7]. Вопросы «этноконфессиональной анклализации», конфликт этнической идентичности с общероссийской, изменения соотношения на уровне коллективного сознания различных общностей анклавных норм (например, исламских, финно-угорских и пр.) с нормами общероссийскими являются основой формирования актуальных угроз безопасности России.

Указанная проблема озвучивается и на уровне политического руковод-

ства страны. В частности, В. Путин в своём выступлении на заседании клуба «Валдай» в 2013 г. указал на то, что «укрепление государства на внешнеполитической арене тормозится аморфностью внутренней картины общества, его ценностей и задач», а также, что «вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для России фундаментальный характер». Одним из ключевых в современной России, по его словам, становится вопрос «кто мы?» [16]. Очевидно, что достижение общенационального согласия в ответе на данный вопрос является ключевым фактором разработки и реализации глобального общенационального проекта развития российского государства в XXI в. А общенациональный консенсус в отношении целей, принципов и ценностей российского государства и общества – ключевым фактором и объектом обеспечения национальной безопасности.

Вопрос о ценностях, традиции и идентичности имеет не только внутривнутриполитический контекст, но и обусловлен изменяющимся контекстом мировой политики. В настоящее время борьба за ценностно-смысловые ориентиры, критерии добра и зла, понимание роли человека в мире и образ будущего всего человечества стала превращаться в фактор не менее значимый, чем геоэкономическая конкуренция и геополитическое противоборство в «классическом» его понимании [2, с. 12].

Направленность международных процессов актуализирует такие проблемы, как: являются ли нормы международного права и государственного устройства унифицированными и определенными раз и навсегда западными элитами, или же возможны альтернативы в лице совершенно самостоятельных правовых, ценностных и политических систем у разных государств и регионов мира; какие ценности должны быть положены в общепризнанные международные нормы и что должно иметь приоритет в этой системе – свобода человека, закона или нравственности; может ли стать ориентиром для правового и государственного строительства идея допустимости абсолютного раскрепощения человека и прочее [14].

Вышеуказанные факторы в совокупности с ситуацией, когда в Российской Федерации регламентирован в Конституции отказ от использования государственной идеологии, вопросы о национальной идентичности, роли России и многонационального российского народа в мире, особенностей политической и гражданской организации российского культурно-исторического пространства, согласованности различных направлений государственной политики с определенной системой координат в лице таких категорий, как система ценностей и традиция становятся актуальным проблемным полем современных гуманитарных наук, прежде всего философии, политической науки.

Именно система общенациональных ценностей, традиции и идентичности должна служить отправной точкой для концептуальных трактовок наиболее важных направлений госу-

дарственной политики, форм государственного строительства в России, а также для интерпретации процессов, факторов и явлений, формирующих угрозы национальной безопасности. При этом существует неопределенность как в теоретико-методологических трактовках этих понятий, так и, соответственно, в их использовании в ситуации разработки направлений совершенствования деятельности государства в различных сферах.

В настоящее время ответ на вопрос о том, какие ценности должны определять основы жизни общества и политики государства, не может считаться однозначно решенным, так как в современной политической элите России, равно как и в самом обществе, взгляды на наиболее значимые для общества и государства ценности могут быть диаметрально противоположными, при этом официально никакие ценности фактически не закреплены в высших документах российского государства.

Тем не менее социальная система любого масштаба предполагает существование неких разделяемых большинством социума общих ценностей. Категория «ценность» призвана обозначать социальное и культурное значение явлений действительности: «Ценности являются сущностным основанием отношения человека как к природе, так и к обществу, поскольку они обуславливают целеполагание и выбор способов деятельности по достижению поставленной цели, направление социальной активности» [18]. Любая историческая общественная форма обладает своей специфической иерархией ценностей. Система этих ценностей является для конкретной исторической формы общности наиболее высоким уровнем социальной регуляции. Систе-

мы ценностей формируются и трансформируются одновременно с развитием любой общности. При этом важной особенностью может оказаться то, что временные масштабы существования системы ценностей могут не совпадать с масштабами социально-экономических, политических и других изменений в обществе [5, с. 217].

Система ценностей является внутренним стержнем культуры. Она обуславливает стереотипы поведения и формы социального действия [4, с. 206]. Выработка системы ценностей в обществе в силу многообразия индивидуальных оценок является результатом исторически обусловленного социокультурного процесса, сопряженного с таким явлением, как компромисс, социальный договор. Установившись, такая система принимает форму совокупности определенных моральных норм, с помощью которых регулируются отношения внутри общества, поддерживается его устойчивое существование и, следовательно, обеспечивается безопасность [3, с. 89].

Исторические потрясения XX в., когда система ценностей в России менялась кардинально, при разнородности самого общества в настоящее время по разным его параметрам делают проблему поиска объединяющей системы ценностей сложной. Есть разные мнения специалистов по указанной проблеме. Представляется, что, возможно, наиболее подходящей точкой зрения может быть такая, которая указывает на такие объединяющие российское политическое пространство ценности (что обладает безусловной ценностью для большинства): «победа над фашизмом, православная самоидентификация, принципы справедливого

общества» [19, с. 68]. Одной из базовых характеристик российского сознания и идентичности, по мнению многих авторов, является их религиозность в самом широком смысле этого слова и сугубая нравственность [15, с. 5]. При этом в нравственной картине мира русского человека основной моральной ценностью выступает справедливость. Идеи справедливости и стремления к социальному равенству как основе системы моральных ценностей составляли основу как дореволюционного мира, так и советского общества. Нет оснований сомневаться в том, что ценности социальной и нравственной справедливости разделяет подавляющая часть населения современной России.

Осмысление проблемы поиска объединяющей все российское общество системы ценностей, которая должна являться одновременно основой государственной политики и объектом ее защиты, непосредственно связано с такими взаимообуславливающими понятиями, как общенациональная идентичность и традиция. Ценности вне традиции, а традиция – за пределами общероссийской идентичности, не могут стать определяющими ориентирами развития государства.

В качестве философской категории традиция понимается как *область сохранения меняющихся характеристик любого предмета* [12, с. 95]. По отношению к обществу понятие традиции подразумевает систему тех или иных ценностей, определяющих фундаментальные основы его жизнеспособности. Это историческая форма бытия констант – ценностей, их путешествие во времени [11, с. 362]. Традиция, таким образом, выступает в роли имманентной системы общества, его фунда-

мента и субстанции [13]. Она является социокультурной формой сохранения тождественности, самости и самобытности народа – сущности его идентичности [10, с. 249].

Трактовка традиции возможна не только как философской категории, но и как концепта, используемого в политическом анализе и поле реальной политики. К примеру, от понимания сущности того, что собой представляет традиция, могут зависеть важнейшие направления реализации государственной политики – культурной, образовательной, медийной и прочее. Если в этом концепте будет преобладать понимание традиции как неких форм прошлого, получивших «сертификат исторического соответствия», то возможен охранительный крен в политике по отношению к ценностям и исторической памяти. Возможен и другой вариант, когда государство провозглашает политику отказа от устаревших форм и ценностей в угоду идеям модернизации сфер жизни государства. И первый, и второй случаи необходимо рассматривать как некие крайности. К примеру, в России возможен курс на идеализацию, к примеру, ценностей и форм реализации государственной власти имперской России, что станет основой соответствующих трендов в политике. Возможна и другая ситуация, когда Россия будет позиционироваться властью как молодое государство, «появившееся» в конце XX в.

Возможна ситуация, когда традиция трактуется в политических концептах как результат общенационального консенсуса между обществом и государством. В этом случае происходит избегание крайностей, а главным инструментом политики в отношении

традиции и укрепления общенациональной идентичности становится достижение общенационального согласия в отношении традиции, прежде всего, посредством построения настоящего национального гражданского общества. У отдельных авторов институты реального национального гражданского общества называются «институтами соборности» [1, с. 26]. В этом понимании защита традиции как основы идентичности граждан страны, а также всех остальных членов общества, должна состоять не в том, чтобы настаивать с позиции государства на готовом понимании традиции, а в том, чтобы поддерживать процесс её обсуждения как в органах публичной власти, так и обществе в целом.

Традиция, понимаемая как результат общенационального консенсуса в отношении общезначимых ценностей и исторической памяти, в качестве приоритетов политики выставляет не защиту конкретных форм прошлого, институтов, конкретных ценностей, а защиту механизмов работы коллективной памяти, заставляющих традицию самовоспроизводиться. То есть в конечном счете не государство защищает традицию, а традиция формирует актуальную политику. «Генезис традиции, таким образом, может стать фактором повседневности человека, осознающего принадлежность к российской культуре, предметом его гражданской активности» [22, с. 206].

Таким образом, конкретные формулировки ценностей и их иерархия – должны стать результатом общенационального диалога и консенсуса. При этом движение к этому консенсусу может и должно быть поддержано государством. В условиях регламенти-

рованного в Конституции отказа государства на монополию формирования общенациональной идеологии оно не может предлагать готовых схем и ценностных систем, не может выступать в роли ментора, навязывающего какую-либо ценностную парадигму, сформулированную и предложенную элитой.

Одной из особенностей такой политики должно являться выявление тех сегментов (ячеек) общества, которые могут стать организаторами диалога и выработки национальной идеи, которая сможет стать основой для объединяющей российской идентичности. Это те группы, которые могут составить новый культурно-исторический тип, способный сохранить и обеспечить развитие современной России в условиях XXI в.

Формирование общенационального дискурса идентичности, направленного на поиск консенсуса в отношении традиции, идентичности и системы ценностей, может найти выражение в соответствующих принципах разработки и реализации государственной политики. Полагаем, что к такого рода принципам можно было бы отнести следующие.

В этой связи вершину этой иерархической пирамиды безусловно может и должен занимать принцип *исторической субъектности российского государства*. Данный принцип подразумевает учет в ходе реализации различных направлений государственной политики уникальности российской цивилизации и истории ее государственности, которые развивались с опорой на исторически сложившиеся для России ценности и традицию [6]. В этой связи любые иные ценностно-правовые системы государственного строительства и обеспечения безопасности должны всегда подлежать глубокому

осмыслению сквозь призму российского опыта. Основу указанного принципа составляют конкретные политические идеи. В частности, к подобного рода идеям относятся факты о том, что Россия обладает историей гражданской самоорганизации общества, начиная с Земских соборов [9]; страна исторически выработала уникальную модель межнациональных отношений; Россия может предложить миру альтернативный путь построения общества, основанный на идее человеческой солидарности, а не на идее перманентного конфликта; Россия представляет собой страну-цивилизацию с особой идентичностью, сердцевину которого составляет православное христианство, мирно сосуществующее с другими традиционными конфессиями в лице ислама, буддизма, иудаизма.

Принцип исторической субъектности российского государства является определяющим при формировании концептуального видения и оценке государственными структурами роли российского государства в истории и современных международных отношениях. Этот принцип должен подразумевать мировоззренческую солидарность лиц, принимающих решение и обеспечивающих национальную безопасность в отношении того, что, в том числе, «по внеэкономическому критерию, следует оценивать роль России в мировых делах и формировать миссию российских народов, которая должна выражаться в трансляции вовне ее традиций многополярного и многоукладного бытия и построения солидарного общества» [8].

К следующему принципу, определяющему ценностно-мировоззренческий фундамент государственной по-

литики России в XXI в., необходимо отнести *принцип незыблемости суверенитета российского государства*. При этом необходимо оговориться, что наряду с суверенитетом юридическим, обозначающего правовые основания международной деятельности государств-наций, есть суверенитет цивилизационный, основанный не на воле наций к самоопределению, а на доказавшей себя идентичности больших историко-культурных миров [1, с. 26]. Поэтому политика безопасности в основе своей должна иметь не только приоритеты и механизмы сохранения и защиты политического, но также духовного суверенитета. В частности, это может найти свое выражение в поддержании собственных инструментов познания (социологических, политологических, культурологических) и пр. [8].

Очевидно, что политика защиты суверенитета в смысле собственной цивилизационной идентичности в современных условиях вряд ли может носить оборонительный характер. Напротив, эффективность этой политики может быть обусловлена наступательным ее характером [21]. Наступательность же в свою очередь должна найти свое выражение в том, что Россия совершит поворот к манифестации себя как суверенной цивилизации, имеющей собственную парадигму развития и духовный стержень, прежде всего связанный с православной духовностью [20, с. 7].

К основополагающему принципу формирования государственной политики в России необходимо отнести *принцип признания важности русского фактора и его структурообразующей роли для российской политнической цивилизации и многонационального общества* [17, с. 104]. При этом осознание

исторической функции русского народа, выражающейся в том, что он стал «ядром огромной многонациональной страны», и православия как его духовной ипостаси не должно идти вразрез с уважением к другим этносам и религиям, а должно дополняться формами совместной социальной деятельности представителей православной христианской, исламской и других конфессий.

Совокупность базовых принципов может быть дополнена перечнем принципов деятельности субъектов реализации государственной политики, направленной на защиту механизмов формирования и укрепления гармоничных для России форм общественного устройства. К примеру, такими принципами могут быть: принцип творческого развития собственных традиций гражданского общественного активизма, принцип обеспечения функционирования платформ для общенациональной дискуссии, которые бы стояли выше политических, социальных, имущественных и поколенческих разделительных линий и помогали формировать в обществе и государстве общенациональный консенсус в отношении ценностей, традиции, исторической памяти.

Таким образом, защита механизмов воспроизводства духовно-нравственных основ жизни общества, его ценностей, традиции и идентичности, а также условий для реализации в законной и цивилизованной форме национальным большинством права на демократию, социальную справедливость и верность традиции – могут определяться как элемент системы приоритетов в деятельности органов власти и управления и, в том числе, как сущностные духовно-нравствен-

ные основы политики национальной безопасности. При этом базовыми принципами данной политики должны являться принципы *исторической субъектности российского государства*, незыблемости его интеллекту-

ально-духовного суверенитета, признания структурообразующей роли русского фактора для российской полиэтнической цивилизации.

Статья поступила в редакцию 26.01.2018

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов В.В. Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды. М.: Книжный мир, 2014. 540 с.
2. [Восканян М.В., Кобяков А.Б., Черемных К.А.] Анонимная война. От аналитиков Изборского клуба. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.
3. Бойко Ю. Формирование и реализация национальных интересов // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2007. № 11. С. 86–92.
4. Веснин В.Р. Менеджмент / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2004. 502 с.
5. Вильданов Х.С. Ценность как предмет философского познания: дис. ... докт. филос. наук. Магнитогорск, 2009. 432 с.
6. Высшие ценности Российского государства: материалы научного семинара (Вып. № 6). М.: Научный эксперт, 2010. 152 с.
7. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма, 2016. 416 с.
8. Колдунова Е.В. Дискуссии о Русском мире. Рецензия на книгу: Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире / сост. А.В. Щипков. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015. // Сравнительная политика. 2016. № 2 (23). С. 123–124.
9. Кочетков А.П. Некоторые особенности развития гражданского общества в России // Власть. 2015. № 8. С. 59–62.
10. Кутырев В.А. Апология человеческого: предпосылки и контуры консервативного философствования (сборник статей). М.–Берлин: Директ-Медиа, 2015. 316 с.
11. Кутырев В.А. Бытие или ничто. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2015. 880 с.
12. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2015. 247 с.
13. Миронов В.В. Философия как форма рефлексии над процессами развития современной культуры // Философские науки. 2014. № 12. С. 20–25.
14. Анисимов О.С. Методологические проблемы проектирования будущего России. М.: б.и., 2015.
15. Перелом. Сборник статей о справедливости традиции. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2013. 176 с.
16. [Путин В.В.] Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сент.
17. Ремизов М.В. Русский национализм и российская геополитика // Россия в глобальной политике. 2012. Том 10. № 3. С. 91–108.
18. Рудкевич Е.Ю. Система ценностей общества: структурный анализ // Власть. 2007. № 1. С. 92–95.
19. Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики. СПб.: Алетейя, 2015. 80 с.
20. Тюренков М.А. Православная этика и дух солидаризма // Перелом. Сборник статей о справедливости традиции. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2013. С. 3–15.
21. Фурсов А.И. Психоисторическая война. Скрытые субъекты глобального управления и фальсификация истории // Институт динамического консерватизма [сайт]. – URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2439/> (дата обращения: 12.08.2018).

22. Щипков А.В. Социалтрадиция. М.: АСТПресс книга, 2017. 320 с.
23. Якунин В.И. Ценностное измерение геополитических сдвигов на евразийском пространстве // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 4. С. 7–23.

SOURCES AND REFERENCES

1. Aver'yanov V.V. Strategiya Russkoi doktriny. Cherez diktaturu k gosudarstvu pravdy [Strategy of the Russian doctrine. Through the dictatorship to the state of truth]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2014. 540 p.
2. [Voskanyan M.V., Kobyakov A.B. Cheremnykh K.A.] Anonimnaya voina. Ot analitikov Izborskogo kluba [Cheremnykh K.A.] Anonymous war. The future of the Izborsk club]. Moscow, Algoritm Publ., 2014. 240 p.
3. Boiko Yu. [The formation and implementation of national interests]. In: *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' – Observer*, 2007, no. 11, pp. 86–92.
4. Vesnin V.R. Menedzhment. 2-e izd., pererab. i dop. [Management. 2nd ed. Rev. and suppl.]. Moscow, Prospekt Publ., 2004. 502 p.
5. Vil'danov Kh.S. TSennost' kak predmet filosofskogo poznaniya: dis. ... dokt. filos. nauk [Value as the object of philosophical knowledge: Thesis ... Doct. Philos. Sciences]. Magnitogorsk, 2009. 432 p.
6. Vysshie tsennosti Rossiiskogo gosudarstva: materialy nauchnogo seminara (Vyp. 60) [The highest values of the Russian state: materials of the scientific seminar (Vol. 60)]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2010. 152 p.
7. Zor'kin V.D. Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii [The civilization of law and the development of Russia]. Moscow, Norma Publ., 2016. 416 p.
8. Koldunova E.V. [Discussions about the Russian world. Book review: Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia. Seven words about the Russian world / comp. A.V. Shchipkov. M.: All-World People's Council]. In: *Sravnitel'naya politika*, 2016, no. 2 (23), pp. 123–124.
9. Kochetkov A.P. [Some of the features of the civil society development in Russia]. In: *Vlast'*, 2015, no. 8, pp. 59–62.
10. Kut'yev V.A. Apologiya chelovecheskogo: predposylki i kontury konservativnogo filosofstvovaniya (sbornik statei). M. [Apology of human: background and the contours of conservative philosophy (collection of articles). M.]. Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. 316 p.
11. Kut'yev V.A. Bytie ili nichto. M. [Being or nothing. M.]. Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. 880 p.
12. Kut'yev V.A. Kul'tura i tekhnologiya: bor'ba mirov. M. [Culture and technology: the fight of the worlds. M.]. Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. 247 p.
13. Mironov V.V. [Philosophy as a form of reflection on the processes of modern culture development]. In: *Filosofskie nauki*, 2014, no. 12, pp. 20–25.
14. Anisimov O.S. Metodologicheskie problemy proektirovaniya budushchego Rossii [Methodological problems in the design of future Russia]. Moscow, b.i Publ., 2015.
15. Perelom. Sbornik statei o spravedlivosti traditsii [Fracture. A collection of articles about justice tradition]. Moscow, PROBEL Publ., 2000–2013. 176 p.
16. [Putin V.V.] Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii kluba «Valdai» [[Vladimir Putin] Vladimir Putin's speech at the session of the “Valdai” club. Rossiiskaya gazeta. 2013 [Russian newspaper. 2013]. St.,.
17. Remizov M.V. [Russian nationalism and Russian geopolitics]. In: *Rossiya v global'noi politike*, 2012, T. 10, no. 3, pp. 91–108.
18. Rudkevich E.Yu. [The value system of the society: structural analysis]. In: *Vlast'*, 2007, no. 1, pp. 92–95.
19. Traditsionalizm, liberalizm i neonatsizm v prostranstve aktual'noi politiki [Traditionalism, liberalism, and neo-Nazism in the space of the relevant policy]. SPb., Aleteiya Publ., 2015. 80 p.

20. Tyurenkov M.A. Pravoslavnyaya etika i dukh solidarizma [Orthodox ethic and the spirit of solidarism] Perelom. Sbornik statei o spravedlivosti traditsii [Fracture. A collection of articles about justice tradition]. Moscow, PROBEL Publ., 2000–2013, pp. 3–15.
21. Fursov A.I. Psikhohistoricheskaya voyna. Skrytye sub"ekty global'nogo upravleniya i fal'sifikatsiya istorii [Psychohistorical war. Hidden actors of global governance and the falsification of history] Institut dinamicheskogo konservatizma [sait]. [The Institute of dynamic conservatism [website]]. Available at: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2439/> (accessed: 12.08.2018).
22. Shchipkov A.V. Sotsialtraditsiya [Social tradition]. Moscow, ASTPress kniga Publ., 2017. 320 p.
23. Yakunin V.I. [Value measurement of the geopolitical shifts in Eurasia]. In: *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 2017, no. 4, pp. 7–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудаков Анатолий Валерьевич – кандидат политических наук, главный эксперт Центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
e-mail: tamgderuda@mail.ru

Миронов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, главный эксперт Центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
e-mail: endlessnn84@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly V. Rudakov – PhD in Political Sciences, chief expert of the Research Center for the Study of National and International Security, the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
e-mail: tamgderuda@mail.ru

Alexey N. Mironov – PhD in Historical Sciences chief expert of the Research Center for the Study of National and International Security, the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
e-mail: endlessnn84@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рудаков А.В., Миронов А.Н. Ценности, традиции и идентичность как концептуальные основы политики России // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 293–302.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-293-302

FOR CITATION

Rudakov A., Mironov A. Values, traditions and identity as a conceptual basis of the policy of Russia. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 4, pp. 293–302.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-293-302

УДК 327.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-303-312

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ БАЛКАН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Анашкина А.Г.*Дипломатическая академия МИД России**119021, г. Москва, Остоженка 53/2, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются основные проблемные моменты во внешнеполитической ориентации Балканских стран. В результате сравнения позиций данных стран, а также ЕС и НАТО по вопросам интеграции Балкан в Европу, исследования сегодняшней роли России в субрегионе, а также изучения ряда документов автор приходит к следующим выводам. В связи с оказываемым давлением со стороны ЕС и НАТО, напряженность возникает, когда страны субрегиона пытаются придерживаться многовекторного подхода и развивать сотрудничество с Россией. Правительства ряда государств уже принесли или собираются принести в жертву европейской и евроатлантической интеграции свои национальные интересы. Автор отмечает, что, несмотря на то, что влияние России в регионе растет, Балканские страны не в состоянии придерживаться самостоятельного внешнеполитического курса, а действуют в фарватере политики ЕС и НАТО.

Ключевые слова: Россия, Балканы, ЕС, США, НАТО, ЕАЭС.

PROBLEMS OF FOREIGN POLITICAL ORIENTATION OF THE BALKANS IN THE CONTEXT OF MODERN INTEGRATION PROCESSES

A. Anashkina*Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry**53/2, Building 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the main problem points in the foreign policy orientation on the Balkan countries. As a result of comparing the positions of these countries, as well as the EU and NATO, on the issues of the Balkans integration into Europe, the study of Russia's current role in the subregion, the study of a number of documents, the author comes to the following conclusions. Due to the pressure, exerted by the EU and NATO, there is certain tension when the countries of the subregion try to follow a multi-vector approach and develop cooperation with Russia. The governments of a number of countries have already sacrificed or are about to sacrifice their national interests for the European and Euro-Atlantic integration. The author notes that, despite the fact that Russia's influence in the region is growing, the Balkan countries are not in a position to adhere to an independent foreign policy, and act in the wake of the EU and NATO policies.

Key words: Russia, Balkans, EU, USA, NATO, EAP.

Балканский субрегион сегодня представляет собой арену борьбы за сферы влияния между Западом (ЕС, НАТО, США) и Востоком (Россия, ЕАЭС). Безусловно, НАТО и ЕС в настоящее время играют на Балканах существенно большую роль, чем любые другие акторы. Однако нельзя не заметить, что Россия в ряде сфер имеет достаточно крепкие позиции в субрегионе и влияние страны здесь продолжает расти. В свою очередь, Запад проявляет крайнюю обеспокоенность по этому поводу, обвиняя Москву в намеренном нагнетании кризисной ситуации. Желая предотвратить растущее влияние России, ЕС и НАТО активизировали собственную политику на Балканах. В статье дается обзор внешнеполитических событий, произошедших в субрегионе в последнее время, на основе которых делается попытка определить дальнейший интеграционный вектор Балканских стран, их возможность проводить независимую внешнюю политику с учетом своих национальных интересов, а также самостоятельно выстраивать конструктивные отношения с Россией.

Председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер 6 февраля 2018 г. представил документ «Достойная перспектива расширения и активизация взаимодействия ЕС с Западными Балканами», предусматривающий пополнение членов союза еще шестью странами. Главными претендентами на получение членства в Евросоюзе являются Черногория и Сербия, они смогут стать членами ЕС не ранее 2025 г. С обеими странами уже ведутся переговоры. Статус кандидата на вступление в ЕС также имеют Албания и Македония, а с 2016 г. его пытается получить Босния

и Герцеговина (БиГ). ЕС также заявил о намерении включить в свой состав частично признанное Косово. Нужно отметить «преждевременность и несостоятельность «скоростного» расширения Евросоюза на Восток» [7, с. 14]. Это связано как с внутренними кризисными явлениями в самом ЕС, так и со статусом Косово: пять государств – членов интеграционного блока не признают независимость республики.

Сохранение добрососедских отношений является одним из важнейших условий вступления в ЕС. В 2015 г. при поддержке Брюсселя был подписан договор о демаркации границы между Косово и Черногорией. Однако оппозиция в Приштине, считая, что край теряет 8890 га своей территории, выступила резко против ратификации данного документа, учиня беспорядки и даже взрывы в здании парламента. Однако не без существенного влияния Запада соглашение все же было ратифицировано в марте 2018 г. [16]. В итоге сегодня Черногория является самым перспективным кандидатом, не имеющим серьезных препятствий на вступление в ЕС.

Что касается Сербии, то от нее ждут «всеобъемлющего, юридически обязательного нормативного соглашения» с Косово [18]. Этот вопрос для сербских властей стоит чрезвычайно остро, и, кажется, сегодня на него нет ответа: диалог между Приштиной и Белградом при посредничестве ЕС находится в состоянии стагнации. Тем не менее все больше современных исследователей справедливо утверждают, что независимость Косово де-факто уже признана Белградом и современные сербские власти в ближайшее время намерены подвести под это и юридическую основу [13].

Вопрос о вступлении Македонии в ЕС и НАТО во многом зависит от позиции Греции и Болгарии. Первая, например, отказываясь признавать Македонию под ее конституционным названием, в 2008 г. на Бухарестском саммите заблокировала вступление страны в НАТО. Однако в настоящее время Скопье делает серьезные успехи в устранении существующих препятствий на пути к интеграции. В августе 2017 г. Македония и Болгария подписали договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Документ призван уладить давние противоречия между странами (отказ от недружественных действий, договоренность о создании экспертной комиссии по историческим и образовательным вопросам, которая должна будет заниматься научным толкованием спорных исторических фактов) по большей части за счет уступок со стороны Македонии. В нем стороны обязуются развивать сотрудничество в области европейской и евроатлантической интеграции, а Болгария обещает оказать Македонии поддержку в получении приглашения присоединиться к НАТО [4].

Решение спорного с Грецией вопроса о названии Македонии в настоящее время также приобрело положительную динамику. В мае 2018 г. состоялась встреча премьер-министра Греции А. Ципраса с премьер-министром Македонии З. Заевым, после которой последний озвучил еще один вариант возможного названия страны, устраивавший обе стороны – Республика Илинденская Македония (в честь антиосманского Илинденского восстания 1903 г.). Окончательно вопрос должен быть решен на референдуме [11]. Македония наряду с БиГ является первоочередным претен-

дентом на вступление в НАТО. Ожидается, что предстоящий саммит альянса в июле 2018 г. послужит отправной точкой для ускорения североатлантической интеграции для Западных Балкан.

Особого внимания заслуживает ситуация, сложившая в связи с вступлением в НАТО Черногории. Можно справедливо утверждать, что решение властей Черногории о присоединении к организации, в 1999 г. бомбившей территорию страны, не отвечает внутренним настроениям ее населения. Решение было пролоббировано согласно западному сценарию нынешним руководителем страны М. Джукановичем через послушный парламент, вопреки требованиям оппозиции провести по этому вопросу референдум [10]. Победив на президентских выборах в апреле 2018 г., М. Джуканович заявил, что приведет страну и к членству в ЕС. При этом отношения с Россией – традиционным союзником, переживают серьезный кризис. Так 16 октября 2016 г., в день президентских выборов в Черногории, власти страны заявили о задержании 20 граждан Сербии по подозрению в подготовке теракта и путча. Позже правоохранительные органы республики с подачи США заявили, что в попытке переворота замешан Кремль. Подобные заявления носили явно провокационный характер, были безосновательны и на самом деле преследовали цель формирования необходимого властям страны общественного мнения в связи с вступлением Черногории в Североатлантический альянс. Курс на отделение страны от Сербии, а также от России был взят Западом еще в 1999 г. К сожалению, приходится констатировать, что реализация этой политики проходит успешно.

В настоящее время завершению реализации плана НАТО по установлению военно-политического господства в регионе препятствует Сербия, руководство которой продолжает делать официальные заявления о нежелании становиться членом альянса [6]. При этом необходимо отметить, что де-факто втягивание страны в военный блок уже давно идет полным ходом [2]. Кроме этого в конце 2017 г. появился проект новой американской стратегии «Балканы, вперед – новая американская стратегия для региона», разработанный Атлантическим советом. Проект предполагает постоянное военное присутствие США в Юго-Восточной Европе, превращение Сербии в близкого партнера и союзника США, активное посредничество Вашингтона в решении региональных споров [9].

Страны Запада видят серьезную опасность для реализации своих планов господства на Балканах в усилении позиций России в регионе. В декабре 2017 г. в Москве состоялась встреча президентов России и Сербии. В результате переговоров был подписан ряд документов о сотрудничестве в экономической, социальной и туристической сферах [3]. В своем заявлении для прессы В.В. Путин отметил следующие тенденции в развитии российско-сербских отношениях: уверенный рост товарооборота, увеличение объема торговли за январь-сентябрь 2017 г. на 26 % и достижение этого показателя отметки в 1,5 млрд долл., расширение взаимных инвестиций, увеличение поставок российского газа в Сербию (доля поставок российского газа в Сербию составляет более 90%), расширение сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере. В качестве

желаемых результатов взаимодействия России и Сербии были заявлены реализация новых совместных проектов, налаживание промышленной кооперации и высокотехнологичных производств, увеличение инвестиций, в частности в энергетическую и транспортную сферы сербской экономики. В.В. Путин отметил, что в настоящее время прорабатывается вопрос о подключении Сербии к строительству нового маршрута поставок энергоносителей «Турецкому потоку» [6].

Несомненно, Сербия является главным торговым и инвестиционным партнером России на Балканах. Еще в 2013 г. главы стран подписали Декларацию о стратегическом партнерстве, установившей между странами отношения стратегического партнерства, которые охватывают все сферы взаимодействия. Однако сегодня преобладающим является укрепление экономического присутствия России на Балканах, выраженное преимущественно в энергетической сфере [см. подробнее 1].

Россия занимает третье место среди зарубежных торговых партнеров Сербии, уступая Италии и Германии. Несмотря на оказываемое давление, Белград отказался присоединиться к европейским антироссийским санкциям, а в декабре 2017 г. в Москве президент Сербии А. Вучич еще раз подтвердил позицию сербского руководства по этому вопросу. Однако товарооборот Сербии с ЕС значительно превышает товарооборот с Россией. Для Белграда членство в ЕС является одной из приоритетных задач, достижение которой в данной международной обстановке безусловно негативно скажется на российско-сербских отношениях.

Нужно отметить, что страна ведет политику расширения торгово-экономического сотрудничества и в восточном направлении. Между Сербией и Россией, а также Белоруссией и Казахстаном установлен режим свободной торговли. С мая 2016 г. ведутся переговоры о заключении Соглашения о свободной торговле между Республикой Сербия и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), которые планируется успешно завершить в 2018 г. [5] Данное направление достаточно важно для Белграда, учитывая, что евразийская интеграция при определенных условиях имеет серьезные перспективы развития [15, с. 11–12]. Кроме того, через торговое сотрудничество с ЕАЭС Сербия может получить выход на рынки СНГ, АСЕАН и Китая.

В сфере российско-сербского военного сотрудничества также наблюдается тенденция к его наращиванию. На встрече с В. Путиным в декабре 2017 г. А. Вучич заявил о том, что Сербия не стремится к вступлению в НАТО и является военно-нейтральным государством. Такой статус стране удастся сохранить благодаря помощи России в военной сфере.

Еще одним примером активного сотрудничества с Россией является Республика Сербская (РС) в составе БиГ. В 2007 г. российская компания «Зарубежнефть» приобрела НПЗ «Брод», а также фабрику машинных масел «Модрича». В 2012 г. Уральская горно-металлургическая компания приобрела ТЭС и угольную шахту «Углевик» на востоке республики [14, с. 105]. Глава РС М. Додик неоднократно выступал с критикой ЕС и НАТО, несмотря на евроориентированность представителей другого энтитета в составе БиГ, и

заявлял о стремлении к независимой политике, в рамках которой РС выбирает ориентацию на Москву. М. Додик также заявлял о возможном проведении референдума о независимости РС в случае признания независимости Косово Белградом [17]. В связи с подобной позицией на руководство РС оказывается серьезное давление со стороны Запада, который при худшем для него развитии событий точно не будет сидеть «сложая руки».

Особо стоит сказать о внешнеполитическом курсе Болгарии. В 2008 г. во время визита президента РФ В.В. Путина в Софию стороны подписали ряд важнейших соглашений в области энергетики, в частности, о строительстве «Атомстройэкспортом» АЭС «Белене», о строительстве газопровода из России в Европу «Южный поток». В последующие годы ситуация приняла обратное направление: проект АЭС «Белене» был заморожен, а в конце 2014 г. президент В.В. Путин объявил об отказе от строительства «Южного потока» в связи с «неконструктивной позицией» Еврокомиссии по данному вопросу [14, с. 75]. Однако сегодня Болгария выражает стремление к сотрудничеству с Россией в энергетической сфере. В мае 2018 г. президент Болгарии заявил, что страна нуждается в поставках российского газа напрямую через Черное море, а в Народном собрании ожидается положительное решение вопроса о снятии моратория на реализацию проекта АЭС «Белене». Болгария как член ЕС присоединилась к антироссийским санкциям в связи с украинскими событиями 2014 г. Однако власти страны открыто заявляют об их неэффективности. В связи с инцидентом в Солсбери, республика оказа-

лась в числе немногих стран ЕС, которые отказались высылать российских дипломатов [8].

Сегодня Болгария является активным членом НАТО. На территории страны располагаются военные базы альянса и США, крупный учебный полигон в местечке Ново село недалеко от г. Сливен [14, с. 72]. В мае 2018 г. президент Болгарии Р. Радев отметил, что, несмотря на членство страны в НАТО и переход, в связи с этим, на новые типы вооружения, Болгария продолжает охранять свое воздушное пространство с помощью истребителей МиГ-29. Для обеспечения своевременной технической поддержки этих боевых машин необходимо определенное сотрудничество с Россией. При этом президент заявил, что покупка дополнительных истребителей «МиГ» невозможна, так как к 2022 г. вооруженные силы страны должны располагать только теми истребителями, которые произведены и находятся на вооружении, по крайней мере, в одном государстве — члене НАТО или ЕС [8]. Впервые за последние 10 лет в мае 2018 г. состоялась встреча президентов Болгарии и России. В мае этого же года состоялся визит в Россию премьер-министра Болгарии Б. Борисова. Данный политический деятель известен, в первую очередь, как противник роста влияния России на Балканах. В частности он *остановил три крупных российских энергетических проекта*: газопровод «Южный поток», нефтепровод «Бургас – Александруполис» и АЭС «Белене». Однако по итогам российско-болгарских переговоров Б. Борисов заявил: «Мы знаем о тяжёлых отношениях, которые были, и мы благодарны за то, что коллеги не злопамятны, и россий-

ско-болгарские отношения не зависят от степени вины какого-либо из политиков. Мы думаем о будущем развитии экономики двух наших стран» [12]. Главной темой данной встречи была энергетика. В частности политики говорили о возобновлении проекта АЭС «Белене» и продлении «Турецкого потока» в сторону Болгарии. Премьер-министр также уточнил, что все обсуждаемые мероприятия в энергетической сфере уже одобрены Еврокомиссией. Общий же тон пресс-конференции, особенно со стороны России, был достаточно сдержан. Причиной этому – слишком резкие изменения в позиции болгарского правительства. Действительно, несмотря на столь положительные тенденции, нужно понимать, что Болгария, как и другие страны полуострова, давно уже не в состоянии проявлять самостоятельную политическую волю. Все основные решения принимаются в Брюсселе и Вашингтоне. В случае если правительство Болгарии, как это было с «Южным потоком», будет стоять перед выбором отказаться от интересов страны или, в ущерб им, подчиниться указаниям Запада, оно выберет последнее. Подобную ситуацию можно наблюдать и в отношении основного союзника России на Балканах – Сербии. В частности, сербская сторона намеренно затягивает обсуждение вопроса о предоставлении российским представителям гуманитарного центра в городе Ниш дипломатического статуса, в силу того, что сам факт существования подобного центра крайне нестораживает Запад.

Современные интеграционные процессы вынуждают Балканские страны отказываться от независимой внешней

политики зачастую в ущерб своим национальным интересам. Однако в последнее время в ряде стран наметилась тенденция к прагматичному внешнеполитическому курсу, который предполагает многовекторный подход. Тем не менее, проводя указанный курс, страны действуют крайне осторожно, все время оглядываясь на Запад. Можно сделать вывод о том, что указанная выше установка скорее отражает не их

собственный выбор, а изменения в современной политике ЕС в целом. При этом Россия, постепенно укрепляя свое присутствие в регионе и расширяя уже имеющиеся области сотрудничества с Балканскими странами, в перспективе сможет построить новый формат взаимоотношений со странами субрегиона на сугубо прагматичной основе.

Статья поступила в редакцию 29.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Анашкина А.Г. Современное состояние российско-сербских отношений и перспективы их развития // Дипломатическая служба. 2018. № 2. С. 53–57.
2. Гуськова Е.Ю. Американские инструкторы готовят сербскую армию к вступлению в НАТО [14.07.2017] // Колокол России: интернет-газета [сайт]. – URL: <http://kolokolrussia.ru/evropa/amerikanskie-instruktor-gotovyat-serbskuu-armiu-k-vstupleniu-v-nato> (дата обращения 08.06.2018).
3. Документы, подписанные по итогам российско-сербских переговоров [19.12.2017] // Президент России [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5268> (дата обращения 08.06.2018).
4. Дунаев А. Через тернии к ЕС и НАТО? [06.09.2017] // Российский совет по международным делам [сайт]. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/cherez-ternii-k-es-i-nato/?sphrase_id=11841857 (дата обращения 08.06.2018).
5. ЕЭК и Республика Сербия обсудили ход переговоров по заключению соглашения о свободной торговле [19.12.2017] // Евразийская экономическая комиссия [сайт]. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-12-2017-1.aspx> (дата обращения 08.06.2018).
6. Заявления для прессы по итогам российско-сербских переговоров [19.12.2017] // Президент России [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/56418> (дата обращения 08.06.2018).
7. Мозель Т.Н. Тернистый путь европейской интеграции // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 4 (14). С. 6–19.
8. «Никакие санкции не вечны»: интервью президента Болгарии Румена Радева // Коммерсантъ. 2018. 21 мая.
9. Новая стратегия США на Балканах: «историческое примирение» против России [14.02.2018] // REGNUM [сайт]. – URL: <https://regnum.ru/news/2351470.html> (дата обращения 08.06.2018).
10. Пономарева Е.Г. Черногорский нарыв [28.10.2015] // Фонд стратегической культуры [сайт]. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/10/28/chernogorskiy-naryv-36377.html> (дата обращения 08.06.2018).
11. Премьер Македонии раскрыл новое возможное название страны [19.05.2018] // РБК [сайт]. – URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/19/05/2018/5b0082f49a794726213e9c5f> (дата обращения 08.06.2018).
12. Пресс-конференция по итогам российско-болгарских переговоров [31.05.2018] //

- Президент России [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57608> (дата обращения 08.06.2018).
13. Пшеничников И.Б. Стратегия Евросоюза по расширению на Западные Балканы: Запад завершает раздел Югославии [08.02.2018] // Российский институт стратегических исследований [сайт]. – URL: <https://riss.ru/events/47747/> (дата обращения 08.06.2018).
 14. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития: историко-политический справочник. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 480 с.
 15. Штоль В.В. Можно ли вправить «вывихнутый век»? // Обозреватель-Observer: научно-аналитический журнал. 2017. № 3. С. 5–13.
 16. Kosovo parliament ratifies border deal with Montenegro after stormy session [21 march 2018] // Reuters [website]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-kosovo-parliament-teargas/kosovo-parliament-ratifies-border-deal-with-montenegro-after-stormy-session-idUSKBN1GX1GB?il=0> (accessed 22.08.2018).
 17. Милорад Додик: БиХ нема шансе да успе, решење је у мирном разлазу две ентитета [8 јан. 2017] // Нова српска политичка мисао [website]. – URL: <http://www.nspm.rs/hronika/milorad-dodik-bih-nema-sanse-da-uspe-resenje-je-u-mirnom-razlazu.html> (accessed 22.08.2018).
 18. Strategy for the Western Balkans: EU sets out new flagship initiatives and support for the reform-driven region // European Commission [website]. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-561_en.htm (accessed 22.08.2018).

REFERENCES

1. Anashkina A.G. [The current state of Russian-Serbian relations and their development prospects]. In: *Diplomaticheskaya sluzhba*, 2018, no. 2, pp. 53–57.
2. Gus'kova E.YU. Amerikanske instruktory gotovyat serbskuyu armiyu k vstupleniyu v NATO [14.07.2017] [The American instructors prepare the Serbian army to join NATO [14.07.2017]] Kolokol Rossii: internet-gazeta [sait]. [The bell of the Russian online newspaper [website]]. Available at: <http://kolokolrussia.ru/evropa/amerikanske-instruktor-gotovyat-serbskuu-armiu-k-vstupleniu-v-nato> (accessed: 08.06.2018).
3. Dokumenty, podpisannye po itogam rossiisko-serbskikh peregovorov [19.12.2017] [Documents signed following Russian-Serbian talks [19.12.2017]] Prezident Rossii [sait]. [The President of Russia [web site]]. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5268> (accessed: 08.06.2018).
4. Dunaev A. Cherez ternii k ES i NATO? [06.09.2017] [Through the thorns to the EU and NATO? [06.09.2017]] Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam [sait]. [Russian Council on international Affairs [website]]. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/cherez-ternii-k-es-i-nato/?sphrase_id=11841857 (accessed: 08.06.2018).
5. Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya [sait]. [The Eurasian economic Commission [website]]. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-12-2017-1.aspx>.
6. Prezident Rossii [sait]. [The President of Russia [web site]]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/56418> (accessed: 08.06.2018).
7. Mozel' T.N. [The thorny path of European integration]. In: *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 2017, no. 4 (14), pp. 6–19.
8. «Nikakie sanktsii ne vechny»: interv'y u prezidenta Bolgarii Rumena Radeva ("No sanctions are not eternal": an interview with the President of Bulgaria rumen Radeva). In: *Kommer-sant'*, 2018, 21 May.

9. Novaya strategiya SSHA na Balkanakh: «istoricheskoe primirenje» protiv Rossii [14.02.2018] [New US strategy in the Balkans: “historical reconciliation” against Russia [14.02.2018]] REGNUM [sait]. [REGNUM [website]]. Available at: <https://regnum.ru/news/2351470.html> (accessed: 08.06.2018).
10. Ponomareva E.G. Chernogorskiy naryv [28.10.2015] [Montenegrin abscess [28.10.2015]] Fond strategicheskoi kul'tury [sait]. [Strategic culture Foundation [website]]. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2015/10/28/chernogorskiy-naryv-36377.html> (accessed: 08.06.2018).
11. Prem'èr Makedonii raskryl novoe vozmozhnoe nazvanie strany [19.05.2018] [The Prime Minister of Macedonia, have uncovered a new possible name of the country [19.05.2018]. In: RBK [sait]. [RBC [website]]. Available at: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/19/05/2018/5b0082f49a794726213e9c5f> (accessed: 08.06.2018).
12. Press-konferentsiya po itogam rossiisko-bolgarskikh peregovorov [31.05.2018] [Press conference following Russian-Bulgarian talks [31.05.2018]. In: *Prezident Rossii* [sait]. [The President of Russia [web site]]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57608> (accessed: 08.06.2018).
13. Pshenichnikov I.B. Strategiya Evrosoyuza po rasshireniyu na Zapadnye Balkany: Zapad zavershaet razdel Yugoslavii [08.02.2018] [The EU strategy on expansion to the Western Balkans: West completes a section of Yugoslavia [08.02.2018]. In: *Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy* [sait]. [The Russian Institute for strategic studies [website]]. Available at: <https://riss.ru/events/47747/> (accessed: 08.06.2018).
14. Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Konets XX [Central and South-Eastern Europe. The end XX]. the beginning of the XXI centuries, Aspects of political development: historical and political Handbook. M.; SPb., Nestor-Istoriya Publ., 2015. 480 p.
15. Shtol' V.V. [Is it possible to set “dislocated century”?]. In: *Obozrevatel'-Observer: nauchno-analiticheskii zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 5–13.
16. Kosovo parliament ratifies border deal with Montenegro after stormy session [21 march 2018]. In: *Reuters* [website]. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-kosovo-parliament-teargas/kosovo-parliament-ratifies-border-deal-with-montenegro-after-stormy-session-idUSKBN1GX1GB?il=0> (accessed: 22.08.2018).
17. Milorad Dodik: B&G nema shanse da uspe, reshene je y mirnom raslazu dve eniteta [8 jan. 2017]. In: *Nova srpska politichka misao* [website]. Available at: <http://www.nspm.rs/hronika/milorad-dodik-bih-nema-sanse-da-uspe-resenje-je-u-mirnom-razlazu.html> (accessed: 22.08.2018).
18. Strategy for the Western Balkans: EU sets out new flagship initiatives and support for the reform-driven region. In: *European Commission* [website]. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-561_en.htm (accessed: 22.08.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анашкина Алена Геннадьевна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России;
e-mail: anashkina423@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena G. Anashkina – PhD of historical Sciences, teacher of the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry;
e-mail: anashkina423@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Анашкина А.Г. Внешнеполитическая ориентация Балкан в контексте современных интеграционных процессов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 303–312.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-303-312

FOR CITATION

Anashkina A. Problems of foreign political orientation of the Balkans in the context of modern integration processes. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 303–312.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-303-312

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-313-326

ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ-КИТАЙ-ЯПОНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мартынова М.Ю.¹, Никопорец-Такигава Г.Ю.^{1,2}

¹ Российский государственный социальный университет
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, стр. 1, Россия

^{1,2} Кембриджский университет
Великобритания, Кембридж CB2 1TN, Тринити лейн, Олд Скулз

Аннотация. За последние годы отношения в рамках российско-китайско-японского треугольника становятся все более весомым фактором развития политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Япония и Китай, являясь важными частями региональной подсистемы, во многом определяют баланс сил в Восточной Азии. Принимая во внимание специфику отношений между этими странами, наличие неразрешенных конфликтов между ними, Россия стремится поддерживать стабильность в регионе, в том числе участвуя в совместных проектах – экономических, военных, научных и т.п. Конструктивный диалог в треугольнике стран Россия-Китай-Япония отвечает геополитическим целям нашей страны. В рамках сравнительной политики в статье исследуются тенденции российско-китайской и российско-японской взаимосвязей, а также их иерархии в стратегических интересах России. Авторы приходят к выводу о том, что в регионе постепенно формируется «постзападная» модель межстрановых отношений, которая учитывает интересы, особенности социально-политической и экономической системы входящих в нее государств, а также позволяет сглаживать конфликты между сторонами, способствует мировому развитию в целом.

Ключевые слова: внешняя политика России, российско-китайские отношения, российско-японские отношения, китайско-японские отношения.

RUSSIA-CHINA-JAPAN TRIANGLE: PROBLEMS AND PROSPECTS

M. Martynova¹, G. Nikiporets-Takigawa^{1,2}

¹ Russian State Social University
4, build.1, Wilhelm Pieck ul., Moscow, 129226, Russian Federation

^{1,2} University of Cambridge, The Old Schools
Trinity Lane, Cambridge CB2 1TN, UK

Abstract. In recent years the relationship within Russia-China-Japan triangle has become an increasingly important factor of the political situation at the Asia-Pacific region. Being important parts of the regional subsystem, Japan and China largely determine the balance of power in East Asia. Taking into account the specifics of these countries relations, the existence of unresolved conflicts between them, Russia seeks to maintain stability in the region, including participation in joint projects – economic, military, scientific, etc. Constructive dialogue in the triangle of Russia-China-Japan meets the geopolitical goals of our country. In the context of comparative

politics, the article examines the trends of the Russian-Chinese and Russian-Japanese inter-relations, as well as their hierarchy in Russia's strategic interests. The authors come to the conclusion that a "post-West" model of intercountry relations is gradually being formed in the region. This model takes into account the interests, features of the socio-political and economic system of its member states, and also helps to smooth out conflicts between the parties, and contributes to world development as a whole.

Key words: Russian foreign policy, Russian-Chinese relations, Russian-Japanese relations, Sino-Japanese relations.

Введение

По оценкам ведущих экспертов-международников, в последние годы растет значение взаимоотношений в треугольнике Россия-Япония-Китай в политической обстановке в АТР, и прежде всего в Восточной Азии.

Внешняя политика трех государств во многом определяет развитие восточноазиатской региональной системы безопасности в условиях, когда появляются новые угрозы, например, борьба за энергоресурсы, которая воспринимается международным сообществом как одна из самых острых в последнее десятилетие. В регионе периодически обостряются очаги напряженности, включая Россию, Китай и Японию.

Современные проблемы взаимодействия между тремя ведущими игроками в Восточной Азии оказывают серьезное влияние на баланс сил в регионе в целом. Причем в последнее время усиливается дипломатическая активность в отношениях между странами, сопровождаемая встречами на уровне глав государств и министров иностранных дел, созданием и запуском новых взаимовыгодных проектов в области экономического и культурного сотрудничества.

Целью исследования является изучение новейших тенденций и перспектив развития трехсторонних отно-

шений Россия-Китай-Япония, анализ путей реализации российских интересов в отношениях с этими странами.

Гипотезой исследования является предположение о том, что трехсторонние отношения России, Китая и Японии обладают одновременно «потенциалом конфликтности» и «ресурсом совместного развития», причем тенденции стабильности преобладают над тенденциями дестабилизации и отношениями соперничества. Это может служить основой взаимодействия для этих стран. Опираясь на оценки и прогнозы российских специалистов в области международных отношений и мирового комплексного регионоведения, можно предположить, что «несмотря на существующие проблемы и противоречия, объективно существующие тенденции глобализации и выгоды интеграции будут подталкивать страны к поиску компромиссных вариантов сближения и взаимодействия» [32, с. 133].

Следует отметить, что по вопросам отношений между тремя странами в постбиполярный период было опубликовано немало капитальных трудов как в России, так и на Западе. Исследуемая проблематика отражена в значительном количестве работ востоковедов, специалистов в области зарубежного регионоведения и международных отношений, посвященных

изучению современной внешней политики России, внешнеполитическому процессу на Востоке [2; 3], российско-китайских отношений [6; 7; 12; 19; 21; 30; 42], анализу российско-японских отношений [8; 25; 26; 33; 35; 36; 38; 39; 40], а также рассмотрению китайско-японских отношений [10; 11; 22; 23; 32]. Комплексному изучению трехсторонних отношений посвящен целый ряд работ российского ученого-япониста В.О. Кистанова [13; 15].

Требуют дальнейшего углубленного анализа проблемы дисбалансов и рисков во взаимодействии изучаемых стран. Отчасти такой анализ содержится в коллективной монографии «Дисбалансы транстихоокеанского пространства» (Отв. ред. В. В. Михеев, В. Г. Швыдко) [9]. Сделан прогноз изменений роли Китая в мировых, трансрегиональных и региональных проектах российскими учеными А.Д. Воскресенским, Е.В. Колдуновой, А.А. Киреевой [4; 5; 6; 7]. Новейшие узловые проблемы внешней политики Японии исследованы в работах В.О. Кистанова [16], Д.В. Стрельцова [33; 34; 35].

Дальнейшего исследования требуют вопросы взаимодействия в треугольнике Россия-Китай-Япония через их участие в региональных и международных организациях и трансрегиональных проектах сотрудничества. Определенный задел для этого создан некоторыми из уже перечисленных авторов, а также рядом других ученых [28; 31; 37], что позволяет в перспективе продолжить данное исследование, акцентируя внимание на анализе совпадения/противоречий политических, геополитических интересов трех стран в крупных международных организациях.

Методика

Для реализации исследовательской цели применен сравнительно-историко-генетический метод, позволивший рассматривать сходство политических интересов трех стран; сравнивать их внешнеполитические курсы и стратегии, фиксировать взаимовлияния. Данный метод также позволил учесть опыт трехсторонних отношений в истории международных связей. Еще во времена «холодной войны» изучение отношений между Китаем, США и СССР получило большое развитие. Современные исследователи продолжают изучать «глобальный треугольник» Россия-США-Китай [24].

В работе применено сочетание старых и новых подходов в теории международных отношений и мирового комплексного регионоведения для описания сложных систем международного взаимодействия и определения вектора их пространственно-временной эволюции. В частности, использованы разработки российских ученых [18; 43], которые пришли к выводу о том, что «новые условия полицентричного мира требуют не ужесточения геополитической конфронтации и борьбы за геополитический контроль над буферными пространствами, а консенсусной разработки взаимовыгодных региональных политик трансрегионального сопряжения региональных пространств» [4, с. 37].

Такой подход не исключает конкуренцию региональных и страновых моделей социально-политического устройства и политико-экономического уклада, но защищает ее от перерастания «в прямую геополитическую или тем более военную конфронта-

цию, способствуя переходу мировой системы в целом в более стабильное состояние через уменьшение нестабильности ее региональных и страновых сегментов» [4, с. 37].

Результаты

Хронологическими границами исследования стал период с конца XX в. по настоящее время. При этом авторы опираются на анализ проблем исторического прошлого в отношениях стран треугольника, обусловивших современную специфику межстранового взаимодействия.

Исследование было проведено в несколько этапов. На первом этапе были обобщены новейшие данные, характеризующие изменения в механизмах взаимодействия между Россией и Китаем, Россией и Японией, Китаем и Японией с учетом внутренней политики изучаемых стран, а также влияния на их взаимоотношения мировых и региональных процессов.

На втором этапе анализировались возможные направления дальнейшего развития двух- и трехсторонних отношений участников треугольника с учетом специфики нового стратегического момента в Азиатско-Тихоокеанском регионе, рассматривались имеющиеся прогнозы по данной проблематике, апробировались полученные результаты исследования.

Изучение отношений в треугольнике Москва-Пекин-Токио позволило в значительной степени подтвердить гипотезу о том, что для них характерны в большей степени стабильность, нежели дестабилизация. Государства «находятся в поиске компромиссных вариантов сближения и взаимодействия», учитывая при этом «объективно суще-

ствующие тенденции глобализации и выгоды интеграции» [4, с. 142].

Есть основания считать, что механизм взаимодействия между тремя странами будет совершенствоваться с учетом конструктивной региональной и страновой конкуренции, различиями в социально-политическом устройстве и политико-экономическом укладе. Такое развитие отношений в треугольнике, как и во всей Восточной Азии, возможно при эволюционном характере мировых трансформаций, поддержании политической стабильности в регионе.

Россия заинтересована в рамках восточного вектора своей внешней политики развивать взаимовыгодные отношения с соседними государствами, инициировать шаги по снижению напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, решению острых проблем на основе конструктивного диалога.

Реализации этой цели способствует развитие российско-китайских отношений, которые представляют собой сложную, многоплановую модель, включающую как перспективные проекты торгово-экономического, военного, культурного сотрудничества, так и элементы конкуренции.

Российско-японское взаимодействие динамично и весьма успешно. Характер диалога двух стран способствует укреплению системы безопасности в регионе, при этом гибкость выбранной Россией позиции, учитывающей интересы многих сторон, позволяет ей укреплять свой региональный и международный авторитет.

Китайско-японские отношения имеют характер более конкурентный, зачастую балансируя на грани

конфликта, связанного со спорными территориями. Тем не менее участие России в формировании региональной подсистемы – Восточная Азия в русле продолжения многосторонних переговоров и поддержания мира в регионе, может способствовать несиловому способу разрешения острых региональных проблем.

Обсуждение

Россия-Китай

По оценке российских и китайских экспертов, Россия и Китай на сегодняшний день имеют доверительные и равноправные отношения. По их мнению, «никогда раньше в мировой истории отношения Китая и России не имели такого значения для всех прочих стран» [20]. По их мнению, отношения России и Китая могут являться примером для других и стать инструментом достижения глобальной стабильности. Современные характеристики контактов двух государств отражают новый характер развития человечества как социальной общности на этапе «пост-западной» реальности, являются элементом эволюционных процессов в сложной системе мировой политики.

Политический запрос на развитие новой модели международных отношений явно улавливается в выступлении В.В. Путина на форуме международного сотрудничества «Один пояс — один путь»: «Многие прежние модели и факторы экономического развития практически исчерпаны. Протекционизм становится нормой, а его скрытой формой являются односторонние нелегитимные ограничения, в том числе и на поставку и распространение технологий. Идеи открытости, свободы торговли сегодня все чаще отвер-

гаются. Причем часто теми, кто совсем недавно выступал их поборником. Дисбалансы в социально-экономическом развитии, кризис прежней модели глобализации ведут к негативным последствиям для отношений между государствами, для международной безопасности» [27].

Подтверждением дальнейшего укрепления сотрудничества на фоне новых мировых возможностей и вызовов являются результаты встреч лидеров двух государств, которые открывают возможности для реализации взаимовыгодных проектов и участия в международных делах.

Китай выступил с инициативой евразийского мегапроекта «Один пояс – один путь», который является, по сути, возрождением Великого шелкового пути. Он предполагает вовлечение большинства стран Евразии в единое экономическое пространство [44; 45].

Современный Шелковый путь объединит в себе наземные транспортные коридоры, железные дороги и морские транспортные пути. Как отмечают российские и западные ученые, «в рамках проекта Китай перестраивает мировую торговлю и формирует геополитические связи». По их оценке, этот беспрецедентный и смелый по своим масштабам план включает в себя \$1 трлн. инвестиций в инфраструктуру более чем шестидесяти стран в Европе, Азии и Африке [29]. Россия, учитывая ее огромные пространства, запасы природных ресурсов, научный потенциал, должна стремиться играть в этом проекте первые роли.

Однако при всей масштабности планов сотрудничества, Россия и КНР не спешат заявлять о «стратегическом партнерстве», не замалчивают имею-

щиеся проблемы и стремятся сделать двусторонние отношения взаимно транспарентными. Это соответствует положениям современной теории международных отношений о том, что «наличие некоторых противоречий в отношениях – нормальное явление, ибо в основе внешнеполитической деятельности лежат интересы, которые неизбежно не во всем совпадают» [3, с. 467–468].

Причем некоторые российские эксперты предупреждают о том, что «Москве следует проявлять осторожность в торговых отношениях с КНР». По мнению доктора политических наук Алексея Воскресенского, «Китай намерен максимально привязать Россию к своей экономической системе, ограничив наши возможности. К сожалению, мы не можем выступить в качестве равного экономического партнёра Китая, потому что наш ВВП в четыре раза меньше ВВП Китая» [1].

Китай стремится стать лидером новой волны глобализации, формируемой по китайскому образцу с упором на экономическую эффективность и государственное вмешательство. Это стремление объясняет, почему сегодня страна выделяет сотни миллиардов долларов государственных займов на поддержание проектов других стран – Китай завоевывает новых друзей по всему миру. По оценке экспертов, Си Цзиньпин «намерен использовать богатство и промышленные технологии Китая для создания нового вида глобализации, который не будет подчиняться правилам устаревающих западных институтов. Цель — перестроить мировой экономический порядок и втянуть другие страны и компании в китайскую сферу влияния» [29].

США и многие их крупные союзники из Азии и Европы настороженно отнеслись к проекту, опасаясь играть на руку Китаю в достижении его стратегических целей. Со своей стороны, Россия, хотя, как отметил В.В. Путин, стремится «поймать «китайский ветер» в «паруса» своей экономики, при этом не может позволить втянуть себя в потенциальное глобальное противостояние КНР и США.

Россия и Япония

Среди японистов и других специалистов в области зарубежного регионоведения и международных отношений сложилось устойчивое понимание того, что «к настоящему времени России и Японии удалось создать новые отношения, которые по широте, глубине и интенсивности контактов не имеют аналогов во всей истории двусторонних связей. Они развиваются практически во всех сферах – политической, экономической, военной, правовой, экологической» [3, с. 508–509]. Причем, по свидетельству экспертов, наметившийся «тренд в сторону потепления российско-японских отношений всё активнее проявляет себя как самостоятельный фактор международной политики» [35].

Также многие ученые видят преимущества при установлении партнерских отношений между Россией и Японией, по сравнению с другими странами региона. Например, сложилось устойчивое мнение о том, что «обе страны не имеют нерешенных проблем исторического прошлого, подобных тем, что существуют в отношениях Токио с Пекином или Сеулом. Позиции России и Японии по всем основным проблемам международной политики близки

либо полностью совпадают. Обе наши страны хотя и не причисляют друг друга к числу политических союзников, не рассматривают друг друга как военную угрозу» [35].

Одним из факторов «потепления» в отношениях эксперты называют договоренность о совместной экономической деятельности на Курилах. Некоторые ученые обращают внимание на то, что конечная цель Японии – это получить все четыре острова Южных Курил. К числу подобных оценок относится, например, мнение руководителя Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН В. Кистанова о том, что по вопросу Курильских островов у Токио и Москвы противоположные позиции [14]. Другие эксперты считают, что Россия и Япония «смогут выработать формулу сотрудничества, при которой вопрос о территориях будет отделен от экономического взаимодействия» [23].

Политолог Сергей Михеев, комментируя итоги переговоров Синдзо Абэ и В.В. Путина, которые прошли в Москве 27 апреля 2017 г., выразил мнение о том, что сближению Японии и России способствовало усиление связей РФ с Китаем, поскольку между двумя восточными странами существует конкуренция [23].

В целом развитию отношений между Токио и Москвой способствует относительное ослабление региональной и глобальной роли обеих стран. Японией подъем Китая воспринимается как геополитический вызов, что подталкивает ее к выстраиванию таких отношений с Россией, которые бы позволили создать баланс интересов в регионе. Консолидации усилий обеих стран требует задача предотвращения

таких угроз, как терроризм, кибербезопасность, экологический кризис, борьба с последствиями стихийных бедствий в регионе.

Развитию двусторонних отношений способствует то, что с начала 1990-х гг. Япония не рассматривает Россию в своих военных доктринах в качестве потенциального военного соперника. Япония исключила из «Белой книги по обороне» и иных официальных документов положение о военной угрозе со стороны России.

Россия является для Японии важным экономическим партнером, обеспечивая поставки энергетических и других природных ресурсов, имеющих стратегическое значение. Со своей стороны, Япония поддерживает стремление России сделать регионы Сибири и Дальнего Востока активными участниками интеграционных процессов в АТР. Однако в связях с Россией «японское правительство в настоящий момент вынуждено искать золотую середину между желанием сохранить накопленный к настоящему времени позитив в отношениях с Россией, с одной стороны, и демонстрацией лояльности своему главному и единственному военно-политическому союзнику – Соединенным Штатам – с другой» [14].

Китай-Япония

Оценки авторитетных представителей экспертного сообщества в России позволяют заключить, что «Япония и Китай являются ключевыми акторами в регионе Восточной Азии, где они предстают в виде двух полюсов, определяющих региональный баланс сил и формирующих региональную подсистему международных отношений»

[32]. Помимо взаимного влияния, оба государства во многом определяют региональный контекст в целом. Китайско-японские отношения обусловлены рядом серьезных проблем, причем ученые, считая маловероятным, не исключают возможность их решения силовыми методами.

Исследователи выделяют следующие ключевые дисбалансы в японо-китайских отношениях:

- неравномерность и несогласованность по вектору развития двусторонних экономических связей, с одной стороны, и политических отношений – с другой;

- различия и элементы несовместимости во взаимном восприятии намерений и стратегических установок политических элит двух стран;

- дисбаланс между желанием Китая жестко обозначить свой растущий международный статус и стремлением Японии закрепить прежнюю иерархию;

- дисбаланс процессов эволюции исторического сознания и национального самоощущения, параллельно протекающих в двух странах [9, с.163].

Перечисленные дисбалансы приобрели дестабилизирующий характер, но не дошли до стадии критических. Усугубление дестабилизирующего действия ограничивается высокой степенью взаимного хозяйственного проникновения и зависимости.

Тем не менее проблемы исторического прошлого продолжают занимать большое место в современных японо-китайских отношениях [34]. Ярким примером тому стал спор из-за суверенитета над островами Сэнкаку/Дяоюй. По оценке российских японоведов, «тезис о «китайской угрозе» прочно

укоренился не только в лексиконе японских аналитиков, но и в японских официальных документах» [16].

Нормализация отношений между Токио и Пекином сегодня крайне необходима в условиях турбулентности, которая возникает в Азиатско-Тихоокеанском регионе в связи с наступлением эпохи Трампа во внешней политике США. Как отмечают ученые, смягчение напряженности в треугольнике США-Китай-Япония – в интересах стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [12].

Несмотря на то, что Япония стремится сформировать сеть из стран вокруг Китая, которая могла бы сдерживать растущую державу региона, сегодня мы наблюдаем признаки попыток перезагрузки отношений между двумя странами. Этому, например, свидетельствует заявление С. Абэ о готовности его правительства сотрудничать с инициативой «Один пояс, один путь» [41].

В целом сегодня в отношениях между Японией и Китаем сохраняются элементы нестабильности, прорывающиеся из политической сферы в экономику и обратно, серьезно осложняя двустороннее взаимодействие. В этой связи особой актуальностью обладает совершенствование механизмов укрепления доверия и урегулирования споров на ранней стадии. В сложившейся ситуации Россия может играть роль миротворца-посредника в решении проблемы китайско-японских отношений.

Выводы

Трехсторонние отношения Россия-Китай-Япония являются одним из ключевых факторов регионального и

мирового политико-экономического развития, претерпевают значительную эволюцию, внося значительный вклад в современную мировую политику.

Этот процесс накладывает серьезный отпечаток на геополитическую картину мира, формирует новые векторы мирового и регионального развития, корректирует общие представления о методах и технологиях реализации внешней политики отдельных стран и их блоков.

Формируется новая, «постзападная» модель международных отношений, которая максимально учитывает разнообразие интересов сторон, конкуренцию между странами, различия их социально-политического устройства и политико-экономического

уклада, накапливает разнообразные ресурсы, позволяющие смягчать или нивелировать конфронтацию между сторонами.

Россия, ориентированная на сотрудничество со странами Восточной Азии, включая Китай и Японию, нацелена на создание внешних условий для своего инновационно-технологического развития. Наша страна в отношениях со своими восточными партнерами заинтересована в последовательном углублении взаимного доверия, повышении репутации России в глазах граждан, экономических и политических элит государств, уважении национальных интересов.

Статья поступила в редакцию 05.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Н., Хлусова, К. Шёлковая сила: какие темы станут главными на форуме «Один пояс — один путь» в Пекине [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/389299-forum-pekín-shyolkovyi-put-glavnye-temy> (дата обращения: 05.08.2018).
2. Внешнеполитический процесс в странах Востока. М.: Аспект Пресс, 2011. 336 с.
3. Внешняя политика России. 1991–2016 / под общ. ред. и с предисл. акад. А.В.Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2017. 538 с.
4. Воскресенский А., Колдунова Е., Киреева А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 37–57.
5. Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе // Сравнительная политика. 2018. № 9 (3). С. 128–145.
6. Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990–2015) // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18). С. 32–53.
7. Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток/Запад, 2004. 447 с.
8. Гришачев С.В. (ред.) История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с.
9. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014. 320 с.
10. Загорский А. Япония и Китай: пути общественного развития в оценке японской историографии. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 193 с.
11. Каткова З., Чудодеев Ю. Китай – Япония: любовь или ненависть? Москва: Крафт+, 2001. 376 с.

12. Кинджа Д. Китай, который потряс мир. Москва: АСТ, 2010. 351 с.
13. Кистанов В. Россия-Япония-Китай: балансы и контрбалансы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/rossiya-yaponiya-kitay-balansy-i-kontrbalansy/> (дата обращения: 05.08.2018).
14. Кистанов В. Токио нацелился на все четыре острова Южных Курил [Электронный ресурс]. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201706281159-lxzz.htm (дата обращения: 05.08.2018).
15. Кистанов В. Треугольник Россия – Япония – Китай во внешней политике Абэ: территориальный аспект. Москва: ИДВ РАН, 2015.
16. Кистанов В.О. Узловые проблемы внешней политики Японии в 2016-начале 2017 г. // Япония – 2017. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 7–26.
17. Климентьев, М. России и Китаю необходимо укреплять сотрудничество, заявил Си Цзиньпин. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/politics/20170704/1497806672.html> (дата обращения: 05.06.2018).
18. Князева Е. Инновационная сложность. СПб: Алетейя, 2016. 608 с.
19. Корсун В. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. Москва: МГИМО, 2002. 195 с.
20. Косырев Д. Путин, Си Цзиньпин и неуправляемая Америка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/analytics/20170704/1497808145.html> (дата обращения: 05.08.2018).
21. Лукин В. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. Москва: Весь мир, 2013. 704 с.
22. Михеев В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. Москва : ИМЭМО РАН, 2009. 358 с.
23. Михеев В. Пусть Япония и Китай ревнуют друг друга, а мы на этом сделаем дивиденды. [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/news/miheev-pust-japonija-i-kitaj-revnijut-drug-druga-a-my-na-jetom-sделаem-dividendy_61056 (дата обращения: 05.08.2018).
24. Нагорный А. Глобальный треугольник: Россия-США-Китай. От разрушения СССР до Евромайдана. Хроники будущего. Москва: Книжный мир, 2015. 350 с.
25. Панов А. Россия и Япония. Становление и развитие отношения в конце XX – начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы). Москва: Известия, 2007. 311 с.
26. Панов А., Иванов И. и др. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития. МОСКВА: Спецкнига, 2012. 32 с.
27. Панюшкин К. 28 глав государств и правительств прибыли в Пекин на форум международного сотрудничества «Один пояс - один путь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-05-14/325241-28_glav_gosudarstv_i_pravitelstv_pribyli_v_pekina_na_forum_mezhdunarodnogo (дата обращения: 05.08.2018).
28. Парамонов О.Г., Пузанова О.В. Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997- 2017 гг.) // Сравнительная политика. 2018. № 3. С. 42–60.
29. Перлез Дж., Гаевский Ю. План Си. Китай собирается перевернуть мировой экономический порядок. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/articles/17207/> (дата обращения: 05.06.2018).
30. Портяков В. Становление Китая как ответственной глобальной державы. Москва: Институт Дальнего Востока, 2013. 239 с.
31. Син Л. Стратегия Китая и России в Шанхайской организации сотрудничества: сравнительный анализ. Сравнительная политика. 2017. № 8 (2). С. 98–107.
32. Стрельцов Д., Лунев С., Колдунова Е. В.В. Михеев. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 360 С. // Сравнительная политика, 2010. № 1 (2). С. 129–133.

33. Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Тихоокеанском регионе. Москва: Наука – Восточная литература, 2015. 295 с.
34. Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседами: истоки и эволюция политики / Д.В. Стрельцов // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 19–31.
35. Стрельцов Д.В. Российско-японская «дорожная карта» сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL:http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=957&Itemid=59 (дата обращения: 05.08.2018).
36. Торкунов А., Иокибэ М. и др. Российско-японские отношения в формате параллельной истории. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.
37. Федорченко С.Н. МВФ и социально-политические процессы на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 22–33.
38. Японский феномен глазами российских японоведов / под ред. И. П. Лебедевой, А. Н. Мещерякова, Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс. 2018. 400 с.
39. Brown, J. Japan, Russia and their Territorial Dispute. The Northern Delusion. London: Routledge, 2016. 176 p.
40. Ferguson, J. Japanese-Russian Relations, 1907-2007. London: Routledge, 2008. 304 p.
41. Nikkei. 05.05.2017.
42. Voskresensky, A. Russia and China: a theory of inter-state relations. London: Routledge, 2003. 336 p.
43. Voskresesnski, A. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 271 p.
44. Zhao, H. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia // Trends in Southeast Asia, 2015, no. 3, pp. 1–4.
45. Zhao, H. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // Trends in Southeast Asia, 2016, no 6, pp. 1–31.

REFERENCES

1. Alekseeva N., Khlusova K. Shelkovaya sila: kakie temy stanut glavnymi na forume «Odin poyas – odin put'» v Pekine [Silk power: what topics will be topical at the "One belt and one road" forum in Beijing [Electronic source]]. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/389299-forum-pekin-shyolkovy-put-glavnye-temy> (accessed: 05.08.2018).
2. Vneshnepoliticheskii protsess v stranakh Vostoka [The foreign policy process in the countries of the East]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2011. 336 p.
3. Vneshnyaya politika Rossii. 1991–2016 / pod obshch. red. i s predisl. akad. A.V. Torkunova [Russia]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. 538 p.
4. Voskresenskii A., Koldunova E., Kireeva A. [TRANS-regional and regional projects in terms of "postzapadnoy" international reality]. In: *Sravnitel'naya politika*, 2017, no. 2, pp. 37–57.
5. Voskresenskii A.D. [A new Pacific strategy: possibility or reality? The influence of "China factor" on the situation in Eurasia and the Asia-Pacific region] In: *Sravnitel'naya politika*, 2018, no. 9 (3), pp. 128–145.
6. Voskresenskii A.D. [Russian-Chinese relations in the context of the Asian vector of Russian diplomacy (1990–2015)]. In: *Sravnitel'naya politika*, 2015, no. 1 (18), pp. 32–53.
7. Voskresenskii A.D. Rossiisko-kitaiskoe strategicheskoe vzaimodeistvie i mirovaya politika [The Russian-Chinese strategic interaction and world politics]. Moscow, Vostok/Zapad Publ., 2004. 447 p.
8. Grishachev S.V. (red.) Istoriya rossiisko-yaponskikh otnoshenii: XVIII – nachalo XXI veka

- [(ed) the History of Russian-Japanese relations: the XVIII – the beginning of XXI century]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015. 336 p.
9. Disbalansy transtikhookeanskogo prostranstva / otv. red. V.V. Mikheev, V.G. Shvydko; IMEMO RAN. M [The TRANS-Pacific imbalances of space / editor-in-chief V.V. Mikheev, G.V. Shvydko; IMEMO. M].: Master, 2014. 320 p.
 10. Zagorskii A. Yaponiya i Kitai: puti obshchestvennogo razvitiya v otsenke yaponskoi istoriografii [Japan and China: in the Japanese historiography evaluation of their paths of social development]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., 1991. 193 p.
 11. Katkova Z., Chudodeev Yu. Kitai – Yaponiya: lyubov' ili nenavist'? Moskva: Kraft+ [China - Japan: love or hate? Moscow: Kraft+]. 2001. 376 p.
 12. Kindzha D. Kitai, kotoryi potryas mir [China, which shook the world]. Moscow, ACT Publ., 2010. 351 p.
 13. Kistanov V. Rossiya-Yaponiya-Kitai: balansy i kontrbalansy [Russia-Japan-China: balance and counterbalance. [Electronic source]]. Available at: <https://www.eastrussia.ru/material/rossiya-yaponiya-kitay-balansy-i-kontrbalansy> (accessed: 05.08.2018).
 14. Kistanov V. Tokio natselilsya na vse chetyre ostrova Yuzhnykh Kuril [Tokyo is targeting at all the four South Kuril Islands [Electronic source]]. Available at: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201706281159-lxzz.htm (accessed: 05.08.2018).
 15. Kistanov V. Treugol'nik Rossiya – Yaponiya – Kitai vo vneshnei politike Abe: territorial'nyi aspekt [The triangle Russia – Japan – China in Abe's foreign policy: the territorial aspect]. Moscow, IDV RAN Publ., 2015.
 16. Kistanov V.O. Uzlovye problemy vneshnei politiki Yaponii v 2016-nachale 2017 g. [The key problems of Japan] Yaponiya – 2017. Ezhegodnik [Japan – 2017. Yearbook]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017, pp. 7–26.
 17. Kliment'ev M. Rossii i Kitayu neobkhodimo ukrepyat' sotrudnichestvo, zayavil Si Tsin'pin. [Russia and China should strengthen cooperation, Xi Jinping said. [Electronic source]]. Available at: <https://ria.ru/politics/20170704/1497806672.html> (accessed: 05.06.2018).
 18. Knyazeva E. Innovatsionnaya slozhnost' [Innovative complexity]. SPb., Aleteiya Publ., 2016. 608 p.
 19. Korsun V. Vneshnyaya politika Kitaya na poroge XXI veka [China's foreign policy at the edge of the XXI century]. Moscow, MGIMO Publ., 2002. 195 p.
 20. Kosyrev D. Putin, Si Tsin'pin i neupravlyaemaya Amerika [Putin, Xi Jinping and the unruly America. [Electronic source]]. Available at: <https://ria.ru/analytics/20170704/1497808145.html> (accessed: 05.08.2018).
 21. Lukin V. Rossiya i Kitai: chetyre veka vzaimodeistviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects of Russian-Chinese relations development]. Moscow, Ves' mir Publ., 2013. 704 p.
 22. Mikheev V. Kitai – Yaponiya: strategicheskoe sopernichestvo i partnerstvo v globaliziruyushchemsya mire [China – Japan strategic rivalry and partnerships in the globalizing world]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2009. 358 p.
 23. Mikheev V. Pust' Yaponiya i Kitai revnuyut drug druga, a my na etom sdelaem dividendy [Let Japan and China be jealous of each other, and we will get the dividends. [Electronic source]]. Available at: https://tsargrad.tv/news/miheev-pust-japoniya-i-kitaj-revnuyut-drug-dруга-a-my-na-jetom-sdelaem-dividendy_61056 (accessed: 05.08.2018).
 24. Nagornyi A. Global'nyi treugol'nik: Rossiya-SSHA-Kitai. Ot razrusheniya SSSR do Evromaidana. Khroniki budushchego [Global triangle: Russia-USA-China. From the split of the USSR to Euromaidan. Chronicles of the future]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2015. 350 p.

25. Panov A. Rossiya i Yaponiya. Stanovlenie i razvitie otnoshenii v kontse XX – nachale XXI veka (dostizheniya, problemy, perepektivy) [Russia and Japan. The formation and development of attitudes in the end of XX – early XXI century (achievements, problems, perspectives)]. Moscow, Izvestiya Publ., 2007. 311 p.
26. Panov A., Ivanov I. i dr. Sovremennye rossiisko-yaponskie otnosheniya i perspektivy ikh razvitiya [Modern Russian-Japanese relations and prospects for their development]. Moscow, Spetskniga Publ., 2012. 32 p.
27. Panyushkin K. glav gosudarstv i pravitel'stv pribyli v Pekin na forum mezhdunarodnogo sotrudnichestva «Odin poias - odin put'» [Heads of States and governments arrived in Beijing for a forum of international cooperation "One belt and one road" [Electronic source]]. Available at: https://www.1tv.ru/news/2017-05-14/325241-28_glav_gosudarstv_i_pravitelstv_pribyli_v_pekin_na_forum_mezhdunarodnogo (accessed: 05.08.2018).
28. Paramonov O.G., Puzanova O.V. [Tokyo's Eurasian diplomacy: successes and failures (1997–2017)]. In: *Sravnitel'naya politika*, 2018, no. 3, pp. 42–60.
29. Perlez Dzh., Gaevskii Yu. Plan Si. Kitai sobiraetsya perevernut' mirovoi ekonomicheskii poryadok [Perlez J., Gajewski, Y. Plan Si. China is going to shake the economic order in the world. [Electronic source]]. Available at: <http://asiarussia.ru/articles/17207> (accessed: 05.06.2018).
30. Portyakov V. Stanovlenie Kitaya kak otvetstvennoi global'noi derzhavy [The emergence of China as a responsible global power]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka Publ., 2013. 239 p.
31. Sin L. [Strategy of China and Russia in the Shanghai cooperation organization: comparative analysis. Comparative politics], 2017, no. 8 (2), pp. 98–107.
32. Strel'tsov D., Lunev S., Koldunova E. V.V. Mikheev. [China – Japan strategic rivalry and partnership in the globalized world. Moscow, IMEMO ran, 2009. 360 p.]. In: *Sravnitel'naya politika*, 2010, no. 1 (2), pp. 129–133.
33. Strel'tsov D.V. Vneshnepoliticheskie prioritety Yaponii v Tikhookeanskom regione [Foreign policy priorities of Japan in the Pacific]. Moscow, Nauka – Vostochnaya literatura Publ., 2015. 295 p.
34. Strel'tsov D.V. [Problems of the historical past in Japan]. In: *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2014, no. 6, pp. 19–31.
35. Strel'tsov D.V. Rossiisko-yaponskaya «dorozhnaya karta» sotrudnichestva. [Elektronnyi resurs]. [Russian-Japanese "road map" of cooperation. [Electronic source]]. Available at: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=957&Itemid=59 (accessed: 05.08.2018).
36. Torkunov A., Iokibe M. i dr. Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii [Russian-Japanese relations in the format of the parallel history]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 1024 p.
37. Fedorchenko S.N. [The IMF and the socio-political processes in the post-Soviet space]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, T. 17, no. 1, pp. 22–33.
38. Yaponskii fenomen glazami rossiiskikh yaponovedov / pod red. I.P. Lebedevoi, A.N. Meshcheryakova, D.V. Strel'tsova [Japanese phenomenon through the eyes of Russian japanologist / ed. by I.P. Lebedeva, A. N. Meshcheryakov, D.V. Strel'tsov]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2018. 400 p.
39. Brown, J. Japan, Russia and their Territorial Dispute. The Northern Delusion. London: Routledge, 2016. 176 p.
40. Ferguson, J. Japanese-Russian Relations, 1907–2007. London: Routledge, 2008. 304 p.
41. Nikkei. 05.05.2017.

42. Voskresensky A. Russia and China: a theory of inter-state relations. London: Routledge, 2003. 336 p.
43. Voskressenski A. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 271 p.
44. Zhao H. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia. In: *Trends in Southeast Asia*, 2015, no. 3, pp. 1–4.
45. Zhao H. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate. In: *Trends in Southeast Asia*, 2016, no 6, pp. 1–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мартынова Марина Юрьевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и международных отношений Российского государственного социального университета;

e-mail: martynovamju@rgsu.net

Никипорец-Такигава Галина Юрьевна – Ph.D., канд.филол.наук, профессор Кембриджского университета (Великобритания), декан Гуманитарного факультета, зав. кафедрой политологии и международных отношений Российского государственного социального университета;

e-mail: Gn254@cam.ac.uk

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina Yu. Martynova – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Russian State Social University;

e-mail: martynovamju@rgsu.net

Galina Yu. Nikiporets-Takigawa – Ph.D. in Historical Sciences, Professor of Cambridge University (Great Britain), Dean of the Faculty of Humanities, Department of Political Science and International Relations, Russian State Social University;

e-mail: Gn254@cam.ac.uk

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мартынова М.Ю., Никипорец-Такигава Г.Ю. Треугольник Россия-Китай-Япония: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 313–326.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-313-326

FOR CITATION

Martynova M., Nikiporets-Takigawa G. Russia-China-Japan triangle: problems and prospects. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 313–326.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-313-326

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-327-330

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПОЛИТОЛОГИИ В РОССИИ: ЗАМЕТКИ О III-М СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ

Панов А.И.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SCIENCE IN RUSSIA: NOTES ON THE III CONGRESS OF THE RUSSIAN SOCIETY OF POLITICAL SCIENTISTS

*Moscow Region State University
24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

10–12 сентября в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова прошел III съезд Российского общества политологов, темой которого стало политическое образование в современной России и мире.

Работу пленарного заседания съезда открыл ректор МГУ академик В.А. Садовничий, являющийся членом Президиума Российского общества политологов. Выступающий отметил, что история изучения политических наук в России тесно связана с Московским университетом и берёт своё начало с 1755 г. Тогда по предложению М.В. Ломоносова в составе юридического факультета была образована кафедра политики. В первой половине XIX в. на факультете нравственных и полити-

ческих наук студентов обучали по отдельным специализациям – политика, дипломатика, политическая экономика.

Затем в истории изучения политики наступил сложный и противоречивый период. В СССР научное изучение политики проходило под строжайшим государственным контролем. В 1955 г. была создана Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук (САПН), переименованная в 1978 г. в Советскую ассоциацию политических наук (САПН). Важным событием в отечественной политологии стал прошедший в 1979 г. в Москве XI Всемирный конгресс политологов. Вместе с тем как учебная дисциплина и отдельная отрасль науки политология признана не была. Лишь в период

Перестройки, в 1989 г., политические науки были введены в номенклатуру научных специальностей. Начались защиты кандидатских и докторских диссертаций в разных вузах страны.

На III съезде Российского общества политологов было подчеркнута необходимость фундаментальности знаний для политологов и поставлена задача не только изучать настоящее, но и прогнозировать будущее.

Приветственную телеграмму Президента России В.В. Путина участникам Съезда зачитал первый заместитель руководителя Администрации Президента С.В. Кириенко, отметивший также необходимость создания специального грантового фонда (по примеру РФФИ) по поддержке общественно-политических наук. Думается, что такое решение давно назрело. В условиях информационной войны такой фонд мог бы содействовать развитию национальных исследовательских и образовательных проектов по актуальным проблемам политологии, стимулировать научную деятельность как крупных учёных, так и начинающих исследователей.

Живой интерес участников съезда вызвало выступление Председателя Центральной избирательной комиссии РФ Э.А. Памфиловой, которая рассказала об идее мобильного избирателя и необходимости разработки новых методов и механизмов политической социализации молодёжи.

Заключительное слово на пленарном заседании произнёс сопредседатель Российского общества политологов, декан факультета политологии МГУ А.Ю. Шутов. Он поблагодарил всех выступавших за поддержку профессионального политологического сообщества и призвал поднять каче-

ство научных исследований и уровень образовательных по общественно-политическим наукам. В заключении своего выступления А.Ю. Шутов презентовал репринтное издание книги Я.Ф. фон Бильфельда «Наставления политические» (1768 г.), являющейся первым российским учебником по политологии. Переиздание книги фон Бильфельда стало настоящей научной сенсацией, поскольку долгое время «праматерью» всех учебников по политологии в России считалась работа А.И. Стронина «Политика как наука» (СПб., 1872).

Вторую часть пленарного заседания провел сопредседатель РОП В.И. Якунин. Слово было предоставлено ведущим иностранным и российским ученым, среди которых оказались декан школы управления Пекинского университета Юй Кэпин (Китайская Народная Республика), профессор Института политологии Гёттингенского университета Петер Шульце (Германия), профессор Колледжа имени Патрика Генри Стивен Баскервилль (США) и др. С приветственным словом к делегатам съезда обратилась президент Российской Ассоциации политической науки, заведующая кафедрой сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации О.В. Гаман-Голутвина.

В следующие дни съезда проходила активная работа делегатов в рамках «круглых столов» и секций, где были подняты вопросы об обеспечении национальной безопасности в ракурсе политологического образования, о политическом просвещении граждан,

о государственной политике и управлении в условиях цифровизации, о политике исторической памяти в современной России, о месте политической науки в системе высшего образования России, формировании и развитии гражданской идентичности, об изучении зарубежного опыта политического образования, об образовательной политике на евразийском пространстве и о политической глобалистике, о современных подходах в изучении и преподавании мировой политики и международных отношений, о роли этнополитики в системе политологического образования и др.

В съезде Российского общества политологов приняли участие и представители Московского областного отделения РОП: доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права МГОУ А.И. Панов, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права МГОУ А.В. Абрамов.

Помимо секций и круглых столов на полях съезда прошли многочисленные организационные совещания представителей региональных отделений Российского общества политологов, представителей МолРОП (Молодежного отделения Общества), председателей диссертационных советов по политологии и главных редакторов политологических журналов. Съезд, таким образом, стал великолепной коммуникационной площадкой для российских и иностранных политологов, политтехнологов и экспертов.

В итоговом документе, принятом по итогам III съезда Российского общества политологов, среди первоочередных задач политологического сообщества России были обозначены:

- необходимость учреждения Ассоциации евразийских сравнительных политических исследований БРИКС и Евразийской ассоциации политологов;

- подготовка нового учебника по политологии на основе традиций российских политологических школ;

- разработка программы регулярной подготовки молодых учёных в рамках «Молодежного университета Российского общества политологов»;

- необходимость совершенствования образовательных программ высшего и среднего образования в части изучения российской внутренней и внешней политики;

- активизация работы по аналитическому обеспечению принятия решений органам государственной власти и местного самоуправления;

- участие экспертов Российского общества политологов в разработке Кодекса о выборах и референдумах в Российской Федерации;

- формирование цикла исследовательских и просветительских проектов по исторической памяти, изучению современных «войн памяти» и политизации истории;

- активизация работы со средствами массовой информации и различными целевыми аудиториями по политическому просвещению граждан и др.

Очевидно, что прошедший съезд Российского общества политологов стал ещё одним важным шагом в деле институционализации российской политологии, которая всё очевиднее приобретает свою национальную специфику.

Панов А.И.

Статья поступила в редакцию 20.07.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панов Анатолий Иванович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: ponchik.92@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly I. Panov – doctor of Psychological sciences, professor, professor of the Department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: ponchik.92@bk.ru



ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научных электронных библиотек (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2018. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 22,75, усл. п.л. 20,75.

Подписано в печать: 31.10.2018. Выход в свет: 07.11.2018. Заказ № 2018/10-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А